

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ И ОПТИКИ (ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ)**

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

Выпуск 8

**ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ
ДИСЦИПЛИН**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2003**

Выпуск содержит материалы XXXII научной и учебно-методической конференции СПбГИТМО (ТУ), посвященной 300-летию Санкт-Петербурга

Конференция организуется и проводится 4–7 февраля 2003 г. Санкт-Петербургским государственным институтом точной механики и оптики (техническим университетом) в сотрудничестве с

ВНЦ ГОИ им. С.И. Вавилова,
Институтом аналитического приборостроения РАН,
Институтом проблем машиноведения РАН,
Комитетом по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга
ВНИИМ им. Д.И. Менделеева,
ОАО "ЛОМО",
ОАО "Техприбор",
ОАО "Электроавтоматика",
ЦНИИ "Электроприбор".

Программный комитет конференции:

Васильев В.Н. (СПбГИТМО (ТУ)) – председатель

Аронов А.М. (ОАО ЛОМО)	Мирошник И.В. (СПбГИТМО (ТУ))
Викторов А.Д. (Администрация Санкт-Петербурга)	Мусалимов В.М. (СПбГИТМО (ТУ))
Гатчин Ю.А. (СПбГИТМО (ТУ))	Парамонов П.П. (ОАО "Электроавтоматика")
Гуров И.П. (СПбГИТМО (ТУ))	Пешехонов В.Г. (ЦНИИ "Электроприбор")
Индейцев Д.А. (ИПМаш РАН)	Путилин Э.С. (СПбГИТМО (ТУ))
Карасев В.Б. (ВНЦ ГОИ им. С.И. Вавилова)	Ханов Н.И. (ВНИИМ им. Д.И. Менделеева)
Козлов С.А. (СПбГИТМО (ТУ))	Храмов В.Ю. (СПбГИТМО (ТУ))
Колесников Ю.Л. (СПбГИТМО (ТУ))	Шехонин А.А. (СПбГИТМО (ТУ))
Курочкин В.Е. (ИанП РАН)	Яковлев Е.Б. (СПбГИТМО (ТУ))
Маслов Ю.В. (ОАО "Техприбор")	

Организационный комитет конференции:

Никифоров В.О. – председатель
Студеникин Л.М. – зам. председателя
Казар Л.Н. – ученый секретарь

Беспалов В.Г.	Ленский А.В.
Волков Д.П.	Метляков А.П.
Горкина Н.М.	Ноздрин М.А.
Гусарова Н.Ф.	Подлесных В.И.
Демин А.В.	Прудентова Т.А.
Коняхин И.А.	Савельева Л.П.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В свете достижений СПбГИТМО (ТУ) в области подготовки высококлассных специалистов (победы наших команд на международных соревнованиях по программированию стали, можно сказать, обыденным явлением) нельзя забывать о том, что в названии нашего вуза присутствует слово "университет". Между тем, согласно словарю иностранных слов, университет – высшее научно-учебное заведение, объединяющее в своем составе несколько факультетов, на которых представлена совокупность различных дисциплин, составляющих основы научного знания. Основы же научного знания – это не только знания в области специальных дисциплин, но и знания об окружающем мире, который состоит не только из природных и техногенных феноменов, но из отдельных людей, социальных групп, общества в целом, государственных институтов.

Разобраться во взаимодействии этих систем и тем самым адекватно реагировать на их изменения очень сложно, если не иметь представления об их истории, о возникновении и развитии социальных теорий, о различных вариантах решения важнейших этических вопросов, об особенностях традиционных способов коммуникаций. Все эти знания могут быть получены только при серьезном изучении гуманитарных наук, чем, безусловно, должен заниматься и любой специалист, уже получивший диплом о высшем образовании.

Гуманитарное знание всегда более или менее явно способствовало решению еще одной задачи – формированию жизненной позиции на основе определенных нравственных принципов. Система университетского образования, особенно в России, в этом смысле всегда отличалась своей воспитательной направленностью. Для преподавательского корпуса характерным было стремление выпустить не просто специалистов в определенной области знаний, а людей, которые всю жизнь будут чувствовать свою причастность к университетскому содружеству и в своей профессиональной деятельности руководствоваться общечеловеческими ценностями. Философия, история, филологические науки и другие гуманитарные дисциплины учат студентов самостоятельно формулировать вопросы и отвечать на них, что, безусловно, необходимо будущему специалисту в любой области.

Создание эффективной системы управления качеством образования в ИТМО невозможно без развития гуманитарной составляющей в процессе подготовки специалистов в технической и естественнонаучной сферах.

В сборнике "Проблемы гуманитарных дисциплин" представлены результаты научных изысканий и учебно-методические разработки преподавателей, аспирантов и соискателей гуманитарного факультета, которые могут использоваться в учебном процессе.

*С.Б. Смирнов,
декан гуманитарного факультета*

ЗАКАТ "ФАУСТОВСКОЙ" ЦИВИЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ БИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ТЕХНИКИ О. ШПЕНГЛЕРА

Н.М. Аль-Ани

Нет сомнений в том, что Освальд Шпенглер разработал свою технофилософскую концепцию, которую можно охарактеризовать как *биокультурологическую*, с позиции философии жизни в том ее варианте, который был сформулирован Фридрихом Ницше. Поэтому истоки техники он ищет и находит не в человеке и не в социуме, а в жизни или, точнее сказать, в "свободно передвигающейся жизни", т.е. в жизни животных, а не растений. "Свободно передвигающаяся жизнь" понимается им как борьба, и в ней, как во всякой борьбе, главной и решающей является тактика, поскольку только от нее, в конечном итоге, зависит решение судьбоносного вопроса: "претерпевать ли историю других или быть для других историей". Именно так он приходит к формулировке исходного положения всей своей философии техники, которая гласит: "*Техника есть тактика всей жизни в целом*".¹

Высшей формой "свободно передвигающейся жизни", по мнению О. Шпенглера, выступает именно хищник. Поэтому хищник, на самом деле, "означает максимум свободы от других и свободы для себя самого, ответственность перед самим собой, одиночество, предельную нужду в самоутверждении – в борьбе, в *победе*, в *уничтожении*". Он не нуждается в других, а полностью полагается только на свою собственную мощь, поскольку "чем меньше нужда в других, тем больше мощь". Он, как одинокое, а, следовательно, и мощное существо, "находится во вражде со всеми". Он не терпит никого равного самому себе, он не терпит чужого присутствия на своей территории, в чем, кстати, и заключается "корень королевского понятия *собственности*", так как "собственность есть та область, на которую распространяется ничем не ограниченная власть...". Хищник нуждается в жертве и возвышается своими "мощью и победой, гордостью и ненавистью". В отличие от него, травоядное животное самой своей судьбой предназначено быть только добычей, и от этой своей участи оно пытается спастись без борьбы, одним лишь бегством. Оно "покоряется, делается мелким и трусливым", а силу одинокой души стремится компенсировать "большим числом, стадом". Следовательно, тактика жизни травоядного носит сугубо оборонительный характер, тогда как жизнь хищника "наступательна, тверда, жестока, разрушительна". Исходя из всего этого, О. Шпенглер признает существование как "этики хищников", так и "этики травоядных". Подобное положение вещей нельзя, согласно его мнению, изменить, поскольку оно выражает собой внутреннюю форму, смысл, тактику всей жизни.²

К роду хищников принадлежит и человек. Он, как и все во Вселенной, подвержен изменению, становлению или, как выражается сам О. Шпенглер, – "преходящности", т.е. возникновению и исчезновению. Жизнь человеческого индивида, как, впрочем, и жизнь народа или культуры в целом, проходяща. "Всякое творение подлежит

---

¹ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX века. Антология. М., 1995. с. 457.

² Там же, с. 462, 463, 464.

гибели..."³ - утверждает О. Шпенглер, как бы перефразируя известное высказывание Г.В. Лейбница. В свете этого все разговоры о "вечных достижениях человека", а следовательно, и о так называемых вечных общечеловеческих ценностях, объявляются им пустой болтовней.

По мнению О.Шпенглера, нет "человека в себе", человека вообще, человека как такового. Существует только данный, конкретный человек, "только человек своего времени, места и расы", который либо берет верх, побеждает и, тем самым, утверждает себя, либо же, наоборот, покоряется в борьбе с данным ему миром. А эта борьба, собственно говоря, "и есть жизнь, а именно борьба в смысле Ницше, как воля к власти, свирепая, жестокая борьба без пощады". Точнее, она является "высшим смыслом жизни".⁴

И все же, согласно Шпенглеру, есть одно существенное, "гигантское различие" между "тактикой жизни" человека и "тактикой жизни" животного. Техника животного носит видовой характер, она является техникой вида. Она инстинктивна и поэтому не изыскивается, не овладевается индивидом посредством обучения. Животная техника безлична и неизменна, она не развивается. Животное не ведает ни прошлого, ни будущего и потому не обладает опытом и не знает заботы, поскольку его "мышление" приковано к "здесь и теперь". Однако ничего подобного у человека мы не наблюдаем. Человеческая техника, в отличие от животной, независима от жизни вида. Уникальность человека в данном отношении состоит, следовательно, в том, что "индивид выходит за пределы принуждения вида". Человеческая техника отличается тем, что является сознательной, умышленной, изменчивой, личностной и изобретательной. Поэтому можно сказать, что человек, в противоположность животному, является творцом тактики своей жизни, которая заключает в себе как его величие, так и его проклятие. А внутренняя форма творческой жизни как раз и составляет то, что, мы называем культурой.⁵

О. Шпенглер не сомневается в том, что человек как "изобретательный хищник" сформировался только благодаря появлению руки – этого "несравненного оружия в мире свободно передвигающейся жизни". Рука – это сосредоточие всей жизнедеятельности человека, поскольку она не просто "формирует осанку и движение тела в целом", но именно из ее "мысли" возникает практическое мышление, подобно тому, как из "мысли глаза" появляется теоретическое мышление. "К "мысли глаза" – понимающему острому взгляду крупного хищника, – говорит О. Шпенглер, – добавляется теперь "мысль руки". Из первого вырабатывается в дальнейшем творческое, рассуждающее, созерцающее мышление – "размышление", "мудрость"; из второго развивается практическое, деятельное мышление, хитрость, "рассудительность" в подлинном смысле слова. Глаз ищет причины и следствия, рука работает по принципам средства и цели. Ценностные суждения *действующего* относительно целесообразности или нецелесообразности не имеют ничего общего с истинным и ложным, с ценностями *размышляющего*, с истиной как таковой. Цель является *фактом*, тогда как связь причины и следствия – *истиной*".⁶

Рука, как все эпохальное во Вселенной, появляется "внезапно, вдруг, как землетрясение". Отвергая в связи с этим идею эволюции, которую английский естествоиспытатель Ч. Лайел пытался использовать для решения вопроса об общем характере геологических изменений, О. Шпенглер считает, что "медлительно-флегматичное изменение соответствует английской натуре, но не природе". Разделяя по

---

³ Там же, с. 414.

⁴ Там же, с. 460, 464.

⁵ Там же, с. 464, 465.

⁶ Там же, с. 465, 466.

данному вопросу точку зрения французского ученого-зоолога и палеонтолога Ж. Кювье и, по сути дела, твердо встав на позицию его "теории катастроф", он полагает, что "мировая история идет от катастрофы к катастрофе", которые после введения голландским ученым-ботаником Х. Де Фризом в научный оборот понятия "мутация" можно назвать "мутациями".⁷

Одновременно с рукой появляется и орудие. На данное обстоятельство, по словам О. Шпенглера, "ранее... никто не обращал внимания".⁸ Однако с подобным заявлением вряд ли можно согласиться хотя бы потому, что еще до появления самого О. Шпенглера на свете такие его соотечественники, как Л. Грегер, Л. Нуаре и Ф. Энгельс не просто "обращали внимание" на указанное обстоятельство, но и пытались всячески его исследовать и обосновывать.

Невооруженная рука сама по себе ничего, по мнению О. Шпенглера, не стоит. Она не может быть деятельной без оружия. Чтобы быть оружием, она сама нуждается в оружии. Рука и оружие (или орудие вообще) формировались одновременно по образу друг друга. Уникальная особенность человека как хищника состоит и в том, что он "не только избирает себе оружия", но и "его изготавливает согласно своим собственным соображениям". Именно благодаря этому он, собственно, и добился освобождения от "принуждения вида" и приобрел "ужасающее превосходство" в борьбе как с себе подобным, так и против всей остальной природы. Хотя инстинкт вида и сохраняет свою силу у человека, тем не менее, "от него отделились мышление и мыслящее действие", которое можно рассматривать как "деятельность мыслящей руки", названную О. Шпенглером "деянием". Поэтому "деяние" присуще только человеку, тогда как "деятельность" свойственна животному вообще.⁹

Оружие всех других хищников (кроме человека) *естественно*. Оружие же человека, наоборот, *искусственно*. Вот почему вместе с появлением вооруженного человеческого кулака "начинается *"искусство"* как *противоположность природы*". Любое человеческое действие или деяние, начиная от зажигания огня и кончая свершениями высших культур, "искусственно, противоестественно". Поэтому можно определенно сказать: "Вместе с рукой, оружием и личностным мышлением человек сделался *творцом*...". Он вырвал у природы привилегию творчества. "Уже "свободная воля", – говорит О. Шпенглер, – есть акт мятежа. *Творческий* человек выходит из союза с природой и с каждым своим творением он уходит от нее все дальше, становится все враждебнее природе". Именно в этом он видит "всемирную историю" человека, историю "рокового раскола между человеческим миром и Вселенной", историю "мятежника, переросшего материнское лоно и поднимающего на него руку". Однако трагедия человека как раз и состоит в том, что "природа сильнее" его. Дело в том, что он в любом случае "остается зависимым от нее, ибо она все охватывает, в том числе и его собственное творение. Все великие культуры являются поэтому столь же великими поражениями... Борьба против природы безнадежна, и все же она будет вестись до самого конца".¹⁰

В этих рассуждениях О. Шпенглера, несомненно, содержится элемент несогласованности и непоследовательности. И в самом деле, если техника есть тактика всей жизни, если ее мы наблюдаем у всех без исключения животных, у всей так называемой "свободно передвигающейся жизни", как же тогда она может быть *противоестественна* (даже у одного только человека). А если все же она *противоестественна*, тогда придется всю жизнь (или, по крайней мере, жизнь человека)

---

⁷ Там же, с. 466.

⁸ Там же, с. 466.

⁹ Там же, с. 466, 467, 468.

¹⁰ Там же, с. 468, 469-470.

признать и объявить враждебной природе, т.е. чем-то возникающим и существующим вопреки этой последней, наперекор и в противовес ей. И, естественно, в указанной ситуации человек оказывается чуждым природе явлением, полным ее отрицанием и отнюдь не ее творением. Однако коль скоро человек все же признается О. Шпенглером именно творением природы, то это непременно должно означать, что все человеческие творения есть, в конечном итоге, не что иное, как творения самой природы. И, следовательно, ни о какой противоестественности (в смысле прямого и буквального отрицания природы вообще) человеческих действий не может быть и речи. В указанном контексте "искусственность" этих действий и их результатов не должна означать ничего, кроме их простого отсутствия за пределами ноосферы или техносферы. Поэтому различие между "искусственным" и "естественным" может быть только условным или относительным, поскольку эти последние выражают собой различные моменты (аспекты) единого содержания – содержания природы, понимаемой в самом широком смысле слова.

Человек как собственное творение природы появляется на определенном этапе происходящих в ней изменений или "мутаций". С каких именно пор он существует, и сколь долго продолжался "век вооруженной руки" – трудно сказать. Однако, сколько бы ни продолжался этот первый исторический период существования человека, О. Шпенглер уверен в одном: сразу же вслед за ним последует вторая "эпохальная трансформация" или "подлинная мутация", при которой метаморфозе подвергаются "не инструменты, а человек". В результате данной метаморфозы появляется так называемая "планомерная деятельность многих". До этого человек был одиноким хищником, жил один и обходился без других. Однако такой образ жизни неожиданно меняется, и внезапно возникает коллективная человеческая деятельность, которая предполагает в качестве своего важнейшего средства – слово, речь. Следовательно, и язык как "абстрактная, внутренняя – грамматическая – форма речи..."¹¹ появляется также вдруг, внезапно.

Речь как средство общения, естественно, не монологична, а диалогична. Она появляется из таких простых форм, как поданных глазами или руками знаков, сигналов, жестов, а также из предупреждающих или угрожающих криков (все это до сих пор сопровождает и подкрепляет речь) и развивается до сложных форм общения посредством слов и предложений. При этом О. Шпенглер убежден: "Теоретическое размышление не играло почти никакой роли в происхождении речи. Всякая речь по своей природе практична, она происходит из "мышления руки".¹²

Деяние, которое осуществляется не отдельным индивидом, а многими людьми, О. Шпенглер называет "предприятием" (Unternehmen). "Речь и предприятие, – говорит он, предполагают друг друга подобно тому, как ранее – рука и орудие". Во всяком предприятии он различает "*замысел и осуществление*". Поэтому с его появлением возникают "*работа вождя и проводимая работа*", которые стали "основой технической формы всей человеческой деятельности на последующие времена". Следовательно, теперь "должен иметься тот, кто рожден руководить теми, кто вождем не является".¹³

Итак, "во всяком методе есть техника вождя и техника исполнителя, – подчеркивает О. Шпенглер, – а потому от природы есть безусловно приказывающие и подчиняющиеся субъекты и объекты политических или хозяйственных методов". В этом заключается основная форма, ставшая со времени указанной выше второй исторической трансформации, многообразной человеческой жизни. И именно эта

---

¹¹ Там же, с. 470, 471.

¹² Там же, с. 473.

¹³ Там же, с. 473, 475.

форма, которая "противоестественна, искусственна... и есть "культура". В свете всего этого болтовня о "природном равенстве всех" на самом деле оказывается лишенной всякого основания".¹⁴

Руководимое речью предприятие со временем накладывает "насильственное ограничение" на первоначальную свободу человеческого хищника. Она ведет к ограничению свободы как вождей, так и ведомых. Теперь все они "делаются членами большого единства", которое, согласно О. Шпенглеру, "мы называем организацией". Организацию поэтому он определяет как "бытийную форму любого предприятия". Так он приходит к своему выводу о том, что "вместе с деятельностью многих совершается решающий шаг *от органического к организованному существованию*, от жизни в *естественных* группах к *искусственным* группам, от стаи к народу, сословию и государству". Государство представляет собой "*внутренний порядок для достижения внешних целей*", а народ является зверем "с одной душой и многими руками", так как дух или характер свободного хищника непременно "передается от индивида к организованному народу". В связи с этим становится понятным, почему "человеческое право всегда есть право *сильнейшего*, кому должен следовать *слабейший*". Это, в свою очередь, объясняет, почему "есть народы, сильная раса которых сохраняет характер хищника – разбойничьи, завоевательные народы *господ*, любители борьбы с *людьми*, передоверяющие другим хозяйственную борьбу *против природы*, чтобы их грабить и покорять".¹⁵

Отвергая как неверные положения, согласно которым техника, якобы, сберегает труд, О. Шпенглер видит существенную особенность человеческой техники, отличающую ее от техники животных, и "в том, что каждое изобретение содержит в себе возможность и *необходимость* новых изобретений". Дело в том, что каждое удовлетворенное человеческое желание вызывает к жизни тысячи других. Это свидетельствует о том, что душа человеческого хищника "ненасытна, его воля никогда не удовлетворяется – таково проклятие, лежащее на этом роду жизни, но также и величие его судьбы".¹⁶

С точки зрения применяемых технических методов, по мнению О. Шпенглера, культуры можно подразделять на следующие три исторических типа. Это, во-первых, единая "культура вооруженной руки", которая существовала довольно долгое время и охватывала собой весь человеческий род в целом. Во-вторых, это многочисленные "культуры речи и предприятия", которые уже четко различались между собой и в которых "начинается противостояние личности и массы". И, наконец, в-третьих – это "высокие культуры", которые представляют собой собственно культуры, т.е. "культуры в узком и великом смысле слова", и которые "растут *независимо* друг от друга и одна за другой сдвигаются с Юга к Северу". Эти культуры появляются, начиная с III тысячелетия до н.э., а применяющиеся в них технические методы берут свое начало в строительстве египетских пирамид и шумерских зиккуратов. Данные методы "рождаются далеко на Юге и знаменуют победу над тяжелой массой, затем они проходят сквозь творения китайской, индийской, античной, арабской и мексиканской культур, движутся к фаустовской культуре II тысячелетия н.э. на высоком Севере".¹⁷

"Фаустовская" или западноевропейская культура, будучи победой "над тяжелой *проблемой* чисто технического мышления", является самой насильственной, страстной и трагичнейшей из всех высоких культур. При ней "воля к власти подчиняет себе все континенты, охватывая, наконец, весь земной шар своими средствами передвижения и

---

¹⁴ Там же, с. 475-476.

¹⁵ Там же, с.476, 477.

¹⁶ Там же, с. 478.

¹⁷ Там же, с. 480, 481.

коммуникации. Она *преображает* его насилием, своей практической энергией и неслышанностью своих технических методов". Поэтому неудивительно, что "фаустовский" человек стремится сам стать богом. А из этой фаустовской мечты проистекают, в свою очередь, все проекты машин, претендующие на реализацию "недостижимой цели *Perpetuum mobile*". И это понятно, ведь именно изобретение вечного двигателя возвело бы человека в ранг бога, поскольку "вечный двигатель был бы окончательной победой над Богом и природой (*deus sive natura*)...". Однако подобное безумие настораживает тех, кто совсем не одержим "этой волей ко всевластию" и находит ее дьявольской. Вот, собственно, почему "машин всегда боялись, считая их выдумкой дьявола". И, тем не менее, именно при "фаустовской" культуре вместе "с появлением рационализма "вера в технику" делается, чуть ли не материалистической религией: техника вечна и непреходяща, подобно Богу-Отцу; она освобождает человека, подобно Сыну; она просветляет нас, как Дух Святой. А молится на нее филистер прогресса – от Ламетри до Ленина".¹⁸

Ставя сильную личность во главу угла всей человеческой истории, О. Шпенглер полагает и то, что "все великие открытия и изобретения происходят из радости победы сильного человека. Они – выражение личности, а не думающей о пользе массы", которая, на самом деле, есть лишь пассивный наблюдатель. Не составляет в этом плане никакого исключения и машинная техника, которая после своего появления начинает, однако, функционировать и развиваться независимо от своего творца, исходя "из внутренней, душевной необходимости". Поэтому неудивительно, что "фаустовский" или "нордический" человек, создавая эту технику, со временем сам впадает в зависимость от нее, становясь рабом созданной им машины. "Творение, – пишет О. Шпенглер, – поднимается на творца. Как некогда микрокосм-человек поднимался на природу, так восстает теперь микрокосм-машина против нордического человека. Властелин мира сделался рабом машины. Она принуждает его, нас..., ведаем ли об этом или нет, ... идти по проложенному пути. Взбесившаяся упряжь влечет низвергнутого победителя к смерти".¹⁹ Словом, природа "мстит" человеку за отнятую у нее привилегию творения.

"Фаустовская" культура, как и всякая другая высокая культура, есть трагедия. Трагизм нашей технической цивилизации заключается, прежде всего, в том, что мы уже не в силах предвидеть последствия своей собственной деятельности. Вообще говоря, ни один изобретатель не в состоянии "правильно предсказать, каким будет практическое воздействие его деяния". Вместе с тем, необходимо отметить и то, что техника делается "эзотерической, как и высшая математика". Поэтому неудивительно, что "механизация мира" в конечном итоге привела к таким, изменившим облик нашей планеты и образ существующей на ней жизни, последствиям, как исчезновение огромных лесных массивов, серьезное изменение климата, истребление бесчисленных видов животных, катастрофическое сокращение численности "целых человеческих рас", поставив под реальную угрозу их дальнейшее существование. Следовательно, можно сказать, что "искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный. Сама цивилизация стала машиной, которая все делает или желает делать по образу машины".²⁰

Из-за всего этого многие предпочитают теперь бежать "от цивилизации в примитивные уголки Земли", "уходить в бродяги" или покончить жизнь самоубийством. А самое главное – "начинается бегство прирожденных вождей от машины". В связи с этим противостояние между вождями и ведомыми, крайне обостряясь, достигает своего "катастрофического уровня", вследствие чего бунт против

---

¹⁸ Там же, с. 481, 483-484.

¹⁹ Там же, с. 485-486.

²⁰ Там же, с. 487, 488.

машин – "бунт руки против своего удела" – в конце концов, оборачивается бунтом против организованной жизни вообще. Так деятельность многих, т.е. организованная жизнь, основой которой всегда служило различие между вождями (головой) и ведомыми (руками), оказывается подорванной снизу. Однако ситуация, при которой берет верх масса, является бесперспективной, поскольку масса как "отрицание самого понятия организации... нежизнеспособна".²¹

И все же самым серьезным признаком или симптомом предстоящего крушения европейской цивилизации является то, что О. Шпенглер называет "предательством техники". К XX столетию на нашей планете установилась, как он пишет, следующая ситуация: "Группа наций нордической крови под руководством англичан, немцев, французов и янки была хозяином положения... Прочие народы, будь они колониями или формально независимыми государствами, играли роль поставщиков сырья или покупателей". Подобное привилегированное положение указанных "наций нордической крови" находит свое объяснение в том, что они "были единственными владельцами не природных богатств, а методов и мозгов, обученных для применения этих методов", т.е. единственными обладателями всей совокупности научно-технических знаний. Однако к указанному времени, а еще точнее, начиная с конца XIX столетия, слепая воля к власти стала допускать роковые ошибки. "Вместо того чтобы держать в тайне технические знания, величайшее сокровище "белых" народов, – сокрушается О. Шпенглер, – им стали хвастаться и предлагать всему миру в высших школах, да еще гордились, глядя на изумление индийцев и японцев". Так вместо простого экспорта продуктов со временем приходит вывоз из западных стран "тайн, методов, инженеров" и даже изобретателей. В итоге оказывается, что "всем "цветным" открыты тайны нашей силы, они их постигают и используют. Японцы за тридцать лет стали первоклассными знатоками техники, доказав свое военно-техническое превосходство во время войны с Россией. У них могли бы поучиться и их учителя". Вне Европы и Северной Америки появляются, таким образом, весьма конкурентоспособные в силу низкой заработной платы промышленные центры, которые представляют собой смертельную угрозу для западной промышленности. В связи со всем этим, продолжая свои "причитания", О. Шпенглер заявляет: "Непременные привилегии белых народов промотаны, растрочены, преданы". И поскольку их противники в состоянии не просто достичь их уровня развития, но и превзойти его, то рано или поздно "начинается, – пророчествует он, – месть эксплуатируемого мира против своих владык". Против подобного сценария развития событий не стоит питать никаких иллюзий хотя бы потому, что сразу после первой "мировой войны цветные утратили и всякое почтение к белым". Во всем этом О. Шпенглер видит причину не только безработицы в западных странах, но и начало конца, т.е. начало грядущей катастрофы.²²

Итак, можно сказать, что "фаустовская" цивилизация будет низвергнута "цветными народами" при помощи "фаустовской" же машинной техники, которая им, однако, необходима только в качестве разрушительного средства. "Для цветных, – а в их число входят и русские – фаустовская техника, – уверяет нас О. Шпенглер, – не является внутренней потребностью. Только фаустовский человек мыслит, чувствует и *живет* в этой форме. Ему она *душевно* необходима. ...Для "цветного" она лишь оружие в борьбе с фаустовской цивилизацией, что-то вроде временки в лесу, которую оставляют, когда она выполнила свою роль". Поэтому вместе с "фаустовской" цивилизацией свой путь завершает и "фаустовская", машинная, техника. "История этой техники, – заключает он, – приближается к скорому и неизбежному концу. Она будет взорвана изнутри, как и все великие формы всех культур. Когда и как это произойдет, –

---

²¹ Там же, с. 489, 490.

²² там же, с. 486, 490, 491.

мы не знаем". Единственно, что остается "фаустовскому" человеку перед лицом такой неизбежности – это достойно принять удар судьбы. Только пустые мечтатели верят в существование выхода из столь безнадежной ситуации. Но "оптимизм является трусостью", как, впрочем, и все прочие так называемые идеалы. Следовательно, мы, рожденные в столь трагичное время, "должны смело пройти до конца предназначенный нам путь. Другого нет. Терпеливо и без надежды стоять на проигранных позициях – таков наш долг. Стоять, как тот римский солдат, чьи кости нашли перед воротами Помпеи, погибший, потому что ему забыли отдать приказ об отходе во время извержения Везувия. Вот величие, вот что значит быть человеком расы. Этот, полный чести, конец есть единственное, чего нельзя отнять у человека".²³ На такой, можно сказать, пессимистично-трагической и фаталистической ноте О. Шпенглер завершает свои рассуждения о технике, ее сущности и судьбе современной западной техногенной цивилизации, которые, несомненно, оказали определенное влияние на формирование технофилософских взглядов многих философов XX столетия – таких, например, как Х. Ортеги-и-Гассета, Н.А. Бердяев, Х. Шельски, Х. Сколимовски и другие.

В заключение позволим себе два замечания. Во-первых, мрачный прогноз О. Шпенглера о судьбе современной европейской цивилизации не оправдался (или пока, к счастью, не оправдался). Да, Япония превзошла "своих учителей" и в своем техническом и вообще экономическом развитии оставила далеко позади себя подавляющее большинство так называемых "нордических" стран. Сотворенное ею техническое и экономическое "чудо" пытаются сегодня повторить многие страны, такие как Корея, Китай, Индия, Бразилия и др. Однако что-то не видно, чтобы эти страны, некогда принадлежавшие к так называемому "эксплуатируемому миру", мстили или пытались мстить своим бывшим "владыкам" и использовать "фаустовскую" технику в качестве средства для разрушения и ликвидации "фаустовской" – западной – цивилизации. Как раз наоборот, мы наблюдаем, как, овладевая "фаустовской" техникой, они всячески пытаются "вписываться" в современную ("фаустовскую") цивилизацию. С другой стороны, можно констатировать и то, что, спустя три четверти столетия после "пророчества" О. Шпенглера, "нордические" страны продолжают по-прежнему лидировать в мире и, судя по всему, свое ведущее и определяющее на нашей планете место они пока никому уступать не собираются. Поэтому можно сказать, что "фаустовская" цивилизация вместе с "фаустовской" техникой продолжают, вопреки всем предсказаниям О. Шпенглера, функционировать и достаточно бурно развиваться. Во-вторых, трудно представить, что некоторые из приведенных выше высказываний О. Шпенглера (особенно те из них, которые имеют определенный "налет" расизма и возвышения европейских наций "нордической крови") принадлежат мыслителю, который одним из первых в XX столетии подверг, казалось бы, принципиальной критике идею европоцентризма и пытался развенчать ее. Это в известной мере свидетельствует о наличии элементов несогласованности (или даже противоречивости) между "ранним" и более "поздним" О. Шпенглером. Поэтому, несомненно, правы те авторы, которые говорили о противоречивом характере творчества этого философа (как, например, В.Ф. Асмус и др.).

---

²³ Там же, с. 491-492.

ПРЕДЕЛЫ ПСИХОЛОГИЗМА

В.А. Лобастова

В трактате "Психология с эмпирической точки зрения" Ф. Brentano положительно отвечает на вопрос о возможности познания реального, правда, с одной весьма важной и существенной оговоркой, которая состоит в том, что можно познать, и притом даже с очевидностью, реальную вещь, только понимаемую не как трансцендентно пребывающую за пределами сознания, а данную и переживаемую как феномен среди других разнообразных феноменов, составляющих психический опыт познающего субъекта. Психология, по мнению Ф. Brentano, достигает поставленной перед ней цели, столь значимой для обоснования науки как теоретического единства, а именно, психология открывает естественные законы мышления в процессе дескриптивного исследования психических актов сознания.

Однако, как замечает Э. Гуссерль, эти естественные и реальные законы мышления могут служить основанием не для всех, а только для реальных наук, которые, будучи эмпирическими, "с вероятностью устанавливают реально закономерные общие положения, относящиеся к сфере фактов".¹ Для прояснения познания необходимо, по мнению Гуссерля, принимать во внимание существенное "различие между идеальным и реальным законом, между нормирующим и причинным регулированием, между логической и реальной необходимостью, основанием".² И Гуссерль обязуется их строго придерживаться при построении феноменологии, призванной критически прояснить сущностную структуру интенциональных переживаний мышления и познания, а это означает, что феноменология пытается ответить на вопрос: как идеальное присуще реальному и каким образом оно в нем познается? Ведь для Гуссерля условием возможности познания является "способность идеально овладевать общим в единичном, понятием в эмпирическом представлении".³ Тем самым Гуссерль проводит четкую границу между эмпирическим и априорным знанием и формулирует идеальные условия возможности познания как такового.

Наряду с реальными или психологическими условиями возможности познания, выдвинутыми Brentano, среди которых существенным является наличие сознания и свойственного ему интенционального отношения к исследуемому предмету, существуют еще априорные условия возможности непосредственного и опосредованного познания, в качестве которых выступают идеальные законы, основанные на положениях, составляющих объективно-идеальное единство содержания познания. Для возможности существования реальных наук, осуществляющих свое исследование только в пределах эмпирического опыта, *a priori* необходимо существование идеальных наук, которые формулируют идеально закономерные положения, основывающиеся на истинных общих понятиях. Совокупность идеальных или эйдетических и дедуктивных наук составляет *mathesis universalis*, ядром которой является чистая логика, которая, как учение о видах и формах мышления, об идеальных значениях и основывающихся на них законах, образующих теоретическое единство, объемлет идеальные условия возможности науки вообще.

Невольно возникает вопрос, почему Гуссерль так настойчиво подчеркивает фундаментальную значимость идеальных наук для наук эмпирических, следовательно, почему проект теории познания, предложенный Brentano с психологической точки зрения, для Гуссерля кажется неубедительным? Конечно, полностью Гуссерль не

---

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Т.1 // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 229.

² Там же. С. 222.

³ Там же. С. 245.

отказывается от идей Brentano и даже находит среди них некоторые весьма значимые для прояснения возможности познания как такового, тем более что в основу своей феноменологии он кладет "чистую" дескрипцию. Однако "слабость" идей Brentano Гуссерль видит в психологизме, и поэтому он ставит перед собой цель найти аподиктические, т.е. несомненные основы познания и тем самым преодолеть психологизм. Здесь, пожалуй, уместно подробнее остановиться на том, в чем Гуссерль видел опасность психологизма для философского знания, которому еще Аристотель отводил основополагающую роль для любого знания, будь то теоретического или практического.

Вслед за Brentano Гуссерль определяет психологию как "опытную науку о психических свойствах и состояниях одушевленных реальностей", задача которой состоит в закономерном исследовании реальных связей процессов и состояний сознания. Эмпирическая наука покоится на некритическом повседневном опыте, в котором факты пребывают в одновременной и последовательной связи друг с другом. Эмпирическим обобщениям присуща неопределенность, а в законах, построенных на такого рода положениях, отсутствует точность, так как факты, непрерывно изменяясь в процессе познания, влекут за собой, во избежание противоречий, постоянные и неизбежные изменения и уточнения в их понимании. Таким образом, индукция как метод эмпирического познания обосновывает из единичных, случайных и неопределенных во времени фактов опыта всего лишь большую или меньшую вероятность истинности закона. Такого рода познание обладает относительным характером, следовательно, в его результатах всегда можно усомниться.

В рамках эмпирической науки всякое познание субъективно, так как, будучи одним из явлений сознания, подчинено его психологическим законам, а такие понятия, как истина и заблуждение, утверждение и отрицание, общее и частное, основание и следствие, также имеют психологический характер, ибо коренятся в познании как психическом переживании сознания. Вот с этим Гуссерль никак согласиться не может и всякое проявление психологизма в познании именуется скептическим релятивизмом, согласно которому истинно для всякого познающего субъекта то, что ему кажется истинным, тем самым опровергается точка зрения другого познающего субъекта. Правда, для того чтобы сохранить единство опыта, достаточное для удовлетворения потребностей практической жизни, которые основываются на общих представлениях и действиях, видовой или антропологический релятивизм допускает опять-таки весьма неопределенное обобщение, в котором мерой всякой человеческой истины оказывается человек как таковой.

Гуссерль соглашается с тем, что каждое познание покоится на опыте, однако не каждое возникает из него через индукцию. По мнению Гуссерля, "ассерторическая очевидность наличности единичного переживания не должна быть смешана с аподиктической очевидностью существования общего закона".⁴ Понятие по природе своей есть "надэмпирическое единство", представляющее собой идеальное единство вида, которое тождественно по отношению к многообразию возможных единичных случаев и к которому в любое время каждый может апеллировать. "Истинность или ложность неизменна, они являются свойствами соответствующих содержаний суждений, а не актов суждения".⁵ "Истина тождественно едина, воспринимают ли ее в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги".⁶ С точки зрения Гуссерля, именно логические понятия, положения и законы, обладающие всеобщим и необходимым характером, могут служить в качестве идеального основания для аподиктического,

---

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Там же. С.258.

несомненного познания, ничем не обусловленную чистоту которых Гуссерль стремится отстоять, создавая для этого "чистую феноменологию переживаний вообще".

Феноменологию Гуссерль определяет как область нейтрального исследования, в которой могут быть укоренены как эмпирическая психология, так и чистая логика. Предметом исследования феноменологии, равно как и психологии, является имманентная сфера сознания. Однако при рассмотрении многообразных актов сознания и их интенциональных коррелятов феноменология использует "чистую" дескрипцию, которую следует понимать как созерцание или усмотрение сущности, осуществленное при помощи интеллектуальной интуиции на основе иллюстрирующих единичных созерцаний, тогда как психологии свойственна эмпирическая дескрипция, представляющая собой естественное осуществление эмпирических апперцепций и полаганий. Феноменология "интуитивно анализирует и описывает в сущностной общности переживания представления, суждения, познания, которые психология понимает эмпирически как класс реальных событий относительно одушевленной природной действительности".⁷ Тем самым феноменология предстает в виде эйдетической науки или науки об идеальных сущностях и служит необходимым фундаментом для психологии, аналогично тому, как математика находится в основании естествознания.

В проведении дескрипции любого рода, будь то чистой или эмпирической, возникает затруднение, состоящее в том, что при осуществлении рассмотрения интенциональных переживаний или актов сознания важно постоянно удерживать взгляд в рефлексии, в которой "рефлектируются", т.е. превращаются в предметы, сами акты и их имманентное содержание. "В то время когда предметы созерцаются, мыслятся, как действительности полагаются в модальностях бытия, мы должны направлять теоретический интерес не на предметы, не их полагать как действительности, как они являются и значимы в интенциях тех актов; а напротив, именно те акты должны теперь становиться объектами схватывания и теоретического полагания, в новых актах созерцания и мышления должны мы их рассматривать, анализировать согласно их сущности, описывать, превращать в предметы эмпирического или идеирующего мышления".⁸ Следовательно, предостерегает Гуссерль, своеобразия и особенности, присущие предметам или интенциональным объектам, которые непосредственно являются или опосредованно полагаются в актах, не следует приписывать самим актам, как и их имманентным содержаниям.

Четкое уяснение различия в феноменологической среде между актами и не-актами приводит к ясному осознанию того, что всякое интенциональное переживание имеет содержание в двойном смысле, а именно, собственное имманентное содержание или единство значения и интенциональное содержание, идеальный смысл предметной интенции или единство предмета. Взаимосвязь этих двух содержаний одного и того же интенционального переживания имеет важное значение для прояснения идеи познания как такового. И вовсе не важно, какой объект интенциональное переживание может полагать, трансцендентный или даже несуществующий и невозможный, познавательный смысл такого полагания проясняется в самом переживании, а именно в его интенциональной природе.

С другой стороны, феноменология может служить также фундаментом для чисто логических разъяснений. Сущности, непосредственно схваченные в интуиции, и связи, основывающиеся в этих сущностях, феноменология дескриптивно фиксирует в понятиях и положениях, следовательно, проясняет основные понятия и идеальные

---

⁷ Husserl E. Logische Untersuchungen. 2. Teil. Halle, 1901. S.3.

⁸ Ibid. S.10.

законы чистой логики или приводит их к непосредственной очевидности, в которой они обретают ясность и отчетливость.

Подобно всем теоретическим идеям и положениям, логические понятия как "единства мысли" выражаются в языке. Необходимость феноменологического прояснения понятий и конституирующихся в них идеальных законов вызвана несовершенством языка, значения слов которого зачастую обременены многообразными двусмысленностями, благодаря которым в различных связях выражений значения, сопровождающие один и тот же логический термин, могут незаметно меняться, искажая тем самым идентичное содержание логических объективностей. Феноменология логических переживаний стремится прояснить логические понятия, имеющие общие значения как идеальные единства, которые, помимо всего прочего, обладают еще и познавательной функцией. Только при обращении "к самим вещам", явление которых в созерцании с непосредственной очевидностью совпадает с тем, что полагают значения слов в выражении, может быть достигнуто, по мнению Гуссерля, прояснение логических понятий, положений и законов, дающих познанию объективную значимость и теоретическое единство.

Итак, Гуссерль формулирует феноменологическую максиму, которой он собирается строго придерживаться в рамках феноменологического исследования. А это означает, что феноменология, как наука о эйдосах или чистых сущностях, будет воздерживаться от любого метафизического, естественнонаучного, психологического утверждения, могущего служить ей в качестве предпосылки. Тем самым Гуссерль выдвигает принцип беспредпосылочности исследований в области теории познания, которая стремится выявить идеальную сущность и смысл познающего мышления. Для феноменологии, по мысли Гуссерля, принцип беспредпосылочности означает "строгое исключение всех высказываний, которые полностью не могут быть реализованы феноменологически".⁹ "Феноменологический анализ свой смысл и гносеологическую ценность имеет независимым от того, имеется ли вообще нечто как люди и природа, или все это состоит только в воображении и возможности".¹⁰

Беглый просмотр узловых моментов феноменологического исследования показывает весьма обширный круг проблем, которые Гуссерль берется разрешить и которые, по сути дела, сводятся к задаче конституирования идеальных сущностей, способных служить в качестве аподиктической основы, на которой могло бы быть построено объективное знание. Так, по крайней мере, Гуссерль видит возможность преодоления психологизма в период написания трактата "Логические исследования" (1900-1901).

---

⁹ Ibid. S.19.

¹⁰ Ibid. S.22.

КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕЗИСА АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ (АНТИЧНЫЕ МОДЕЛИ)

Г.П. Любимов

В современной конфликтологии считается чуть ли не общим местом, что конфликт есть неотъемлемый признак развития социума, и проблема заключается в том, чтобы научиться прогнозировать и управлять им. За этой констатацией скрывается трезвый реализм, характеризующий всю совокупную историю человечества как историю конфликтов. Действительно, в истории было больше времени войн, чем мира, а современность демонстрирует все новые и новые формы и виды конфликтов. Как бы приходится признать (*volens nolens*), что человеку жить без конфликтов невозможно, и что бы он не предпринимал, все это, так или иначе, приведет к возникновению конфликта. Следствием этого будет заключение, что конфликт есть способ бытия человеческого сообщества, а то и мира в целом. Тем самым конфликт становится похожим, если не тождественным, судьбе с ее роковой неумолимостью и независимостью от любых человеческих намерений и действий. Такая онтологизация конфликта, как уже говорилось, позволяет исследовать его спокойно и рационально, не затушевывая и не закрывая глаз на его существование, скажем, из идеологических соображений. Признав конфликт в качестве атрибута бытия, можно делать акцент на познавательной стороне, на то, какими методами и способами следует адекватно анализировать и каким языком фиксировать возникновение, развитие и управление конфликтом. Задача теперь уже другая – не как научиться жить без конфликта, т.е. не допустить конфликт, ибо эту стратегию приходится признать бесполезной, а как научиться жить в условиях тотальности конфликтов. Конечно, современное положение дел существенно отличается от модели конфликта человека с судьбой в контексте мифа или древнегреческой трагедии, когда воля богов предрешает и делает пустыми любые человеческие поползновения преодолеть эти абсолютные императивы. Ныне признается, что конфликтами можно управлять, т.е., зная законы и механизмы их порождения и функционирования, в принципе (понятно, что в определенных границах), можно их генерировать или не допускать спонтанного возникновения и бесконтрольного протекания. Подоплекой такого подхода является сознательная или бессознательная уверенность в том, что любой конфликт поддается рациональному прочтению, что его основания рациональны, а потому и доступны человеческому интеллекту.

Однако обратим свой взор на материал истории философии с целью выяснить модели конституирования и понимания конфликта в разные исторические эпохи и, может быть, уяснить причины трансформации в их онтологических основаниях. Хорошо известно, что европейская философия возникает как попытка рационального постижения Космоса, когда место нуминозных сил занимает Логос – всеобщий космический закон. С определенной долей уверенности можно сказать, что феномен генезиса европейской философии есть разрешение конфликта между целью космогонического мифа отыскать предельные основания Космоса как проявление божественной воли и теогоническим законом, заставляющим богов бесконечно множиться. В результате оказывается, что Космос не имеет прочного, вечного и неизменного основания, ибо боги имеют происхождение, а их поколения сменяют друг друга. При этом все усилия верховного божества (Урана, Крона или Зевса) сохранить и представить свою власть как окончательную и последнюю оказываются тщетными, беспомощными в отношении к этому теогоническому закону. Предельные основания, которые расползаются, множатся, обладают частной мойрой, не могут претендовать на

статус предельных, ибо такового не имеют – такова подоплека возникновения философии в Греции.¹

Не случайно, что первые шаги античной философии как раз и направлены на редукцию, сведение многообразия родов и видов бытия к одному, единственному началу. Характерен для этой модели известные тезисы Анаксимандра: "Откуда вещи берут свое происхождение, туда же должны они сойти по необходимости; ибо должны они платить пени и быть осуждены за свою несправедливость сообразно порядку времени" или "Из чего же вещи берут происхождение, туда и гибель их идет по необходимости; ибо они платят друг другу взыскание и пени за свое бесчинство после установленного срока".² Это положение может быть истолковано как предельное онтологическое положение, говорящее о том, что любая попытка самовластья как отпадения от единого карается уничтожением. Пролонгированный на сферу социума, этот тезис утверждает карательные меры по отношению к любой попытке утверждения частности вне единого властного образования. Таким образом, намерение конфликтного вызова единичности общему получает необходимый ответ со стороны последнего как "осуждение несправедливости".

Нечто подобное можно увидеть и при рассмотрении основных позиций философии Парменида. Как известно, Парменид исходит из утверждения о существовании двух миров: мира подлинного с тождеством мышления и бытия и мира мнения, в котором этого тождества не может быть. В первом мире, замкнутом, не расколотом на части и неподвижном, не может быть никаких конфликтов. Это царство сути дела, совпадающего с мышлением и по форме, и по содержанию. Любое изменение внутри него означает только одно – мышление выпадает из зоны подлинного бытия и попадает в зону мнения. Только в этой зоне возможны конфликты, ибо она несовершенна, изменчива, подвижна, не может успокоиться в единственно возможной подлинности как истинности. Таким образом, конфликты конституируются как сфера изменчивых мнений, как сфера эмпирии и психологии, но не могут быть в сфере разумности как сути бытия. Совершенство бесконфликтно, разум как разум не допускает конфликта внутри себя, не антиномичен в себе и по себе, т.е. не содержит в себе противоположных оснований, столкновение которых и приводит к конфликту.

Гераклита с его известными положениями о всеобщем изменении и войне (полемосе) как всеобщем и обычном порядке, с акцентом на то, что все рождается через борьбу и по необходимости, часто интерпретируют как оппонента Пармениду и как мыслителя, явным образом говорящего о тотальности конфликта. Конечно, его изречение "война – царь всего и отец всего", что называется, прямо в лоб говорит об изначальности, онтологичности распри. Но следует ли из этого, что человек должен искать конфликты, искусственно стремиться к вражде? Следует напомнить, что не менее онтологичны и суждения Гераклита о всеобщей гармонии. Следует ли из этого, что человек должен искать компромиссы, некую сферу общих взвешенных интересов? Наконец, следует спросить: что же – полемос или гармония являются предельными основаниями бытия? Если рассмотреть концепцию мыслителя в целом, то, похоже, сам Гераклит не отдает предпочтения ни одной из сторон, ибо, в конечном счете, все едино для Логоса, все прекрасно и справедливо, а добро и зло – одно и то же. Получается, что сам полемос необходимо гармоничен, а гармония с необходимостью полемична. Это и есть предельные условия бытия или Логос в его конструктивной деструктивности и,

---

¹ См., например: Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. М., 1895; Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Ивест-ППИ, 1996.

² См. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. //Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., Высшая школа, 1991. С.28–29.

что то же самое, деструктивной конструктивности. Бытие проступает в этом полемосе-гармонии как условие своего самоутверждения. Ни борьба, ни гармония не самодостаточны в своей односторонности, только их внутренняя неразрывность оказывается подлинной. Попастъ в зону бытия означает одновременно способность мышления уяснить это изначальное единство и удержаться в нем. Видимо, на этих основаниях можно понять мысль Гераклита о бессмысленности для человека желать, искать и реализовывать свою жажду перемен к лучшему. Да, все течет, все изменяется, но не совершенствуется, а изменяется уж совсем не потому, что так хочет и действует человек, а потому, что так реализует себя Логос – постоянный, неизменный и неумолимый закон бытия. Война, как и гармония, неизбывны – вот вывод Гераклита, они предстают как сущностные моменты вечного круговорота, ибо "этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно..."³

М.К. Мамардашвили интерпретирует гармонию как условие свободного поступка, который "не вернется к тебе в виде разрушения условий твоего собственного существования".⁴ Достаточно интересное толкование. Однако следует заметить, что в этом случае усилия Я в состоянии превозмочь неумолимость распри как всеобщего закона и удержаться только в гармонии, что означало бы победу одной из сторон. Это исключает гераклитову идею вечного круговорота и, как возможное следствие, превращает его концепцию в версию исторического оптимизма, т.е. прогрессизма, чего у Гераклита не было. По его мнению, всякое исключительно самоутверждение, всякое обособление и отклонение непременно будет осуждено и наказано всеобщим законом. Нужен был тот известный поворот, который связан с деятельностью софистов и Сократа, чтобы оказался возможным сам контекст человеческого в философии.

Несомненно, что появление софистов и их концепций тесно связано с феноменом античной демократии. Политическое устройство полиса требовало от каждого гражданина (sic!) безусловного участия в его делах, давало гражданину чувство значимости и ответственности, кровной заинтересованности во всем происходящем в его городе. В связи с этим и тезис Протагора "человек есть мера всех вещей ..." может быть прочитан не как заявка на метафизический произвол и тотальную релятивность,⁵ а в сугубо политическом контексте. В этом случае речь будет идти о совершенно простом, очевидном и повседневном для каждого гражданина явлении – о сфере его полисной свободы и ответственности. Ведь только гражданин (свободный мужчина старше 20 лет, прошедший строгую проверку на получение прав гражданства) мог участвовать в политических делах своего города. Это его слово в соответствующем полисном учреждении могло получить силу закона и повлиять на текущую жизнь, а то и на будущее. Это его умение вести себя в духе полисных ценностей, держать себя "бодрствующе и вертикально" и создавало условия для стабильности и процветания его родины. В этом смысле отнюдь не случайно, да и не вызывающе звучит известное определение Аристотеля, который называет человека существом государственным, существом политическим.⁶ Из контекста ясно, что речь идет опять-таки о гражданине.

Что же нового для понимания моделей конфликта дает философский опыт софистов? Прежде всего, речь может идти именно о "земных" конфликтах, ибо темы божественные достаточно туманны и сложны, их следует, по замечанию Протагора,

---

³ Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. М., Наука, 1989. С. 239.

⁴ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., Аграф, 1997. С. 89.

⁵ См., например, Светлов Р.В. Сократ (эссе). // ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ (Материалы и исследования по истории платонизма), вып.2, СПбГУ, 2000. С. 7.

⁶ Аристотель. Политика // Аристотель, Соч. В четырех томах, т.4, М., Мысль, 1983. С. 379.

избегать. Сама эта позиция достаточно любопытна, ибо предлагает установить зону молчания, равнодушия, дистанцироваться от того, что недоступно для тебя. Это позволяет блокировать конфликт, или, как впоследствии скажет Эпикур, богам просто нет дела до людей, они не вмешиваются в нашу жизнь, а потому и конфликтов с этими, несомненно, существующими и могущественными силами быть не может. Что же касается конфликтов земных, то их существование вполне понятно, ибо люди живут в мире мнений, каждый может иметь свое суждение и высказывать его, а потому и может идти речь о том, чтобы одерживать победу в этом словесном споре. По сути, софисты обращаются к зоне языка, фиксируя его значимость и энергетику властного влияния. Живя в демократическом полисе, иначе и нельзя, если хочешь сделать карьеру и влиять на другого. Отсюда и многочисленные уловки, тонкие семантические наблюдения и рекомендации по применению языковых структур, которые могут помочь в этих намерениях.

Позиция Сократа совпадает с позицией софистов относительно фокусирования внимания к человеку и базовым условиям его бытия. Принципиальное отличие заключается в том, что, согласно Сократу, человек в состоянии достичь абсолютного знания, зафиксировать его в понятиях, чтобы следовать этому знанию в практических делах. Собственно говоря, причиной возникновения конфликта является незнание человеком сути дела, что бросает его в пучину разнообразных и противоположных суждений, а вместе с этим и столкновение интересов, намерений, поступков. Согласно Сократу, умный, знающий и умелый человек не может сознательно желать зла и совершать его. А зло, содеянное другому, и есть причина конфликта, ибо вызывает ответную реакцию. В этой концепции не допускается никакой возможности зазора или маломальского расхождения между знанием-истиной и практическим действием. Знание как бы оборачивается своей практической стороной, и смысл поступка совпадает с сутью дела, поступок опредмечивает ее без какого-либо искажения. По сути, это та же мысль Парменида о тождестве мышления и бытия, только перенесенная в мир мнений и реализованная в нем. Нет самого по себе подлинного бытия, которое было бы невозможным в этом подлунном мире. Разум человека вполне в состоянии постичь, что такое добро, красота, мужество, справедливость, и руководить нашими поступками. В качестве способа достижения этого знания Сократ предлагает диалог. Конечно, и это блестяще показал Платон в своих работах, диалог предполагает известное расхождение и даже противостояние мнений. Но именно в ходе его стороны в состоянии придти к некоторому общему мнению, если они заинтересованы в истине, а не в победе над оппонентом. Сам ход сократического диалога, на мой взгляд, поразительно напоминает гераклитову конструктивную деструктивность и, *vice versa*, деструктивную конструктивность. В этом процессе принимаются некоторые, кажущиеся поначалу несомненными, тезисы, которые потом подвергаются сомнению, уточняются или отбрасываются, чтобы, наконец, найти прочное и бесспорное основание. Таким образом, конфликт в споре оказывается непрямым условием поиска истины, но он непременно будет преодолен, когда истина будет достигнута.

Несомненно, что одной из наиболее интересных моделей понимания конфликта, предложенных античной мыслью, является модель Платона, рассматриваемая им в теории совершенного государственного устройства. Эта концепция является исторически первой философской концепцией коллективистского общества. Она отличается ясностью, последовательностью и хорошо продуманной аргументацией. Концепция эта была создана Платоном в середине его жизни (428–347 гг. до н.э.), изложена в диалоге "Государство". Он вернулся к ней еще раз в конце жизни в работе "Законы". Под **коллективизмом** условимся понимать такую социальную систему, которая стремится с помощью любых средств, включая и насилие, построить (или

перестроить) общество во имя единой цели, отрицая при этом автономию индивида. Соответственно, **индивидуализм** не стремится к такой единой и обязательной для всех цели и допускает независимость индивидов в широких пределах⁷.

Само по себе обращение Платона к коллективистскому типу государства как совершенному достаточно примечательно, если иметь в виду, что Древняя Греция, и, прежде всего, античная демократия являет собой исторический пример как раз индивидуалистического общества. Возможно, на его философию в целом, как и данную ее сторону, повлияла трагическая судьба Сократа.

Начнем с вопроса о причине возникновения государства. Государство возникает, говорит Платон, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается.⁸ Человек как индивид есть существо несовершенное. Он обладает многочисленными и разнообразными потребностями, но весьма ограниченными способностями для их удовлетворения. Итак, Платон исходит из потребностей, человек богат своими потребностями, ему многое хочется, а многое просто необходимо. В этом случае каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной из своих потребностей. Вот так и возникает человеческое общежитие – из чисто экономических надобностей! Или, как говорит сам Платон, "... испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства".⁹ Заметим, и это крайне важно, что Платон исходит не с точки зрения производителя, а с точки зрения потребителя. Говоря современным языком, в основе его размышлений лежит потребительная, а не меновая стоимость, удовлетворение потребностей, а не накопление капитала. А это значит, что работник должен приспособиться к делу, а не дело к работнику! А потому и создают государство наши потребности, а, следовательно, в государстве должны существовать многочисленные отрасли общественного разделения труда. И он подробно перечисляет их. Нужны не только те, кто добывает пищу насущную, а также строители жилья, ткачи, модельеры и пр., но и те, кто будет изготавливать соответствующие виды инструментов и орудия их труда. А эти последние нуждаются в тех, кто будет заготавливать исходный материал для орудий и инструментов. Нужны и транспортные работники, да и сами пути сообщения, причем как сухопутные, так и морские. Кроме того, ряд товаров, в силу их эксклюзивности, нам придется импортировать, а ряд своих – экспортировать. Вообще, само рассуждение Сократа со товарищи очень напоминает то, как komponуются современные компьютерные игры типа "менеджер", когда ставится задача некоего системного подхода. При этом задача не формулируется в терминах такого рода, но сам ход решаемых задач формирует именно такой подход – одна задача тянет за собой другую, распадается на ряд подзадач, а все вместе как раз и предполагает целостное решение. Вот и у Платона так же – весьма и весьма жизненно. Чтобы смочь экспортировать товары, да и вообще обменивать их или продавать на другие виды, необходим их излишек, что обуславливает потребность в рационализации ведения хозяйства или увеличении числа работников в наиболее выгодных его сферах. Развитая торговля требует особой деятельности посредников по купле и продаже, по импорту и экспорту – возникают соответствующие структуры. Торговля и обмен товарами как внутри страны, так и во внешних сношениях приводит к формированию рынка и возникновению денег – этого всеобщего эквивалента. Это, в свою очередь, приводит к возникновению немалого числа работников финансовой сферы, банкиров, менял, да и

---

⁷ См. Ивин А.А. Введение в философию истории. М., Владос, 1997, с.с. 8-9.

⁸ См. Платон Государство// Платон, собр. соч. в 4-х томах, т.3, М., Мысль, 1994, с.130.

⁹ Там же.

надобности контроля за этой сферой со стороны государства, ибо, конечно же, появляется соблазн "перечеканки монет", финансовых и иного рода сомнительных, а то и незаконных операций. Кроме этого, необходим еще один специальный слой наемных работников, продающих свою рабочую силу за плату. Это люди, как пишет Платон, которые "продают внаем свою силу и называют жалованьем цену за этот найм".¹⁰

Все эти группы (кроме контролеров со стороны государства) относятся к сфере производства или способствуют производству и реализации потребительских ценностей. Это низшее сословие – народ. Над ним возвышаются два высших сословия – стражей (силовые структуры) и правителей (менеджеров высшей квалификации). Они занимают свое место в этом дифференцированном обществе, выполняют свои функции в разделении труда. По большому счету, эти два сословия и составляют государство в собственном смысле этого слова. Платон это четко понимает, не случайно именно стражам и правителям посвящен весь диалог. Платон почти ничего не говорит о низшем сословии, оно его не интересует, они не управляют государством, не организуют его. Это – "молчаливое большинство", а задача государственных органов как раз в том и заключается, чтобы оно было и оставалось именно молчаливым и квалифицированно выполняло свою работу. А вот стражи и правители – это дело другое! Их труд особенно важен, представители этих сословий требуют особого воспитания, образования, особых навыков и умений. Следует обратить внимание, что при выделении этих сословий Платон меняет сам принцип деления. Низшее сословие разделено только по профессиональным признакам, видимо, их нравственный уровень один и тот же. Но именно нравственный критерий полагается им в качестве основного при выделении высших сословий. При этом Платон не устает повторять одну и ту же мысль – все три сословия в равной степени важны и необходимы государству для его процветания. Но может ли человек выбрать на свой вкус работу? То, что они важны и хороши по-своему, это бесспорно, но вот насчет "выбирай на вкус", – это, брат, шалишь! Отнюдь не всякую профессию ты можешь выбрать. Твой выбор может быть достаточно велик только в том случае, если ты представитель низшего сословия. Но отнюдь не всякий может стать стражем, а тем более правителем. В принципе, он допускает возможность рождения в семье простого труженика будущего стража или правителя. Но это досадный случай, это исключение из общих правил. Надо стараться не допускать этого всеми силами, ибо это как раз и может послужить разрушению гармонии государства как целого. Очень важно понять, что Платона интересуют именно интересы целого, а не частей. (В.И. Ленин будет рассуждать примерно так же: понять, какое звено в цепи является самым важным, и приложить все силы, чтобы, ухватившись именно за это звено, удержать всю цепь). Эта позиция Платона является следствием его философской концепции, прежде всего его онтологии – учения об идеях. Напомню, что Платон признает существование двух миров – мира идей как мира умопостигаемых сущностей, мира единичных образцов для мира вещей, который причастен к этому миру идей, но является только копией, подобием его. И, конечно же, как и всякая копия, этот мир несовершенен по определению. Платон же предлагает модель целостного и идеального государства – это сугубо умозрительное построение, можно назвать его и утопией, поскольку в реальной истории такого государства нет, да и быть не может. Все реальные государства являются копией идеального, но отличаются от образца той или иной степенью своего несовершенства. Платон – теоретик, его интересует сущность как таковая, схваченная в своих атрибутивных свойствах. Он пытается нам сказать, что самое главное для любого государства

---

¹⁰ Там же, с.133.

заключается в том, как оно управляется, на каких принципах и ценностных ориентациях базируется сама управляющая элита и почему оказываются возможными различные типы государственного устройства. Т.е. эти различные типы государственного устройства есть всего лишь последствия искривления в мире вещей, в мире реальной истории идеальных принципов, самого идеального государства как целостной идеи.

Поэтому он и выделяет и тщательно проговаривает четыре главные добродетели наисовершеннейшего государства. Это – мудрость, мужество, рассудительность и справедливость. Мудрость – это высшее знание, это способность практически непогрешимо управлять государством как целым во всех его многочисленных внутренних и внешних сношениях. В этом смысле мудрость оказывается и высшей охранительной силой, а потому она присуща только элите – правителям как совершенным стражам. В качестве таковых у него выступают философы, ибо только они в состоянии созерцать сокрытое от остальных царство вечных и совершенных идей, да и то как люди.

Мужество в качестве добродетели также свойственно сравнительно небольшому числу граждан, но таких граждан все же больше, чем мудрецов. По Платону, чтобы государство было мудрым, совсем не нужно, чтобы мудрецами были все, то же самое и относительно мужества. Чтобы государство было мужественным, достаточно, чтобы какая-то его часть была в состоянии хранить, воспроизводить, постоянно удерживать себя в состоянии мужества, а через себя и все государство как целое. Само же мужество заключается в знании и умении различать, что страшно, а что нет.

Рассудительность – это добродетель не особого сословия, а принадлежит всем гражданам совершенного государства. Рассудительность, в частности, проявляется в том, что граждане признают принятые в государстве законы и существующее правительство. Именно рассудительность позволяет гармонически согласовать лучшие качества граждан и держать в узде худшие.

Ну и, наконец, справедливость, вокруг обсуждения которой возникает и разворачивается весь диалог. Наличие этой добродетели подготавливается и обуславливается рассудительностью. Справедливость, точнее, установление и соблюдение ее позволяет сохранить выдержанное равновесие сил в государстве. Почему? Потому что Платон отдает себе отчет в том, что хотя интересы целого важнее, чем интересы частей, но целое все же состоит из частей: всякое сословие – это определенное количество людей, исполняющих соответствующие обязанности. Человек лучше всего исполняет свои обязанности, если он на своем месте, т.е. его природные способности соответствуют исполнению именно этого дела, причем дело это должно быть одним по числу. Платон против полифункциональности (многостаночников). Плюс к этому сам человек должен быть убежден в том, что это именно его дело, его место. "Мы установили..., что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен".¹¹

В этом, собственно, и состоит высшая справедливость. Если человек субъективно убежден в том, что он занимает это место по праву, оно его. И если объективно это обстоит именно так, то тем самым исключается сама возможность конфликта как внутри самого человека, так и межличностного конфликта по поводу карьерного роста, и, соответственно, конфликта между сословиями. Зачем земледельцу стремиться к власти, если это не его дело? Если он убежден в этом, а государство поддерживает в

---

¹¹ Там же, с. 205.

нем эту уверенность не тем, что показывает пустоту и бессмысленность его допуска к власти и не пускает его к власти, а тем, что воспитывает в нем отсутствие самой мысли о стремлении к власти ввиду полной непригодности данного субъекта к ней? Смысл же жизни такого гражданина заключается в том, чтобы приносить максимальную пользу государству и никакого вреда. А это возможно тогда, когда он занят своим делом, воспринимая его одновременно как дело государства. Т.е. процветание государства, его бесконфликтное состояние полностью зависит от того, насколько умело определено место и функции каждого в этой системе. По Платону, это никакое не ущемление прав и свобод гражданина, напротив, это устранение произвола и хаоса, идущего от незнания человеком своего места. В самом деле, как часто люди бывают глубоко экзистенциально несчастливы оттого, что не тем занимаются в жизни. Жизнь прожил, а делал не то, значит, зря прожил жизнь. В самом деле, ведь каждому очень хотелось бы узнать то, к чему ты предназначен, какое дело является твоим, твоей судьбой. Современные социальные институты не жалеют усилий и средств, чтобы хоть как-то выяснить это, например, используя многочисленные тесты, различного рода экспертов, психоаналитиков и т.п.

По Платону, тайна скрывается в природной предрасположенности человеческой души. Души бывают разные. У одного она разумная, у другого – яростная, у третьего – вожделеющая. Зачем человека делать воином-стражником, призывать его на воинскую службу, если у него совсем не яростная душа, а вожделеющая? Толку не будет, а недоразумение и вред вполне возможны. Плохо, если пироги станет печь сапожник, а сапоги тачать пирожник. Но куда как хуже и уже всем, если у кормила государственной власти окажутся неразумные люди! Платон и говорит, что от многочисленных конфликтов, дурных поступков, несчастливой жизни и несправедливости человек должен быть огражден именно тем, чтобы правильно знать, каков строй его собственной души, а, узнав это, ему следует позволить исполнять только эту одну-единственную функцию. Вообще, закрепить человека за строго определенной работой – отнюдь не проявление классовой, а в данном случае аристократической позиции, как это можно прочесть в критической литературе. Вспомним опыт недавнего прошлого нашей страны, хотя бы на примере популярной в свое время (70–80 гг.) телепередачи "От всего сердца". Суть передачи в том, чтобы закрепить, всеми силами убедить, что каждый рабочий человек занимает свое и весьма почетное место в ряду рабочих династий. Другое дело, что авторам этой передачи, разумеется, и в голову не могла придти мысль о создании подобного рода шоу в сфере высших сфер управления. По сути, все очень просто, ведь если в обществе все подвижно, динамично, то очень сложно планировать и управлять этими движениями неразумной души. Сегодня ей захочется одного, а не получилось, не мое – ничего страшного, завтра я попробую другое дело, потом третье – так и мыкается человек по жизни, внося сумятицу и не позволяя организовать целостный и сбалансированный организм государства на разумных началах. Но это уже иной тип государства, который ориентируется на индивида, а не на коллектив.

Возникает вопрос, а как определить эти особенности человеческой души? Вот это и есть дело мудрецов-правителей! Платон не описывает подробно эту сторону их деятельности, не показывает нам технологию, прагматику их селекции людского поголовья. Надо полагать, что это относится к разряду know how и сохраняется в тайне. В основе лежит та самая естественная мудрость, которая с необходимостью проявит себя и позволит именно мудрецам заняться этим щепетильным делом. Одно ясно: права на ошибку, права на эксперимент они, именно как мудрецы-правители, не имеют. В противном случае все начнет разваливаться, портиться, возникнут распри, и прощай, устойчивое процветание государства. Платон, повторяю, как раз и пытается прописать

такую теоретическую ситуацию, которая в принципе исключала бы саму возможность любого конфликта. Для него важнее даже не то, как правильно определить строй души, а то, чтобы каждый без всякого сомнения принимал экспертное заключение мудрецов. Чтобы решение это стало способом самоидентификации всякого гражданина, чтобы на вопрос "Кто ты?" – каждый, не задумываясь, называл свою профессию и гордо носил этот лейбл как свой собственный, как будто он сам себя и назначил, определил как носителя именно этой социально значимой роли, не имел бы сомнения, что он именно тот, кем себя сам он и представляет, что его самоопределение совпадает с его определением со стороны социума.

Не случайно, что он довольно много места уделяет технологии создания брачных союзов. Платон понимает, что в этой жизни очень многое зависит именно от разумности планирования и реализации этой разумности в реальности формирования семьи, пусть и временной. "Нечестиво было бы допустить беспорядочное совокупление...".¹² Нельзя пустить это дело на самотек, поручить его неразумности страстей, ведь того и гляди – получишь в результате массу конфликтов, массу несогласованностей людских характеров. Страсть, желание, вожделение не могут быть руководителями самих себя – неразумие рождает только неразумие, неопределенность, отданная на откуп самой себе, может породить только неопределенность, да еще и помноженную на неопределенность же! Т.е. мера энтропии в этом случае возрастает в геометрической прогрессии. А потому необходимо вмешательство мудрости, разумения, чтобы преодолеть все эти явно следующие деструктивные возмущения. Неужели можно поручить это **государственной** важности дело случаю?! Никогда!!! Со случая нельзя спросить, случай ни за что не отвечает, именно потому, что он – **случай**.

Как же это? Поместить объявление о желании встретить спутника жизни с последующим рождением наследника-**гражданина** в газете, на радио, ТВ? Это что – любой, всякий может вот так вот запросто заявить свои претензии на обладание государственно-значимым телом? Речь идет, конечно же, только о двух высших сословиях. А потому дело заключается не только в завладении телом как предметом биологического вожделения, но и жестом, голосом и словом – политически внятно звучащим словом, политически внятно выставленным и обозначенным. Речь идет о говорящем политическом теле и поэтому могущем повлиять на ситуацию самостности, состоятельности государства как такового. И не просто заявить претензии, это бы еще и ничего, хотя и такого рода заявление уже опасно. Но ведь нет гарантий, что эти заявления-претензии не станут фактом государственной жизни! – Никогда! Ни в коем случае нельзя этого допустить, ибо целое не может быть без своих частей, части существуют только как части целого, любое возмущение части рано или поздно приведет к изменению целого. А потому, чтобы заботиться о здоровье целого, нельзя допустить болезни его частей. Но, чтобы не заболели части, целое должно позаботиться об этом, зная, что оно, целое, заботится о самом себе, заботясь о своих частях. Как же сделать так, чтобы интересы целого (государства) исполнялись, ни в коем случае не допустив при этом возможности наималейшего сомнения в том, что они подменяют интересы (естественного физиологического, любовного влечения) граждан элитных сословий? Ведь это все же продвинутое в интеллектуальном и нравственном измерении люди. Нельзя, чтобы эти разумные мероприятия входили в конфликт с нормами разумности и нравственности. Получится "сшибка", непереносимое внутреннее напряжение, его никак нельзя допустить.

---

¹² Там же, с. 234.

Что же предлагает Платон? Вот тут он явно поделился с нами своим know how. Мудрецы, надо полагать, – своеобразный "департамент мудрости нравов" (я не хочу сказать – полиция нравов, ибо она только ловит и представляет к наказанию, но не управляет) – должны провести весьма кропотливую повседневную работу по четкому выявлению лиц, которые будут в состоянии родить государству нужных ему особей, живя при этом в гармонии и благодати. А затем нужно придумать, организовать, воплотить в жизнь, реализовать некий перформанс в виде праздника, дискотеки и т.д., на котором бы эти подходящие друг другу персонажи (с точки зрения разумности целого) якобы встретились бы случайно и признали бы друг в друге свою судьбу. Любовь может быть организована как разумная встреча, как подобранность, собранность и согласованность частей с позиций интересов целого. Нужно "учредить браки по мере наших сил"¹³. Священные браки – наиболее полезные.

Платон, мягко говоря, изумился бы пониманию человека как homo sexualis. В этом случае любовь может быть сведена к юмористическому ее прочтению как способности временно не замечать недостатки полового партнера. Далеко не случайно он использует мифологему гермафродита, которую можно истолковать как наказание за неумение узнать свою и только свою половину, а потом маяться всю жизнь в поисках ее.

А чего стоит его идея общности жен для стражей! Ведь это именно для того, чтобы каждый узнавал и признавал в другом своего, а не чужого: ибо этот другой может быть его близким родственником! "Почитай ближнего своего как отца своего!" А тут не просто ближнего, а любого из своего сословия! Какие уж тут конфликты, конечно если, как справедливо отмечает Платон, мы сумеем **воспитать** в гражданах это чувство всепроникающего кровного, жизненного единства.

Воспитанию и образованию Платон уделяет весьма много места. Он четко понимает, что человек станет таким, каким его воспитают с детства. А потому он весьма тщательно и скрупулезно исследует влияние мусического и гимнастического воспитания, их меру, взвешенность. Поясняет, почему в воспитании стражей не следует использовать лирическую, меланхолическую, расслабляющую музыку. Почему следует ввести жесткую цензуру в отношении любого вида искусств. Он понимает, что чем более велик творец, тем большее влияние он оказывает на публику, зомбирует ее, замещает в нем его самого своим восприятием, своими оценками. Искусство есть вымысел, а стремиться следует к истине. Чужие переживания неизбежно заразительны для нас. Может развиться сильная жалость, неумеренное сострадание, а мы должны уметь сохранять самообладание в любых случаях, нам следует повиноваться разуму, а не чувствам.

Подводя итоги, можно сказать, что в этой модели человек как единичное существо сугубо ограничен, а потому в принципе не может быть совершенным. Он, хотя бы отчасти, может преодолеть свое несовершенство, но только в составе целого (т.е. государства), выполняя при этом задачи целого как разумного в своих основаниях. Только в составе государства даже редкая, уникальная личность может развернуть свои способности и достичь "земного совершенства". Государство как целое, конечно же, выше индивида, хотя упадок и разложение государства полностью обусловлены несовершенством человеческой природы, т.е. зависят, в конечном счете, от способностей личностей (точнее, мудрецов, избранной касты, элиты). Наибольшее зло

---

¹³ Там же, с.234.

для государства – это то, " что ведет к потере его единства и распадению на множество частей".¹⁴

Платон мыслит в духе традиции разума, полагая, что разум в состоянии уяснить предельные основания бытия и транслировать их на обустройство человеческого общежития. Идеальная модель государства должна исключать любую возможность конфликта, ибо на территории разума конфликтов быть не может, это идеальное состояние тождества бытия и мышления. Само наличие конфликтов в реальной истории как раз и свидетельствует о том, что совершенное государственное устройство не существует, а всякое исторически конкретное государство есть искривление в этой идеальной модели.

---

¹⁴ Там же, с. 238.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

А.С. Милославов

Начиная с конца 70-х годов прошлого столетия в том разделе компьютерных наук (computer science), который получил название "искусственный интеллект" (далее – ИИ), происходило формирование нового направления исследований, получившее название "инженерия знаний". Основная идея, определяющая исследования в данной области, заключается в том, что прогресс в области ИИ будет достигнут на пути построения систем, "работающих со знаниями".¹ За прошедший до сегодняшнего дня период времени инженерия знаний превратилась в самостоятельную, почтенную сферу научных изысканий, в рамках которой сформировался свой терминологический аппарат, и четко определились основные проблемные направления деятельности специалистов. Одним из них является "представление знаний". Основной целью исследований в этой области можно считать разработку оптимальных принципов (моделей) организации (представления) информации для ее хранения и обработки вычислительной машиной. К настоящему времени сформировалось несколько основных подходов к решению проблемы представления, одним из которых является построение "логических моделей представления знаний".

Несмотря на большое число работ, посвященных разнообразным аспектам использования логических моделей представления, их построение и использование не было подвергнуто анализу в логико-методологическом плане. Специалистам в области компьютерных наук нередко свойственен сугубо эмпирический подход к решению стоящих перед ними проблем. В общем случае он сводится к выполнению следующего набора действий: создание программы, ее испытание, устранение недостатков в работе.²

Представляется, однако, очевидным, что если объектом исследования и моделирования являются такие сущности, как "интеллект" и "знание", то для успешного решения стоящих в области ИИ проблем необходимо ясное осознание философской и логико-методологической базы, от которой отталкивается исследователь.

Представленная работа преследует две цели. Во-первых, выявить метод построения логических моделей представления знаний. Этому посвящена первая часть работы. Во-вторых, сравнить с логико-методологической точки зрения логический подход к представлению знаний с другими подходами: продукционным, сетевым, фреймовым. Эти вопросы рассматриваются во второй части.

I

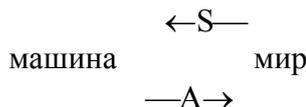
Чтобы рассмотреть возможность использования аппарата логики для представления знаний, предварительно необходимо дать описание взаимодействия информационной интеллектуальной системы, реализованной на ЭВМ, и мира, в котором система функционирует. Это позволит уточнить те методологические принципы, которые лежат в основе логического подхода к представлению знаний.

---

¹ В нашей работе мы не будем обсуждать вопрос, что понимают под термином "знание" специалисты в области компьютерных наук. Этот вопрос достаточно хорошо исследован как в отечественной, так и в зарубежной литературе. См.: Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М.: ИФРАН, 1993. 218 с.

² Такой незамысловатый принцип открыто декларируется, например, в работе Lenat D. , Feigenbaum. On the threshold of knowledge // Artificial Intelligence. 1991. V.47. P. 185—250.

Взаимодействие между ЭВМ и миром может быть представлено с помощью следующей схемы:

Стрелка S в схеме означает восприятие машиной информации о мире, стрелка A означает воздействие машины на мир, являющееся результатом обработки полученной информации. "Интеллектуальный агент вовлечен в бесконечную цепь восприятий реальности, вынесения суждений о ней и выполнения действий".³

Рассмотрим вопрос о том, что представляет собой мир с точки зрения восприятия его машиной. Информационная интеллектуальная система создается для решения задач. Решение любой задачи требует наличия информации о той части мира, к которой относится задача. Поэтому машине необходимо "знать" не то, что представляет собой весь мир, а только то, что представляет собой часть мира, которая имеет отношение к задаче.

Следует отметить также тот факт, что и в выделенной части мира машине должны быть предоставлены только те факты, которые необходимы для решения задачи. Набор этих фактов представляет конечное множество. Следовательно, мир можно рассматривать как некоторый конечный набор его состояний. Обозначим его через W .

В свою очередь, и машина может быть также рассмотрена как набор ее конечных состояний. Будем обозначать этот набор через M . Пусть m – одно из состояний множества M и пусть w – одно из состояний множества W . Кроме этого, пусть s обозначает один вход для поступления информации в машину из множества S входов. Наконец, пусть a обозначает один из множества A выходов машины. Теперь состояния машины и мира, а также входы и выходы машины можно связать следующим образом:

функция "воспр" отображает W в S ;

функция "пам" отображает $S \times M$ в M ;

функция "действ" отображает $S \times M$ в A ;

функция "возд" отображает $A \times W$ в W . (Для имен функций мы используем сокращения слов "восприятие", "память", "действие", "воздействие".)

Теперь поясним смысл предложенных функций. Обратим внимание на функцию "воспр". Она моделирует тот факт, что машина является восприимчивой не к каждому аспекту окружающего мира, а только к той информации, которая касается решаемой задачи. Функция "пам" моделирует поведение машины: состояние машины в любой момент времени является зависимым от предыдущих состояний и множества входных элементов. Следующая функция, "действ", описывает то, как ведет себя машина. Поведение машины зависит от ее состояния и от ее выходов. Наконец, последняя из предложенных функций, "возд", моделирует результат воздействия машины на мир. Этот результат зависит от действий машины (выходов) и текущего состояния мира. Данная схема отношения и взаимодействия между ЭВМ и миром была предложена Н. Нильсоном.⁴ Она является достаточно общей, чтобы охватить большинство возможных подходов к созданию интеллектуальных машин.

Как может быть истолкована представленная схема в рамках логического подхода к представлению знаний? Состояния машины в таком случае будут задаваться множеством предложений, например, логики первого порядка. Функция "пам" тогда преобразует одно множество предложений в другое множество под воздействием информации, поступающей извне. Тем самым меняется состояние машины.

³ Вудс У.А. Основные проблемы представления знаний // ТИИЭР. 1986. Т.74. N10. С.34

⁴ Nilsson N.J. Logic and artificial intelligence // Artificial Intelligence 1991. V.47. N1-3. P. 31-56.

Мир "для ЭВМ" является набором предложений, математической структурой, которая состоит из объектов, функций и отношений. Отсюда можно сделать вывод, что машина имеет дело не с самим миром, а с моделью мира.⁵

Отметим, что в основе методологии использования логической формы представления знаний в информационных интеллектуальных системах лежит философско-гносеологическая позиция, согласно которой окружающий интеллектуального агента мир является слишком сложным и разнообразным, чтобы его можно было полностью постичь. Интеллектуальный агент создает идеализированные модели, которые используются как инструменты для решения стоящих перед ним задач. Точность моделей всегда ограничена соображениями простоты и эффективности их использования. Требование к модели предъясняется только одно – она должна обеспечивать эффективное решение задачи. По этой причине одна модель может быть "более истинной", чем другая, если она обеспечивает более удовлетворительное решение. Могут также существовать несравнимые модели, приводящие к совершенно разным решениям.

При этом, однако, нужно помнить, что модель, какой бы удовлетворительной она ни была, всегда будет выражать лишь неполное знание об объективной реальности. Неполнота знания, выражаемого моделью, может быть вызвана хотя бы одной из следующих причин. Во-первых, окружающая действительность меняется с момента получения последних сведений о ней до момента окончательного формирования модели. Во-вторых, интеллектуальный агент за приемлемое время не может узнать о мире все, что он даже в принципе может узнать. Наконец, в-третьих, интеллектуальный агент может не обладать понятийным аппаратом, достаточным, для того чтобы описывать некоторые аспекты действительности, вследствие чего ограничиваются возможности создаваемых искусственных систем представления знаний.

Можно говорить о том, что деятельность конструктора системы включает в себя элемент "угадывания". Отмечая наличие этого элемента, Н. Нильсон указывает сходство в работе создающего интеллектуальную систему человека с деятельностью ученого. В частности, он пишет по этому поводу: "Наш конструктор в таком же затруднении, как и ученый; ученый воображает описания мира и постепенно очищает их, пока они не станут более полезными".⁶ Для обозначения "угадывания" Н. Нильсон использует термин "концептуализация".

При этом для каждого выделенного объекта мира в концептуализации создается объектная константа, для каждого выделяемого в мире отношения создается константа отношения, для каждой выделяемой в мире функции создается функциональная константа. Используя эти конструкции, а также синтаксис исчисления предикатов, можно составить множество предложений, которое будет выражать выбранную концептуализацию и то декларативное знание, которым, по замыслу создателя, должна обладать машина.

Теперь уточним, в каком смысле можно говорить о том, что набор предложений, записанный в языке исчисления предикатов, выражает знания о мире. Для этого необходимо определить понятия "интерпретация" и "модель" для предложений исчисления предикатов. Интерпретация состоит из: (1) приписывания отношения каждой константе отношений (предикату); (2) приписывания объекта каждой

---

⁵ Даже если учитывать возможный механизм для восприятия машиной окружающего мира, знание ЭВМ, все равно является знанием модели проблемной области, поскольку программа для распознавания образов, требующаяся в подобном случае, создается, во-первых, для различения не всех возможных предметов, а лишь необходимых для достижения поставленных целей, и, во-вторых, сама программа распознавания является записью на некотором языке и, следовательно, имплицитно задает некоторую языковую модель проблемной области.

⁶ Nilsson N.J. Logic and artificial intelligence // Artificial Intelligence. 1991. V.47. N1-3. P.36

объектной константе; (3) приписывания функции каждой функциональной константе; (4) процедуры для приписывания значений "истина" или "ложь" каждой замкнутой формуле. Последняя процедура, как известно, включает в себя оценку базисных атомарных формул, для чего используются упомянутые выше приписывания, и далее используются таблицы истинности для приписывания значений неатомарным формулам. Более сложной является оценка квантифицированных формул, но в данном случае ее можно рассматривать как основанную на интуитивном смысле кванторов.

Любая интерпретация, для которой все предложения во множестве оцениваются как истинные, называется моделью этого множества предложений.

Теперь можно следующим образом переформулировать задачу конструктора интеллектуальной информационной системы:

- 1) выделить в мире интересующие связи, объекты, функции;
- 2) использовать первопорядковое исчисление предикатов для выражения предполагаемой концептуализации, для этого:
  - а) указать интерпретацию выражений этого языка в терминах объектов, связей и отношений;
  - б) составить множество предложений языка так, чтобы интерпретация этих предложений оказалась бы моделью множества предложений.

Множество предложений составляет "базу знаний" информационной системы. Пусть оно обозначается Ψ . При создании интеллектуальной системы фиксируется начальное состояние базы знаний, выражаемое множеством предложений Ψ_0 . Если машина взаимодействует с миром, то упомянутая выше функция "пам" производит последовательность состояний машины, каждое из которых выражается множествами предложений $\Psi_0, \Psi_1, \Psi_2, \dots$.

Подводя итог, можно сказать, что интеллектуальная система, обладающая множеством предложений, "знает мир" в том смысле, что предложения допускают множество моделей. Это множество является, возможно, лучшим приближением картины мира, имеющейся у людей, создающих интеллектуальную систему, к тому, что действительно представляет собой мир в пределах решаемой задачи.

Необходимо отметить, что многое из сказанного может быть отнесено не только к представлению знаний на основе логики предикатов, но и к другим способам представления. При любом способе представления знания в декларативной форме самой главной, по сути дела, является проблема концептуализации. Действительно, изобретение предполагаемой модели подразумевает создание согласованного описания интересующей области действительности. Описание должно включать в себя, кроме явных объектов, функций и отношений, некоторые представления о мире, которые являются "интуитивными" или "общераспространенными", т.е. такими, которые в повседневной деятельности людей по решению разного рода проблем не высказываются явно, но предполагаются общеизвестными, а иногда не осознаются вообще. Для сложных предметных областей извлечение знаний подобного типа часто является непростой задачей. Особые трудности возникают при представлении таких сущностей, как процессы, события, цели, время. Часто оказывается сложным четко сформулировать знания о повседневном мире.⁷

Проблема концептуализации является актуальной для любой модели, используемой для представления знаний в искусственной интеллектуальной системе. Другое дело, что отправные точки для построения этих моделей могут быть различны. Для того чтобы указать отправные точки, лежащие в основе различных схем представления знаний и подтвердить наличие общей для всех схем проблемы

---

⁷ Н. Нильсон отмечает: «Решить, что сказать, труднее, чем сконструировать язык, на котором это будет сказано». См.: Nilsson N.J. Logic and artificial intelligence // AI. 1991. V.47. N1-3. P.41

концептуализации, рассмотрим в самом общем виде другие модели представления знаний и укажем их достоинства и недостатки. Это позволит, кроме всего прочего, дать более объективную оценку логических моделей представления.

II

Самой первой по времени и до сих пор наиболее распространенной является модель представления знаний, использующая правило продукций и называемая продукционной (или процедурной).

Продукция – это правило, имеющее вид "если [условие], то [действие]". Общую форму продукции можно представить следующим образом:

$$i, D, P, A \Rightarrow B, Q,$$

где $A \Rightarrow B$ – обычная продукция "если [условие], то [действие]", именуемая также "ядром продукции"; P – это условие применимости, т.е. некоторые внешние условия, определяемые фактами, не входящими непосредственно в A ; D – элемент, характеризующий сферу проблемной области базы знаний; Q – постусловия продукции, указывающие на те изменения, которые необходимо внести в базу знаний после реализации данной процедуры.

Продукционной системой называется любая совокупность продукций. Интеллектуальные системы, основанные на продукциях, предполагают наличие трех основных компонентов. Первый из них – это совокупность правил (собственно "система продукций"), составляющих "базу знаний". Вторым компонентом является память для кратковременного хранения информации ("рабочая память"). В рабочей памяти могут храниться предпосылки для решения конкретных задач, кроме того, в нее могут отправляться результаты выводов, полученные после применения правил. Третья составляющая систем, основанных на продукциях, – "механизм логического вывода". Являясь необходимой компонентой, он позволяет использовать правила либо в соответствии с содержимым рабочей памяти, либо в соответствии с информацией, поступающей из внешнего мира.

Пусть W , как и ранее, обозначает множество состояний внешнего мира, R – это множество состояний "рассуждающей системы", а K – это множество правил базы знаний. Д.А. Поспелов предлагает следующую классификацию продукций:

1) продукции типа $A_w \Rightarrow B_r$ – левая часть продукции содержит информацию, поступающую из внешнего мира, а правая часть выражает сведения о том, какие изменения произойдут в рассуждающей системе под воздействием поступившей информации; работа этого типа продукций влияет на ход рассуждений;

2) продукции типа $A_w \Rightarrow B_k$ – условная часть этого типа продукций содержит сообщения, которые следует зафиксировать в базе знаний;

3) продукции типа $A_k \Rightarrow B_w$ выражает процесс выдачи сообщений из базы знаний во внешний мир, например, в случае обнаружения противоречивой информации в базе знаний;

4) продукции типа $A_r \Rightarrow B_k$ – условная часть продукции описывает факты, полученные рассуждающей системой, которые необходимо зафиксировать в базе знаний (правая часть продукции);

5) продукции типа $A_k \Rightarrow B_r$ – этот тип служит для обмена информацией между базой знаний (условие) и механизмом вывода (действие);

6) продукции типа $A_w \Rightarrow B_w$ – этот тип называется "продукциями непосредственного отклика";

7) продукции типа $A_r \Rightarrow B_w$ – этот тип продукций описывает воздействие на внешний мир (B_w), порождаемое результатом работы рассуждающей системы (A_r);

8) продукции типа $A_r \Rightarrow B_r$ – это продукции, работающие внутри механизма логического вывода;

9) продукции типа $A_k \Rightarrow B_k$ – это процедуры, преобразующие знания в пределах базы знаний.⁸

Если рассмотреть предложенную Д.А. Поспеловым классификацию типов продукции с точки зрения схемы, описывающей взаимодействие интеллектуальной системы (машины) и мира, то можно проинтерпретировать эту классификацию в терминах схемы следующим образом. Для выражения функции "пам" служат продукции типов (1), (2), (4), (5), (8) и (9). Действительно, как было сказано, функция "пам", моделирующая поведение машины, выражает зависимость состояния машины от предыдущих состояний и множества входных элементов. Если рассматривать базу знаний машины как набор ее конечных состояний, то продукции типа (2) и (4) будут выражать указанную зависимость – состояние базы знаний будет изменяться под действием информации, поступающей из внешнего мира (продукции типа (2)) и из рассуждающего устройства (продукции типа (4)). Что касается продукции типов (1), (5), (8), то необходимо отметить следующее. В схеме внутренняя "работа" машины выражалась функциями "пам" и "действ". Функция "пам", по сути дела, моделирует работу "механизма логического вывода" (рассуждающего устройства) в интеллектуальных системах, основанных на продукциях. Поэтому, для того чтобы продукция типов (1), (5) и (8) можно было интерпретировать в терминах схемы, необходимо допустить наличие множества функций типа "пам". Продукции типа (1) будут пониматься как правила, выбирающие одну из функций типа "пам" при условии поступления той или иной информации из окружающего мира. Продукции типа (5) выбирают одну из функций множества "пам" в зависимости от информации, поступающей из базы знаний. Продукции типа (8) – это выбор функции из множества "пам", который зависит от информации полученной из самой машины вывода. Преобразования состояний машины могут происходить и вследствие информации, хранящейся в самой базе знаний, что выражается продукциями типа (9).

Кроме функции "пам", продукции типов (4), (5), (8), (9) могут пониматься также как выражающие функцию "действ", которая описывает поведение машины в зависимости от ее состояний и ее выходов. Кроме того, функция "действ" выражается продукциями типа (3), которые описывают то, какие сообщения выдаются из базы знаний.

Для выражения функции "воспр" в классификации Д.А. Поспелова служат продукции типов (1) и (2). Наконец, функция "возд", может быть выражена продукциями типов (3), (7) и (6).

Достоинства и недостатки моделей представления знаний основанных на продукциях, достаточно хорошо исследованы и описаны в литературе, например в работе "Представление и использование знаний".⁹ Ее авторы среди достоинств продукционной модели указывают следующие свойства:

- простота создания и истолкования отдельных правил;
- простота пополнения и модификации;
- простота механизма логического вывода.

Отмечая недостатки моделей этого типа, японские исследователи перечисляют такие отрицательные стороны, как неясность взаимных отношений между правилами, сложность оценки целостного образа знаний, низкую эффективность обработки, отсутствие гибкости в логическом выводе.

⁸ Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов. М., 1989.

⁹ Представление и использование знаний / Под ред. Уэно Х., Исидзура. М.: Мир, 1989.

Среди причин, по которым модели представления знаний, основанные на правилах продукций, получили широкое распространение, помимо перечисленных выше достоинств, имеющих технологический характер, следует также отметить гносеологическое основание, определившее широкое распространение продукционных моделей. Дело в том, что, по мнению многих исследователей, большую часть человеческих знаний можно представить в виде правил продукций.¹⁰

По этому поводу необходимо сделать несколько замечаний. Бесспорным представляется то, что все каузальные утверждения имеют в естественном языке форму выражения типа "если..., то...". С другой стороны, такую естественно-языковую форму выражения можно придать логическому отношению следования или булевой связке (импликации). Однако общеизвестен тот факт, что логическая (материальная) импликация (или отношение следования) не носит каузального характера в общераспространенном понимании причинно-следственной связи. Поэтому можно поставить вопрос о том, является ли правомерным использование правил продукций для выражения различного рода отношений (в данном случае причинно-следственной связи и отношения логического следования). Иначе вопрос можно поставить так: достаточны ли средства систем продукций для выражения тех знаний, которые могут быть представлены средствами логики?

Действительно, с одной стороны, логическая формула понимается машиной как процедура – на этом принципе основано логическое программирование. Кроме того, механизм вывода, основанный на модели логического программирования, с точки зрения математической структуры эквивалентен механизму вывода, основанному на модели системы продукций. Однако можно указать существенное отличие логической модели представления от продукционной. Оно заключается в том, что логическая программа имеет, помимо процедурной, декларативную семантику, основанную на теории моделей. Наличие декларативной семантики является выражением совершенно другого подхода к моделированию предметной области для представления знаний, чем тот, который лежит в основе моделирования с помощью систем продукций. Иначе говоря, в основании логических и продукционных моделей лежит совершенно разный принцип концептуализации. Действительно, если в основе продукционных моделей лежит описание трансформаций состояний предметной области, то отправной точкой для логических моделей являются истинные утверждения о предметной области. Когда используется логическая модель представления, конструктору-программисту интеллектуальной системы требуется просто сформулировать те утверждения, которые он считает истинными относительно предметной области, а затем перевести эти утверждения на язык требуемого логического формализма. При этом ему не требуется разделять в рамках программы те утверждения, которые выражают факты, и те, которые выражают общие законы (правила). Когда же используются продукции для представления знаний, конструктору необходимо, прежде всего, представлять себе трансформации, которые происходят в состояниях мира, для того чтобы представить их в форме правил продукций. Конкретные факты, в свою очередь, выносятся за пределы базы знаний и поступают в нее по мере необходимости. Таким образом, в продукционных моделях теряется единообразная форма представления знания о единичном (знание фактов) и знания общего (знание правил). Кроме того, правила в рамках процедурного представления не имеют внутренней связи между собой – они представляют как бы отдельные кванты знания, каждый из которых может быть активирован при поступлении соответствующих данных. В противоположность такому положению дел, в рамках логического подхода к представлению знаний мы имеем правила и факты, связанные вполне осмысленным образом, а именно, с помощью

---

¹⁰ См., напр.: Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов. М., 1989

конъюнкции, которая соединяет элементы множества предложений. Можно сказать, что логическая модель представления выражает знание в форме дедуктивной теории, в то время как процедурная – в форме набора правил, между которыми отсутствует внутренняя связь.

Таким образом, можно сказать, что продукционная схема представления не позволяет выразить все аспекты знания, представимые в рамках логических моделей.

Еще одной моделью представления знаний, используемой в интеллектуальных информационных системах, является сетевая модель, именуемая иногда моделью на основе семантических сетей.¹¹

В отличие от рассмотренной выше продукционной модели, где делается акцент на правилах преобразований, допустимых в описываемом мире, в семантических сетях внимание сосредотачивается на описании объектов мира и связей между этими объектами. Представление знаний семантическими сетями, по сути дела, является не более чем представлением простой структуры данных.

Рассмотрим те аспекты сетевых моделей, которые имеют отношение к логике.

Поскольку семантические сети представляют собой структуру данных, то важным моментом при построении сетей является выбор принципа, в соответствии с которым будет производиться структуризация данных. В качестве основных принципов можно указать следующие:

1) классификация – в соответствии с этим принципом объект (индивидуум) следует связывать с его родовым типом;

2) агрегация – эта ось связывает объект с его компонентами (частями);

3) обобщение – этот принцип используется для связи типа с более общим типом; это отношение между типами также называется is-a отношением и формирует иерархию типов (is-a иерархию);

4) разделение – эта ось группирует объекты и элементы отношений, представляя их так, что если разделение объектов А расположено в иерархии ниже разделения объектов В, то все, что явно представлено в В, явным образом представляется в А.¹²

Перечисленные выше принципы структуризации данных можно проинтерпретировать в логических терминах. Так, принцип, именуемый классификацией, является выражением отношения принадлежности индивида к какому-либо виду. В свою очередь, принцип, названный обобщением, выражает родовидовое отношение между понятиями. Ось, названная агрегацией, является выражением такой характеристики понятия, как содержание. Наконец, ось, именуемая разделением, может быть проинтерпретирована как выражение связи объема понятия и его содержания. Действительно, видовое понятие содержит в себе все признаки того рода, к которому оно принадлежит.

Из сказанного выше представляется очевидным, что для семантических сетей методологическим основанием является учение о понятии формальной логики. Это можно объяснить следующим образом. В основу представления знаний средствами семантических сетей, как отмечалось выше, положены индивидуумы и отношения между ними. В то же время методология семантических сетей претендует на то, чтобы простая совокупность данных превратилась в "структурированное знание". Но структурировать данные об индивидуумах означает предложить для них классификацию. Классификация всегда предполагает установление отношений типа "род-вид" и/или "целое-часть" между понятиями. Таким образом, чтобы

---

¹¹ Заметим, что первоначально семантические сети были задуманы как модель представления структуры долговременной памяти в психологии.

¹² См., напр.: Mylopoulos J., Levesque H. J. An Overview of knowledge Representation // On conceptual Modelling. Springer Verlag, 1984. P. 3–17.

структурировать данные об индивидах, оказывается необходимым при построении семантических сетей использовать учение о понятии из формальной логики.

Можно указать несколько моментов, в отношении которых сетевые модели представления знаний уступают логическим. Во-первых, это – невыразимость негативной информации. Использование языка логики, со своей стороны, позволяет представлять негативную информацию явным образом. Для этого применяется унарный союз "не-". Во-вторых, использование модальных, временных операторов и кванторов позволяет представлять достаточно тонкие оттенки информации, которые очень трудно (если вообще возможно) представить с помощью семантических сетей. Таким образом, можно сделать вывод, что использование логической модели позволяет представлять информацию, выражаемую на семантических сетях, но сетевая модель представления не обладает выразительными качествами логических моделей.

Рассмотрим еще одну из существующих моделей представления знаний – фреймовую (или объектную). Как известно, она была предложена М. Минским. Он также ввел основные термины, используемые в этой модели.

Ключевым элементом здесь является понятие фрейма. Фрейм – это структура данных для представления некоторого концептуального объекта. Информация, которая относится к фрейму, содержится в слотах. Слот – это составляющая фрейма. В системах, основанных на знаниях, все фреймы взаимосвязаны, при этом объединяются декларативные и процедурные знания.

Общая схема фрейма имеет следующий вид:

$$\{i, [v_1;g_1], [v_2;g_2], \dots [v_k;g_k]\},$$

где i – это имя фрейма, v_j – имена слотов, g_j – значения слотов. Если значения слотов не определены, то фрейм называется фреймом-прототипом.

Нас будут интересовать объектные модели только в аспекте сравнения их с моделями логическими. С этой точки зрения необходимо указать на две, на наш взгляд, важные проблемы. Первая из них может быть названа "проблемой информационной эквивалентности" и состоит в следующем. Являются ли фреймы такой схемой представления, которая позволяет представлять информацию, не выразимую средствами языка логики? Известно, что фреймовые модели были предложены М. Минским в качестве альтернативы логическому подходу к моделированию мышления. Это выражается в том, что связанные с фреймовым представлением законы вывода не обладают той строгостью, которая присуща правилам логического вывода. Отсутствие строгости диктуется только соображениями эффективности. По-видимому, для объектных представлений можно было бы развить системы выводов, эквивалентные использованным в логике предикатов. Однако синтаксис таких систем оказался бы весьма громоздким, что лишило бы объектное представление тех достоинств, ради достижения которых оно создавалось.¹³

В том, что информацию, содержащуюся в фрейме, можно представить формулой или набором формул логики предикатов, нет ничего удивительного. Фреймовое представление – это способ описания ситуаций, объектов и сущностей другого рода. Но, как известно, логика предикатов была развита на основе анализа естественного языка и по этой причине может быть моделью для их построения. Из того, что ситуации, объекты и другие сущности, для представления которых используются фреймы, могут быть описаны в форме текста, можно сделать вывод о том, что не существует принципиальных ограничений на представление этих сущностей с помощью того или иного логического формализма.

---

¹³ По этому поводу см., напр.: Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию / Тейз А., Грибомон П., Луи Ж. и др. М.: Мир, 1990.

Однако факт того, что знания, представленные фреймами, могут быть также представлены средствами логического формализма, не означает эквивалентности методологических принципов, лежащих в основе фреймовой модели представления, с одной стороны, и логической модели, с другой. Логическая модель представляет знание через множество предложений, которые считаются истинными в отношении некоторой предметной области. Фреймовая модель предполагает целостное описание представляемой сущности в рамках некоторой когнитивной структуры.

Если поставить вопрос о том, что представляет собой когнитивная структура, для моделирования которой используются фреймы, то придется затронуть вторую проблему отношения между логикой и теорией фреймов. Эта проблема заключается в отношении между когнитивной структурой, соответствующей фреймам, и понятием, как оно рассматривается в традиционной логике. Так, например, авторы уже упоминавшегося выше коллективного труда придерживаются мнения, что фрейм соответствует концепту, т.е. понятию.¹⁴

Вопрос о сопоставлении понятий и фреймов подробно разбирается в монографии И.Ю. Алексеевой.¹⁵ В результате анализа возможности отождествления фреймов и понятий как когнитивных структур И.Ю. Алексеева приходит к выводу о необоснованности подобного отождествления. Фрейм нельзя рассматривать в качестве понятия, поскольку одна из характеристик понятия – содержание – не раскрывается через фрейм. Отвечая на вопрос о том, представлением какой когнитивной структуры являются фреймы, И.Ю. Алексеева приходит к справедливому заключению, что "фрейм как знаковая структура служит для представления фрейма как когнитивной структуры".¹⁶

Таким образом, сравнительный анализ логической модели с фреймовой, продукционной и моделью на основе семантических сетей демонстрирует различия в подходах к описанию предметных областей, лежащие в основе этих моделей.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что использование логической модели позволяет выразить ту информацию, которая представима на других моделях, но некоторые аспекты знания, которые легко передаются средствами логики, не находят своего отражения, если используется фреймовая, продукционная или сетевая модель. Наиболее важным моментом является тот, что логическая модель позволяет представлять знания как совокупность согласованных между собой (непротиворечивых) предложений и предлагает обоснованный механизм обработки этих предложений, концептуально связанный со способом представления.

Литература

1. Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М.: ИФРАН, 1993.
2. Вудс У.А. Основные проблемы представления знаний // ТИИЭР. 1986. Т.74. N10. С.32-46.
3. Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию / Тейз А., Грибомон П., Луи Ж. и др. М.: Мир, 1990.
4. Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов. М., 1989.
5. Представление и использование знаний / Под ред. Уэно Х., Исидзура. М.: Мир, 1989.

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М.: ИФРАН, 1993.

¹⁶ Там же, с.120

6. Mylopoulos J., Levesque H. J. An Overview of knowledge Representation // On conceptual Modelling. Springer Verlag, 1984. P. 3–17.
7. Nilsson N.J. Logic and artificial intelligence // AI. 1991. V.47. № 1–3. P. 31–56.

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ЗНАНИЙ И СМЕНЫ ЕГО НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Т.А. Новолодская

Философия науки, как она сегодня подается в системе высшего технического образования, призвана рассмотреть проблемы становления, формирования и развития научного знания, а также вопросы методологии познания в контексте культуры. Рассмотрение науки в контексте культуры – необходимое условие для постижения внутренней логики мышления ученого, с одной стороны, и структуры стилеобразующего сознания исторической эпохи – с другой.

Стилеобразующее сознание не может быть понято как простая сумма тех или иных отдельных проявлений культуры – оно есть целостность умонастроения и миропонимания, которая пронизывает собой все сферы человеческой деятельности и накладывает свою печать на продукты как материальной, так и духовной культуры, в том числе и на науку.

Каждая научная теория предполагает свой идеал объяснения, доказательности и организации знания, который из самой теории не выводится, а, напротив, определяет ее собою. Такого рода идеалы уходят корнями в культуру эпохи и во многом определены сложившимися формами духовного производства.

В современной философской литературе по логике и методологии науки, как в отечественной, так и в зарубежной, появилось понятие научной или исследовательской программы. Именно научная программа задает идеал научного объяснения и организации знания, формирует условия достоверности и доказанности знания. Научная программа, как правило, задает и определенную картину мира. Научная программа – весьма устойчивое образование, и далеко не всегда открытие новых фактов, не объяснимых с точки зрения данной программы, влечет за собой ее изменение или вытеснение новой программой. Перестройка научной программы ведет к изменению картины мира и влечет за собой перестройку стиля научного мышления. Но в определенный исторический период рядом друг с другом могут существовать не одна, а две и более научных программ, различных по своим исходным принципам. Поэтому в истории науки нет "линейного" развития, а есть сложное переплетение и взаимодействие различных, присущих ей в каждом культурно-историческом контексте тенденций. Исследование вопроса о трансформации определенной научной программы при переходе ее из одной культуры в другую позволяет пролить свет на проблему научных революций, которые не только приводят к радикальным изменениям в научном мышлении, но обозначают и существенные сдвиги в общественном сознании в целом. Именно при переходе от одной культурно-исторической эпохи к другой видно, как меняются общемировоззренческие ориентиры ученого, влияющие на его понимание природы и своего места в ней, и как это отражается на характере научного мышления.

Предпосылки первой научной программы, которой была суждена долгая жизнь, формируются в конце VI в. до н. э. в Греции. Это учение пифагорийцев о том, что "все есть число", составившее фундамент математической программы. Если в древнем Египте и Вавилоне зачатки математического знания носили практически-прикладной характер (были техникой расчета, решения задач), то у пифагорийцев числа и числовые отношения понимаются как ключ к пониманию вселенной и ее структуры. Задача, которую ставил Пифагор, учреждая свой Орден, имела практически-нравственные и религиозные цели – очищение человеческой души для спасения ее от круговорота рождений и смертей. Одним из важнейших средств очищения становятся научные занятия, прежде всего занятия математикой и музыкой. Отношение к числу как чему-то священному и анализ реальных форм связей между числами, поиски гармонии

числовых соотношений выступают основой создания образа прекрасного, стройного, совершенного Космоса, обладающего определенной разумностью и активностью. В дальнейшем этот образ переходит и в аристотелианско-схоластическую физику, правда, уже с существенными изменениями.

Освобождение от метафорически-метафизических напластований в научно-философском осмыслении бытия позволило в дальнейшем разработать три важнейшие научные программы античности: атомизм Демокрита, математизм позднейших пифагорийцев и Платона и континуализм Аристотеля.

Атомистическая теория Демокрита была ориентирована на объяснение явлений эмпирического мира. Он стремился с помощью учения об атомах предложить решение парадоксов Зенона и доказать возможность мыслить движение. В то же время его учение дало толчок рефлексии о природе познания и познавательных возможностях человека, которые и оказались в дальнейшем в центре внимания софистов.

Софисты, исследуя вопросы о природе и сознания вообще, переключают интерес с внешнего мира на мир самого сознания. Но их выводы относительно возможностей человеческого разума постичь истину оказались скептическими. В этом отношении они явились выразителями тех социальных тенденций, которые привели к отрыву индивида от социального целого, индивидуального сознания – от традиций, традиционных верований и ценностей.

Критическое осмысление релятивистских и скептических выводов софистов послужило предпосылкой для разработки логико-теоретических оснований науки и создания научных программ Платона и Аристотеля. В этих программах центральное место занимает исследование знания – философского и научного, которое рассматривается как необходимый момент существования социальной общности. Вот почему проблема знания у Сократа и Платона выступает как проблема нравственности, а наука, как ее понимал в частности Платон, претендует на то, чтобы стать фундаментом государственной жизни в целом. В миропонимании Сократа господствовал принцип калокагатии: все, что истинно, то добро и красиво (т.е. принцип триединства истины, добра и красоты). Эта связь научного знания с этическими и эстетическими ценностями определяет и мироощущение Платона. Так, по его мнению, арифметика содействует обращению души к истинному бытию, вечному, себе довлеющему, тождественному и потому прекрасному, а геометрия помогает душе человека "обратиться к той области, в которой заключено величайшее блаженство бытия".¹ Ту же роль играют в воспитании души и другие математические науки: стереометрия, астрономия и музыка. Надо только заботиться о том, чтобы чистоту математического знания не замутнял утилитарный прагматизм. Тогда занятие этими науками ведет "прекраснейшее начало нашей души ввысь, к созерцанию самого совершенного в существующем...".²

Если все отрасли знания у Платона служат одной цели – созерцанию идеи блага, то у Аристотеля все сферы бытия в известном смысле равноправны и достойны быть объектами изучения. Относительно каждого рода сущностей должен быть свой метод их рассмотрения, ибо метод должен соотноситься со спецификой объекта. Вот почему у Аристотеля есть целый ряд принципов, которые нельзя свести к единому началу. Но при этом и у Стагирита сохраняется связь философии и науки с этико-смысловой сферой: созерцание истины есть самая приятная из всех деятельностей, сообразных с добродетелью.

Таким образом, для античной науки был характерен своеобразный стиль мышления, удивительно сочетавший рациональные способы постижения мира и ценностную ориентацию научного познания. При этом ценностный компонент научного и философского знания органически "вплавлен" в тело знания, придает

¹ Платон. Государство. VII, 526 d-e/

² Платон. Государство. VII, 532 c

мировоззрению ученого особое осознание своей причастности к созданию здорового социального организма, да и всего Космоса в целом.

Средневековье, унаследовав программы античности, пытается дать им новое истолкование. В этот период научное мышление развивается в новой культурно-исторической обстановке, в отличной от античности атмосфере. Если Аристотель был убежден, что природа верна себе, и с помощью опыта и знаний можно установить, что соответствует ей, а что противоречит, то совсем иначе рассуждает Августин. Для него воля Творца есть природа всякой сотворенной вещи, а чудеса противны не природе, а тому, как известна нам природа. Весь земной мир предстает для средневекового человека как явление "потустороннего" мира.

Средневековая наука по-своему переосмысливает фундаментальные понятия античного научного мышления, такие как конечные и бесконечное, целевая и действующая причины, естественное и искусственное (т.е. "физическое" и "техническое"). Так, например, если "беспредельное" у греков есть атрибут хаоса, лишённого формы, то "бесконечное" в Средние века есть атрибут наивысшей реальности – божества. Отсюда "бесконечное" есть самый совершенный предмет постижения. В средневековой физике впервые появляются понятие бесконечное удаленной точки, а также понятия экстенсивной и интенсивной бесконечности при рассмотрении движения. Средневековые философы подготовили тот переворот в мышлении, который произошел в XVII в. и привел к формированию научных программ Нового времени.

В эпоху Возрождения мы наблюдаем синтез античного и средневекового стилей научного мышления. Античность подарила этой эпохе весь свой спектр различных философских проблем и первых образцов теоретической науки. Средневековая христианская традиция – представление о человеческой индивидуальности, концепция морали и понимание человеческого разума как образа и подобия божественного, способного поэтому к рациональному постижению смысла бытия. Синтез этих двух традиций позволил определить основные ценностные ориентации последующих европейских научных программ. К их числу следует отнести ценность объективного и предметного знания, раскрывающего существенные связи вещей, их природу и законы их функционирования. Такая ценностная установка не только стимулировала рост знания, который отвечал практическим запросам времени, но и открывала возможность систематического получения новых знаний, которые пригодятся лишь в перспективе. Принцип самооценки объективной истины определенно составляет фундаментальную ценность научной программы Возрождения. Истины науки запрещено искажать в угоду другим, внешним для науки, ценностям (политическим, идеологическим, религиозным). А это уже условие для формирования развитой науки и тех оснований научной рациональности, которые отличают ее от других форм познания мира.

Три рассмотренные нами эпохи, три культурно-исторические традиции имеют и общие точки соприкосновения.

Античность, Средние века и эпоха Возрождения органически включали человека в мир Природы, Космоса, Мироздания, несмотря на расхождение в определении их существенных характеристик.

Совсем иная ситуация складывается в социальной действительности Нового времени. Античная и схоластическая физика с ее образом прекрасного, стройного, совершенного Космоса перестает удовлетворять человека, чуткого к социальным потрясениям эпохи ранних буржуазных революций. Человек, который не находит себе "естественного места" в социальной действительности, трактуемой в духе аристотелианства как часть "прекрасного Космоса", не верит более аристотелианскому образу Земли и Неба, пространства и времени. Он начинает искать и находит более убедительные альтернативы – те, которые соответствуют новым социальным реалиям и

новому нравственному бытию человека. Возникает механистический образ природы, формируется новая концепция естественнонаучного знания, которая является рефлексией над механической наукой. Формируется новая научная программа и новая механистическая картина мира.

Эта картина не делала человека неотъемлемой частью дышащего жизнью и полного тайн и скрытых качеств Космоса. Напротив, она "выталкивала" человека, единственного обладателя "разумной души", из своего царства мертвой протяженности. Эта картина мироздания отдавала материальный деантропологизированный мир в полное владение человеку, санкционируя тем самым реализацию идеи его власти над природой и стимулируя технологический прогресс. Согласно механицизму, материальный мир не несет в себе разумности и цели, и нравственно существовать в нем человек может лишь мысля и сознательно, целенаправленно действуя. Возникновение механистического естествознания XVII в. характеризуется разрывом не с ценностями вообще, а с ценностями традиционно-патриархальными. Механистическая исследовательская программа равнодушна к проблемам добра и зла в их традиционном понимании. Ее "фаустовский" дух равнодушия к традиционной морали, к миру "ценностей Гретхен" лишен сентиментальности по отношению к человеку.

Изложим в основных чертах рационалистическую концепцию, как она сложилась к XVIII в. Согласно рационализму, природа – это разумно построенная машина, подобная часовому механизму. Поэтому она может быть полностью и окончательно познана. Законы механики – ключ к ее постижению. В ней нет хаоса, тайн и загадок. Разум, очищенный от предрассудков, объективно, непредвзято изучающий мир, дает объективные знания, что и обеспечивают ему господство над природой. Особое внимание уделяется прогрессу науки и техники. Не случайно эти ценностные ориентации определили и название XVIII в. как века Просвещения. Развивается техногенная цивилизация. Для культуры техногенной цивилизации становится характерной научная рациональность, которая рассматривается в качестве одной из важнейших ценностей человеческой жизнедеятельности.

В эпоху Просвещения завершилось формирование мировоззренческих установок, определивших последующее развитие рационального стиля мышления. В системе этих установок определяется и роль науки и техники в жизни общества, формируется убеждение в принципиальной возможности рациональной организации социальных отношений. Под знаком этих идей в XIX–XX вв. формируется научно-исследовательская программа позитивизма. Позитивизм начинает претендовать на роль логики науки. Логические позитивисты (Б. Рассел, Р. Карнап, М. Шлик и др.) ставят задачу – создать унифицированный язык науки, который представлял бы систему правил образования и преобразования знаковых структур и был бы свободен от метафизических философских установок. Таким языком они сначала считают язык логики и математики, но в дальнейшем используют и другие языки наук. Так, Р. Карнап в последний период своей творческой деятельности пытается создать универсальный научный язык на основе языка физики. В рамках принципа физикализма позитивистам, действительно, удалось рассмотреть структуру научного знания в статическом аспекте, т.е. исследовать уже сложившуюся, законченную структуру научного знания, соотношенную с ограниченным набором референтов. Такой подход в определенных границах необходим и плодотворен, если учитывать его ограниченность. Но позитивисты как раз и не учитывали необходимости наряду с анализом структуры научной теории проследить и сам процесс получения научного знания. Их абсолютизация формализованных процедур не отвечала требованиям развивающейся науки. Если первоначальная программа Гильберта (полная формализация) оказалась неосуществима даже в математике (как свидетельствуют результаты Гёделя), то тем более трудно реализовать ее в естествознании. Реальная наука

оказалась сложнее, и все попытки заключить ее в простую логическую схему не увенчались успехом.

Нереализуемость позитивистской методологической программы заставила исследователей искать другие модели построения знания. Представители нового течения "философии науки" – Полани, Кун, Тулмин, Фейерабенд и др., критикуя позитивистскую программу идеального языка науки, ищут ключи к моделям рациональности в истории науки. Т. Кун утверждал, что язык, разрабатываемый позитивизмом, если и применим, то только для периодов "нормальной науки", определяемых принятием общей парадигмы. В период революций в науке имеется множество конкурирующих парадигм, и нет никаких согласованных логических и методологических концепций, позволяющих отдать предпочтение одной из них. Поскольку приверженность одной, а не другой зависит от личных или групповых условий, то невозможно ни описать, ни оценить эти парадигмы в чисто логических терминах.³

Иначе решал этот вопрос С. Тулмин. Он не принял разделение между нормальной и революционной наукой, а выдвинул теорию "концептуальной эволюции", в которой единицами изменения являются отдельные понятия, а не теории или парадигмы. Он отрицает возможность логического анализа развивающихся понятий, поскольку логические критерии предполагают концептуальную стабильность, которая не соответствует науке как таковой, так как первичные структуры науки выявляются только в процессах, ведущих к концептуальному изменению. В своем философском кредо Тулмин близок к Фейерабенду, который считает, что применение логического анализа означает насилие над историей.

Фейерабенд отказывается принять допущение позитивистов о том, что конкурирующие теории всегда можно подвергнуть формальному сравнению друг с другом, чтобы принять одну и отбросить другую. Для него знание всегда включено в исторический контекст. Все реальные существующие структуры науки имеют различное происхождение, отсюда и возможность неоднозначных оценок существующих теоретических систем. Фейерабенд настаивает на необходимости радикального пересмотра основных понятий и категорий методологии науки. Под сомнение ставится не только достоверность какой-либо отдельной методологической конструкции, но и любой методологии в целом. Методология, как ему кажется, должна ориентироваться на определенный идеал человеческой личности и анализировать науку в соответствии с ним.⁴

Концепции "методологического анархизма" Фейерабенда пытается объяснить прогресс в любой научной теории (атомизм в античности, кинетическая теория, квантовая или волновая и теория света в недавние времена) тем, что ученые либо решили не связывать себя определенными "очевидными" методологическими правилами, либо потому, что непреднамеренно нарушали их. Его реконструкция науки связана с принципами "прочности" и "пролиферации", которые отвечают реально существующей динамике и статике научных знаний. Функция принципа прочности состоит в предотвращении упрощенного понимания процедуры опровержения теории. Как известно, абсолютная согласованность теорий со всеми фактами невозможна, поэтому устойчивость и сопротивляемость теории по отношению к контрпримерам нередко служит показателем ее прогрессивности. Прочность теорий обеспечивает преемственность в развитии науки.

Принцип пролиферации ориентирован на изобретение и разработку теорий, которые несовместимы с общепринятой точкой зрения, даже если эта последняя оказывается в

---

³ Кун Т. Структура научных революций. М. 1977.

⁴ Feyerabend P.K. Against Method: Outline of Anarchistic Theory of Science. Vol. Y. Univ. of Minnesota press, 1971. p. 22.

высшей степени подтвержденной и повсеместно принятой. Выдвижение новых теорий, не совместимых ни с принятыми ранее теориями, ни с установленными фактами, Фейерабенд называет контриндуктивной процедурой. Этот термин взят для того, чтобы подчеркнуть отличие его концепции от неопозитивистской, которая всегда содержит индуктивистские интерпретации соотношения теории и эмпирического базиса и кумулятивные концепции научного прогресса. Для Фейерабенда научные теории – это способы видения мира, и их принятие воздействует на наши общие убеждения и ощущения и, вследствие этого, также на наши опыты и нашу концепцию реальности. Явление и высказывание о нем слиты вместе, и разделить их можно только в абстракции. Подобное единство – результат обучения с детства. Проверка теорий и понятий опытом, уверенность ученых, что именно здесь имеется прочный фундамент знания, вызывает у Фейерабенда достаточно скептическую реакцию.

В условиях длительного господства позитивистской традиции анализа науки понятно стремление представителей "новой философии науки" обогатить методологию науки, включить в нее социальные и социально-психологические факторы. На смену позитивистской парадигме приходит новая модель развития научного знания, которая раздвинула поле исследования и четко сформулировала проблему смены научных теорий в истории науки. Все эти радикальные сдвиги в представлениях о мире и процедурах его исследования сопровождались формированием новых философских оснований науки.

Идея исторической изменчивости научного знания, относительной истинности вырабатываемых в науке онтологических принципов соединяется с новыми представлениями об активности субъекта познания. Он рассматривается уже не как изолированный от изучаемого мира, а как включенный в него, взаимодействующий с ним. Эвристические возможности науки оказались связаны с его способностью творить новые смыслы.

Современная наука, используя результаты исследований А. Эйнштейна, Н. Бора, И. Пригожина, В.И. Вернадского, объявила мир многомерной системой, способной к самоорганизации. Полнота его описания и постижения не обеспечивается прежними установками, закреплявшими проективное отношение человека к бытию и ограниченными установкой на ценностную нейтральность науки. Ценностная нейтральность науки – не ее характерное свойство, а продукт и результат мировоззренческих и методологических предписаний, определенных конкретной картиной мира.

Новые онтологические принципы соединяются с новыми представлениями об активности субъекта познания. Поливариантность человеческого бытия – объективная основа для выработки различных ценностных ориентаций, в том числе и в сфере научного творчества. Научное познание начинает включать аксиологические факторы в состав объяснительных положений. Включение аксиологических факторов в разработку научных положений сделало необходимым гуманитарную и экологическую экспертизу крупных научно-технических программ. Именно в процессе такой экспертизы прослеживаются последствия реализации программы с точки зрения гуманитарных ценностей и решения глобальных проблем. Новая научная программа связана с качественной перестройкой содержания методов современной науки и духовного космоса ее создателей.

ЛОГИКА ПРАКТИЧЕСКИХ МОДАЛЬНОСТЕЙ

П.С. Ордина

Одна из важнейших задач современной логики находится за пределами узко спекулятивной сферы. Психология, социология, экономика требует создания живой, реальной логики, приложимой в области наук о духе. Объектом внимания логики должно стать не только мышление, но и действие. Именно эту задачу решает логика практических модальностей, осуществляющая приложение формальных методов к проблемам "около-логическим". Под этим названием обобщается множество новых направлений, таких как деонтическая и аксиологическая логика, логика императивов, логика решений, действий, предпочтений, логика желаний и т.д., общей основой которых является анализ практических рассуждений.

Исследованию практических рассуждений отводится место на границе между "логическим" и "нелогическим". Построения "научной" логики практических рассуждений позволяет вписать в контекст "внутрилогического" анализа множество проблем, ранее не поддававшихся формализации. Между тем исторически первой была именно практическая роль рассуждения. Доказательство возникает как умение убедить другого. Анализ рассуждений о деятельности, в отличие от теоретических рассуждений, первым осуществил Аристотель. Основой теоретического суждения он полагал созерцание, практическое же суждение базируется на стремлении. В "Метафизике" и ряде других работ он говорил о практическом рассуждении, призванном руководить человеческим действием, и приводил примеры практических силлогизмов со смешанными посылками.

Практическим рассуждением назывался силлогизм, в котором из двух посылок следует практический вывод, т.е. одна посылка касается общего, другая – частного, а в качестве заключения выводится действие. Например:

" Все сладкое необходимо отведывать.

Вот это – сладкое".

Заключение напрашивается само собой. Именно такой силлогизм, выводящий нас за рамки умозрительного, мы будем называть практическим рассуждением в узком смысле.

И. Кант, исходя из различения разума практического и теоретического, говорил о двух способах доказательства. Главной характеристикой практического мышления является использование императивов, т.е. практическое познание есть познание того, "что должно быть", тогда как теоретическое направлено на то, "что есть". Современными логиками это рассматривается как веский аргумент в пользу существования особой логики практического познания, и это также послужило предпосылкой для создания в нашем веке логики императивов.

Г. Тард первым после Аристотеля рассматривал практические рассуждения. Разрабатывая логику желаний, он выделял телеологический силлогизм, в котором первая посылка выражала цель, вторая – средство, заключение выводило обязанность. Выглядел он примерно так:

X желает, чтобы было *A*;

X верит, что если не будет *B*, то не будет и *A*;

X должен сделать *B*;

$W \times A$;

$B \times (\sim B \rightarrow \sim A)$;

$O \times D \times B$.

И все-таки необходимо более детально разобрать, на чем базируется логика практических модальностей, т.е. что такое практическое рассуждение. Практическое рассуждение в широком смысле – это рассуждение относительно человеческих

действий. Это может быть рассуждение, содержащее императивы или принципы должностования. Главное отличие практического рассуждения от теоретического заключается в том, что первое оказывается реально эффективным. Если целью теоретического рассуждения является установление истины, то цель практического рассуждения – достижение результата.

Теоретическое рассуждение имеет универсальное значение и слабо связано с местом и временем, в котором формируется рассуждение, это объективно-пассивное умозаключение, опирающееся на универсально-всеобщие константы. Практическое рассуждение – уникальное, субъективно-активное умозаключение, тесно связанное с пространственно – временным контекстом рассуждения. Теоретическое рассуждение как "мышление-о-мире" всегда безлично, в практическом рассуждении как "мышлении-в-мире" субъект всегда включен в ту ситуацию, относительно которой ведется дискурс.

Известен рассказ Плутарха, прекрасно иллюстрирующий различия теоретического и практического мышления. Объектом рассуждения был однорогий баран, приведенный к правителю. Анаксагор усмотрел в этом нестандартный природный феномен и выстроил определенное теоретическое рассуждение, ссылаясь на нормы и патологии развития организма. Лампон, прорицатель, увидел в этом знак, несущий вполне определенный смысл – смену правителя. Таким образом, практическое рассуждение всегда выполняет некоторую функцию, подчинено конкретной ситуации. В другом контексте знак имел бы совершенно другое значение.

Теоретическое и практическое выступают как принципиально различные формы означивания реальности. Для теоретического и практического анализа один и тот же объект может различаться настолько резко, что трудно найти точки соприкосновения между ними. И все же это комплиментарные позиции: объяснение причины не исключает понимание цели; теоретическое мышление фиксирует причинность естественную, практическое же – телеологическую.

В связи с этим в философии исторически сложились две основных традиции в понимании действия – аристотелевская и галилеевская (телеологическая и каузальная). Первая отражает финалистские представления о мире и оперирует понятием намерения и цели. Вторая создает механистическую картину мира и интерпретирует события в соответствии с причинно-следственными закономерностями.

Оба подхода предполагают, что почти все высказывания другой системы могут быть преобразованы в данной. Механистические методы объяснения оказались весьма продуктивны в естественных науках, а телеологические в большинстве случаев применимы в толковании человеческих действий в индивидуально-практическом плане, религиозном осмыслении мира, в значительной части метафизических доктрин, особенно в философии истории. А поскольку под влиянием позитивизма был сформирован естественнонаучный методологический идеал, не зависящий от области исследования и применяемый с не меньшим рвением в рамках наук о поведении, финалистские объяснения приобретали в глазах профессионалов оттенок ненаучности.

Распространено представление, что телеологический подход, в общем, допускает более высокую степень произвольности в оценке события и человеческого действия, т.е. формирование конечной цели полагается сознательным. Поэтому в философии он обычно отождествлялся с индетерминизмом. Основой индетерминистских систем, на первый взгляд, является утверждение о том, что человеческие действия *не могут* иметь причину, а детерминистские концепции предполагают, что любое действие *имеет* причину и следует из нее с *необходимостью*. В рамках каузального дискурса понятия интенции, мотива и причины образуют одну группу, противопоставляемую классу понятий "действие", "событие", "следствие". В телеологическом рассуждении мотивы связываются с действиями в противовес событиям и причинам.

Однако телеологическое рассуждение отнюдь не всегда представляет цель действия как плод человеческого замысла. Финалистские религиозные представления, отказывая человеку в способности знать конечный замысел, не избежали известных сомнений в существовании свободы индивидуальной воли. Например, явно каузалистские доктрины Гегеля и Маркса по сути являются телеологическими, выдвигая объективно-историческую, не связанную с индивидуальной волей цель, что не вступает в конфликт с подведением уникальных явлений под гипотетические объективные законы. Представления о законе и развитии в рамках этих доктрин отсылают не к каузальной, а концептуальной или логической связи.

Каузальное рассуждение основывается на принципе подведения индивидуальных случаев под общие законы, что, естественно, создает картину предопределенности. Это вполне понятно, если реальность приписывается в первую очередь законам природы, а природа человека исследуется как ее компонента, или если индивидуальные девиации от общей модели рассматриваются как незначительные погрешности по сравнению с величиной непреклонного действия исторического закона. Однако возможны применения этого подхода, отдаляющие его от детерминизма. Если идея закона отражает поиск внутренней связи, а не необходимого следования, то обобщения делают явления понятными, а не предсказуемыми. Существуют разновидности каузального подхода (например, индуктивно-вероятностная модель охватывающего закона Гемпеля), которые являются не моделью объяснения, а средством оправдания ожиданий возможных событий.

Возвращаясь к анализу практических рассуждений, можно сказать, что для практических рассуждений характерны высказывания такого типа, которые организуются и связываются в некотором определенном направлении и имеют в виду подведение к вполне однозначному решению и действиям в русле этого решения.¹ Это определение позволяет вычлнить структуру практического рассуждения – суждение, решение и действие. Исходя из этого, можно выделить некоторые основные типы практических рассуждений, основываясь на соотношении элементов рассуждения.

1. Практическое рассуждение как процедура принятия решения. В таком случае оно хронологически предшествует действию, а решение формулируется в выводе в виде предписания действия типа "делай А", или нормативного суждения "должно А".

2. Практический силлогизм Аристотеля (хронологически совпадает с поступком). Рассматривая практическое рассуждение в узком смысле, можно поставить знак тождества между практическим рассуждением, решением и действием. Практическое рассуждение – только то рассуждение, которое вылилось в форму действия, действие в данном случае – способ явленности практического рассуждения. Можно сказать, что практическое рассуждение – истина действия, а действие – реальность практического рассуждения. Решение – промежуточное звено, уже оформившееся умозаключение, результат рассуждения и отправная точка действия. Процесс принятия решений в данном случае тождественен практическому рассуждению. Вместе с тем решение может проявляться только в виде действия. Только на основании действия можно судить о наличии решения, тогда теоретическое рассуждение фиксируется в тексте. Если теоретическое рассуждение – умозрительная реконструкция мира, то практическое рассуждение – его деятельностное конструирование.

3. Практическое рассуждение как способ объяснения действия, рассуждение относительно уже свершившегося действия. Примером такого рассуждения может служить фрейдовская рационализация действия. Если первые два типа подводят принцип рациональности под человеческое поведение, в значительной степени упуская психологический фактор, то такой тип практических рассуждений акцентирует

---

¹См.: Парахонский Б. А. Практические рассуждения в процессе коммуникации. // Рациональность, рассуждение, коммуникация. Киев, 1989.

внимание на иррациональности человеческих действий, ставя под сомнение возможность их формально-логического анализа.

4. Практическое рассуждение, реконструирующее мотивы и цели поведения других людей. В данном случае на первый план выходит коммуникативная функция практического рассуждения. Практическое рассуждение здесь определяется как рефлексия на действия другого. В коммуникации мы выводим мотивы и цели другого из его действий. Это необходимо, чтобы понять его и быть способным ответить. Такое рассуждение идет от действий к мотивам, от средств к целям, и оно может быть успешным или неуспешным в той мере, в какой оно помогает понять поведение другого.

Практическое рассуждение такого типа совершается на основе некоторых интуитивно известных нам общечеловеческих правил. Здесь эффективность рассуждения заключена в том, насколько адекватно может рассуждающий вывести посылки – первую часть практического рассуждения – из его заключения – действия. Практическое рассуждение такого типа является правильным, если мы можем подвести принцип рациональности под поведение другого. Но в данном случае всегда остается область неопределенного – неизвестная нам информация, предпосылки действий другого, что создает эффект иррациональности. Цель такого рассуждения – минимизировать эту область.

Анализ практических рассуждений является фундаментом для построения логики практических модальностей, которая формулируется как расширение классической пропозициональной логики. Для разработки этих логик используются уже выработанные в пропозициональной логике средства. Можно привести примеры параллелей между алетическими модальностями и практическими.

Аксиологическая логика, разработанная А.А. Ивиным, вводит аксиологические модальности, различающие негативные, позитивные и нейтральные оценки. Она проектируется по аналогии с модальной логикой, т.е. предполагается, что формальные связи между "хорошо", "плохо" и "безразлично" приблизительно соответствуют отношениям между алетическими модальностями "необходимо", "невозможно" и "возможно".

Деонтическая логика, также возникающая как ветвь модальной логики, проводит исследования нормативных понятий в формальной логике. Существуют две историко-философские традиции логики норм. Первый подход к анализу деонтических понятий намечен в общих чертах уже у Лейбница, утверждавшего, что все подчинения и противоположения аристотелевской логики могут быть с успехом перенесены на наши модальности права. Другая была основана Бенхамом. Его логика повеления, или воли, призвана была стать ветвью логики, не затронутой Аристотелем. В рамках этой традиции Э. Малли осуществил исследование логической природы императива, логики императива и оптатива. Бенхам и Малли принципиально иначе, чем Лейбниц, понимали характер взаимосвязи основных деонтических категорий, не исходя из аналогии с модальной логикой.

Лейбницианская традиция получила развитие в работах Г.-Х. Вригта, давшего формулировку многих деонтических законов и категорий. Он разрабатывает логику норм и действий, проводя аналогии и исследуя нарушения аналогий в модальной и деонтической логиках. В соответствии с системой Вригта, на модальности права – деонтические категории "обязательно", "позволительно", "запрещено", "безразлично" – могут быть перенесены отношения и взаимоопределенности традиционных модальностей.

Аналогичная структура практических и алетических модальностей дает некоторые преимущества, например, в деонтической логике предполагается действие тех же законов дистрибьюции, что и в алетической. Но именно в силу применения

средств пропозициональной логики в логиках практических модальностей время от времени возникают противоинтуитивные положения – так называемые деонтические, аксиологические и другие парадоксы. Например, принцип $Oq \leftrightarrow q$ (должно быть, следовательно, есть) устанавливает эквивалентность существования и долженствования.

В рамках деонтической логики Г.-Х. Вригт разрабатывает логику действий, выводя ее законы также по аналогии с пропозициональной логикой. Несмотря на проблематичность многих деонтических конструкций, Г.-Х. Вригт подчеркивал особенно важную роль логики действий, называя ее "динамической логикой". Формальная логика, по его мнению, по существу является логикой статичного мира, не предоставляет места для изменений в этом мире, тогда как действия существенно связаны с изменениями.

И, тем не менее, в деонтической концепции речь идет о формальной системе логики, в которой нормы и действия не определяются по содержанию. Под ними с одинаковым успехом можно представлять и определенные моральные убеждения, и правила игры, и многое другое. Эта логическая система пытается приблизиться к основополагающему анализу суждений типа "действие a согласно норме N разрешено (запрещено, обязательно)". При этом вопросы, затрагивающие области этики и юриспруденции, остаются открытыми.

Анализ намерений и ответственности агентов, вины и санкций, актов повеления и позволения или содержания норм требует применения качественных методов. Подобный анализ с применением содержательных методов в качественных суждениях, осуществляемых на естественном языке, пытается осуществить другое направление логики практических модальностей – логика решений.

Ядро теории решения формирует разъяснение систем обозначения субъективной вероятности и субъективной желательности. Существуют количественные модели анализа принятия решений. С этой стороны теория решений предполагает применения элементов логических и математических средств к философским целям. Внутри теории с помощью логических операций определяется соотношение вероятности и полезности, предпочтений и функций агента. Но в ситуациях, где использование математического аппарата для рассмотрения и решения практических задач было невозможно, в рамках логики решений были осуществлены попытки применить неколичественные, содержательные методы.

Перечисленные направления отнюдь не исчерпывают всей области логики практических модальностей. Также существует логика императивов, логика предпочтений, установок, даже логика восприятия. Логика практических модальностей, возникшая в 20-е годы XX в., изучает моральные ценности и правовые нормы, требования технологии и административные нормативы, правила игры, предписания этикета. В ней обобщаются те факторы, которые регулируют всю нашу жизнь. Каждый наш шаг в жизни характеризуется в сильном смысле хотя бы одной такой практической модальностью, как правило, – несколькими одновременно. Именно поэтому разработка практических модальностей позволяет осуществить приложение формальных методов к проблемам "около-" и даже "внелогическим" и вывести логику в сферу социопсихологических приложений.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГИКИ

Ю.П. Роговой

Хотя логика и является одной из самых древних наук, ни в античности, ни в средние века перед логикой еще не ставились во весь рост методологические задачи. Аристотель рассматривал в качестве первоочередного для логики вопрос о том, "на чем должна покоиться принудительная сила речей, какими средствами должна обладать речь, чтобы убеждать людей, заставлять их с чем-нибудь соглашаться или признавать что-либо неистинным". Этот же вопрос оставался центральным и для средневековой логики. В эпоху Возрождения, давшую мощный толчок для развития математики и естествознания, концепция логики только как теории простого силлогистического доказательства перестала удовлетворять ученых. В этот период к логике начинают предъявлять требование, чтобы она разрабатывала такие средства и методы, которыми могли бы руководствоваться ученые при исследовании различных областей действительности.

В философии Нового времени выдвигается лозунг создания новой логики, которая отвечала бы на методологические запросы современной науки. Начиная с Нового времени и до начала XX в. исследования носили преимущественно описательный характер. В логике описывались различные, иногда весьма важные в процессе научного исследования методологические приемы, но не давалось однозначных, алгоритмических схем логического действия, которые могли бы взять на вооружение представители конкретных наук. Логико-методологический анализ в основном опирался не столько собственно на логику, сколько на гносеологию и методологию мышления. Однако уже период, предшествовавший внедрению методов символической логики в логическое исследование науки, характеризуется громадным усилением внимания к собственно логической и методологической проблематике. Перед наукой встают вопросы логико-методологического характера в силу усложнения структуры научного знания, увеличения удельного веса математики, потери в значительной степени наглядности естественнонаучных представлений, а также ломки старых, привычных, тестов связанных с повседневным опытом понятий.

В условиях науки XX в. методологическая и логическая "вооруженность" стала практической потребностью для любого серьезного ученого, в то время как в предшествующий исторический период вопросы логики и методологии науки привлекали внимание незначительного числа наиболее глубоких, дальновидных и проницательных представителей науки. Положение резко изменилось именно в связи с развитием математической логики, ибо исследователи, занимающиеся логико-методологическим анализом науки, опираются в значительной степени на аппарат математической логики, стремятся формализовать логические процедуры рассуждений и логическую структуру знания, представить их в схемах современной формальной логики. Внедрение точных методов логической формализации в логико-методологические исследования, бесспорно, оказало положительное влияние на культуру теоретического мышления в этой области. Вместе с тем развитие современной формальной логики отчетливо показало, что не следует преувеличивать гносеологической и методологической значимости этой области знания и ставить перед нею такие задачи, которые она заведомо не может решить. Хотя ее методы и являются наиболее освоенными, строгими, точными, эффективными, однако они – лишь одно из средств разработки методологических проблем.

Особенностью современного состояния методологического анализа научного знания является его многоплановость, разнообразие уровней и типов анализа, способов и подходов. Общеизвестным является факт неоднородности научной методологии.

Наряду со всеобщей, философской методологией, внутри тех или иных наук существуют определенные направления и виды исследования, специализирующиеся на анализе средств и методов этих наук, которые можно назвать внутринаучными методологическими исследованиями. Иначе говоря, внутренние проблемы научного познания постоянно стимулируют интенсивное развитие внутринаучной методологической рефлексии, т.е. самостоятельного слоя научной деятельности, выделенной из ткани непосредственного исследования объекта. Вообще говоря, рефлексия присуща всякой духовной деятельности. И если продукты внутринаучной рефлексии – методологические знания различного рода – выступают в качестве одного из главных источников и средств рационализации научной деятельности, то философская рефлексия, выступая как самосознание духовной деятельности вообще, а не какого-то ее определенного вида, представляет собой методологию всякого познания, ибо ориентирована на поиск "предельных оснований". Простейшая классификация методологических исследований – философская методология, общенаучные методологические принципы и концепции, специально-научная методология, – даже если она имеет несколько условный и схематический характер, помогает все же выявлять основные направления, пути и средства методологического анализа и те реальные возможности, которые являются основой для методологического анализа.

Одним из основных видов логико-методологических исследований, своего рода "передним краем" методологического анализа является рассмотрение отдельных научных теорий, проблем, понятий. В зависимости от исходных средств этот анализ может осуществляться и на эмпирическом, и на теоретическом уровне – его вид зависит от того, предпринимается ли данное исследование на основе теоретических конструктов определенной методологической дисциплины (здесь в качестве образца можно назвать метаматематику), или же исследователь пользуется методологическими представлениями, которые не достигли еще теоретического уровня. Известно, что специфическое положение методологических исследований оказалось характерным в первую очередь для математики и математической логики. Здесь оформились специальные разделы науки – метаматематика и металогика, здесь был достигнут такой уровень, что эти методологические дисциплины располагали необходимым и достаточным понятийным аппаратом: такие понятия, как "доказательство", "выводимость", "непротиворечивость", "аксиома", "теорема", "правильно построенная формула" и т.д. получили достаточно строгое определение на теоретическом уровне.

Принципы и средства, развиваемые современной формальной логикой, дают наиболее адекватный способ для решения задач, стоящих перед общей теорией научного познания. Уровень развития современной формальной логики существенно определяет возможности применения ее аппарата преимущественно для исследования структуры готового, наличного знания. Можно сказать, что логика и методология науки своим непосредственным предметом имеет язык науки. Применяя методы и средства современной формальной логики, она смогла тщательно исследовать проблемы, связанные с построением и использованием специальных формализованных научных языков. Та внешняя форма науки, с которой сразу же сталкивается исследователь-логик, как только он приступает к логико-методологическому анализу – это научное знание в виде научных текстов. Здесь в некоторой конкретной языковой форме зафиксировано определенное "готовое" знание, конкретный результат познавательной деятельности. Научное знание, рассматриваемое с этой точки зрения, представляет собой некоторую систему утверждений, определенным образом связанных между собой. И именно для анализа научного знания как системы взаимосвязанных утверждений оказывается чрезвычайно плодотворным применение аппарата современной логики.

Современная логика дает достаточно большие возможности для "оперативного" описания логических связей и отношений между элементами "готового знания". Задача логико-методологического анализа в этом случае состоит в том, чтобы установить гносеологический статус разных типов утверждений, входящих в науку. Исходным и существенным моментом логико-методологического исследования, осуществляемого посредством рассмотрения языка науки, является экспликация понятий. В первую очередь это означает замену нестрогого, "донаучного" понятия некоторым точным понятием. Основная цель экспликации – сделать более точным и строгим то значение, в котором (в рамках выбранного контекста) употребляется эксплицируемое понятие. В более общем смысле под экспликацией можно понимать процедуру уточнения понятий с помощью аппарата и методов современной формальной логики, иначе говоря, процедуру уточнения понятий посредством реконструкции рассуждений, включающих интересующие нас понятия в полностью (или частично) формализованный язык.

Поскольку значение теоретических понятий раскрывается через их связи с другими структурными и содержательными элементами теории, причем эти связи образуют определенную систему теоретического знания и только в контекстах последней может быть адекватно охарактеризовано значение отдельного теоретического понятия, постольку эффективная экспликация носит системный характер. Иначе говоря, экспликация осуществляется на основе системы понятий, в рамках которой данное понятие является одним из элементов. Однако реальная практика научного исследования требует и содержательного подхода к экспликации понятий. Выделяя знаковую сторону знания (форму), мы осуществляем формализацию знания. Она оказывается возможной и значимой в силу относительной независимости формы знания от его содержания, в силу возможности производить определенные действия в отношении одной лишь формы, которая "представляет" знание в целом. Поэтому, поскольку принцип изоморфизма знаковой и содержательной сфер знания "схватывает" существенные связи строения научного знания, постольку он и выступает как важное средство логико-методологического исследования. В случае же содержательного подхода – для того, чтобы он обеспечивал теоретическое разрешение методологических проблем – следует разрабатывать соответствующую ему систему методологических категорий, позволяющую однозначно эксплицировать смысл, значение своих элементов.

Особое, специфическое место и роль символической логики в современных методологических исследованиях следует рассматривать в связи с некоторыми методологическими вопросами самой науки логики. Современная формальная логика, как известно, сформировалась в результате применения к области традиционной логики формальных методов и языка математики. Математика явилась не просто удобным вспомогательным средством оформления теории логики или построения исчислений для решения задач, перед которыми оказывается бессильным чисто содержательное мышление. Математика явилась источником многих основных понятий и принципов, с помощью которых создаются логические теории и без которых зачастую невозможна формулировка самих логических задач.

Можно сказать, что историческая задача математической логики состояла в том, чтобы сделать логику более точной наукой, применяя к ней методы математики. Но, с другой стороны, точность самой математики, как известно, объясняют тем, что ее доказательства носят строго логический характер. Нет ли здесь порочного круга – математические теории строятся с помощью средств логики, в то время как сама теория логики использует для своего построения идеи и методы математики? Трудность здесь – как всегда при возникновении подобного рода "кругов" – может быть разрешена путем перехода к все более широким контекстам, а в конечном счете – с помощью критерия практики. Ведь именно миллиарды раз повторяющаяся практика

оперирования некоторыми объектами и соответствующими им (их свойствам и отношениям) понятиями научает людей делать логические умозаключения, осуществлять рассуждения, достаточные для удовлетворительного решения задач, в различных исторически возникающих областях науки. Однако дальнейшее развитие тех или иных наук оказывается связанным рано или поздно с такими трудностями, для преодоления которых приходится возвращаться к началам науки, к самым ее основаниям. Так были созданы, например, неевклидовы геометрии. При этом возвращении, что очень важно, используется все богатство уже достигнутой ступени в развитии науки. Но используется критически – на основе строгого анализа тех средств, понятий и методов, посредством которых оно было приобретено.

Именно так обстоит дело и в отношении логических средств, используемых в математике. При помощи имевшихся средств логики, еще не очень глубоко проанализированных, были созданы научные методы математики, оказавшиеся на практике весьма плодотворными. Дальнейшее развитие математики потребовало, однако, уточнения и усиления средств логики. В свое время Аристотелем была выдвинута в логике замечательная идея аксиоматического построения, более полвека спустя успешно примененная Евклидом в геометрии. Иначе говоря, соотношение логики и математики представляет род "динамического" взаимодействия, взаимопроникновения элементов того и другого. Именно в таком процессе происходит взаимное обогащение этих двух областей – совершенствование математики средствами логики и логики средствами математики.

Общеизвестно, что большая часть утверждений науки получается путем логического вывода из других утверждений, как логическое следствие последних. Известно также, что вопрос "В каких случаях одни утверждения логически следуют из других?" с самого начала познавательной деятельности людей стал одним из центральных и получил наиболее тщательную (по сравнению с другими вопросами, касающимися интеллектуальной деятельности людей) разработку как основной вопрос особой науки – формальной логики. В современной логике существует проблема адекватного описания логического следования. Она возникла в связи с тем, что в традиционной логике давалось слишком широкое его описание, которое не соответствовало интуитивному пониманию (под интуитивным пониманием логического следования можно иметь в виду такое понимание, которое складывается у людей естественным образом на основе соответствующей интеллектуальной практики – умозаключать, рассуждать, делать выводы и наблюдать подобные действия у других людей; при этом навыки рассуждать по правилам логического следования обусловлены обучением, личным опытом, занятиями наукой и т.п.). Основное направление усилий здесь – дать такое описание логического следования, при котором отношение логического следования между высказываниями зависело бы не только от их истинностного значения (как это принято в классической логике), но и от их смысловой связи. Однако "связь по смыслу" относится к числу недостаточно четких понятий, и потому существует много вариантов решения проблемы логического следования в рамках неклассической логики. Опыт решения задачи исключения парадоксальных, неприемлемых правил следования – таких, как "из противоречия следует любое высказывание", "логически истинное высказывание следует из любого" – показал, что не существует такой логической системы, которую можно было бы считать единственно правильным описанием логического следования.

Очевидно, что на каждом конкретном этапе развития научного познания с помощью уже имеющихся логических средств можно описывать в той или иной степени упрощенную область отношений. При этом не следует абсолютизировать логическую форму, логическое строение утверждений науки и рассматривать ее как нечто совершенно неизменное. Необходимо учитывать, в частности, то обстоятельство,

что логическая форма высказывания уточняется и "затвердевает" в том или ином контексте рассуждения. Прогресс в данной области исследований зависит, видимо, не столько от выбора формальных средств, сколько от дальнейшего развития теории логики. В научном исследовании систематически используются разнообразные логические средства: приемы формирования понятий, выдвижения, обоснования гипотез, построения теорий, способы доказательства тех или иных утверждений науки, аксиоматизация и формализация научного знания. Осознание, изучение, разработка таких средств и представляет собой одну из важнейших задач логики и методологии научного познания или логики в широком смысле слова.

Однако, как бы ни важна была для профессионала-логика имманентная проблематика этой области знания – разработка собственно формального аппарата логики, построение различного рода исчислений и исследование их свойств и отношений и т.д., необходима также постановка и рассмотрение более широких проблем и, в частности, проблем, связанных с отношением логики к другим наукам, с определением ее места и значения в системе наук.

У Гегеля есть примечательные соображения: "... одно и то же нравственное изречение в устах юноши, хотя бы он понимал его совершенно правильно, лишено того значения и объема, которое оно имеет для ума умудренного жизнью мужа, выражающего в нем всю силу присущего ему содержания. Таким образом, и логическое лишь тогда получает свою истинную оценку, когда оно является в результате научного опыта; оно представляется тогда духу общей истиной, стоящей не наряду с прочими предметами и реальностями как отдельное знание, но составляющей сущность всего этого прочего содержания". Действительно, история логики свидетельствует, что прогресс и совершенствование логики стоят в самой тесной связи с развитием и совершенствованием конкретных наук. Именно они своими исследованиями ставят логические проблемы, они же дают логике и мотивы для их решения. Факты, которыми занимается логика, поставляют сами науки. Без этих фактов не было бы логики как науки, и с развитием наук разнообразятся и усложняются как сами логические проблемы, так и способы их разрешения. Очевидно, что дальнейшее развитие логико-методологических исследований связано не только с более широким использованием средств и методов современной формальной логики, но и с решением проблемы создания общей теории формальных систем.

НИЦШЕ И ДОСТОЕВСКИЙ

В.Н. Садовников

Рассуждая о Ницше в России, безусловно, нельзя оставить в стороне вопрос о взаимосвязи Достоевского и Ницше. Уже достаточно давно в русской философской и публицистической литературе стало само собой разумеющимся и общепринятым мнение о том, что Ф.М. Достоевский во многом предвосхитил идеи Ницше и показал их разрушительное действие на человека, особенно в отношении учения о сверхчеловеке. Но не менее давно известно, что само собой разумеющееся и общеизвестное отнюдь далеко не всегда является истинным или адекватно отображающим положение дел.

В.В. Розанов как-то высказал мысль о том, что русская литература – это гимн униженному и оскорбленному, но подобная характеристика, как никому другому, подходит Ф.М. Достоевскому. Достоевский выписывает, прежде всего, человеческое страдание и пытается выявить его смысл. Все герои Достоевского в массе своей – это материально необеспеченные люди с весьма скудным духовным миром. Это по преимуществу нетворческие люди. Они постоянно не уверены в себе, чувствуют себя усталыми, они несчастны. Жизнь для них трудна. Жизнь во всех проявлениях своих постоянно "унижает" достоинство героев Достоевского. Тюрьма, смерть (насильственная или самоубийство), сумасшествие – вот удел многих героев Достоевского. Сплошная трагедия, но герои Достоевского не желают трагедии, они не готовы к трагедии. Они бунтуют порой, но бунта своего не выдерживают. Они желают "спрятать голову в песок небесных вещей", но и это им далеко не всегда удается. Они живут умирая. У всех этих "героев" нет будущего. Потеряв надежду и цель, человек превращается в животное или злобное чудовище. Если ни то, ни другое невозможно, то для "героя" есть у Достоевского "подполье".

Самую лучшую, на мой взгляд, характеристику героям Достоевского и ситуации, в которой они оказались, можно, пожалуй, найти в "Записках из подполья", хотя автор записок и говорит лишь о себе. Но здесь всё и все герои. "Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я и суеверен до крайности; ну, хоть настолько, чтоб уважать медицину. (Я достаточно образован, чтоб не быть суеверным, но я суеверен.)"¹ Так начинает свои записки подпольный человек. А вот как он их заканчивает: "... мы все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей, "живой жизни" какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее. Ведь мы до того дошли, что настоящую, "живую жизнь" чуть не считаем за труд, почти за службу... Ведь мы даже и не знаем, где и живое-то живет теперь и что оно такое, как называется? ... Мы даже и человеками-то быть тяготимся, – человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов, и это нам все более и более нравится. Во вкус входим".² Все в этом фрагменте сказано более чем ясно.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что герои Достоевского – это "неудавшиеся", в большинстве своем, несостоявшиеся и озлобленные люди, движимые завистью и местью, люди болезненных, пограничных состояний, впавшие в самодовольство и непомерные амбиции. Безднадежность и бессилие – вот удел героев Достоевского, которых по какому-то недоразумению пытаются выдать за сверхчеловека Ницше или на примере которых показывают разрушительность,

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т.5. Л.,1973, с.99.

² Там же, с.178-179.

неправильность, несостоятельность и т.п. идей Ницше. Однако главной чертой всех этих героев является слабость и неуверенность в себе, какое-то неудержимое влечение ко всему уродливому и безобразному, к тому, что ломает, уродует и разрушает их жизнь в конечном счете. Эти слабые и неуверенные в себе могут лишь вождельствовать власти и господства, что, собственно, им и свойственно. Но ни о какой воле к жизни как воле к власти здесь и речи быть не может. Это ли сверхчеловек Ницше? Это ли герой Ницше? Сверхчеловек – это неукротимая воля к жизни, а тем самым и воля к власти, это жажда творчества и созидания, это великая надежда. О некоторых героях Достоевского можно сказать и словами Ницше: "... они на расстоянии пяти шагов от эксцесса, анархии, разнузданности – всего того, что характерно для человека декаданса",³ хотя некоторые герои проделали уже и эти пять шагов.

Герои Достоевского, так или иначе, измучены страхом смерти. Таков ли сверхчеловек? Заратустра учит: "Мужество – лучшее смертоносное оружие, мужество нападающее: оно забивает даже смерть до смерти, ибо оно говорит: "Так *это* была жизнь? Ну что ж! Еще раз!" ".⁴ Герои Достоевского – это ярчайший пример тех признаков упадничества, деградации, декаданса, о которых писал Ницше. Это твари дрожащие, сомневающиеся, но наглые. Вожделеющие власти и насилием себя утверждающие. Для них так и осталась не взятой последняя вершина – это собственное "Я". Безусловно, им свойственно влечение к собственному "Я", но это влечение болезненное. Это влечение к "Я", вожделеющему и раздувающему себя и свои потребности и переживания, свои страхи до масштабов чуть ли не космических и метафизических.

Заратустра, учащий сверхчеловека, но сам таковым не являющийся, говорит весьма ясно и просто: "Чтобы видеть *много*, надо научиться не смотреть на *себя*: эта суровость необходима каждому, кто восходит на горы. ... Да! Смотреть вниз на самого себя и даже на звезды – лишь это назвал бы я своей вершиной, лишь это осталось для меня моей последней вершиной!".⁵ Эта задача, такой взгляд героям Достоевского оказались не по силам. Они могли смотреть на себя только снизу вверх, и зрение играло с ними дурную шутку. Смотрящий на нечто снизу всегда видит его несколько или непомерно больше, чем оно есть на самом деле. Смотря снизу вверх на себя, они как бы возвышались, превозносили, увеличивали себя, свое "Я". И их, слабых, но вожделеющих, их же собственное "Я" начинало подавлять и разрушать. Смотреть на себя не снизу вверх, а сверху вниз – только так возможно достижение вершины и покорение вершины, т.е. овладение своим собственным "Я" и подчинение его себе самому. "Я" – это самая высочайшая, труднейшая и опаснейшая вершина, взять которую, овладеть которой весьма сложно даже Заратустре. Но взять ее и подчинить ее себе, стать господином собственного "Я", господином собственной воли – это главнейшая задача для сверхчеловека, для желающего созидать, творить дальше и больше себя и расточать себя, не ожидая награды или "проездного билета" в вечность. Все это оказалось не по силам душам мрачным и слабым, пребывающим в угрюмом и непроглядном хаосе вожделений. Единственное, на что они оказываются способными, это преступить черту, установленную не ими, но для них. Они вожделеют власти и господства, не имея воли к власти. Они лишь рабы своего вожделения. Они не смеют и не помышляют убрать, уничтожить черту, но лишь смеют, движимые вожделением, преступить ее. И тем самым они "не заявляют своеволия", ибо заявить-то и нечего, а лишь преступают порог хозяйских покоев без разрешения и ведома хозяев. А что бывает с рабами, нарушившими запрет, хорошо известно с давних пор. Состояние преступной совести

³ Ницше Ф. Воля к власти. // Ницше Ф. Воля к власти; Посмертные афоризмы: Сборник. Минск, 1999, с.214.

⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.112.

⁵ Там же, с.109.

выписывает Достоевский – и не более того. Уже упоминавшийся В.В. Розанов как-то заметил: "Достоевский, как пьяная нервная баба, вцепился в "сволочь" на Руси и стал пророком ее".⁶

Герои Достоевского, безусловно, одиноки, но это не то одиночество, которое любит Заратустра и советует своим ученикам. Для героев Достоевского характерно одиночество как оставленность, заброшенность, покинутость. "Одно дело – покинутость, другое – одиночество", – учил Заратустра. Если опаснее быть среди людей, чем среди зверей, то это покинутость. Если появляется мысль о том, что брать – это лучше, чем давать, и в этом брать испытывается больше наслаждения, чем в давать, дарить, – то это покинутость. Если возникает мысль, что в красть больше наслаждения, чем в брать, то и это покинутость. Когда только один выход: "Скажи свое слово и умри!" – это покинутость. Но разве здесь не весь Раскольников или Кириллов, как, впрочем, и любой другой из персонажей Достоевского? Злоба, мрак и зависть в душе, переживание оставленности, покинутости, и в итоге бунт (убийство или самоубийство) ради привлечения внимания или самоутверждения. Это ли герой Ницше? Этому ли учит он? Но даже если и не вдаваться в изыскания по поводу одиночества и покинутости, то в любом случае для героев Достоевского одиночество – это бегство больного, а для Ницше-Заратустры – это бегство от больных. Можно сказать и так, что Достоевский исследует болезни человеческого духа, мастерски их выписывает, но дальше этого не идет, здесь и останавливается. Ницше же требовал преодоления этих болезненных состояний.

Ницше во многом реалистичнее и прозорливее Достоевского. Достоевский печалится по поводу того, что далеко не все являются личностями, их явно меньшинство, а в большинстве пребывает масса, "безличность", но уповает на то, что где-то и когда-то в будущем чуть ли не все станут личностями. Ницше же уверен, что всегда были, есть и будут меньшинство и масса. Достоевскому этого не хочется, а потому так и не должно быть. Позицию Достоевского в данном вопросе, как, впрочем, и во многих других, можно выразить следующими словами: "Что бы там ни вышло, а ведь дело-то, под конец, наладится. Вот моя вера".⁷ Чудо, тайна и авторитет – вот три кита позиции Достоевского.

Основная идея Достоевского заключается в том, что сегодняшняя жизнь, современная жизнь – это неправильная жизнь, ибо в ней торжествуют злые, "хищники", зло. Добрые, добро и доброта сегодня безжалостно проигрывают эту жизнь. Она их просто унижает и зачастую убивает. Добрые гибнут, торжествуют "хищники". Принять это и согласиться с этим Достоевский не может и не хочет, но и изменить что-либо не может. Он не приемлет любые насильственные изменения, так как это, прежде всего, насилие и кровь, а тем самым опять же возрастание зла. Что же остается? Вера – "песок небесных вещей". В результате – или бледные и немощные князь Мышкин, Алеша и Зосима, или же бунт твари.

Для Ницше-Заратустры жизнь есть источник радости, но вот только там, где пьет отребье, источники отравлены. И от того, что в мире много грязи, сам мир еще не стал грязным чудовищем. Ницше учит принимать жизнь такой, как она есть, ибо другой нет и не будет. Ницше требует от каждого быть самим собой, стать личностью, если, конечно, к тому есть основания, ибо далеко не каждый, полагает Ницше, может справиться с этой задачей. Став личностью, произведи переоценку ценностей и устрой мир должным образом, если ты личность, если ты стал самим собой, если хочешь и можешь, а хотеть и мочь – это главное, что свойственно, что присуще личности. В требовании стать личностью, самим собой, предьявляемом человеку, Ницше и Достоевский, безусловно, смыкаются и понимают под личностью по сути одно, причем

⁶ Розанов В.В. Уединенное. М., 1990, с.374.

⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989, с.146.

необходимым качеством таковой личности является у того и другого свобода. Достоевский пишет: "... настоящая свобода лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином".⁸

Не отрицал Ницше и того, что в современном обществе имеется множество безнравственного, безнравственных поступков и действий человека и их необходимо было бы не допускать или вовсе упразднить из жизни. Ницше подчеркивал, что он выступает не против нравственности вообще, но против того основания, на котором сегодня базируется нравственность, и желает заменить его. Свою задачу Ницше сформулировал достаточно ясно и четко и вышел "по ту сторону добра и зла", чего нельзя сказать о Достоевском. Достоевский интуитивно подбирается и ведет своих героев к пограничной меже, но не переступает ее. Он с ужасом заглядывает через своих героев в бездну, в пропасть, но только заглядывает и тут же отскакивает от края, а герои его либо гибнут, либо подвергаются наказанию. В данной ситуации, учит Ницше, необходимо мужество орла, летящего над бездной и как бы держащего в когтях своих эту бездну.

Оказавшись "по ту сторону", Ницше, тем не менее, стремится определить новые добро и зло, созидая тем самым новую мораль. Он прекрасно понимал роль и значение морали, но это должна была быть, как мы уже отметили, совершенно иная мораль, ибо для Ницше "Бог мертв". Вот здесь и начинаются принципиальные различия между Ницше и Достоевским. Достоевский не желает отказываться от той основы, на которой стоит нравственность, – от христианства, причем христианства православного. Достоевский был не в силах допустить мысль, что Бога нет, но и не хотел признавать, допускать жизнь так, как она есть. В этом весь Достоевский. В этом и все его герои. Отсюда все страдания и терзания самого Достоевского и его героев. Отсюда и все попытки "бунта", и софистическая эквилибристика идей.

Требую от человека быть личностью, т.е. "всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином", требуя самостоятельности мысли и действия, Достоевский одновременно запрещает и не допускает самостоятельного отношения к нравственным ценностям и к Богу. Самостоятельность подобного рода, по Достоевскому, с неизбежностью приведет еще приличного человека к самоубийству, а менее приличного – к убийству другого. Если брать пример Кириллова, то парадоксальность его умозаключений более чем наглядна. Кириллов, по Достоевскому, атеист. Не признает он Бога традиционного, и все тут, а вот нравственности, установленной этим Богом, не отрицает. Но если Бога нет, то место Бога должен занять тот, кто его отрицает, т.е. Кириллов должен утвердить себя как Бога, в качестве Бога. Получается, что жизнь без Бога невыносима и невыносима. Что же это за атеизм такой?

Здесь уместно вспомнить и Ивана Карамазова. Его бунт – это всего лишь неприятие мира, устроенного Богом, но не бунт против Бога. "Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.

– Это бунт, – тихо и потупившись, проговорил Алеша.

– Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, – проникновенно сказал Иван. – Можно ли жить бунтом, а я хочу жить".⁹ Так вот, это не атеизм, это всего лишь бунт, а участь бунтовщиков издавна известна. Потому-то и не хочет Иван такого слова, ибо жить он хочет, но не хочет принять жизнь такой, как она есть. Здесь и весь Достоевский, бунтующий против этой жизни, того зла и мерзости, которые содержатся в ней. Но над Иваном–Достоевским, бунтовщиком, возвышается Алеша–Достоевский, христианин. Вот весьма показательный фрагмент из того же диалога Ивана и Алеши. "Брат, – проговорил вдруг с засверкавшими глазами Алеша, – ты сказал сейчас: есть ли

⁸ Там же, с. 416-417.

⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.14. Л., 1976, с. 223.

во всем мире существо, которое могло бы и имело бы право простить? Но существо это есть, и оно может простить, всех и вся *и за всё*, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и всё. Ты забыл о нем, а на нем-то и созиждется здание, и это ему воскликнут: "Прав ты, господи, ибо открылись пути твои" ".¹⁰

Проста, бесхитростна и однозначна реакция Алеши–Достоевского на поэму "Великий Инквизитор". "Инквизитор твой не верует в бога, вот и весь его секрет! ...– А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Как же жить-то будешь, чем ты любить-то их будешь? – горестно восклицал Алеша. – С таким адом в груди и в голове разве это возможно? Нет, именно ты едешь, чтобы к ним примкнуть... а если нет, то убьешь себя сам, а не выдержишь!" .¹¹

Теперь, полагаю, все более чем ясно. По Достоевскому, жить без Бога нельзя. Без Бога жизнь невыносима и невыносима. Без Бога, полагает Достоевский, человек из своей воли, по своему хотению и разумению не только создать или совершить нечто хорошее не сможет – он просто жить не сможет. "С таким адом в груди и в голове разве это возможно? ... убьешь себя сам, а не выдержишь!". Удел человека без Бога – это разврат, сладострастие, убийство или самоубийство. Истина, добро, красота и любовь – у Бога, и это Бог. Весь гений Достоевского направлен на обоснование и доказательство этого. Ведь выдержать жизнь без Бога можно, лишь обладая силой карамазовской. А карамазовская сила – это "сила низости карамазовской. – Это потонуть в разврате, задавить душу в растлении, да, да? – вопрошает Алеша. – Пожалуй, и это, – отвечает Иван, – только до тридцати лет, может быть, и избегну, а там...

– Как же избежешь? Чем избежешь? Это невозможно с твоими мыслями.

– Опять-таки по-карамазовски.

– Это чтобы "всё позволено"? Все позволено, так ли, так ли? ...

– Да, пожалуй: "всё позволено", если уж слово произнесено. Не отрекаюсь" .¹²

Вот и произнесена все разрушающая максима. Звучит достаточно устрашающе. Но так ли это на самом деле? Действительно ли "все позволено"? Оказывается, нет! В этой вседозволенности человеку не позволено жить нравственно, созидая истину, добро и красоту, творить любовь. Так что же это за вседозволенность такая? Следовательно, ни о какой вседозволенности здесь и речи нет. Утверждается старая "добрая" истина, что человек без Бога есть мразь, грязь и тварь подлейшая. И именно таковы герои Достоевского, якобы живущие без Бога или далеко от него, которых приводят как пример "сверхчеловека", т.е. тех, кто примерял на себя ницшеанскую идею сверхчеловека. Почему эти герои таковы? Да потому, что сам Достоевский убежден: "Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся. Нравственные идеи есть. Они вырастают из религиозного чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могут".¹³ По сути, ясно и однозначно. Нравственность связана с религией и может базироваться только на религии. Религиозная жизнь, религиозная деятельность – это нравственная жизнь, а "религия есть только формула нравственности".¹⁴

Однако вернемся к Кириллову. Мы задались вопросом, что же это за атеизм такой, если Кириллов, отрицая Бога, должен утвердить себя в качестве Бога? Но не менее странной выглядит мысль о том, что, утвердив себя в качестве Бога, Кириллов должен убить себя. Это было бы логично, если бы и Бог, утверждая себя, сотворил самоубийство. Нам, однако, известно лишь то, что Бог был, и самым первым из известных нам его актов был акт творчества. Разве в акте творчества мира и человека

¹⁰ Там же, с.224.

¹¹ Там же, с.238-239.

¹² Там же, с. 240.

¹³ Цит. по: Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. М.,1991, с.316.

¹⁴ Там же, с.322.

Бог совершил самоубийство? Логичнее было бы предположить, что, заняв место Бога, утвердив себя в качестве Бога, Кириллов с необходимостью оказывается "по ту сторону добра и зла". Ибо Бог – это тот, кто изначально стоит "по ту сторону". Ведь хорошо известно, что Бог утверждал ценности, и он же отвергал их, заменяя новыми, если они устаревали и не выполняли своего назначения. Если это не самоубийство Бога, то почему Кириллов должен убить себя? То, что Бог "по ту сторону добра и зла", то, что он производит переоценку ценностей и полагает новые ценности, свидетельствует сам Иисус: "Вы слышали, что сказано древним ... "око за око, и зуб за зуб". А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. ... Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас".¹⁵ Что это, как не великая переоценка всех ценностей? Причем здесь самоубийство? Разве распятие Христа – это самоубийство Бога?

Если Кириллов стремится показать, что человек, став хозяином соей воли, став господином себе, своему телу и духу, доказывает и показывает это в акте самоубийства (разрушения), а не в акте творческого созидания, то он, действительно, пациент психиатра или психоаналитика. И тому есть свидетельство. Кириллов постоянно, уже на протяжении многих лет, по его собственному признанию, мучается страхом и болью жизни. "Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен, – говорит Кириллов. – Теперь все боль и страх. Теперь человек жизнь любит потому, что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет. А тот Бог не будет.

– Стало быть, тот Бог есть же, по-вашему?

– Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. ... Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет".¹⁶ И несколько далее Кириллов сознается, что он всю свою жизнь этим вопросом мучился. "Я не могу о другом, я всю жизнь об одном. Меня Бог всю жизнь мучил, – заключил он вдруг с удивительной экспансивностью".¹⁷

Разве это не явное свидетельство болезни? Разве это атеизм? Да нет, конечно! У Достоевского вообще нет атеистов среди героев. Есть, по словам Ницше, нигилисты петербургского образца, страдающие верой в неверие, вплоть до мученичества. "Я обязан неверие заявить, – шагал по комнате Кириллов. – Для меня нет выше идеи, что Бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал себе Бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать Бога. Пусть узнают раз навсегда.

"Не застрелится" – тревожился Петр Степанович.

– Кому узнавать-то? – поджигал он. – Тут я да вы, Липутину, что ли?

– Всем узнавать; все узнают. Ничего нет тайного, чтобы не сделалось явным. Вон Он сказал.

И он с лихорадочным восторгом указал на образ Спасителя, перед которым горела лампада. Петр Степанович совсем озлился.

– В Него-то, стало быть, все еще веруете и лампадку зажгли; уж не на всякий ли случай?

---

¹⁵ Матф. 5: 21-44.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.10. Л.,1974, с.93-94.

¹⁷ Там же, с.94.

Тот промолчал.

– Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй, еще больше попа".¹⁸ И несколько далее Кириллов открывает свою тайну, которую не захотели увидеть многие исследователи Достоевского, но увидел Ницше. *"Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятье человека... Но я заявлю своеволие, я обязан уверовать, что не верую"*.¹⁹ (Курсив и выделение мои – В.С.)

Вот и весь сказ. Боль жизни, страх жизни и непомерные, ни чем не подкрепленные амбиции затмили для него все. И это уже не что иное, как болезненное состояние. "Нет спасения для того, кто так страдает от себя самого, – кроме быстрой смерти".²⁰ Да и причина этого страдания или этой болезни очевидна, Кириллов сам о ней говорит, объясняя одному из собеседников причину своего согласия на разговор с ним: "Вы давеча хорошо сидели и вы ... впрочем, все равно ... вы на моего брата похожи, много, чрезвычайно, – проговорил он, покраснев, – он семь лет умер, старший, очень, очень много.

– Должно быть, имел большое влияние на ваш образ мыслей.

– Н-нет, он мало говорил; он ничего не говорил".²¹

Из текста "Бесов" можно сделать вывод, что симпатии Достоевского – на стороне Кириллова, а не Верховенского, а это еще один повод для того, чтобы Кириллов убил себя, найдя после долгих и мучительных исканий атрибут божества своего – своеволие. Ведь Кириллов, по мнению Достоевского, отрицающий Бога, отрицает и бессмертную душу, Достоевский глубоко убежден, что "без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невысказано и невозможно".²² Исходя из этого, Достоевский и говорит, что "самоубийство, при потере идеи бессмертия, становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своем развитии над скотами".²³ Анализируя причину множества самоубийств, вроде бы ничем не мотивированных, Достоевский указывает именно на болезненное состояние душ самоубийц, говоря: "я несомненно убежден, что в большинстве, в целом, прямо или косвенно, эти самоубийцы покончили с собой из-за одной и той же духовной болезни – от отсутствия высшей идеи существования в душе их".²⁴ Приговор Кириллову подписан. Но Кириллов – это тот, кто чуть-чуть в своем развитии поднялся над скотом, а потому он и говорит Верховенскому: "Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому.

– Да ведь не один же вы себя убиваете; много самоубийц.

– С причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволия – один я.

"Не застрелится", – мелькнуло опять у Петра Степановича.

– Знаете что, – заметил он раздражительно, – я бы на вашем месте, чтобы показать своеволие, убил кого-нибудь другого, а не себя. Полезным могли бы стать. Я укажу кого, если не испугаетесь. Тогда, пожалуй, и не стреляйтесь сегодня. Можно сговориться".²⁵ Вот здесь Достоевский нам и показывает два вида своеволия, исходя из своих мировоззренческих позиций. Своёволие того, кто, по его мнению, хоть чуть-чуть поднялся над скотом, и своёволие того, кто скотом, по сути, и остался. Кириллов говорит Верховенскому буквально следующее: "Убить другого будет самым низким пунктом моего своеволия, и в этом весь ты. Я не ты: я хочу высший пункт и себя убью.

¹⁸ Там же, с.471.

¹⁹ Там же, с.472

²⁰ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.27.

²¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.10. Л.,1974, с.94-95.

²² Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.,1989, с.348.

²³ Там же, с. 351.

²⁴ Там же, с. 352.

²⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.10. Л.,1974, с. 470.

"Своим умом дошел", – злобно проворчал Петр Степанович".²⁶

По-моему, здесь все предельно ясно. Выводить отсюда сверхчеловека или печальные последствия воздействия на человека ницшеанских идей можно, только основательно извратив Ницше и Достоевского, рассчитывая на то, что никто не будет иметь возможности или желания самостоятельно читать того и другого. Если Кириллов и некоторые другие герои Достоевского пребывают в сомнении по поводу Бога и стремятся доказать и заявить прежде всего свое неверие, то для Ницше-Заратустры отсутствие Бога является несомненным фактом. Бог мертв. Здесь ничего и никому доказывать нет нужды. А раз Бог мертв, то необходима переоценка всех ценностей, нужны новые ценности, которые бы утверждали жизнь и способствовали ее расширению, возвышению и возрастанию. Необходимы самообладание, сила, мужество и твердость для утверждения этих ценностей, а не самоубийство или убийство другого. Достоевский по-своему решает проблему, которую решал Сократ, доказывая, что добродетельным и справедливым быть лучше, чем наоборот. Лучше самому претерпеть несправедливости и недобродетельное отношение к себе, чем самому быть недобродетельным и творить несправедливость по отношению к другому. И хотя Достоевский утверждает, что в этой жизни добродетельные и справедливые проигрывают и страдают, эта жизнь есть жизнь для "хищников", он, тем не менее, стремится показать и доказать, что люди, не следующие добродетели (христианской в данном случае), есть люди недостойные и должны страдать, причем не через нечто внешнее, а, прежде всего, изнутри, что гораздо страшнее. Вот его герои и обречены на страдание и самоубийство или убийство другого. Достоевский решительно осуждает всякое нарушение норм и правил. Но так хочется Достоевскому, и здесь, т.е. над своими героями он хозяин.

Если мы обратимся к "Запискам из Мертвого дома", то убийцы и развратники, даже более страшные, чем Раскольников или Смердяков, не имеют и сотой доли тех страданий, которым подвержен Раскольников, ибо здесь Достоевский не хозяин. Здесь он только наблюдатель. Более того, в "Записках из Мертвого дома" можно усмотреть почтительное отношение к каторжникам как натурам сильным и смеющим. Однако Достоевский не дал разрастись этой почтительности в себе, ибо принципы и нормы христианства оказались для него сильнее, и нарушившие их должны страдать, как требуют эти нормы и принципы. И Достоевский осуждает своих героев на страдание и смерть здесь и сейчас. Герои Достоевского, объявляющие себя в Бога не верящими или усомнившимися, жить не должны. Следовательно, эти герои осуждают и убивают себя сами, или же их настигает закон. Таково кредо Достоевского.

То, что происходит с Кирилловым, Верховенским, Раскольниковым, Иваном Карамазовым и другими героями Достоевского, можно рассматривать только как первый этап в становлении, в созревании души свободной и самостоятельной, учил Ницше. Но дальше этого герои Достоевского не пошли, вернее, их не "пустил", не "повел" Достоевский, ибо дальше этого он и не мог "пускать" или "вести". Для прояснения этой мысли мне придется привести достаточно длинный отрывок из Ницше, ибо не у каждого под рукой в данный момент может оказаться эта книга, если я просто сошлюсь на нее и отправлю к ней читателя, а пересказывать Ницше не считаю для себя возможным. В.В. Розанов как-то сказал, что "поэзия цитируется, а не рассказывается".²⁷ А то, что философия Ницше во многом есть поэзия, вряд ли у кого вызовет сомнения. Так вот, Ницше писал: "Можно предположить, что душа, в которой некогда должен совершенно созреть и налиться сладостью тип "свободного ума", испытала как решающее событие своей жизни *великий разрыв*, и что до этого она была тем более связанной душой и казалась навсегда прикованной к своему углу и столбу. ...

---

²⁶ Там же, с. 470.

²⁷ Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990, с. 356.

Великий разрыв происходит для таких связанных людей внезапно, как подземный толчок: юная душа сразу сотрясается, отрывается, вырывается – она сама не понимает, что с ней происходит. Ее влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что бы то ни стало; горячее опасное любопытство по неоткрытому миру пламенеет и пылает во всех ее чувствах. "Лучше умереть, чем жить *здесь*" – так звучит повелительный голос и соблазн; и это "здесь", это "дома" есть все, что она любила доселе! Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила, молния презрения к тому, что звалось ею "обязанностью", бунтующий, произвольный, вулканически пробивающийся порыв к странствию, к чужбине, отчуждению, охлаждению, отрезвлению, ненависть к любви, быть может, святотатственный выпад и взгляд *назад*, туда, где она доселе поклонялась и любила, быть может, пыл стыда перед тем, что она только что делала, и вместе с тем восторженная радость, что *она* это делала, упоенное внутреннее радостное содрогание, в котором оказывается победа – победа? над чем? над кем? загадочная, чреватая вопросами и возбуждающая вопросы победа, но все же *первая* победа – такие опасности и боли принадлежат к истории великого разрыва. Это есть вместе с тем болезнь, которая может разрушить человека – этот первый взрыв силы и воли к самоопределению, самоустановлению ценностей, это воля к *свободной* воле; и какая печать болезненности лежит на диких попытках и странностях, посредством которых освобожденный, развязавшийся стремится теперь доказать себе свою власть над вещами! Он блуждает, полный жестокости и неудовлетворенных вождлений; всё, чем он владеет, должно нести возмездие за опасное напряжение его гордости; он разрывает все, что возбуждает его. Со злобным смехом он опрокидывает все, что находит скрытым, защищенным како-то стыдливостью; он хочет испытать, каковы все эти вещи, *если* их опрокинуть. Из произвола и любви к произволу он, быть может, дарует теперь свою благосклонность тому, что прежде стояло на плохом счету, – и с любопытством и желанием испытывать проникает к самому запретному. В глубине его блужданий и исканий – ибо он бредет беспокойно и бесцельно, как в пустыне, – стоит знак вопроса, ставимый все более опасным любопытством. "Нельзя ли перевернуть *все* ценности? И, может быть, добро есть зло? А Бог – выдумка и ухищрение дьявола? И, может быть, в последней своей основе все ложно? И не *должны* ли мы быть обманщиками?" – такие мысли совращают и отвращают его все дальше и дальше в сторону. Одиночество окружает и оцепляет его, становится все грознее, удушливей, томительней, эта ужасная богиня и *mater saeva cupidinum* (свирепая мать страстей – В.С.) – но кто еще знает нынче, что такое *одиночество*?.."28

Из этого фрагмента достаточно ясно и хорошо видно, что Ницше не зря и с пониманием читал Достоевского. Все то, что здесь прописывает Ницше, имеет прямое отношение к героям Достоевского и в полной мере характеризует то, что с ними происходит. Именно на этом этапе находятся герои Достоевского, и именно этот этап весьма тщательно, со всей силой своего таланта выписывает Достоевский, если не брать в расчет болезнь или болезненные состояния отдельных героев. Но дальше, как я уже отмечал, он их не ведет, ибо как только формулируются все вышеперечисленные вопросы, Достоевский в силу своей мировоззренческой позиции, в силу своих убеждений принуждает своих героев к саморазрушению, к самоубийству или убийству другого, что есть лишь иной вариант саморазрушения. Первый этап – это болезнь, болезнь становления "свободного ума", характеризующийся неудовлетворенностью, сомнением, страхом, жестокостью, одиночеством и, возможно, смертью. Да, на этом этапе многих может ожидать гибель, что мастерски и выписывал Достоевский. И все, читавшие Достоевского, так и оставались с ним на этом этапе и сквозь призму этого и

---

²⁸ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Соч. 2 т. Т.1, М.,1990, с.233-235.

только этого этапа, не видя или не желая видеть второго этапа, выписанного Ницше, оценивали автора Заратустры, автора идеи сверхчеловека. Они не видели этапа выздоровления и того, что обретает на этом этапе выздоровевший. И опять я приведу для большей убедительности достаточно большой фрагмент из Ницше. "От этой болезненной уединенности, из пустыни таких годов испытания еще далек путь до той огромной, бьющей через край уверенности, до того здоровья, которое не может обойтись даже без болезни как средства и уловляющего крючка познания, – до той зрелой свободы духа, которая в одинаковой мере есть и самообладание, и дисциплина сердца и открывает пути ко многим и разнородным мировоззрениям, – до той внутренней просторности и избалованности чрезмерным богатством, которая исключает опасность, что душа может потерять самое себя на своих собственных путях или влюбиться в них и в опьянении останется сидеть в каком-нибудь уголку, – до того избытка пластических, исцеляющих, восстанавливающих и воспроизводящих сил, который именно и есть показатель *великого* здоровья, – до того избытка, который дает свободному уму опасную привилегию жить *риском* и иметь возможность отдаваться авантюрам – привилегию истинного мастерства, признак свободного ума! ... "Свободный ум" – это холодное слово дает радость в таком состоянии, оно почти греет. Живешь уже вне оков любви и ненависти, вне "да" и "нет", добровольно близким и добровольно далеким, охотнее всего ускользая, убегая, отлетая, улетающая снова прочь, снова вверх; чувствуешь себя избалованным, подобно всякому, кто видел *под* собой огромное множество вещей, – и становишься антиподом тех, кто заботится о вещах, которые его не касаются. И действительно, свободного ума касаются теперь вещи, – и как много вещей! – которые его уже *не заботят*...

Еще шаг дальше в выздоровлении – и свободный ум снова приближается к жизни, правда, медленно, почти против воли, почти с недоверием. ... Он чувствует себя так, как будто теперь у него впервые открылись глаза для *близкого*. В изумлении он останавливается: где же он *был* доселе? Эти близкие и ближайšie вещи – какими преобразенными они кажутся ему теперь! ... Благодарный, он оглядывается назад, – благодарный своим странствиям, своей твердостью и самоотчуждению, своей дальнорукостью и своим птичьим полетам в холодные высоты. Как хорошо, что он не оставался, подобно изнеженному темному празднотворцу, всегда "дома", "у себя"! Он был *вне* себя – в этом нет сомнения. Теперь лишь видит он самого себя, – и какие неожиданности он тут встречает! Какие неизведанные содрогания! Какое счастье даже в усталости, в старой болезни и ее возвратных припадках у выздоравливающего! Как приятно ему спокойно страдать, пряхать нить терпения, лежать на солнце! Кто умеет, подобно ему, находить счастье зимой, наслаждаться солнечными пятнами на стене! Эти наполовину возвращенные к жизни выздоравливающие, эти ящерицы – самые благодарные животные в мире: некоторые среди них не пропускают ни одного дня без маленькой хвалебной песни. Серьезно говоря, самое основательное *лечение* всякого пессимизма (как известно, неизлечимого недуга старых идеалистов и лгунов) – это заболеть на манер таких свободных умов, долго оставаться больным и затем еще медленнее возвращаться к здоровью – я хочу сказать – становиться "здоровее". Мудрость, глубокая жизненная мудрость содержится в том, чтобы долгое время прописывать себе даже само здоровье в небольших дозах. –

И в эту пору, среди внезапных проблесков еще необузданного, еще изменчивого здоровья, свободному, все более освобождающемуся уму начинает наконец уясняться та загадка великого разрыва, которая доселе в темном, таинственном и почти неприкосновенном виде лежала в его памяти. Если он долго почти не решался спрашивать: "Отчего я так удалился от всех? Отчего я так одинок? Отчего я отрекся от всего, что почитаю, – отрекся даже от самого почитания? Откуда эта жестокость, эта подозрительность, эта ненависть к собственным добродетелям?" – то теперь он

осмеливается громко спрашивать об этом и уже слышит нечто подобное ответу: "Ты должен был стать господином над собой, господином и над собственными добродетелями. Прежде *они* были твоими господами; но они могут быть только твоими орудиями наряду с другими орудиями. Ты должен был приобрести власть над своими "за" и "против" и научиться выдвигать и снова прятать их, смотря по твоей высшей цели. Ты должен был научиться понимать начало перспективы во всякой оценке – отклонение, искажение и кажущуюся телеологию горизонтов и все, что относится к перспективе, и даже частицу глупости в отношении к противоположным ценностям, и весь интеллектуальный ущерб, которым приходится расплачиваться за каждое "за" и "против". Ты должен был научиться понимать *необходимую* несправедливость в каждом "за" и "против", несправедливость, неотрешимую от жизни, *обусловленность* самой жизни началом перспективы и его несправедливостью. Ты должен был прежде всего воочию видеть, где несправедливости больше всего: именно там, где жизнь развита меньше, мельче, беднее всего, где она всегда более первобытна и все же вынуждена считать *себя* целью и мерой вещей и в угоду своему сохранению исподтишка, мелочно и неустанно подрывать и расшатывать все высшее, более великое и богатое, – ты должен был воочию увидеть проблему *иерархии* и как сила, и право, и широта перспективы одновременно растут вверх. Ты должен был..." – довольно, свободный ум *знает* отныне, какому "ты должен" он повиновался, и знает также, на что он теперь способен и что ему теперь – *позволено...*".²⁹ (Выделено мной – В.С.)

Итак, тот, кто выздоровел, знает теперь, какому "ты должен" следует повиноваться, на что он способен и что ему позволено. А позволено ему далеко не все. Ницше не разделяет принцип: если Бога нет, то все позволено. Герои же Достоевского так и остаются на первом этапе самоопределения, где доминируют неудовлетворенность, сомнение, страх, одиночество и даже весьма вероятна смерть. Они так и не узнали, какому "ты должен" они должны повиноваться, на что они способны и что им позволено. Именно на этом этапе застрял, пожалуй, самый мыслящий из всех, Кириллов, говоря: "Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою.

Лицо его было неестественно бледно, взгляд нестерпимо тяжелый. Он был как в горячке".³⁰ Вот-вот, болезнь, горячка, отчаянье, страх, одиночество и отсюда новая страшная свобода – непокорность и своеволие. Но просто непокорность и своеволие – это действительно страшно. Однако дальше этого и выше этого он, по милости Достоевского, пойти и подняться не может. Здесь уместно вспомнить речь Заратустры, обращенную к юноше, вставшему на путь Заратустры, но испугавшегося и избегавшего Заратустры. На первом этапе движения к свободе, к свободному духу юноша испугался себя самого и того одиночества, в котором он вдруг оказался, того отчуждения, которое вдруг возникло между ним и всем остальным. И вот что сказал Заратустра ему: "Ты еще не свободен, ты ищешь свободы. Бодрствующим сделало тебя твое искание и лишило сна.

В свободную высь стремишься ты, звезд жаждет твоя душа. Но твои дурные инстинкты также жаждут свободы.

Твои дикие псы хотят на свободу; они лают от радости в своем погребке, пока твой дух стремится отворить темницы.

²⁹ Там же, с.235-237.

³⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30т. Т.10, Л.,1974, с.472.

По-моему, ты еще заключенный в тюрьме, мечтающий о свободе; ах, мудрой становится душа у таких заключенных, но также лукавой и дурной.

Очиститься должен еще освободившийся дух. В нем еще много от тюрьмы и от затхлости: чистым должен еще стать его взор.

Да, я знаю твою опасность. Но моей любовью и надеждой заклинаю я тебя: не бросай любви и надежды!"³¹ (Выделено мной – В.С.)

Любовь и надежда – вот единственное средство не застрять на первом этапе и не убить себя или другого. Кириллов же и другие герои Достоевского лишены любви и надежды. Ведь почти для всех этих героев жизнь есть боль и страх, и человек несчастен. Или, как говорил Заратустра, "печаль и страх для них герой". Отсюда и "страшная свобода", как непокорность и своеволие. И это "свобода от", а не "свобода для". Это свобода от страха, боли, печали и несчастья, и высшим пунктом такой свободы для того, кто хоть чуть-чуть действительно возвысился над животным и будет убийство себя. Для того же, кто, по сути, остался животным – убийство другого. Таков удел героев Достоевского. Свобода героев Достоевского, – это свобода выбора добра и зла, которые уже установлены и определены человеку Христом. И как бы высоко ни ценил Достоевский свободу человека, как бы ни полагал ее как главное и основное определение человека, он не допускает даже и мысли о том, что свобода может и должна быть лишь в самостоятельном полагании, установлении добра и зла. Великий Инквизитор как раз и указывает Христу на тот факт, что Христос возжелал свободной любви человека, чтобы человек свободно пошел за ним, но **прельщенный** и **плененный** Христом. Да, человек должен теперь сам решать, что есть добро и что есть зло, но вся закавыка со свободой здесь в том, что, решая проблему добра и зла или выбирая добро и зло, человек имеет в качестве руководства или критерия не себя и свою жизнь, а образ Христа, ибо он **прельщен** и **пленен** Христом, а за этим образом или вне этого образа уже отмерено ему. "Кто не со Мною, тот против меня... И введут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов. ... И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную".³² Так что самостоятельного хотения и воления, которые вроде бы и дороги Достоевскому в человеке, как-то не получается, ибо сам Достоевский пленен и прельщен Христом, имея его в качестве нравственного идеала. Герои Достоевского, скажем еще раз, обречены. Нет у Достоевского никакого прозрения ницшеанских идей. Это Ницше прозрел, быть может, пройдя через Достоевского, и убирает все препятствия на пути человека к свободе – "Бог мертв!".

Претензии, предъявляемые к Ницше, сродни претензиям, предъявляемым Великим Инквизитором Христу. "Не ты ли так часто тогда говорил: "Хочу сделать вас свободными... Ты обещал им хлеб небесный... (Надо полагать, именно свободу – В.С.) И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Или тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые".³³ Путь свободы, таким образом, – это трудный путь, который далеко не каждому по силам. Этот путь требует мужества, твердости, героизма и ответственности. И, по сути, свобода всегда возможна лишь для немногих. Путь свободы тяжек и сложен даже тогда, когда "в белом венчике из роз впереди Иисус Христос", но еще многожды труднее он, когда "Бог мертв!" Свобода аристократична. А потому иному учит, иное исповедует и проповедует Заратустра. Заратустра требует, говоря о свободе: "Покажи мне на это своё право и свою силу.

³¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2, М.,1990, с.31.

³² Матф. 12: 30, 13: 50, 25: 46.

³³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.14. Л.,1976, с.229, 231.

Являешь ли ты собой новую силу и новое право? Начальное движение? Самокатящееся колесо? Можешь ли ты заставить звезды вращаться вокруг себя?

Ах, так много вожделеющих о высоте! Так много судорог честолюбия!
(Выделено мной – В.С.)

Докажи мне, – требует Заратустра, – что ты не из вожделеющих и не из честолюбцев!

...

Свободным ты называешь себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не то, что ты сбросил ярмо с себя.

Из тех ли ты, что имеют *право* сбросить ярмо с себя? *Таких не мало, которые потеряли свою последнюю ценность, когда освободились от рабства.*

Свободный от чего? Какое до этого дело Заратустре? Но твой ясный взор и должен поведать мне: *свободный для чего?*"³⁴

Даже при самом поверхностном прочтении Заратустры или знакомстве с работами Ницше хорошо видно, что свобода необходима для творчества, для созидания, и именно для творчества и созидания должен быть свободен человек или те, кто встал на путь Заратустры, для кого цель – сверхчеловек. Герои Достоевского оказались не из тех, кто имел право сбросить с себя ярмо, освободиться от рабства, от рабства старых ценностей, целей и смыслов. Ибо, сбросив ярмо, они действительно утратили свою последнюю ценность. Читая Ницше, мы можем убедиться в том, что свобода, о которой он говорит, всегда связана с ответственностью, и вместе с тем это всегда – тяжкий труд, что доступно далеко не каждому. Даже как дар свобода оказывается далеко не каждому по силам. Это подчеркивает и Великий Инквизитор, упрекая Христа за то, что он принес людям свободу именно как дар. Для большинства человечества, говорит он, спокойствие и даже смерть дороже свободного выбора добра и зла. Этот дар свободы обрек людей на мучения и страдания, и ужасно им станет быть свободными, пророчествует он. Устами Великого Инквизитора Достоевский утверждает, что человек просто не способен быть свободным в массе своей. Свобода и предстает здесь как ужас, боль, страх, отчаянье, от которых можно избавиться лишь преклонившись и отказавшись от свободы.

Иначе выглядит свобода у Ницше. Свобода у Ницше – это радость и сила самоопределения, это расставание со всякой верой и кумирами (чудо, тайна, авторитет), это умение полагаться на себя, "умение держаться на тонких канатах и возможностях и даже танцевать еще над пропастями". Если у Достоевского человек не способен к свободе, что подтверждается самоубийством или нравственной деградацией героев, протестующей или пассивной созерцательностью, то Ницше утверждает, что человек **пока еще** не готов к свободе, к свободе духа, ибо в нем еще много от животного. Он полагает, что необходима долгая работа по подготовке человека к свободе, причем с величайшей осторожностью. "Мы же теперь находимся в самом разгаре этой работы освобождения от цепей, – пишет Ницше, – и нам при этом необходима величайшая осторожность. Только вполне облагороженному человеку может быть дарована свобода духа... Все еще, по-видимому, не настала пора, чтобы над всеми людьми, как над древнейшими пастухами, разверзлись небеса и послышался голос, возвещающий: "на земле мир и в человецех благоволение!" Да, и теперь это еще жребий только отдельных, единичных личностей".³⁵

Вспомним беседу Заратустры с юношей. Там как раз и подчеркивается тот факт, что нельзя освободиться и возвыситься вмиг. Нельзя просто объявить себя высшим и благородным. Нельзя освободиться и возвыситься, не избавившись от дурных инстинктов, ибо много "псов" сидит в темницах души нашей или много еще в человеке

³⁴ Там же, с.45.

³⁵ Ницше Ф. Странник и его тень. М.,1994, с.398.

от животного. Очиститься должен еще дух. Только в этом случае свобода познающего духа, утверждает Ницше, ведет к добродетелям, подтверждая их полезность. Такими добродетелями, с точки зрения Ницше, являются, прежде всего, умеренность, справедливость и душевное спокойствие. Они, полагает он, безусловно, будут присущи свободному духу, а развитый свободный дух не будет нуждаться ни в каких внешних и "высших" нравственных запретах и предписаниях.

Очистился ли дух героев Достоевского? Избавились ли они от "псов" и темницы души? Избавились ли они от животного в человеке, иначе говоря, от твари? Связана ли свобода героев Достоевского с ответственностью? Есть ли свобода для них тяжкий и неустанный труд над собой и за себя самих? Нет, конечно! Вот и пожирают их их же собственные "псы", и разрастается темница души, и рвется наружу тварь вожделеющая. Повторим еще раз: свобода – это тяжкий труд и воля к ответственности, что доступно далеко не каждому. Один хочет свободы, но не хочет ответственности и не предполагает ее, но тогда порождается произвол. Другой хочет свободы, но при этом палец о палец не ударит ради ее обретения, но только говорит и моргает. Третий не выдерживает этого каждодневного труда, и тогда, как говорил Заратустра: "вышел, как герой, искать истины, а в конце добыл он себе маленькую наряженную ложь",³⁶ ибо "разбились крылья духа их: теперь ползает он всюду и грязнит все, что гложет. Некогда мечтали они стать героями – теперь они сластолюбцы. Печаль и страх для них герой".³⁷

То, что в человеке пребывают в единстве "тварь" и "творец", не является секретом ни для Достоевского, ни для Ницше. Но в героях Достоевского именно "тварь" стремится к свободе, разрушая и подавляя "творца". Если Достоевский выписывает героя, подавляя "тварь", то мы имеем дело отнюдь не с "творцом", а с "идиотски мечтательной святостью" (князь Мышкин, Алеша Карамазов), бессильной и недееспособной, ибо только говорят и моргают. Но сближает Достоевского и Ницше отсутствие веры в прогресс, прогресс науки и демократических учреждений, в войну и революцию как средства улучшения и совершенствования человека. Оба полагают, что человек должен преодолеть себя сегодняшнего изнутри, возвыситься над собой сегодняшним, все еще излишне тварным. Вот только героям Достоевского это никак не удается. Может быть, все дело в том, что герои Достоевского, как, впрочем, и он сам, находятся, застряли на той стадии, от которой предостерегал Ницше? Ницше писал:

"От чего я предостерегаю? От смешения инстинктов декаданса с гуманностью; от смешения разлагающих и необходимо влекущих к декадансу средств цивилизации с культурой;

*от смешения распущенности и принципа "laissez aller" с волей к власти (она представляет из себя прямо противоположный принцип)."*³⁸

Одно из важнейших нравственных качеств человека по Достоевскому – это способность сострадать и жалость. Не отказывается от сострадания и Ницше. Но объекты этого сострадания у них прямо противоположны. У Достоевского сострадание и жалость обращены к "твари в человеке", к тому, против чего безжалостно выступил Ницше. "И понимаете ли вы, – пишет Ницше, – что *ваше* сострадание относится к "твари в человеке", к тому, что должно быть сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено, закалено, очищено, – к тому, страдает по необходимости и *должно* страдать? А *наше* сострадание – разве вы не понимаете, к кому относится наше *обратное* сострадание, когда оно защищается от вашего сострадания как от самой худшей изнеженности и слабости? – Итак, сострадание против сострадания!"³⁹ Для

³⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2, М.,1990, с.50.

³⁷ Там же, с.32.

³⁸ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.,1994, с.97.

³⁹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. Соч. в 2 т. Т.2, М.,1990, с.346-347.

Ницше привлекателен и заслуживает внимания и сострадания лишь "творец в человеке". Его радикализм в уничтожении "твари в человеке" зачастую рассматривается как жестокость и человеконенавистничество. Но если это так, то отсечение хирургом источника болезни и слабости в человеке также есть жестокость и человеконенавистничество? Ницше отказывается сострадать "к социальным бедствиям", к "обществу" и его "больным и обездоленным, порочным и изломанным от рождения, распростертым вокруг нас на земле; еще менее ... к ропщущим, угнетенным, мятежным рабам, которые стремятся к господству, называя его "свободой". *Наше* сострадание, – пишет Ницше, – более высокое и более дальновидное: мы видим, как человек умалывается, как вы умалываете его! ... и бывают минуты, когда мы с неопишуемой тревогой взираем на *ваше* сострадание, – когда мы находим вашу серьезность опаснее всякого легкомыслия. Вы хотите, пожалуй, – и нет более безумного "пожалуй" – *устранить страдание*; а мы? – по-видимому, мы хотим, чтобы оно стало еще выше и еще хуже, чем когда-либо! Благоденствие, как вы его понимаете, – ведь это не *цель*, нам кажется, что это *конец*! Состояние, делающее человека тотчас же смешным и презренным, – заставляющее *желать* его гибели! Воспитание страдания, *великого* страдания, – разве вы не знаете, что только *это* воспитание возвышало до сих пор человека? То напряжение души в несчастье, которое прививает ей крепость, ее содрогание при виде великой гибели, ее изобретательность и храбрость в перенесении, претерпении, истолковании несчастья, и все, что даровало ей глубину, тайну, личину, ум, хитрость, величие, – разве не было даровано ей это под оболочкой страдания, под воспитанием великого страдания?"⁴⁰

В этих небольших фрагментах из Ницше, как мне кажется, изложена вся суть философии Ницше, его великая надежда и его великая любовь к Человеку. Более великое и более дальновидное сострадание Ницше сталкивается с сиюминутным состраданием и жалостью к несчастному человеку Достоевского. К чему ведет такое сострадание, прекрасно понимал Ницше. Понимал ли это Достоевский, говоря, что любить необходимо не человека и человечество вообще, а конкретного человека, конкретного и несчастного здесь и сейчас? Думаю, что понимал, ибо как иначе можно оценить следующую мысль: "Нынче (при гуманностях) имеют право жить люди подлые, т.е. остаются в живых болезненные средней силы (*meus sana*). И пусть эти болезненные даже героичны и великодушны (лично), но не беспокойтесь, зато так раздражительны, самолюбивы, что в следующих поколениях народят подлецов. Правда, в течение долгого срока излечатся племена в высшие. Но зато все будут прибывать вновь и вновь слабые и т.д. на очень долгое время, в продолжение многих столетий".⁴¹ Мысль, как бы мы теперь сказали, вполне ницшеанская, за исключением того, что "в течение долгого срока излечатся племена в высшие". Но даже в таком виде эта мысль до героев Достоевского не дошла и дальнейшего развития не получила. Достоевский остался верен своему нравственному идеалу – Христу, ибо жизнь без веры в бессмертие души оказалась для него более невыносимой, чем жизнь в окружении слабых, больных подлецов. Только в религии, по мнению Достоевского, реализуется подлинное человеколюбие, ибо она провозглашает равенство неравных людей. По сути – это равенство в унижении, в умалении человека. Все равны в грехе и через грех, и утверждается равенство в твари, в тварности. Всем в рамках христианства указывается путь к спасению, возможность прощения и спасения. Но все ли одинаково способны к этому? Очевидно, что нет. Но именно в этом усматривается гуманизм христианства, что всем – в одинаковой мере. А кто не смог, не сумел, тот обрекается на страдания и мучения вечные. Это тоже гуманизм? Тогда Великий Инквизитор есть больше гуманист, чем Христос, ибо велико его сострадание к малым и слабым здесь и сейчас.

⁴⁰ Там же, с.346.

⁴¹ Цит. по: Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. М.,1991, с. 191-192.

На мой взгляд, Ницше больше гуманист и реалист, чем Достоевский и христианство. Ницше изначально выступает против уничтожения и умаления человека и объявления его равенства в твари, в тварности. Даже здесь люди не равны, полагает он, но всем, однако, указывает цель и предоставляет возможность движения к этой цели. Ницше всех призывает к творчеству и созиданию, к утверждению человека-творца и избавлению от твари. И творец ни в коем случае не должен быть равен твари. Но разве не о том же говорит и христианство? Да, жестко и, может быть, даже жестоко звучит требование Ницше, но это реальное требование к реальному человеку. Можно ли обвинять Ницше в антигуманизме, когда Заратустра говорит: "А вы, уставшие от мира и ленивые! Вас надо высечь розгами! Ударами розги надо вернуть вам резвые ноги.

Ибо – если вы не больные и отжившие твари, от которых устала земля, то вы хитрые ленивцы или вороватые, притаившиеся похотливые кошки. И если вы не хотите снова весело *бежать*, должны вы – исчезнуть!

Не надо желать быть врачом неизлечимых – так учит Заратустра, – поэтому вы должны исчезнуть!

... надо больше *мужества* для того, чтобы положить конец, чем чтобы высидеть новый стих, – это знают все врачи и поэты. – ...

И кого вы не научите летать, того научите – *быстрее падать!* – ...

Существует в мире много грязи – и лишь настолько это верно! Но оттого сам мир не есть еще грязное чудовище!

Есть мудрость в том, что многое в мире дурно пахнет, – но само отвращение создает крылья и силы, угадывающие источники!

Даже в лучшем есть нечто отвратительное; и даже лучший человек есть нечто, что должно преодолеть!

О, братья мои, много мудрости есть в том, что много грязи есть в мире! ...

... где нельзя уже любить, там нужно – пройти мимо! – ...

Беги, мой друг, в свое уединение, туда, где веет суровый, свежий воздух! Не твое назначение быть махалкой от мух".⁴²

Как видим, никаких вечных страданий и вечных мук, но всего лишь одно требование: преодолей в себе тварь и, если это возможно, помоги другому. "Если ты стоишь достаточно высоко, – пишет Ницше, – то ты должен воспитывать других к тому, чтобы они поднялись наверх к тебе".⁴³ Если же помочь нельзя, то пройди мимо. Если это не гуманизм реальный и жизненный, то что это? Мы можем отметить и тот факт, что бережное отношение к посредственности, по мнению Ницше, есть для высшего и более глубокого духа обязанность.⁴⁴ И это даже более бережное отношение, чем к себе и себе подобным. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с двумя вариантами человеколюбия, гуманизма. Выбрать тот или иной – это дело вкуса, воспитания, образования и т.п. Неверно, думаю я, делать из героев Достоевского ницшеанцев и на их примере показывать разрушительность для человека или человеческого образа ницшеанских идей. Ницшеанских идей у героев Достоевского и близко нет. Если говорить о персонажах из "Бесов", то они – социалисты, стремящиеся установить всеобщее равенство, всеобщее счастье и т.п. Но у Ницше и речи не шло о счастье для большинства или власти ради большинства. Не было речи и об одном злом деле ради сотни добрых дел потом. Для героев Достоевского сила – это власть, а власть – это сила, это счастье и т.п., но это опять же не имеет никакого отношения к Ницше, к учению о сверхчеловеке. Общее дело посредством насилия – вот чем живут герои

⁴² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2, М.,1990, с.149-150, 151, 148, 128, 39.

⁴³ Ницше Ф. Посмертные афоризмы //Ницше Ф. Воля к власти; Посмертные афоризмы: Сборник. Минск, 1999, с.414.

⁴⁴ Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. Соч. в 2 т. Т.2, М.,1990, с.685.

"Бесов". Этому ли учит Заратустра–Ницше? Для Заратустры они тарантулы, обращаясь к которым, он говорит: "Проповедники равенства! Бессильное безумие тирана вопиет в вас о "равенстве": так скрывается ваше сокровенное желание тирании, за словами о добродетели!

Истосковавшийся мрак, скрытая зависть, быть может, мрак и зависть ваших отцов – вот что прорывается в вас безумным пламенем мести. ... В каждой жалобе их звучит мщение, в каждой похвале их есть желание причинить страдание; и быть судьями кажется им блаженством".⁴⁵ Все герои Достоевского – это твари, вожделеющие власти, одержимые стремлением к власти. Так что выдавать их за образ сверхчеловека или за результат ницшеанских идей – это просто неприлично, разве что если очень хочется. Напомним еще раз, что воля к власти как принцип – это отнюдь не желание и не вожделение власти, тем более политической, экономической или еще какой-либо.

Совершенно разными путями, к совершенно различным целям идут Достоевский и Ницше. Достоевский не желает лишать человека свободы, но проблема свободы и человека для него разрешима лишь во Христе. Вне Христа речь может идти лишь о своеволии и бунте, и здесь человек находит свою гибель, что и демонстрирует все творчество Достоевского. В этом весь Достоевский. Или – или! У Ницше иное или – или. Для него или "Бог мертв", и тогда ты хозяин, господин себе и своей свободе, или ты не из тех, кто может быть свободным. Для первых свобода – это творчество, свобода созидания и воля к ответственности, а для вторых – это всего лишь своеволие, бунт и нечто страшное, ведущее к гибели. Вспомним притчу Заратустры о трех превращениях духа: верблюд, лев, дитя. У Достоевского верблюд, превращаясь во льва, проигрывает в схватке с драконом по имени "Ты должен", круша всех и вся и, в конечном счете, самого себя. Лев погибает и не становится дитем. А если вдруг и появляется у Достоевского дух-дитя, причем совершенно непонятно, как и откуда, то это бледное и немощное дитя – Алеша Карамазов, князь Мышкин, но отнюдь не свобода и созидательная сила.

Достоевский, как подчеркивал Бердяев, исследует судьбу человека, **отпущенного** на свободу. Вот-вот, отпущенного на свободу. А как ведет себя пес, сорвавшийся с цепи или отпущенный с цепи после долгого сидения на оной? Ужасен и страшен может быть этот пес в первые минуты отпущенности. У Достоевского нет свободного человека, он и не знает такого, а есть лишь отпущенные или сорвавшиеся. А свободный и отпущенный на свободу – это не одно и то же. Отпущенному на свободу еще надо стать свободным. Это у героев Достоевского и не получается. Свобода у Достоевского гибнет, исчезает или от раскрывающегося в ней зла и произвола отпущенных, или от принуждения к добру. Это увидел и понял Ницше. И для него свобода не есть принуждение в добре или действие во зле, которые (добро и зло) уже есть, определены и установлены как таковые, но вместе с тем она отнюдь и не произвол. Герои же Достоевского должны погибнуть, если не найдут в себе свободно свободной силы узнать, что их свобода – это Христос, указующий, определяющий и полагающий их свободу. Но Христос пришел всего лишь исполнить закон и научить повинению, правда, через любовь. Таким образом, свобода установленная, определенная и указанная человеку, но установленная не самим человеком – это и есть свобода? Свобода для Ницше – это самостоятельное полагание и творчество как добра, так и зла. "Я хочу знать, – пишет он, – дающий ли ты человек или принимающий формы: если ты созидатель, ты принадлежишь к свободным; если ты – принимающий формы, ты их раб и орудие".⁴⁶

⁴⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.71.

⁴⁶ Ницше Ф. Посмертные афоризмы // Ницше Ф. Воля к власти; Посмертные афоризмы: Сборник. Минск,1999, с.390.

Достоевский, по Бердяеву, поражен религиозной болью и мукой и ищет спасения и искупления.⁴⁷ На своих героях Достоевский исследует пределы глубины падения человека в мерзости, подлости, низости, разврате и т.п., вплоть до безумия и преступления, чтобы еще и еще раз убедить себя и других в том, что единственное средство, спасающее человека, даже впавшего в величайшую мерзость, – это вера в Бога, во Христа, искупающего и спасающего. Утрата этой веры, утрата нравственного идеала – Христа – это гибель человека. Человеку, даже самому падшему, необходимо вовремя обнаружить в себе хотя бы проблеск, хотя бы искру света Христова, и человек будет спасен. Неумение найти эту искру или просто сомнение – это гибель человека. Вот потому-то все герои Достоевского необычайно раздвоены, половинчаты и в своем атеизме, и в своей мерзости, и даже в вере, в своем добре и зле. Даже в самых мерзопакостных героях вдруг обнаруживаются проблески, искорки чести, достоинства, любви, сочувствия и т.п. Вот только вовремя бы их обнаружил сам герой – и тогда спасен будет. Очищение через величайшее страдание гарантировано. В противном случае – саморазрушение.

Весь кошмар героев Достоевского заключался в том, что они обречены были делать выбор между Христом и Антихристом, Богом и Дьяволом. Выбор одной из сторон не упразднял, не уничтожал другую. И именно в этом суть трагедии героев. Один не Бога не приемлет, но лишь мир, устроенный им, другой убеждает себя в неверии, зная, что Он все тайное сделает явным, третий пытается соединить в себе и то, и другое. В результате великая усталость – не мочь, не хотеть, не ценить. Творчество Достоевского – это поиск тех границ, в рамках которых человек не утрачивает своей человечности, сохраняя себя, но человечность у Достоевского неразрывно связана с образом Христа. Во всех этих исканиях Достоевский был и остался христианином, и в его творчестве красной нитью проходит борьба Христа и Антихриста, где основным полем битвы является человек.

Совершенно иную задачу относительно человека ставит перед собой Ницше, и суть этой задачи в том, чтобы научить человека смотреть на свою будущность как на свою волю, как на нечто, зависящее только от человеческой воли.⁴⁸ Ницше требует высшего человека, т.е. высшей ответственности, высшей обязанности. Он требует от человека творческого избытка мощи и власти, выступая против "новооткрытого русского нигилизма", который "не только говорит Нет, хочет Нет, но – страшно подумать! – *делает* Нет".⁴⁹

Борьба Бога и Дьявола в душе человека – это, по мнению Ницше, не что иное, как свидетельство великого отвращения и великой жалости к человеку. Единство же подобного отвращения и жалости и порождает волю к Ничто и нигилизм. Это, собственно, мы и видим у Достоевского на примере его героев, ибо в Достоевском и переплелись отвращение и жалость к человеку и страх. Герои Достоевского – это люди, как уже отмечалось, "болезненные", надломленные, а "*болезненные* люди суть великая опасность человека: *не* злые, *не* "хищники", – писал Ницше. – Заведомо увечные, поверженные, надломленные – *слабейшие* суть те, кто по большей части минируют жизнь под человеком, кто опаснее всего отравляют и ставят под вопрос наше доверие к жизни, к человеку, к самим себе. ... На такой вот почве самопрезрения, сущей болотной почве, произрастает всяческий сорняк, всяческая ядовитая поросль... здесь непрерывно плетется сеть злокачественного заговора – заговора страждущих против удачливых и торжествующих, здесь *ненавистен* самый вид торжествующего. И сколько лживости, чтобы не признать эту ненависть ненавистью! ... Чего они, собственно,

⁴⁷ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского //Бердяев Н.А. О русских классиках. М.,1993, с.117.

⁴⁸ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Poleмическое сочинение. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.322.

⁴⁹ Там же, с.330.

хотят? По меньшей мере, *изобразить* справедливость, любовь, мудрость, превосходство – таково честолюбие этих "подонков", этих больных!"⁵⁰

Помните реакцию Алеши Карамазова на поэму "Великий Инквизитор"? "Инквизитор твой не верует в бога, вот и весь его секрет!" И здесь хочется по аналогии воскликнуть: Достоевский не верует в человека. Его душат страх, жалость и отвращение к реально живущему и действующему человеку. Вот и весь его секрет!

Нет у Достоевского сверхчеловека, и никогда он не помышлял и не выписывал сверхчеловека в духе Ницше, ибо, говоря о сверхчеловеке, пытаюсь "нарисовать" портрет сверхчеловека или выразить его суть по Ницше, не следует забывать, что сам Ницше словом "сверхчеловек" обозначил лишь тип самой высокой удачливости.⁵¹ Ни о каком святом, полусвятом или антисвятом, антихристе здесь речи нет и не было. Не соглашался Ницше и с трактовкой сверхчеловека в духе дарвинизма или рассмотрения его с точки зрения "культы героя". Все это он рассматривал как создание нового идола или идеала. Если мы хотим понять суть, то, очевидно, следует, принимая указания Ницше, присмотреться к образу Заратустры, ибо "почти повсюду было понято с полной невинностью в смысле ценностей, противоположных тем, которые были представлены в образе Заратустры".⁵² Необходимо, полагаю, прислушаться и к тому, что говорил Заратустра: "Так чужда ваша душа всего великого, что сверхчеловек был бы *страшен* в своей доброте!

И вы, мудрые и знающие, вы бежали бы от солнечного зноя той мудрости, в которой сверхчеловек купает с радостью свою наготу.

Вы, высшие люди, каких встречал мой взор! в том сомнение мое в вас и тайный смех мой: я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека – дьяволом!"⁵³ Такая вот характеристика сверхчеловека. Так как же нам быть? Можем мы хотя бы приблизительно "нарисовать" для себя более или менее полный образ сверхчеловека? Думаю, что да. Собирая различные характеристики и описания того, что нравится Ницше-Заратустре в человеке, высказанные в различных работах, можно, пусть и весьма приблизительно, такой образ воссоздать.

Сверхчеловек – это, прежде всего, свобода, свободный человек. И Ницше о таком человеке пишет весьма много. Читая "К генеалогии морали", мы можем сделать вывод, что сверхчеловек – это суверенный индивид, обладающий собственной независимой волей, господин над свободной волей, т.е. господин над самим собой. В силу этого он и господин над обстоятельствами и всеми слабыми волей. Это творец ценностей, доминирующим инстинктом которого стала совесть. Это тот, кто обладает, отметим и подчеркнем это, привилегией ответственности.⁵⁴

В работе "По ту сторону добра и зла" Ницше отмечает, что ценность и ранг человека, его величие должны определяться широтой, разносторонностью и цельностью в многообразии, а также, что более значимо, мерой ответственности такого человека.⁵⁵

В "Антихристе" Ницше рассуждает о высшей касте или касте немногих. Полагая ее совершенной, он увязывает ее, прежде всего, с духовной одаренностью. "Духовно одаренные, – пишет он, – как *самые сильные*, находят свое счастье там, где другие нашли бы свою погибель, – в лабиринте, в жестокости к себе и другим, в исканиях; их удовольствие – это самопринуждение; аскетизм делается у них природой, потребностью, инстинктом. Трудную задачу считают привилегией; играть тяжестями,

⁵⁰ Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.493.

⁵¹ Ницше Ф. Эссе homo. Как становятся сами собою. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.722.

⁵² Там же, с.723.

⁵³ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.104.

⁵⁴ См.: Ницше Ф. К генеалогии морали. полемическое сочинение. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.440-441.

⁵⁵ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.336.

которые могут раздавить других, – это их *отдых*... Познание для них форма подвижничества. – Такой род людей более всего достоин почтения – это не исключает того, что они самые веселые, радушные люди. Они господствуют не потому, что хотят, но потому, что они *существуют*; им не предоставлена свобода быть вторыми".⁵⁶ Здесь же Ницше говорит и о том, что дурные манеры им запрещены. Но самое главное то, что они не вожделяют господства, как вожделеет его чернь, они и не стремятся к нему. Сам способ их бытия есть господство. Если мы вспомним Заратустру, то несчастными называл он тех, у кого один выбор: сделаться лютыми зверями или укротителями зверей. Вспомним и предостережение Заратустры от того, чтобы стать "махалкой от мух", и в связи с этим его совет – бежать в уединение, ибо самый страшный твой враг, учил Заратустра, – это ты сам. И еще одна черта характерна для душ благородных, а тем самым и для сверхчеловека: "они ничего не желают иметь *даром*, всего менее жизнь. Кто из толпы, тот хочет жить даром, – учил Заратустра, – мы же другие, кому дана жизнь, – мы постоянно размышляем, *что* могли бы мы дать в *обмен* за нее",⁵⁷ и "ужасом является для нас вырождающееся чувство, которое говорит: "все для меня" ".

Сверхчеловеку, как благородному, не должны быть присущи невоздержанность, затаенная зависть, грубое самооправдывание, месть, злобность, короче, все, что, по мнению Ницше, присуще плебейскому духу, черни. Благородство же – это, прежде всего, великодушие и верность. Таким образом, на основании того немного, что здесь приведено, а привести можно было бы и гораздо больше, начинает вырисовываться "образ" сверхчеловека.

Весьма замечательную, на мой взгляд, характеристику феномену сверхчеловека дает С.Л. Франк. "Сверхчеловек есть, так сказать, формальный *нравственный* образ. Он знаменует собою и означает высшую степень духовного развития человечества, высшую степень расцвета, на которую способны содержащиеся в современном человеке духовные зародыши. Сверхчеловек есть лишь олицетворение в человеческом образе всей совокупности тех абстрактных, автономных и самодовлеющих моральных идеалов, "призраков", любовь к которым, как мы видим, Ницше стремится сделать основным нравственным стимулом человек... В идее сверхчеловека, – продолжает Франк, – постулировано верховное и автономное значение *культурного прогресса*, морально-интеллектуального совершенствования человека и общества, вне всякого отношения к количеству счастья, обеспечиваемому этим прогрессом. Воцарение человека не есть торжество человеческого счастья, удовлетворение всех субъективных влечений и вожделений людей; это есть торжество духовной природы человека, осуществление всех объективно ценных его притязаний".⁵⁸

Вспомним, против чего в человеке выступал Ницше? Против твари (грязь, бессмыслица, хаос). А за что в человеке он ратовал? За творца, ваятеля. Он выступал против умаления человека и призывал к его возвышению, и возвыситься должен был, прежде всего, дух, предварительно очистившись от всей скверны, находящейся в глубинах его. Можно с уверенностью сказать, что сверхчеловек – это не Человекобог, не Богочеловек и не воплощение Антихриста, ибо "*умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек*". Сверхчеловек – это человек, в котором осуществлено развитие "всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу".⁵⁹ О таком человеке мечтал Маркс. Вообще Маркс полагал, что человек должен быть представлен во всей полноте своих способностей и потребностей, своих сущностных сил, во всей полноте человеческих проявлений жизни. И это должен быть такой "человек, в котором его собственное существование

⁵⁶ Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.685.

⁵⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.143.

⁵⁸ Франк С.Л. Сочинения. М.,1990, с.56.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.46, ч.1, с.476.

выступает как внутренняя необходимость, как нужда".⁶⁰ Маркс требует возвращения человека к самому себе после того, что с ним сделало общество или, что вернее, что в ходе исторического развития человек сделал сам с собой. Возвращение к самому себе – это возвращение к утраченной целостности, к полноте способностей человека, это отказ от "одномерного" человека, человека-функции, придатка машины, человеческого фактора производства, прогресса и т.п., это возвращение к человеку-творцу. Однако и Ницше исходил из того, что необходимо "создать из себя цельную *личность* и во всем, что делаешь, иметь ее *высшее благо* – это дает больше, чем сострадательные побуждения и действия ради других.... Все сводится лишь к тому, что человек считает *своей пользой*; именно незрелая, неразвитая, грубая личность будет понимать ее грубее всего".⁶¹ Таким образом, сверхчеловек – это человек, в котором его собственное существование выступает как его внутренняя необходимость и нужда, в котором чувство жизни и силы просто "бьет через край", человек необычайно жизнерадостного и жизнеутверждающего мироощущения, позволяющего ему принять без страха и ужаса идею вечного возвращения и воскликнуть: "Так *это* была жизнь? Ну что ж! Еще раз!".

Так соответствует ли кто-нибудь из героев Достоевского тому образу сверхчеловека, который мы попытались здесь воспроизвести? Безусловно, нет. Достоевскому хотелось бы, чтобы человек избавился от "греха", от "твари", от той мерзости, которая сегодня его разъедает, но, как ни старается Достоевский, "грех" господствует над человеком. И остается уповать только на то, что все когда-нибудь выправится, и в рамках христианской традиции без помощи Христа здесь не обойтись. Причем в традициях русской религиозной философии человек, избавившийся от "греха", – это уже Богочеловек, который начинает рассматриваться как конечная цель исторического процесса. Ницше же как бы говорит человеку: "Ты можешь и должен господствовать над "грехом", подчинить себе "грех"! Но для Ницше это будет уже не просто человек, а сверхчеловек (не Богочеловек, не Человекобог и не Антихрист), который определяется как цель и смысл для человека.

В предисловии к "Утренней заре" Ницше писал: "Эту книгу могут читать только опытные читатели и филологи: выучитесь же хорошенько читать!..".⁶² Но подобную просьбу и предостережение можно, пожалуй, отнести к любой его книге и к некоторым современным читателям. Ибо как же иначе можно оценить заявления о том, что Ницше превозносит Иисуса и превращает его в воплощение того самого высшего типа человека, о котором говорил Заратустра и весьма удачно назвал его сверхчеловеком; Ницше полностью принимает тот идеал человека и человеческой жизни, который демонстрирует Христос; Заратустра выступает носителем "нового завета" – завета человекобожества, каким в романе Достоевского пытается стать Кириллов, но свои сокровенные мысли о Христе Ницше стремится скрыть.⁶³ Да, безусловно, в "Антихристе" Ницше обращается к образу Христа, но в связи с чем и с какой целью? Обвиняя христианство во лжи и лицемерии и всевозможных извращениях, Ницше показывает, что была извращена сама суть учения Христа, но делать из Ницше страдальца по Христу – это уж слишком. Характеризуя психологический тип Спасителя, Ницше подчеркивает, что "инстинктивная ненависть против реальности – это есть следствие крайней чувствительности к страданию и раздражению".⁶⁴ А

---

⁶⁰ Там же, т.42, с.125.

⁶¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Соч. в 2 т. Т.1. М.,1990, с.288-289.

⁶² Ницше Ф. Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках.//Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни; Сумерки кумиров; Утренняя заря: Сборник. Минск, 1997, с.392.

⁶³ См.: Евлампиев И.И. Достоевский и Ницше: на пути к новой метафизике человека.//Вопросы философии. 2002. №2.

⁶⁴ Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. Соч. в 2 т. Т.2. М.,1990, с.655.

страдание от действительности, по мнению Ницше, есть свидетельство того, что страдающий есть сама неудачная действительность.

Так возможно ли полагать, что в Иисусе Ницше усматривает "высшего человека" или сверхчеловека, которого он ждет и жаждет? Ведь "как раз все противоположное борьбе, противоположное самочувствию борца является здесь как инстинкт ... неспособность к противодействию является моралью...".⁶⁵ Но этому ли учит Заратустра и такого ли человека ждет он? Усматривать в словах "идиот" и "decadents" некоторый глубинный, второй, иной смысл и полагать, что речь идет на самом деле о "высшем человеке", об абсолютном в человеке в духе Заратустры, и утверждать восхищение Ницше Иисусом – не есть ли это "нервное страдание" и "ребячество идиота"? Ницше сожалеет о том, что рядом с этим "decadents" не жил какой-нибудь Достоевский, который сумел бы почувствовать захватывающее очарование подобного смещения возвышенного, больного и детского.⁶⁶ Возвышенное, больное и детское – странные характеристики для сверхчеловека. Ницше подчеркивает, что в типе Спасителя заявляет о себе, прежде всего, вера, и "она означает возвращение к детству в области психического. Подобные случаи замедленной зрелости и недоразвитого организма как следствие дегенерации известны по крайней мере физиологам".⁶⁷ И только с некоторой терпимостью к выражению, говорит Ницше, можно было бы назвать сей тип "свободным умом". Так выучимся же хорошенько читать!

---

⁶⁵ Там же, с.655.

⁶⁶ Там же, с.656-657.

⁶⁷ Там же, с.657.

2 ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВОВЕДЕНИЕ, СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г.В. Алексеев

Обеспечение состояния безопасности государства на сегодняшний день является актуальной задачей для динамичного развития страны в мирных условиях. В условиях развития постиндустриального общества информационные технологии и сама информация приобретают все более важное социальное значение.

Информационная безопасность государства как объект правового регулирования представляется институтом относительно новым не только для России, но и для большинства государств. При детальном исследовании вопроса становится очевидным, что можно говорить о правовом регулировании международного сотрудничества в сфере информационного обмена, можно – о принципе невмешательства во внутренние дела государства, можно изучать право отдельных государств относительно связи и вещания, но подобная дискуссия вряд ли приведет к созданию целостной доктринальной картины информационной безопасности. Мы ни в коей мере не хотим принизить научное значение рассуждений относительно вышеперечисленных проблем, но, как видится, все правовое регулирование должно преследовать определенные цели.

Задачи, которые перед собой ставит государство в сфере информационной безопасности, должны быть четко обозначены. Перерастание информационного права из подотрасли административного права в самостоятельную, комплексную отрасль становится все более и более очевидным. Такой процесс предполагает выделение общих принципов информационного права, механизма сочетания в его рамках методов правового регулирования гражданского и административного права. Весь этот процесс должен строиться на основании существующих принципов международного права и нормативного массива, регулирующего международный информационный обмен.

Прежде чем начать сущностный анализ специфики правового регулирования информационного пространства государства, важно обозначить те факторы, которыми данная специфика обусловлена. Теоретически информацию можно представить объектом частноправовых отношений, если предположить, что она не несет в себе никакой социальной опасности. Можно, конечно, возразить, что есть информация секретная и запрещенная, но это возражение является риторическим. Мы предлагаем модель, в которой информация становится своего рода объектом гражданского права, как вещи, например; есть вещи, изъятые из гражданского оборота, есть ограниченные в гражданском обороте, ну так и давайте, казалось бы, регулировать информацию, исходя из этих принципа запрета на социально-опасные явления. Такой подход с высокой степенью очевидности неверен и не практикуется практически нигде в мире.

Напротив, информация считается объектом административного права. Причины подобного подхода кроются в том, что информация оказывает влияние на сознание людей, и крайне важно не только выявить вредную информацию, но и относительно точно дозировать полезную. Специфика информационного воздействия такова, что в ряде случаев безопасность государства напрямую от него зависит.

Во-первых, предвыборная борьба представляет собой явление, протекающее в информационном пространстве общества. Одновременно с этим от результатов выборов зависит состав органов государственной власти страны. Формирование

посредством выборов органов государственной власти в условиях информационного воздействия из-за рубежа опасно точно так же, как боевые действия с целью захвата власти в стране. Теоретически, действительно, нет никакой разницы – захватить власть в государстве посредством военной силы либо сделать то же самое посредством распространения информации. Сущностное значение имеет только результат, а пути его достижения и мотивы вторичны. Таким образом, необходимо во избежание захвата власти лицами, представляющими интересы враждебных государств.

Итак, защищать информационное пространство страны необходимо с целью обеспечения стабильности демократической политической системы страны.

Во-вторых, государство как форма организации общества держится на культурных традициях. Культурный обмен между государствами – дело, бесспорно, полезное, однако он не должен перерасти в культурную агрессию – состояние, при котором самобытная национальная культура замещается иностранной культурой.

Пропаганда национальной культуры в сочетании с международным культурным обменом – это наиболее предпочтительное состояние информационной среды. В случае, когда весь объем вещания в стране занят иностранной художественной продукцией, не только теряется идеологическое значение культуры, но и трансформируется социальная нравственность, что, в конечном итоге, приводит к ориентации людей на чуждую социальную проблематику. Результат явления, надо думать, плачевный в том смысле, что национальная культура разлагается.

Из вышесказанного следует вывод, что культура – явление, находящееся в информационной среде – крайне восприимчива к воздействию на саму среду и нуждается в правовой охране.

В общем, из наших рассуждений следует, что публично-правовой подход к регулированию информационного пространства обусловлен важнейшим значением информации для комплекса политико-культурных ценностей общества. Сознательной провокацией видятся заявления государственных служащих США относительно того, что информационная безопасность США – это технологии связи, оснащение армии и, в частности, разведки, а также прогресс механизмов электронной торговли.¹ Это все, конечно, важно, но к информационной безопасности имеет опосредованное отношение, а электронная торговля вряд ли вообще сюда относится.

Идеалы демократизации заставляют западных политиков воздерживаться от прямых заявлений относительно целей, которые преследует формирование безопасной информационной среды. Дело в том, что способом достижения цели – пропаганды западного образа жизни – является тотальная косвенная цензура, что вряд ли найдет понимание в широких кругах общественности. О сущности данного явления чуть позднее, а пока отметим, что именно здесь российский законодатель занял понятную, в отличие от большинства государств, позицию.

Составной частью государственной безопасности является "информационная безопасность – состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства"². Отметим, что впервые термин "информационная безопасность" раскрывается именно в законе "О международном информационном обмене", т.е. воспринимается как специфичное явление именно для правоотношений с иностранным элементом.

Информационную среду общества как "сферу деятельности субъектов, связанную с созданием, преобразованием и потреблением информации"³ формирует "информация

---

¹ Hohner T. Information security of USA // Time journal., New York, #10, 2000

² Ст. 2 Федерального закона от 4 июля 1996 г. N 85-ФЗ "Об участии в международном информационном обмене"

³ там же

- сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления".⁴ До граждан информация по большей своей части доходит в форме массовой информации, под которой "понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы".⁵

На законодательном уровне проблема информационной безопасности государства пока не получила достаточно полного правового регулирования, однако существует "Доктрина информационной безопасности" от 2000 г. за подписью президента Российской Федерации. В качестве угроз информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации в Доктрине называются монополизация информационного рынка России, его отдельных секторов отечественными и зарубежными информационными структурами и блокирование деятельности государственных средств массовой информации по информированию российской и зарубежной аудитории, отсутствие свободы СМИ, недостаточная техническая оснащенность. При определенном подходе к Доктрине можно предположить, что рекомендуется вести прогосударственную пропаганду как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Доктрина – это документ-прокламация, он не имеет юридической силы, но, несмотря на это, общественный резонанс на принятие доктрины был огромен, и до сих пор дискуссия о задачах данного документа ведется весьма напряженная. Часто звучит аргумент, что, раз Доктрина не имеет юридической силы, то и значение этого документа минимально, ведь не приведет же она к реформе законодательства.⁶ Как раз -таки приведет! Какая тогда вообще цель у прокламаций, если не направлять реформу законодательства?

Больше всего "информационная безопасность" волнует государства, образовавшиеся вследствие распада СССР, а особенно это касается Казахстана и Украины, которые крайне недовольны российским вещанием на своей территории.

Анализируя российскую Доктрину информационной безопасности, выводы можно сделать далеко идущие.

Во-первых, Доктрина информационной безопасности принята в развитие Концепции национальной безопасности Российской Федерации.⁷ А это – документ оборонительной направленности, построенный по логике необходимости адекватного ответа на угрозы национальной безопасности.

Во-вторых, Доктрина выделяет ряд мер, направленных на обеспечение информационной безопасности РФ. К таковым относятся: 1) создание технически высокоразвитой системы средств информационного обмена и вещания; 2) обеспечение состояния свободы информационной среды общества; 3) ведение пропаганды российских интересов в рамках мирового сообщества.

Больше всего внимания, конечно, привлекает последнее, относительно смелое заявление. Базируется оно на положении Доктрины относительно того, что составляющей "национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере" является "информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации, связанное с доведением до российской и международной общественности

---

⁴ Ст. 2 Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ "Об информации, информатизации и защите информации"

⁵ Ст. 2 Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 "О средствах массовой информации" (с изменениями от 13 января, 6 июня, 19 июля, 27 декабря 1995 г., 2 марта 1998 г., 20 июня, 5 августа 2000 г.)

⁶ Байсалбаева Ж.А. Информационная безопасность как часть национальной безопасности // Вестник Фонда Сорос-Казахстан. Март 2001.

⁷ Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24).

достоверной информации о государственной политике Российской Федерации, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам".

С позиции Доктрины, "для достижения этого требуется: укреплять государственные средства массовой информации, расширять их возможности по своевременному доведению достоверной информации до российских и иностранных граждан; интенсифицировать формирование открытых государственных информационных ресурсов, повысить эффективность их хозяйственного использования". Если это не описание пропаганды, тогда что такое пропаганда? Более важны, конечно, те цели, на которые эта пропаганда будет направлена, ведь агитация ради агитации – это, во-первых, дорого, а во-вторых, бесполезно. Для ответа на вопрос о целях пропаганды следует обратиться к Концепции национальной безопасности Российской Федерации

В Концепции отмечается, что усиливаются угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. "Серьезную опасность", по мнению авторов Концепции, "представляют собой стремление ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснению России с внешнего и внутреннего информационного рынка; разработка рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира; нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, а также сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним".

Необходимо также отметить, что такие угрозы, по логике вещей, должны встречать адекватный угрозе ответ со стороны России. И хотя риторика относительно ответных мер куда мягче, чем характеристики угроз национальной безопасности, скажем сразу, о методах защиты информационного пространства Российской Федерации там ничего не говорится. Предлагается лишь считать, что "обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения, введение запрета на использование эфирного времени в электронных средствах массовой информации для проката программ, пропагандирующих насилие, эксплуатирующих низменные проявления, а также включает в себя противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров".

Искренне радуется, что религиозных миссионеров, наконец, причислили к явлениям, нуждающимся в противодействии в информационной плоскости, только без механизмов противодействия идеологической агрессии заявление имеет весьма сомнительные перспективы, но, видимо, именно по вопросу противодействия и следует задействовать вышеуказанные принципы Доктрины.

А вот о политической системе – ни слова! Самое интересное, что авторы документов прекрасно понимают, что не пропаганда насилия реально угрожает государству, а зарубежное вмешательство в политическую систему страны. Проблема именно здесь стоит наиболее остро, а об этом ни единого слова. Хочется верить, что авторы документов понимают: "концепции информационных войн" строятся не на моральном разложении населения сопредельных государств. В отличие от воздействия на политическую систему, воздействие на нравственность – это долгий и весьма сомнительный способ ведения "информационной войны".

С переходом российского общества из той формации, что принято называть социализмом, к новой для России модели общественной организации принципиально изменился и подход к политическому процессу. Политический процесс из внутривнутрипартийного, постоянно, спокойно протекающего явления превратился в яркое общенациональное действо со множеством пиков и замираний. Россия в 1991 г. начала свой путь скорее от государственно-монополистического капитализма, чем от "социализма", как его принято называть. Много сказано о том, в связи с чем произошел отход от существовавшей системы.

На наш взгляд, ситуация выглядит несколько иначе, чем ее принято изображать, а именно: в холодной войне между США и СССР столкнувшиеся разновидности капитализма – государственно-монополистическая и демократическая – успешно конкурировали между собой, используя свои преимущества и недостатки конкурента. В этой борьбе не было явного лидера до тех пор, пока не начался переход к следующей за капитализмом общественной формации, какой, по всей видимости, является информационный монетаризм. Если при капитализме основное средство производства собственность – капитал, за который и разворачивается основная борьба в социуме посредством денег, то при информационном монетаризме борьба разворачивается вокруг основного средства производства денег посредством информации. В подтверждение такой позиции следует привести, во-первых, всемирный отход от золотого стандарта, в результате которого деньги окончательно отмежевались от собственности и превратились из правоудостоверяющего документа в самостоятельную вещь, а, во-вторых, проявившееся всемогущество рекламы – свободный выбор стал в информационном обществе не только прогнозируемым, но и контролируемым. Определенное воздействие на общество стало давать заранее известный социальный результат.

На этом этапе отметим, что, если придерживаться данной авторской концепции, то информационная безопасность социума первична по отношению к экономической, т.е. подрыв экономической безопасности будет бесповоротным только в случае одновременного подрыва и информационной безопасности. Другими словами, информационная среда обеспечивает стабильность экономики, а значит, информационная индустрия всегда заработает деньги, в то время как экономика, потеряв состояние информационной безопасности, неизбежно рухнет.

Наметившиеся перемены были мягче восприняты демократическим капитализмом. Он и не заметил, что народ перестал выбирать власть, за него это стали делать средства массовой информации посредством производства информации, оказывающей заранее определенное воздействие на общество. Социализм, если пользоваться общепринятым названием, всегда оперировал категорией социальных скачков. Плавность переходов для этой системы всегда была лишней тратой времени. Российское общество рывком было брошено в информационную формацию лишь тогда, когда очевидной стала ее неизбежность. Неотработанная система поначалу давала сбои и осечки, и несмотря на то, что за последнее десятилетие она практически догнала ушедших вперед конкурентов, общепризнано поражение СССР в "холодной", по своей сути, информационной войне.

Так или иначе, новая общественная формация предполагает и новую политическую систему. Важную часть политического процесса составляет электоральный процесс – процесс непосредственной борьбы за власть. В традиционную связку власть – общество вклиниваются средства массовой информации. Именно эти средства играют решающую роль в формировании властных структур. При демократии власть это верхушка единого организма – общества. Власть неразрывно связана с обществом своими институтами и институтами демократии, причем посредством последних общество как коллективный субъект воздействует на власть. Связь с

общественностью есть их общая функция. С переходом к новой формации появляется самостоятельный субъект, осуществляющий связь с общественностью – единение информационно-рекламного ресурса. Очевиден факт размежевания власти и общества: власть сама по себе перестает, по большей части, быть доступной и гласной, общество знает лишь то, что ему сообщают средства массовой информации. Теория элит, выдвинутая в свое время Г. Моска и В. Паретто, работает, хотя с некоторыми поправками на прогресс уже существовавших элит и создание новых (информационной, например). Прогресс элит выражается в том, что они становятся более скрытными, более финансово самостоятельными и лучше структурированными.

Деньги изначально были лишь документами, удостоверяющими право на золото, затем стали всеобщим эквивалентом собственности, теперь деньгами определяется и качественное содержание полезной информации. Полезная информация – это определенное сведение о бытии, для которого свойственна возможность восприятия человеком непосредственно либо при помощи технических устройств, в противном случае информация бесполезна для человека.

Информация – это нематериальный фрагмент бытия, она не имеет ни формы, ни размера, но способна оказывать огромное воздействие на мысли людей. Мысли людей определяют волю, воля – поступки, поступки людей трансформируют объективную реальность. Трансформация определенным образом человеком объективной реальности и есть материальное последствие информационного воздействия. Для эффективного воздействия посредством полезной информации необходимо знать, какие мысли породит информация и какая воля в итоге возникнет. В результате применения социологических методик и психологических знаний эффективное воздействие высоко вероятно. Гарантиями от неограниченного использования информационного ресурса служат запрет на производство недостоверной информации и сопутствующие законодательному запрету меры государственного принуждения. Таких гарантий, однако, нередко оказывается недостаточно, так как никаких способов обеспечить адекватность оценки достоверных сведений в законодательстве нет и быть не может в силу конституционной гарантии свободы слова.

Как видится, именно по этим правилам ведется "информационная война" и до сих пор. Окончательным поражением будет формирование посредством выборов властных структур из состава лиц, подконтрольных, так сказать, "врагу", коль скоро законодатель стал писать об "информационной войне".

После всего вышесказанного становится ясно и то, какое значение имеет свобода информационного пространства и кем она активно поддерживается. Фиаско советской агитации обусловлено именно отсутствием свободы информационной среды. Замкнутое информационное пространство, как выяснилось, особенно уязвимо для агитационной информации. Такое положение выгодно высокоразвитым государствам, поскольку они уравновешивают агитационные материалы друг друга и вместе с тем успешно подавляют информационные пространства менее развитых государств.

Отметим также, что собственно пресса не имеет сама по себе никакого отношения к обеспечению информационной безопасности. Она – лишь средство информационного воздействия. В своей часто цитируемой книге "Пресса правит политикой" (1986) Д.Л. Пэлиц и Р.М. Энтман отмечают, что "путем предоставления элитам существенного контроля над содержанием, выразительностью и деформацией общественного мнения, медиа-технологии снижают власть народа. И, соответственно, СМИ – это часто невольные служанки власть предержащих".⁸

Такое же заключение сделал и представитель Нью-Йоркского университета Р.К. Манофф. Он настаивает на том, что основной проблемой сегодняшней журналистики

---

⁸ David L. Paletz and Robert M. Entman. Media Power Politics. (New York: Free Press, 1981), pp. 184, 194.

является союз прессы и государства. "Пресса, – отмечает он, – фактически – служанка власти и американских политиков". Она сообщает о правительственном конфликте только тогда, когда он уже пронизывает все государство, и его уже нельзя игнорировать. Журналисты и чиновники делят "управленческий этос", в котором оба согласны, что национальная безопасность, к примеру, наилучшим образом обеспечивается без осведомленности народа.⁹

Значение информационной безопасности государств будет расти вместе с техническим прогрессом информационных технологий, соответственно, будут все более востребованы работы по созданию универсального правового регулирования трансграничного информационного воздействия.

---

⁹ Warren Bovee et al. "The Press and Public Discourse: Dialogue." Center Magazine. (March/April 1987).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЕЩАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ

Г.В. Алексеев

Экономическая деятельность, связанная с распространением информации на иностранной территории, призвана способствовать развитию конкуренции между различными информационными каналами и формированию тем самым информационной среды высокой степени качества. Стимулирование конкуренции на рекламном рынке, развитие культурных связей между государствами, объективность информационной среды – вот далеко не полный перечень преимуществ свободного международного информационного обмена. Однако трансграничный обмен информацией по характеру его правового регулирования представляется политическим, а не экономическим явлением.

Воздействие на информационную среду государства с иностранной территории является сложной юридико-политической проблемой. С одной стороны, международный информационный обмен – крайне важное явление для формирования единой информационной среды постиндустриального общества. С другой стороны, суверенитет государств распространяется и на их информационное пространство. Проблема сводится, с позиции Генеральной Ассамблеи ООН,¹ к содержанию международно-правового принципа невмешательства во внутренние дела государства и к праву государства сохранять установленный публичный порядок на своей территории. Риторика Конвенции ООН о спутниковом вещании звучит следующим образом: "Деятельность в области международного непосредственного телевизионного вещания с помощью спутников должна осуществляться таким образом, чтобы она была совместимой с суверенными правами государств, включая принцип невмешательства, а также с правом каждого искать, получать и распространять информацию и идеи, как это зафиксировано в соответствующих документах Организации Объединенных Наций".

"Информационная безопасность", в отличие от "внутренних дел", – понятие юридическое, имеющее конкретное содержание. Представляется, что в соответствии с Федеральным законом от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» информационная безопасность – это "состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства".

Понятие информационной безопасности включает в себя техническую и информационную составляющие. Техническая составляющая, как представляется, включает в себя электротехническую базу информационного обмена и документальное обеспечение. Информационная составляющая включает правовые институты ограничения доступа к информации, запрещенной к распространению информации, ограничение информативного воздействия на общество

Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации" в ст. 31 говорит о лицензии на вещание. Обратившись к данной правовой норме, можно увидеть, что отечественный законодатель понимает под вещанием "распространение продукции средств массовой информации" с использованием технических средств эфирного, проводного или кабельного телерадиовещания, в том числе находящихся в его собственности.

---

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 37/92 "Принципы использования государствами искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания" от 10 декабря 1982 г.

Здесь следует отметить, что к средствам массовой информации не относятся средства связи. Соответственно, вещание не может осуществляться в сети, а доступ к сетям связи осуществляется в соответствии с Федеральным законом "О связи". На данное обстоятельство совершенно ясно указано в п. 3 ст. 12 Федерального закона "Об участии в международном информационном обмене".

Международно-правовой подход к вещанию – куда более интересное явление, если рассматривать правовой массив комплексно и системно. Ст. 109 Конвенции по морскому праву 1982 г. говорит о несанкционированном вещании из открытого моря. Положения конвенции провозглашают, что все государства сотрудничают в пресечении несанкционированного вещания из открытого моря. Далее по тексту статьи раскрывается понятие вещания. «Для целей настоящей Конвенции, – говорится в документе, – несанкционированное вещание означает передачу, в нарушение международных правил, звуковых радио- или телевизионных программ с судна или установки в открытом море, предназначенных для приема населением, за исключением, однако, передачи сигналов бедствия».

Международно-правовое понятие вещания, во-первых, понимает под объектом вещания информацию, обращенную к населению страны, во-вторых, вещание должно представлять собой аудиовизуальные программы либо радио передачи.

Трансграничное вещание – вопрос, который многие документы предпочитают обходить стороной. Например, декларативный документ "Хартия свободы печати" (Лондон, 16 января 1987 г.), говорит в п. 7: "Органы печати и вещания внутри страны должны иметь свободный доступ к внешним службам новостей и информации, а широкая публика должна пользоваться аналогичной свободой получения зарубежных публикаций, теле- и радиопередач". Здесь термин "широкая публика" означает тех граждан, которые имеют желание и возможность принимать прямые спутниковые передачи.

Информационная безопасность государств обеспечивается посредством предоставления им равных возможностей по доступу к системам непосредственного спутникового вещания.² Однако трансграничное вещание нельзя, по логике международного права, осуществлять с морских и наземных нейтральных территорий. Вышесказанное следует все из той же ст. 109 Конвенции по морскому праву.

Международный информационный обмен, т.е. передача и получение информационных продуктов, а также оказание информационных услуг через государственную границу Российской Федерации, является, по логике отечественного законодателя, социально полезным явлением. Ограничение международного информационного обмена может быть обжаловано в судебные инстанции, из нормы следует, что ограничения этого явления неизбежны. Таким образом, экономическая по своей природе деятельность, связанная с международным вещанием, превращается в раздел права международной безопасности вместо того, чтобы быть вопросом международного экономического или вообще частного права. Такое положение вещей обусловлено специфичным воздействием вещания на общественный порядок и безопасность.

Трансграничное вещание может иметь опасные для общества свойства. Во-первых, легальность информации обусловлена историко-культурной спецификой конкретного государства, а в международной информационной среде распространяется информация, которая легальна хоть в одном из государств-участников информационного обмена. Во-вторых, информационное воздействие из-за рубежа на социальные институты, например на выборы, может иметь самые негативные для государства последствия. Именно эти обстоятельства и заставляют регулировать международное вещание как политический, а не экономический аспект международных отношений.

---

² ст. 10 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 37/92.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ТВОРЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В.В. Кузнецова

Молодежь – социальная группа, которая постоянно находится в центре внимания социологов. Это внимание обусловлено рядом причин, среди которых можно отметить следующие.

Молодежь – одна из крупнейших демографических групп российского общества. Эта группа ежегодно пополняет экономически активное население страны, причем значительная доля молодежи представлена выпускниками высших учебных заведений. От того, насколько изучены проблемы молодежи, "болевые точки", ценностные ориентации, во многом зависит будущее страны, а также эффективность динамических изменений в сфере образования, труда и занятости.

Молодежь девяностых годов – начала XXI столетия формируется в условиях кризиса. Это первое поколение, которое несет в себе совершенно новые качества, о которых не имел никакого представления человек советского периода. Социологи фиксируют факт эволюции российской ментальности, которая, прежде всего, характерна для молодежи. Происходят очень серьезные изменения в структуре ценностей и потребностей этой социальной группы.

Значительный вклад в изучение ценностных ориентаций молодежи принадлежит таким российским социологам, как В.Г. Лисовский [1], В.Т. Немировский, С.И. Григорьев, В.А. Ядов. Социологические исследования в области ценностей современной молодежи отражают состояние растерянности, неуверенности в завтрашнем дне.

Изменения структуры ценностей – явление вполне закономерное, поскольку российское общество переживает состояние аномии. Аномия – это утрата тех нормативных ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения приемлемой социальной идентичности. Концепция аномии принадлежит известному французскому социологу Э. Дюркгейму. Развивая мысль Э. Дюркгейма, американский социолог Р.К. Мертон в своей работе "Образцы культурных целей и институциональных норм" [2] выделяет два особо важных элемента социальной и культурной структур.

Первый состоит из определенных культурой целей, намерений и интересов, выступающих в качестве закономерных для всего общества или отдельных слоев. Господствующие цели определяют устремленность к их достижению и представляют собой "вещи", к которым стоит стремиться.

Второй элемент определяет, регулирует и контролирует приемлемые в социуме способы достижения целей. Как правило, в стабильном обществе способы достижения целей связаны с моральными и поведенческими нормами. Такие, хотя и очень эффективные, способы достижения целей, как обман и насилие, в культуре социума табуируются. Если же общество нестабильно, в нем начинают ослабевать институциональные способы поведения, расшатываются значимые культурные ценности, их истинность начинает вызывать сомнения. Социологические исследования, проведенные в последние десятилетия, обращают внимание на изменения, происходящие в структуре ценностей в целом и, прежде всего, в ценностных трудовых ориентациях российской молодежи, связывая их с очень резким изменением профиля стратификации российского общества, которое выражается в поляризации высших и низших социальных страт.

С одной стороны, молодежь составляет значительную часть в структуре новых социальных слоев, предпринимателей, менеджеров, банковских работников, с другой

стороны, большая часть молодежи оказалась наименее защищенной социальной группой. Резко ухудшилось ее материальное положение, замедляется социальное продвижение, появляются противоречия, которые вызваны несоответствием новых социально-экономических требований и тех качеств личности, которые формировались социальными институтами российского общества. Согласно данным Госкомстата России, молодежь от 16 до 30 лет составляет в численности населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума 21,2 %, а в своей возрастной группе доля бедных – 27,9% [3]. Среди молодежи до 29 лет 37, 7% безработных [4]. Из этих фактов можно сделать вывод, что перед современной российской молодежью реально стоит проблема физического выживания.

В иерархии ценностей российской молодежи на первом месте находится возможность научиться зарабатывать деньги и приумножать свой капитал – 82% [5]. 17,7% молодежи считают, что неважно, где работать, лишь бы хорошо платили, 43,8% утверждают, что нижняя планка заработной платы, которая их устроит – 4–6 тысяч рублей [6]. Молодежь прекрасно освоила правило модного ныне коучинга – "Если ты хочешь красный Мерседес, не соглашайся на белый". Для молодых людей предпочтительнее оставаться без работы, чем продавать свой труд за бесценок. "Возможность быстро достичь успеха, стать богатым, в действительности слишком часто основанная на криминале, является, тем не менее, основой для социальных установок и ожиданий значительной части российской молодежи" [7].

Вернемся к теории аномии Р.К. Мертона. Ситуация аномии – это ситуация деконструкции ценностей, принятых в обществе, когда обман и насилие становятся сплошь и рядом эффективным способом достижения цели – в данном случае стать богатым. Социальная ценность труда как способа повышения своего материального благосостояния у современной молодежи снижена, отношение к ней в настоящее время весьма скептическое. Значительная часть молодежи обречена на социальный пессимизм, т.е. неверие в то, что они когда-нибудь смогут иметь интересную, желаемую работу, достойно оплачиваемую в соответствии с мерой своего труда. Социальный пессимизм приводит к поиску эффективных средств достижения цели в областях, связанных с криминалом. В 2000 г. более половины преступлений совершили молодые россияне. 56,6% преступников – молодые люди от 14 до 29 лет, это всего 932,8 тысяч человек, что составляет 1/5 часть молодежи [8].

Социологи также отмечают факт криминализации молодежных субкультур: "Организованная преступность фактически составляет параллельную реальность, и принятые в ее среде социокультурные ориентации приобретают ценностное значение в молодежной среде" [9]. Мощное влияние на молодежные субкультуры оказывает также Drug-маркетинг, своеобразная система ценностей и норм, ориентированная на подростков и молодежь 12–25 лет. Н.Е. Маркова в своем исследовании "Культуринтервенция" обращает внимание на следующие особенности процесса моделирования поведения молодежи [10].

1. **Секс-пропаганда.** Дискредитация секса как акта личностной половой любви и пропаганда секс-девиаций в качестве развлечений – Fast Love (моментального спаривания), парафилий (извращений), гомосексуализма, множественного, безличностного подросткового полового опыта.
2. **Молодежная мода.** Пропаганда шокирующей, эпатажной моды с элементами различных субкультур и клейменем, "моды для дискотеки", нарушающей общепринятые коды одежды, унисекс.
3. **Девиантность и преступление.** Разрушение табу и общепринятых кодов поведения (публичный половой акт, нецензурная брань и т.д.) Пропаганда христианских заповедей наоборот: "Не чти отца твоего", "Убий", "Прелюбодействуй", "Сотвори себе кумира" и т. д.

4. **D-мифология.** Экстремальность, "безбашенность", скрытая пропаганда наркотиков под видом постижения мистики, сверхъестественного, сверхчувственных явлений, дьявольщины, астрологии, ужасов, пришельцев, НЛО.
5. **Рок-звезды и рок-музыка.** Реклама звезд, сведения о гонорах, поклонниках, описания успеха, богатства, любовных приключений. Сообщения о девиантных поступках (преступлениях, наркомании) как о составной части их жизни.
6. **Места развлечений.** Реклама клубов, рок-концертов, дискотек, массовых праздников и других разнообразных "тусовок".

Усваивание подобных ценностей довольно часто приводит к "социальной смерти" либо преступлению. В этой ситуации необычайно важна роль социально-гуманитарного знания, проводником которого являются кафедры гуманитарного факультета.

Социология – наука, объектом исследования которой является общество и те процессы, которые в обществе происходят. Преподаватели социологии встречаются в аудиториях с молодежью, которая находится в процессе поисков ценностных ориентиров. На наш взгляд, социологическое знание должно стать для студентов тем инструментом, который поможет объективно оценивать изменения, происходящие в обществе. В связи с этим необходимо уделять серьезное внимание инновационным методам обучения.

Как известно, существует два метода обучения – поддерживающее и инновационное. Достаточно длительное время в российской высшей школе доминировало поддерживающее обучение. От этого метода ни в коем случае нельзя отказываться, поскольку этот метод незаменим в преподавании технических дисциплин. В области социально-гуманитарного знания ситуация несколько иная. Еще в прошлом веке в США А. Осборн предложил обучение на основе решения проблем, так называемое инновационное обучение, которое включает в себя следующие ступени.

1. **Постановка социальной проблемы,** ее формулировка с учетом плюрализма точек зрения. В курсе социологии обсуждается, например, стратегия выживания молодежи в обществе риска.
2. **Поиск социальных фактов,** необходимых для уяснения и решения проблемы. Студенты обращаются не только к учебнику и конспектам лекций, но самостоятельно исследуют материалы периодической печати, статистические данные, обращаются к специальной литературе.
3. **Поиск идей.** Идеи могут быть самые невероятные, моделирующие любые способы выхода из сложной социальной ситуации.
4. **Выработка решения.** Идеи обсуждаются, анализируются, оцениваются, выбираются лучшие. Здесь важно акцентировать внимание на нравственном и безнравственном аспектах принятия решений.
5. **Достижение согласия** всей группы с предложенным решением.

Подобный подход позволяет молодым людям глубоко разобраться в проблеме, которую они исследуют, оценить мнение своих сверстников по предложенному вопросу, познакомиться с литературой, применить свои знания в реальной жизни.

Весьма плодотворна также ориентация студентов на познавательный-исследовательский аспект. В этой связи значительный интерес представляет обучение студентов социологии с целенаправленным применением социологических исследований. В процессе этой работы очень четко прослеживаются реальные последствия нарушения и разрушения структуры ценностей стабильного общества. В процессе учебного моделирования научного исследования более прочно усваиваются методики сбора данных, формируется новое, проблемное видение, умение мыслить в терминах и понятиях социологии. Применяя данный метод, мы обретаем цель

обучения – социологическое знание становится инструментом творческого освоения социальной действительности, помогающим молодым людям в ситуации аномии возвыситься над примитивными потребностями и подняться до уровня общечеловеческих ценностей.

Литература

1. Лисовский В.Г. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб, 2000.
2. Мертон Р.К. Образцы культурных целей и институциональные нормы. // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 118–124.
3. Российский статистический ежегодник. 2001. С. 189.
4. Там же. С. 146.
5. Панкова Т.А. О становлении нравственных и гражданских позиций школьника. // Социс. 2002. № 8. С. 112.
6. Руденко Г.Г., Савелов А.Р. Специфическое положение молодежи на рынке труда. // Социс. 2002. № 5. С. 103.
7. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России. // Социс. 2002. № 10. С.80.
8. Российский статистический ежегодник. С. 273.
9. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России. // Социс. 2002. № 10. С.81.
10. Маркова Н.Е. Культуринтервенция. М., 2001. С.87.

ПОНЯТИЕ СУЩНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАБОТЫ КОНСТИТУТИВНОЙ ФУНКЦИИ СОЗНАНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

С.И. Николаева

Устойчивая сущность в понимании Э. Гуссерля есть не один из объектов реального мира, а некоторая устойчивая сущность в потоке многообразных восприятий. Не восприятия определяют сущность, а сознание конституирует эту сущность под воздействием восприятий. Гуссерль разрабатывает вопрос о недостаточности объясняющей функции понятия восприятия для обоснования процессов образования сущностей в сознании. Восприятия для Гуссерля "работают в индуктивной сфере внешнего"¹.

Для Гуссерля решающая роль в формировании сущности отводится конститутивной функции сознания. Конститутивная функция сознания образует "единую систематизированную взаимосвязь тех конституций, которые эксплицируют мое эго в отношении того, что является моим собственным, и того, что является "другим" по отношению ко мне"². Конститутивная функция сознания гораздо сложнее, чем просто восприятия. Она включает в себя и иррациональные компоненты, в том числе мотивации действия и мотивации смыслополагания. По мнению Гуссерля, все виды восприятия подчинены этим более глубинным мотивациям. Фактически, в иных терминах, у Гуссерля в образовании конститутивной функции в снятом виде содержится деятельность субъекта (по организации эксперимента, по организации деятельности, в ходе которых и происходит уточнение конститутивной функции), но Гуссерль акцентирует внимание на процессе формирования сущности, а не на деятельности субъекта (которой большее внимание уделяется в советской традиции).

Для раскрытия конститутивной сферы сознания Гуссерль объясняет, как проявляются объекты внешнего мира в конститутивной сфере. Когда речь ведется о некоем объекте X, Гуссерль отмечает, что проявление этого объекта неоднозначно. Объект X имеет горизонты собственного проявления.

Объект X имеет 4 различных горизонта в собственной презентации:

1. горизонт в пространстве как сфере окрестности вещи;
2. горизонт явленности во времени;
3. горизонт ноэтического изменения ракурса в отношении к вещи (сомнения, предположения, уверенности и т.п.) со стороны субъекта;
4. фантазия – горизонт варьирования с вещью.

Понятно, что объект X не может предстать одновременно во всех своих потенциальных проявлениях. Поэтому объект X никогда не дается во всей полноте презентаций. Полнота X дается только в интуитивном схватывании, которое как бы дополняется по отношению к чувственному схватыванию.

Почему Гуссерль придает второстепенное значение чувственному восприятию? Для него важно, что сущность не зависит от субъективности. Его философия направлена против поверхностных суждений о сознании со стороны физиков или психологов – экспериментальных или не экспериментальных, по мнению Гуссерля, работающих "в индуктивной сфере внешнего"³. С позиции Гуссерля, для объяснения сознания необходимо выходить к интуитивным пластам работы сознания, на понятие "единой систематической взаимосвязи конституций, которые эксплицируют мое эго"⁴.

---

¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб, 1998. С. 271.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Гуссерль пытается преодолеть бытующие в психологии примитивные способы связи между восприятием и сущностью. Сущностное усмотрение не связано напрямую причинным отношением с фактологическим материалом. Любое раскрытие сущности связано с погружением в первопорядковую сферу сознания. Восприятие другого субъекта происходит не случайным образом, а также через погружение в сферу собственного – первопорядковую сферу, по терминологии Гуссерля. "В результате самоистолкования (а именно истолкования того, что я нахожу в себе самом) получаю трансцендентность, причем трансцендентальным образом конституированную, а не просто принятую в своей наивной позитивности"⁵. Восприятие объектов внешнего мира проходит через своего рода внутреннего цензора, который в глубине своей первопорядковой сферы имеет абсолютные критерии модуса данности – в ясной или смутной форме.

Понятие ясности возникает тогда, когда работает интуитивное восприятие, оно связано с "живым восприятием настоящего". Понятие "живое настоящее" выходит к интересубъективным структурам, обусловленным общностью родовой жизни. Отсюда, исходя из родовых признаков, формируется общность ядра, т.е. усмотрения сущности, по отношению к которому периферия окрашена в субъективный оттенок, а ядро является родовым понятием. Живое восприятие настоящего – это обращение к своей первопорядковой сфере, к сущностному восприятию, которое обусловлено общностью родовой жизни человека в сообществе. Как образуется первопорядковая сфера? Она образуется из взаимосвязанных мотиваций, связанных с практической ориентацией человека. Поскольку ядро связано с родовой жизнью, оно имеет устойчивость, а периферия уже характеризуется спецификой субъективности, так как феноменология в силу специфики обращения к субъективному многообразию, свойственному периферии ядра, совпадает с полем исследования психологии. Следует отметить легкость перехода феноменологического дискурса в психологический.

Пребывание в состоянии "живого присутствия", связанное с сущностным усмотрением, требует применения чистой интуиции по контрасту с натуралистической установкой, которая лишена четкости работы интуиции и по своим результатам смутна, а следовательно, лишена строгости сущности.

Гуссерль отмечает, что проблема психологов состоит не в различении смутного и отчетливого усмотрения. Субъективизм психологии состоит в приписывании смутности и отчетливости усмотрения различным психологическим типам сознания, но не интересубъективным свойствам одного сознания.

Самая большая трудность феноменологии состоит в объяснении различия сущностного и смутного усмотрения. Недостаток метода феноменологии – в том, что он применяет в определении сущностного усмотрения дескриптивный метод, т.е. метод описания⁶. А различия в способах усмотрения и перехода от натуралистической установки к трансцендентальной описываются не более чем спекулятивно.

Тем более усложняет дело то, что тексты Гуссерля также становятся понятными при усилении способности сущностного схватывания и при усилении способности выделения сущностных отличий, которые есть иное по отношению к эмпирическому усмотрению, т.е. для восприятия феноменологических текстов нужна трансцендентальная установка сознания.

---

⁵ Там же. С. 280.

⁶ Для Гуссерля ясность характеризуется чисто описательно, через теорию дескрипций. "Коль скоро же феноменология предполагает быть в рамках лишь непосредственной интуиции чисто "дескриптивной" наукой о сущностях, то всеобщность ее метода дана заранее – как нечто само собой разумеющееся." Идеи, с. 140

Не случайно исследователь Гуссерля В. Молчанов⁷ считал основной характеристикой феноменологии Гуссерля в его общности с эмпириомонизмом начала XX века (Мах, Авенариус) выделение способности к различениям. Различение сферы сущностного и эмпирического определяет понимание феноменологии. Для выделения различия сущностного усмотрения и размытого, смутного усмотрения уже необходимо находиться в позиции сущностного усмотрения.

В определении этого различия материал мог бы быть почерпнут из сферы религиозной философии, в которой состояния смутного и ясного сознания связываются с практикой молитвы. Но Гуссерль не признает религию практически значимой для объяснения своей философской системы. Для него само религиозное усмотрение может содержать смутность и ясность. Таким образом, сводится на нет суть достижений, могущих дать более адекватный для понимания сообществом понятийный аппарат в целях дальнейшего продвижения в разработке этой области.

Гуссерль полагает существование определенного интеллектуального чувства, которое определяет правильность принадлежности предикатов данному X. При этом данное X – это не один из объектов реального мира, а некоторая устойчивая сущность в потоке многообразных восприятий. Это открытие Гуссерля дает возможность говорить о решении для него проблемы взаимосвязи устойчивости и непрерывности.

Одновременное пребывание в потоке опыта и сохранение собственной идентичности в потоке опыта соединяет в себе черты пребывания в непосредственной связи с этим потоком жизни. Не случайно исследователи, в частности Р. Ингарден, указывал на общность в этом отношении философии Гуссерля с философией А. Бергсона.⁸

В определении сущности данного объекта X Гуссерль прибегает к понятию ясности. Ясность представляет собой континуум. Что такое ясность – это "...континуум интенсивности – различия, которые, как и любая интенсивность, начинаются с нуля и заканчиваются твердым пределом..."⁹, – пишет Гуссерль.

Этот твердый предел и есть чистое понятие. На чистое понятие уже указывают низшие понятия. Здесь Гуссерль приводит пример с созерцанием чистого цвета. "...созерцая цвет в модусе несовершенной ясности, мы "подразумеваем" цвет, каков он "сам по себе", "в себе самом", т.е. именно цвет, данный в совершенной ясности"¹⁰.

Для Гуссерля сущности, проявляющиеся в сознании, являются регулятивной структурой, которые в какой-то степени устроены для усмотрения сущности каждым, "универсальное правило, которому подчинено другое возможное осознание". По данному чистому правилу могут быть осуществлены другие усмотрения. Для Гуссерля важно, как возникает чистое схватывание, а не результирующая точка.

В этом представлении чистого "как" можно вынести за скобки весь вещественный мир и оставить только "чистые" тетиические характеристики актов или чистые ноззы – например, представление о воспоминании как таковом, о сомнительности как таковой или достоверности как таковой.

Важным в феноменологии Гуссерля является тот факт, что сознание совершенно в своем усмотрении сущностей, вопрос состоит только в том, чтобы посредством рефлексии выделить эту ясность усмотрения.

Усмотрение чистой сущности, конечно же, не формируется посредством предшествующих теоретических разработок в этой области. Чистота знания не опосредуется иными теоретическими формами знания. Теории периферийны. Чистыми

⁷ См.: В. Молчанов. Предпосылка тождества и аналитика различия". // Логос. 1999. №11–12.

⁸ См.: Р. Ингарден "Введение в философию Э. Гуссерля". М., 1994.

⁹ Э. Гуссерль. Идеи..., М., 1999. С.144.

¹⁰ Там же. С.145

являются не теории, а сам момент усмотрения мира в своем привычном схватывании его.

В этом смысле для Гуссерля несомненно сущностным усмотрением является не теория цвета, а усмотрение чистого зеленого цвета самого по себе. Сущностное восприятие зеленого присутствует на основании чистого усмотрения сущности зеленого среди многообразных видов зеленого. Вполне можно критиковать эту позицию за субъективизм восприятия. Но в этой позиции содержится онтологизм Бытие – суть того, что усматривается в чистой сущности.

В советской традиции тема связи сущности объектов с самими объектами разрабатывалась в разделе соотношения между эмпирической и теоретической ступенями познания. Здесь усматривался совершенно другой аспект этой проблемы. Богатство понятия характеризуется разнообразием опытных данных, которые оно объясняет. Гуссерль подходит к этому вопросу через другие термины.

У Гуссерля тема соотношения понятия и эмпирического материала – это вопрос об отношении ясности и наглядности. "Прояснение состоит в таком случае в двух соединяющихся друг с другом процессах – в процессе перехода в наглядность и в процессе возрастания ясности всего уже ставшего наглядным"¹¹.

Роль сущностной сферы сознания для Гуссерля очень велика. Гуссерль, разрабатывая этот вопрос в "Идеях к чистой феноменологии", показывает, что сущностным является первоначальное восприятие.

Первоначальные восприятия у Гуссерля объясняются через теорию воспоминания. В процессе воспоминания производится связывание воспоминаний, последний конец которых уходит в само настоящее восприятий. Таким образом, горизонт воспоминаний всегда должен иметь связь с настоящим: "...целая взаимосвязь тетически осуществленных воспоминаний, каковые завершились бы актуальными восприятиями, актуальными *hic et nunc*"¹².

Гуссерль пишет о том, что первоначальный опыт как бы постоянно присутствует в виде постоянно длящегося акта, оказывающего на настоящее живое воздействие. Например, воспоминания о человеке могут потерять ясность в памяти, но, тем не менее, они могут оказывать воздействия на характер новых актов восприятия. Вполне понятно, что память стирает прошлое, но для Гуссерля важно не наполненность конкретными деталями прошлого, а сила воздействия первоначального учредительного акта в прошлом, которое формирует последующие восприятия¹³.

Безусловно, те воспоминания, которые могут быть доведены до "актуального тепер", являются признаком трансцендентальной установки сознания.

Сущностным является такое первое восприятие, которое характеризовалось определенной "силой" восприятия. Здесь Гуссерль подходит к вопросу о состояниях сознания, которые обуславливают сущностный характер "первоначального усмотрения". Подобные вопросы "состояний" сознания поднимались в религиозной философии. Не случайно психологизм находится на ложно определенной позиции, вместо признания неоднозначности состояний сознания в различные моменты существования индивида он трактует эти различия из различия психологических типов.

---

¹¹ Гуссерль Э. Идеи... С. 145.

¹² Там же. С. 304.

¹³ "...Разумность и правовой характер воспоминания тайно проистекает из силы восприятия" (Идеи, с. 305). В "Идеях..." Гуссерль пишет о "сопряженности неочевидных непосредственных полаганий разума с первозаданной очевидностью" (с. 304). Воспоминания в их взаимосвязи "уводят внутрь проясняющей взаимосвязи воспоминания, самый последний конец каковой простирается в само настоящее восприятий" (с. 304).

Подобная постановка вопроса дает простор для рассмотрения многовариантности сознания и подрывает почву под ногами тех, кто является сторонником непреложности и заданности сознания.

В области философии имеют место различные представления о воспоминаниях, в том числе одной из разновидностей их является признание воспоминаний в качестве "фантазма воображения" (в различного рода современных модернистских дискурсах). Гуссерль иначе трактует воспоминания, подтверждая реальность, находящуюся в них. Значит, идентификация воспоминаний укоренена в восприятии¹⁴.

В основе чистого усмотрения сознания лежит сущностное усмотрение, обладающее чертами непосредственного видения, избавленного от предрассудков, и не затемненное ничем из психологически обуславливающего. Чистотой первоначального восприятия обладает некое самое первое восприятие, которое в дальнейшем определяет последующие полагания. Первоначальное восприятие полагает такую связь с актуальным "теперь", что фон памяти, на котором производится восприятие, и актуальное восприятие "теперь" образуют тождество. А связь осуществленных воспоминаний достигается "тетическим" путем, посредством тетической связи, т.е. осуществляется посредством общности ощущений тогда и теперь.

Таким образом, восприятие сущности у Гуссерля по форме связано с чистым ядром сущности, схватываемом в интуитивном восприятии. А с другой стороны, по содержанию Гуссерль выделяет восприятия, являющиеся первоначальными, которые и формируют чистоту схватывания этого ядра. Следовательно, сущность получает онтологическое оправдание. Сущность оказывается полученной из непосредственного восприятия. Сущее и бытие у Гуссерля оказываются связанными. Благодаря тому, что сущность оказывается связанной с бытием посредством непосредственного восприятия, Гуссерль преодолевает разорванность бытия и сущего, имевшее место у Канта. Сущее у Канта не содержит бытия, оно лишено непосредственности связи с бытием. Сознание обладает сущим, но не является обладателем бытия. У Гуссерля формы непосредственного усмотрения смысла связывают бытие и мышление в конкретной форме. Однако конститутивная функция сознания, хотя дает возможность непосредственного проникновения в бытие, но, тем не менее, не преодолевает кантовское утверждение "Сознание не есть реальный предикат".

---

¹⁴ Подобный подход родственен материалистическому пониманию воспоминаний в концепциях Л. Выготского, А.Н. Леонтьева

О СООТНОШЕНИИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Э. ГУССЕРЛЯ С НЕКОТОРЫМИ ИНЫМИ ДИСКУРСАМИ

С.И. Николаева

В результате редуцирования феноменологического дискурса Э. Гуссерля можно получить классический дискурс. Классический дискурс проявляется, в частности, в рассмотрении понятия интенциональности. Гуссерль включает в понимание интенциональности не только субъекта сознания, но и понятие субъекта деятельности.

В этом проявляется связь марксистской философии и философии Э. Гуссерля. Деятельность субъекта у Гуссерля включена в понятие интенциональности, т.е. поле включений марксизма и Гуссерля то же. Однако деятельность в марксистском понимании отделена от самой деятельности сознания: деятельность как бы является субстанциальным свойством человека как функции классовой и формационной принадлежности, а сознание остается вне рассмотрения. Как появляется потребность к деятельности и как она обусловлена посредством сознания, в марксизме не определяется. Деятельность является функцией общественных отношений, потому собственно механизмы индивидуального сознательного регулирования практического мироотношения через акты сознания остаются вне поля зрения. У Гуссерля в возможностях телесных реакций содержится имплицитная рациональность. Рациональность марксизма – это, скорее, трансцендирование классового, чем индивидуального сознания. Бытие в марксизме безлично, у Гуссерля – сугубо индивидуализировано.

Деятельность в марксизме социально растворена, а у Гуссерля мотивационно индивидуальна и может быть дорефлективно телесна, тогда как коллективная деятельность также может приобретать дорефлективный стихийный характер, который впоследствии рефлексивируется. Но Гуссерль все же утверждает, что телесные формы реакции обладают и имплицитно более глубокой рациональностью. Эту идею Гуссерля впоследствии заимствовал М. Шелер.

Сравним Гуссерля и М. Хайдеггера. Поскольку понятие внешней активности имеет место и у Гуссерля, и у Хайдеггера, важно их отличие. У Гуссерля интенциональность трактуется как способ жизни, организация тела в пространстве через посредство созданных самим человеком орудий.

Приведем цитату из Э. Гуссерля. Гуссерль вводит специальное понятие – понятие объектов "с духовными предикатами"¹. Вещи вынуждают к определенному рода взаимодействию с ними, особенности которого диктуют сами вещи, предметы активности человека. Таким образом, призыв Гуссерля "к самим вещам" приобретает реальный смысл.

У Хайдеггера сущее и бытие могут существовать во внетеоретической форме, в виде очевидности бытия, но не смысла его, имеющего согласованность, как у Гуссерля. Гуссерль уверен, что все смыслы согласованы: у Хайдеггера имеется сомнение в этой согласованности смыслов, т.е. он верит, что бытие согласовано, но несогласовано и иррационально на уровне сущего в субъекте.

---

¹ Кроме этого, миру опыта принадлежат объекты с *духовными* предикатами, которые сообразно своему происхождению и смыслу отсылают нас к субъектам и, чаще всего, к "другим" субъектам и к их активно конституирующей интенциональности: таковы все объекты культуры (книги, всевозможные орудия и механизмы и т.д.), которые вместе с тем, однако, несут в себе смысл опыта этого существования *для каждого* (т.е. для каждого члена соответствующей культурной общности, например, европейской или не столь широкой французской и т.д.). / Э. Гуссерль *Картезианские размышления*. СПб, 1998. С. 187.

Любое мироотношение для Гуссерля – это продукт конституирования, сознательного акта, который сопровождается усилием².

Гуссерль обосновывает невозможность чистой теории. Теория всегда опирается на собственно аподиктические основания воли. Гуссерль формулирует принцип "я могу", который формируется на основании "я делаю".

Если рассмотреть деятельность как акт спонтанного выражения субъекта, Гуссерль считает, что существуют более глубокие сознательные основания, чем деятельность как таковая. Деятельность основывается на этих глубоких основаниях.

Хабитуальность для Гуссерля – это привычки, обусловленные требованиями родового характера жизни, которые в этом смысле трансцендентальны. Хайдеггеровские способы внешнего поведения – это скорее индивидуальная база, чем вызванная требованием некоего принципа, родового начала.

Хайдеггер считает, что в деятельности, активности происходит выход в сферу инстинктов, находящуюся за пределами регулирования сознания. Гуссерль считает эту область системой согласованных синтезов и полноценным полем для философии. Гуссерль считает, что сознание может осуществлять конститутивную деятельность в рамках спонтанности реакций сознания, которая обусловлена потребностью родовой жизни.

Операция прояснения сущности – это операция выхода сущего к бытию. Хайдеггер обоснует акт экзистенции достижением субъектом бытия, т.е. субъективирует бытие. У Хайдеггера идет движение от сущего к бытию, но бытие нуждается в "выдвинутости сущего вовне", т.е. вектор Хайдеггера внешне ориентирован, тогда как вектор движения к бытию Гуссерля направлен вглубь вплоть до трансцендентальной субъективности, которая достижима посредством самопознания.

На основании философии Гуссерля можно построить телеологическую идею самосовершенствования человечества. Хайдеггеровская позиция, ведущая к обоснованию субъективного многообразия, формируется скорее спонтанно, чем путем сознательного самоуглубления, а следовательно, сугубо индивидуальна.

Культурные основания для Гуссерля менее важны, чем индивидуальные основания, лежащие в самой глубине структур сознания. Для Хайдеггера важно именно поле проявления субъекта в социуме, в котором и высвечивается бытие. Сфера социума – это сфера "разлитости" бытия, тогда как социальность Гуссерль выносит за скобки, придавая большее значение трансцендентальному субъекту. Его позиция – это некоторый род одиночества, которое выше солипсизма. Выше солипсизма, по мнению Гуссерля, более обоснованное одиночество, которое имеет основания в подсознательных реакциях жизни, в подсознательном реагировании на внешнюю реальность, которая обусловлена единством жизни рода. Исходя из Хайдеггера, невозможно построить телеологию.

---

² "Каждый вид сущего самого по себе, реального или идеального, станет понятен как конституированный именно в этих результатах *продукт* трансцендентальной субъективности". Там же. С. 176–177.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Л.Я. Орлова

Проблема политического лидерства в современной России является не только актуальной научной проблемой, но и стоит весьма остро как наиболее значимая проблема всего электорального процесса. Вместе с тем исследования лидерства отстают от потребностей общественного развития. Несмотря на то, что социологи достаточно активно изучают рейтинги политических лидеров, политических партий и предвыборных блоков, комплексно проблема лидерства в современной России не изучена.

Общепризнано, что впервые понятие лидерства появилось в глубокой древности. Так, уже античные философы Плутарх и Геродот уделяли много внимания именно политическим лидерам, признавая в них героев и тружеников истории. Из эпохи Возрождения в этом отношении особенно интересны взгляды Никколо Макиавелли. Выступая против феодальной раздробленности Италии, он связывал надежды на объединение страны с лидером, обладающим политическими способностями и военным талантом. Правитель должен знать главные стимулы человеческой деятельности. По Макиавелли, это власть и обладание имуществом. Он должен изучить вкусы, наклонности подданных и благодаря этому господствовать над людьми.

Понимая власть как способ подавления, Макиавелли вычленяет здесь два фактора: вхождение во власть и удержание власти. В условиях, когда изменяется естественный ход событий, а лидер становится во главе грядущих изменений, вся власть должна быть сосредоточена у него. Медлить здесь, по его мнению, нельзя.

Однако мало взять власть, надо эту власть удержать. А этому противостоят значительные силы, в первую очередь – подавленные сословия. Люди, отмечает Макиавелли, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель окажется хуже старого. В качестве методов и средств удержания власти Макиавелли предлагает ужесточение, устрашение, кнут и пряник.

Существенный вклад в научное осмысление проблемы политического лидерства внес Гегель. Он писал, что цели, которые преследуют великие люди, содержат момент всеобщего. Выдающиеся руководители выражают историческую необходимость и вкладывают в ее достижение свою энергию. Хотя на первый взгляд кажется, будто исторические события являются продуктом творчества великих людей, на самом деле последние являются выразителями потребностей общественного развития. Гегель критиковал субъективистский, волюнтаристский подход к проблеме политического лидерства, полагающий, будто великие лидеры творят историю по своему произволу, проистекающему из их психического склада и злых страстей.

Яркими представителями волюнтаристской теории лидерства, рассматривающей историю как результат творчества героических личностей, явились философы XX в. Т. Карпейль и Р.У. Эмерсон. Первый из них считал основную массу населения "убогой во всех отношениях", неспособной нормально существовать без направляющего воздействия лидеров. Подобные взгляды на политическое лидерство выражал и Эмерсон. "Все глубокие прозрения, – писал он, – удел выдающихся индивидов".

Концепцию лидерства, оказывающую заметное влияние на последующую политическую мысль и практику, разработал Ф. Ницше. Он пытался обосновать необходимость создания высшего биологического типа – человека-лидера, сверхчеловека. "Цель человечества, – писал Ницше, – лежит в его высших

представителях. Человечество должно неустанно работать, чтобы рождалось отдельных великих людей – в этом и ни в чем ином состоит его задача"¹.

Сверхчеловек, по мысли Ницше, не ограничен нормами существующей морали, стоит по ту сторону добра и зла: он может быть жестоким по отношению к другим людям и снисходительным, сдержанным, дружелюбным в отношениях с равными себе сверхчеловеками. Его отличают высокие жизненные силы и воля к власти. Это сильная, волевая, развитая и красивая личность, возвышающаяся над человеком, как тот возвышается над обезьяной. В представлениях Ницше о сверхчеловеке отразилась дарвинская идея эволюции биологических видов. Непосредственное воздействие на современные концепции лидерства оказало творчество Г. Тарда и Лебона – французских социальных психологов XIX в. Тард пытался доказать, что основным законом социальной жизни является подражание последовательному лидеру. Большинство населения не способно к самостоятельному социальному творчеству. Единственный источник прогресса общества – открытия, сделанные инициативными личностями. Общественный прогресс обязан лидерам – изобретателям, преодолевающим косность толпы. Социальное движение осуществляется по схеме: 1) лидер-новатор борется с косностью толпы; 2) толпа увлекается нововведением; 3) толпа послушно идет за лидером, подражая ему. Без лидеров толпа – обезглавленное туловище, которое не может самостоятельно действовать. Толпа не рассуждает, она верит лидеру, находится под его влиянием.

Соотечественник Тарда – Лебон – несколько иначе рассматривает влияние лидера на массы. Он утверждает, что общество вступило в "век масс", когда главную роль в общественной жизни играет толпа. Толпа ниспровергает авторитет законных лидеров и идет за теми, кто обещает ей новую иллюзию. Лебон разрабатывает рецепты, призванные помочь лидерам "овладеть толпой: нужно злоупотреблять сильными выражениями и никогда не пробовать доказывать что-либо рассуждениями; тот, кто умеет вводить толпу в заблуждение, легко становится лидером.

Взгляды Тарда и Лебона оказали влияние на концепцию лидерства русских народников. Михайловский также объяснял взаимоотношения лидера и его последователей подражанием. При этом он считал необходимым обращать внимание на психологию не только героя, но и толпы. Лидер – это гипнотизер, превращающий толпу в автоматы, готовые идти за ним куда угодно. Неважно, является ли он злодеем или гением, лишь бы за ним шла толпа. Михайловский антиисторичен в оценке роли лидера: с его точки зрения, ставить исторического деятеля в зависимости от исторического процесса – значит умалять его личную деятельность.

В научной литературе XX в. сложилось несколько подходов к анализу такого социального феномена, как политическое лидерство. Прежде всего, это "теория черт" и ее разновидности. Она возникла под влиянием исследований английского психолога Ф. Гайотона, пытавшегося еще в начале века объяснить лидерство на основе наследственности. Основной идеей такого подхода было убеждение в том, что, если лидер обладает качествами (передающимися по наследству), отличающимися от его последователей, то эти качества можно выделить. Однако составить перечень таких качеств оказалось весьма сложной задачей. Только в 1940 г. американский психолог Кюберд составил список 79 черт, упоминаемых различными исследователями как лидерские. Среди них были названы инициативность, общительность, чувство юмора, энтузиазм, уверенность, дружелюбие и т.д. Но ни одна из этих черт не занимала прочного места в опросах. Так, 65% названных черт были упомянуты однажды, 16–20% – дважды, 4–5% – трижды. Такой разброс мнений американский психолог Ю. Дженнингс объяснил субъективизмом этих теорий, тем, что они, по его мнению, в большей степени отражали черты самих исследователей, чем черты лидеров.

---

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. – с.286

Главным недостатком "теории черт" является выведение субъекта из контекста исторической среды. Ее сторонники игнорируют социальную природу лидерства, полагая, что определенные черты индивида "срабатывают" автоматически и делают определенных индивидов лидерами. Кроме того, эта теория не учитывает и то важное обстоятельство, что само выполнение функций лидера способствует развитию необходимых для этого качеств.

На смену "теории черт" пришло новое объяснение рассматриваемого феномена – социальная теория лидерства. В отличие от замкнутой на личность "теории черт", эта теория в отношении субъекта с объектом вводит конкретную ситуацию, которая детерминирует появление лидера. В различных ситуациях выделяются отдельные люди, которые превосходят других по крайней мере в каком-то одном качестве. Поскольку именно это качество и оказывается необходимым в данной ситуации, человек, им обладающий, становится лидером. Таким образом, идея о врожденности была отброшена, а вместо нее была принята другая крайность – идея о том, что лидер просто лучше других может актуализировать в конкретной ситуации присущую ему черту. Свойства, черты или качества лидера сказываются относительными, поскольку лидеру в одних условиях необходимо обладать одними чертами, в других условиях – чертами прямо противоположными. Отсюда выводятся объяснения появления и смены лидеров, поскольку интуиция в обществе, социальной группе, как правило, подвержена тем или иным изменениям, а черты личности более стабильны, и лидерство может переходить от одного человека к другому.

В процессе развития общественных отношений и уяснения односторонности приведенных выше теорий появились попытки преодолеть их ограниченность. Возник некий компромиссный вариант решения проблемы, который получил название "синтетической теории лидерства" или, как его называют, реляционный подход к лидерству. Согласно синтетическому подходу, при исследовании политического лидерства учитывается целый комплекс вопросов, а именно, черты субъекта, специфические условия, в которых он действует, характер объекта, цели и задачи, стоящие перед ним. Другими словами, реляционный подход связывает три следующих переменных – лидера, ситуацию и ведомых. Такой подход внешне снимает противоречия между "теорией черт" и "ситуационной теорией". Вместе с тем остался до конца не изученным внутренний механизм увязывания лидера и ведомых, а также социальные детерминанты этого процесса.

В середине XX в. сформировалась личностно-ситуативная теория, важным направлением ее развития стала "концепция взаимодействия". Суть ее определялась с точки зрения статуса взаимодействия и поведения индивида по отношению к другим членам группы. Лидерство рассматривалось как результат взаимодействия между личностями, а не характеристика отдельно взятого человека. В зависимости от характера эмоциональных отношений лидера с членами группы выделяются три типа лидеров:

- "лидер-патриарх", по отношению к которому члены группы испытывают одновременно чувства любви и страха;
- "лидер-тиран", в данном случае в эмоциональных отношениях доминирует страх подчиненных;
- "идеальный или харизматический лидер", группа симпатизирует ему, любит, уважает.

Достаточно широко представлена в научной литературе по проблемам политического лидерства и психологическая концепция. З. Фрейд и его последователи рассматривали лидерство как определенный вид помешательства, невроза. По их мнению, общество делится на психически нормальных и ненормальных людей. Именно последние способны быть лидерами.

Попытка рассмотрения политического лидерства как взаимодействия специфических социальных и психологических факторов, предпринятая М.

Острогорским и Р. Михельсом, нашла свое продолжение в известной концепции "харизматического лидерства" М. Вебера. Хотя М. Вебер и был критиком психологизма в социальных науках, его типология политического лидерства также базировалась на определенных психологических характеристиках объекта политического поведения. Его концепция "харизматического лидерства" основывалась на мнении, что все политические действия могут быть интерпретированы в свете их ориентации на определенные виды веры в законность существующего порядка.

В современной отечественной литературе существует множество подходов при классификации лидерства. Так, Б.Д. Парыгин в основание типологизации положил три различных критерия: содержание деятельности лидера, его стиль и характер деятельности. По содержанию различают:

- лидеров-вдохновителей, разрабатывающих и предлагающих программу поведения;
- лидеров-исполнителей, организаторов выполнения уже заданной программы;
- лидеров, являющихся одновременно и вдохновителями и организаторами.

По стилю различают авторитарный, демократический и не вмешивающийся тип лидерства.

По характеру деятельности различают:

- универсальный тип, постоянно проявляющий качества лидера;
- ситуативный тип, проявляющий качество лидера лишь в определенной ситуации.

Наибольшее значение для теории и практики политического лидерства имеют механизмы практического действия. Лидерство представляет собой исторически сложившуюся социальную потребность людей в организации своей деятельности. Оно фиксирует нравственно-политические отношения между субъектом и объектом политики. Поскольку политическое лидерство – процесс двухсторонний, то важно учитывать не только влияние лидера на массы людей, но и влияние людей на лидера. Последний аспект лидерства мало изучен. Вместе с тем он играет немаловажную роль во всей внутренней динамике лидерства, заключающейся в последовательном прохождении определенных периодов: возникновение установки лидера на власть; обладание лидерством; укрепление лидерства; затухание лидерства. Безусловно, представляет большой интерес анализ влияния механизма воздействия объекта политического лидерства на самого лидера применительно к каждому периоду.

К механизмам политического лидерства относится и механизм внушения. Под внушением обычно понимают процесс влияния на поведения индивида без применения каких-либо аргументов. В отличие от убеждения, внушение не требует аргументации, тем более установления причинно-следственных связей между фактами действительности. Оно проникает в психологическую сферу помимо общественного сознания. Наиболее действенно внушение в ситуации социального кризиса массового индивидуального сознания. Поскольку в современных условиях в России мы переживаем подобное состояние, то очевидной становится заинтересованность научного сообщества и общества в целом в теоретическом осмыслении всего круга проблем, связанных с внушением со стороны политических лидеров.

Можно согласиться с В. Кара-Мурзой, который считает, что механизм формирования подлинного политического лидерства пока проходит стадию становления. Существенным представляется тот факт, что депутаты различных уровней, губернаторы, президенты не представляют сегодня в достаточной мере интересы народа. Институты законодательной власти не являются действительно представительными органами, не отражают подлинного состояния интересов различных социальных групп общества. Изменение положения, в частности, видится в отходе от традиционалистских начал и переходу к социально-осмысленным связям и интересам в ходе электорального процесса. Однако, учитывая традиционно-харизматический тип мышления (менталитет) большинства российских избирателей, сделать это будет не просто.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФАКТОРЫ, МОТИВЫ

Л.Я. Орлова

Коль скоро выборный процесс в современной России проходит практически перманентно, проблема электорального поведения наших сограждан становится чрезвычайно актуальной.

На передний план выдвигается изучение факторов, влияющих на выбор избирателей. Вне всякого сомнения, одним из таких факторов оказывается политическая культура потенциальных избирателей. Политические установки выражают отношение людей к политическим явлениям. Они образуются на основе жизненного опыта населения страны и усваиваются отдельными индивидами в готовом виде в период первичной социализации. В первую очередь, это установки по отношению к политической системе в целом, к отдельным политическим институтам, интерес (индифферентность) к политике и непосредственно к выборам.

Существует корреляция между участием в выборах и снижением доверия к государственным институтам. Удельный вес избирателей, не доверяющих Президенту, правительству и Государственной думе, значительно выше удельного веса доверяющих им.

Увеличивается количество избирателей, голосующих против всех кандидатов. С середины 90-х гг. наблюдается снижение интереса к политике. События в экономической сфере занимают по значимости первое место, события в социальной сфере – второе, события в политической сфере – лишь на третьем месте.

Ряд социологических опросов, проведенных за последнее десятилетие, фиксировал положение, при котором значительная часть респондентов не могла назвать политическую партию, выражающую их интересы. С одной стороны, это может стать причиной неучастия в выборах, и тогда кандидат не выходит во второй тур. С другой стороны, к российской действительности применимо положение о том, что партийная приверженность структурирует отношение к кандидатам, выдвигаемым партией. Большинство сторонников той или иной политической партии, проголосовавших за эти партии на выборах в Государственную думу, голосуют за их лидеров и на президентских выборах. Избирателям сложно ориентироваться во всем многообразии избирательных объединений, возникающих перед выборами. Высокий рейтинг симпатии политика совсем не обязательно сочетается с высоким электоральным рейтингом, т.е. готовностью голосовать за него на выборах. Часть избирателей голосует не за того, кому доверяет, а за того, у кого больше шансов пройти во второй тур выборов и, следовательно, не допустить прихода к власти нежелательных политических сил. Доля избирателей с постоянным партийным выбором ниже доли избирателей, голосующих на выборах за разные партии. Большая часть отечественного электората не состоит ни в каких партиях, а лишь является сторонником тех или иных партий и движений.

На электоральном поведении сказывается и влияние социально-демографических параметров избирателей. Установлено, что в среднем разница в уровне электоральной активности мужчин и женщин незначительна. Однако мужской и женский электораты различаются по своим партийным предпочтениям. Возраст избирателей оказывает более сильное влияние, в сравнении с полом, на их участие в выборах. С увеличением возраста растет количество людей, собирающихся участвовать в выборах. Чем выше уровень образования, тем сильнее склонность к участию в выборах. Уровень образования влияет и на партийные предпочтения. С уменьшением доходов снижается и доля желающих участвовать в выборах, и уверенность в том, что выборы могут что-то изменить в жизни.

Обозначенные факторы создают некую предрасположенность избирателя к определенному поведению. Мотивы побуждают человека к деятельности, придавая его действиям смысл. Мотивы электорального поведения – это субъективное восприятие избирателем причины своего участия или неучастия в голосовании.

Проведенные социологические исследования позволили выделить перечень причин участия и неучастия избирателей в голосовании на выборах депутатов Государственной думы и Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Были выделены следующие причины участия: гражданский долг, надежда на улучшение, привычка, возможность избрать достойных, желание выразить собственные интересы. Среди мотивов отказа от участия в голосовании на выборах наиболее распространены следующие: бессмысленность собственного участия в выборах, недоверие процедуре выборов, недостаток информации о кандидатах и выборах, отсутствие времени, апатия, отсутствие интереса к политике.

Интересно заметить, что уровень выборов влияет на иерархию мотивов участия и неучастия в голосовании. Значительно меньшее число респондентов указало, что на их готовность участвовать в выборах в Государственную думу повлияла привычка. На выборах федерального уровня большая доля людей голосует для того, чтобы кто-то представлял их интересы, или чтобы избрать достойных. Если на выборах местного уровня на последнем месте по степени распространенности стоит мотив апатии, т.е. усталость от выборов, то на выборах в Государственную думу наименее значим мотив недостатка времени.

Заметим, что факторы и мотивы избирателей обусловлены динамично меняющейся социально-политической обстановкой в обществе, а также конкретным раскладом политических сил. Поэтому постоянный их анализ позволяет всем участникам электорального процесса лучше ориентироваться и делать более осознанные выводы.

АНАЛИЗ "НАЦИСТСКОГО МИФА" Ф. ЛАКУ–ЛАБАРТА И Ж.-Л. НАНСИ Л.М. Русакова

Анализ переведенной в 2002 г. работы современных французских философов Ф. Лаку-Лабарта (р. 1940) и Ж.-Л. Нанси (р. 1940) "Нацистский миф" представляется крайне любопытным, поскольку проясняет взгляд современной западной философии на такой феномен, как "национализм" и возникновение партий и группировок националистического толка.

Французские философы утверждают, что наше "настоящее еще далеко не расквиталось со своим нацистским и фашистским прошлым, равно как со своим куда более близким сталинским и маоистским прошлым".¹

В предисловии к русскому изданию, осуществленному в рамках программы "Пушкин" при поддержке Министерства иностранных дел Франции и посольства Франции в России, говорится: С... деятельность или волнения крайне правых в последние годы, феномен "ревизионизма" в рассмотрении Шоа, легкость, с которой возникают неонацистские группировки в бывшей Восточной Германии, "фундаментализм", "национализм" и всякого рода пуризм от Токио до Вашингтона и от Тегерана до Москвы – большего и не надо, чтобы внушить подобную бдительность".²

Несмотря на то, что чистого возврата или повторения в истории не бывает, тем не менее, реанимация старого "мифа" об исключительности какого-либо этноса, нации, класса или религии возможна. Более того, она актуальна и вызывает опасения. Логика подобного возврата может не осознаваться, но она, безусловно, присутствует, и раскрытие ее как раз и представляет интерес в работе Лаку-Лабарта и Нанси.

Нацизм интересен как идеология, но идеология в том смысле, в каком определяет ее Ханна Арентт (1906–1975) в своей работе "Происхождение тоталитаризма" - идеология как **тотальное мировоззрение** или как **тотальное государство**.

Задача, которую ставят перед собой французские философы, заключается в том, чтобы понять, как могла сформироваться нацистская идеология и почему немецкий тоталитаризм выступил в форме расизма.

Ответ на этот вопрос в какой-то степени уже найден Ханной Арентт, которая утверждает, что мировоззрения и идеологии XIX в. сами по себе не тоталитарны, и хотя расизм и коммунизм стали главенствующими идеологиями XX в., они в принципе были не более "тоталитарны", чем прочие; это случилось, потому что принципы, на которых основывался с самого начала их опыт – борьба рас за господство в мире, борьба классов за обладание властью в различных странах – оказались более весомы, выражаясь политически, нежели принципы других идеологий.

Дополнением к ответу Х. Арентт явился ответ Лаку-Лабарта и Нанси, объясняющий, почему именно расизм стал идеологией немецкого тоталитаризма, в то время как борьба классов – идеологией советского тоталитаризма.

Для проведения доказательной аргументации они вводят концепцию мифа и считают, что немецкая проблема – это собственно проблема идентификации, а миф – это аппарат данной идентификации. Мифом, который помог немцам найти путь к собственной идентификации, явился "миф арийца", который был обдуманно, целенаправленно и технически разработан.

Когда и как стал возникать и оттачиваться данный миф? Авторы "Нацистского мифа" утверждают, что с конца XVIII в. немецкой философской традицией было зафиксировано положение, что именно через миф происходит идентификация народа. Немцы хорошо читали греков. От них они усвоили то, что мифы играют

---

¹ Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб: "Владимир Даль", 2002. С.6.

² Там же.

воспитательную роль в обществе, они служат общим примером для подражания (mimesis). И именно от греков, а точнее от Платона, немецкая философия усвоила и то, что мифы – это фикции, это ложь (в платоновском понимании – это ложь о богах); но фикция такая, которая скрепляет воедино граждан полиса. Подражание тому образу, который нарисован в мифе, как раз и обеспечивает идентичность народа. Платон замечает, что в народном мифе нарисовано то, что не достойно понятия гражданина (убийство отца, матери, инцест, ненависть, обман и т.д.). Выход, который он находит, – это исправление мифа. Миф надо исправить, переписать, усовершенствовать. Поэтому Платон разделяет два понятия – *muthos* (миф) и *logos* (логос), а под логосом понимает исправленный миф. Исправленным мифом у Платона явилось его "Государство".

Усердно читающие немцы прекрасно поняли, что сделал Платон с древнегреческим мифом – он исправил его во благо рационального, т.е. "логичного" поведения (соответствующего логосу). Открытием для немцев стало и то, что, оказывается, можно выдвинуть новую, усовершенствованную историческую модель. Однако мы должны видеть, что эта усовершенствованная модель в основе своей все равно будет оставаться мифом (вымыслом), специально созданным, и созданным с определенной целью.

Каким же образом произошло строительство нацистского мифа в Германии? Лаку-Лабарт и Нанси реконструируют строительство нацистского мифа через "Миф XX века" (1930) Розенберга и "Mein Kampf" (1927) Гитлера. Второе издание книги Гитлера в 1936 г. достигло 2290000 экземпляров. Миф о Великой Германии, искусственно созданный большим воображением Гитлера (равно как и "Государство" Платона), стал достоянием читающей немецкой публики. Однако, чтобы быть усвоенным и прочувствованным, этот миф должен обладать особым стилем и особым пафосом. Как пишут Лаку-Лабарт и Нанси, "... обе книги* все время прибегают к набору утверждений и никогда – или лишь изредка – к аргументации. Это нагромождение, зачастую черновой набросок самоочевидностей ... и неустанно повторяемых достоверностей. Как молотом вбивается какая-нибудь идея, она подпирается всем, что к ней подходит – без всякого анализа, без обсуждения возможных возражений, без единой ссылки. Нет ни знания, подлежащего установлению, ни мысли, подлежащей завоеванию. Есть лишь провозглашение уже приобретенной, всецело наличествующей истины".³

Как для Платона становится мертвой древнегреческая мифология, а живым – миф идеального государства, так для Розенберга и Гитлера мертвой оказывается древнегерманская мифология (мифы о Водане), а живым – миф о Великой Германии. Немцы уже знали, что миф – это сила. Миф – это могущество собирания сил народа. Миф – это могущество незримой идентичности. Миф – это тождество тому, что грезится. Могущество мифа – это могущество мечты, с которой народ себя отождествляет.

Миф держится на двух вещах – на вере в мечту и на воплощении этой мечты в каком-то типе. Чтобы миф захватил весь народ, он должен вдалбливаться в голову. Недаром Гитлер в "Mein Kampf" (и большевики) говорили о необходимости массовой пропаганды. Мечта должна быть строго очерчена какими-то рамками, каким-то типом. У немцев таким очертанием идентификации, типом стала раса. Почему раса? И Гитлер в "Mein Kampf" отвечает, что раса – это народ, который держится на крови и почве (*Blud und Boden*), а не на языке. Гитлер объясняет это тем, что, если негра выучить немецкому языку, из него все равно не получится немца.

Германия, по мнению Розенберга, автора "Мифа XX века", явилась нереализованным мифом XX в. И проблемой Германии была не проблема языка, как

---

* Имеются в виду книга Розенберга "Миф XX века" и "Mein Kampf" Гитлера.

³Лаку-Лабартор Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб: «Владимир Даль», 2002. С.44

это наблюдалось до XVIII в., а проблема "материального, территориального, государственного единства". Поэтому типизации подлежит почва (территория Германии) и кровь немцев.

Идеализированным типом, к которому стали возводить свои корни немцы, оказалась арийская раса, арийская кровь, родина которой – Атлантида.

Почему арийцы? Потому, что согласно легенде, они были основоположниками цивилизации как таковой. Они были народом, созидающим великие формы. О затерянной Атлантиде грезил Платон. Но мы уже знаем, что Платон научил немцев идее созидания мифа. Поэтому, созидая свой миф об идеальном народе и государстве, немцы возводят его к Атлантиде как началу цивилизации вообще.

Если ариец – это тип идеального представителя идеального государства, то кто же будет нетипом или антитипом? Согласно логике Гитлера, антитипом должна стать "дурная" раса, бесформенная, не имеющая собственной культуры, паразитирующая, без корней, без государства. Антипода арийцам Гитлер нашел в евреях и ряде других народов, не способных к формообразованию (например, славянах). Вывод оказался прост – нетип, антитип, недотип должен быть уничтожен.

Однако, по мнению Гитлера, "грубая сила" ни на что не способна, если она не опирается на великую идею. Великой идеей оказался нацизм. В 1937 г. в своей речи в рейхстаге Гитлер произнес, что нацизм – это "формирование и осуществление образа", это строительство и формирование мира согласно зрению арийца. В "Mein Kampf" Гитлер зафиксировал основное положение идеологии нацизма, согласно которому завоевание господства – это не просто завоевание мира, это формирование мира (наподобие завоеваниям Александра Македонского и Наполеона). Но арийский мир должен быть намного больше, чем мир, который арийцы завоевали и который они эксплуатируют; он должен быть миром, ставшим арийским (вот почему из него надо исключить нетип – еврея, равно как и несколько других выродившихся типов). Данное мировоззрение должно быть воплощено абсолютно. Вот почему, считает Гитлер, это "требуется полного потрясения всей общественной жизни".

Мировоззрение нацизма, пишут в заключении своей работы Лаку-Лабарт и Нанси, является абсолютно нетерпимым и "не может фигурировать, как какая-нибудь партия, наряду с другими партиями".⁴ Это мировоззрение становится объектом верования и функционирует как религия. Верование это не возникает само по себе, оно должно быть разбужено и мобилизовано в массах.

У Гитлера трудно разделить убеждение и манипулирование сознанием масс. Он развивает все следствия логики верования, которая ему присуща и которой он себя подчиняет. Он грубо использует все ресурсы этого верования в целях утверждения собственной власти. Но само это использование остается в рамках логики верования, поскольку ведь надо же пробудить или заново разбудить в немцах арийскую грезу.

Авторы "Нацистского мифа" пишут: "Гитлеризм можно определить как вполне трезвое использование – причем не обязательно циничное, ибо оно само сохраняет убежденность – готовности масс к мифу. Манипулирование массами – это не только техника, это также и цель, если, в конечном счете, сам миф манипулирует массами и осуществляет себя в них".⁵

Нацизм не есть итог Запада, но он был его неизбежным свершением. "Фундаментализм" не есть итог исламского Востока, но он может оказаться его свершением. Мир не застрахован никакими демократиями от реанимации мифов, подобных "нацистскому". Более того, мир рискует не увидеть логику его свершения. Перед современными исследователями Востока стоит задача – выявить логику создания Мифа Великого Исламского Халифата и логику реанимации этого мифа в XXI в.

---

⁴ Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб: "Владимир Даль", 2002. С.61.

⁵ Там же. С.6.

ИМУЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ ОБМЕНА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В.В. Скопцов

В свое время первому из экономистов-классиков, Дэвиду Юму, пришла в голову "странная" идея, которую он подарил своему другу Адаму Смиту. Дэвид Юм предположил, что благосостояние состоит вовсе не в золоте, а в товарах и услугах. Желая переубедить Юма, А. Смит написал книгу под названием "Исследование о природе и причинах богатства народов". А. Смиту пришлось подтвердить, и он блестяще это сделал, что источником богатства являются сделки обмена в процессе производства товаров и услуг. Физической основой богатства как такового является специализация и разделение труда производителей, а в результате сделка обмена, как показал А.Смит, приносит "богатство" и продавцу, и покупателю.

Теория государства и права определяет общество – человеческий социум как совокупность индивидов, объединенных обменными отношениями¹. В рамках такого подхода государство как институция, правовая организация публичной политической власти выполняет определенные функции по отношению к обществу, формируя, в частности, систему права и систему законодательства. Обменные отношения – это форма и способ существования человеческого сообщества, а значит, и для гражданского общества, и для государства эти отношения имеют жизненно важное значение.

Любое намерение государственной власти необходимо подвергать анализу с точки зрения того, как его реализация может повлиять на все множество обменных отношений, на их суммарную интенсивность, денежный и физический объем. По существу, мы получаем внеправовой критерий эффективности системы права и системы законодательства, который может быть использован и для оценки эффективности власти в целом.

В рамках такого подхода можно модифицировать и предложенные А. Смитом принципы налогообложения, позднее названные "Декларацией прав плательщика". Подвергнув все множество налогов, существующих в России, проверке по критерию "максимизации интенсивности отношений обмена между производителями товаров и услуг", можно сделать вывод, что только налог с продаж розничных товаров (НсПРТ) и экспортная таможенная пошлина (ЭТП) не влияют негативно на интенсивность отношений обмена производителей товаров и услуг. Все остальные налоги основаны на изъятии оборотных средств у производителя, а значит, заведомо снижают его эффективность. Будем называть налоги, снижающие эффективность производителя, налогами "барщинного" типа, а два вышеупомянутых налога назовем налогами "оброчного" типа.

С учетом сказанного можно сформулировать "Новые принципы налогообложения", к тому же несколько сократив их число.

Принцип хозяйственной независимости и свободы налогоплательщика, основанный на праве частной собственности, заменяется на принцип максимизации интенсивности отношений обмена, заключающийся в таком состоянии системы права и системы законодательства, которые гарантируют возмещение ущерба, страхование ущерба и снижение вероятности возникновения ущерба в процессе обмена.

Принцип справедливости, заключающийся в равной обязанности граждан платить налоги соразмерно своим доходам и обязанности государства ограничиваться изъятием именно этой соразмерной величиной, заменяется на принцип справедливости, заключающийся в пропорционально равной обязанности граждан платить налог

---

¹ См.: Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1999. С. 30–33.

соразмерно своим расходам в розничной торговле товарами, и обязанности государства ограничиваться изъятием именно этой соразмерной величины.

Принцип определенности, из которого следует, что сумма, способ, время платежа должны быть заранее известны налогоплательщику, и принцип удобства, согласно которому налог должен взиматься в такое время и таким способом, которые представляют наибольшие удобства для плательщика, что, в свою очередь, означает, что оптимальным для плательщика будет тот момент, который он сам для себя определит с учетом иных обстоятельств, заменяются на принцип определенности и удобства, из которого следует, что сумма, способ и время платежа определяются решением плательщика на приобретение розничного товара с учетом иных обстоятельств.

Должен также соблюдаться принцип экономии, в соответствии с которым издержки по взиманию налога должны быть меньше, чем сами налоговые изъятия.

В историческом аспекте сфера обменных отношений становится относительно независимой от вмешательства публичной власти, способствует становлению гражданского общества, отношения между членами которого не опосредованы властью, и при этом все большее количество членов социума обретает формально-юридическую свободу.

Однако формальная свобода, как показывает реальная действительность, в том числе и в России, является необходимым, но отнюдь не достаточным условием для возникновения гражданского общества. Практика свидетельствует, что наделение члена социума формальной свободой отнюдь не формирует его как участника отношений обмена. Подлинный участник отношений обмена формируется в процессе осознания ответственности за свои действия, в том числе имущественной ответственности. Кроме того, необходимо учитывать, что большая часть граждан в силу своих физиологических и психических возможностей не склонны рисковать малым в надежде обрести большее.

Фактически каждый из потенциальных участников отношений обмена проявляет здоровые опасения по поводу возможного имущественного ущерба. Иными словами, субъект озабочен проблемой собственной имущественной безопасности. При этом его не устраивает подход, при котором вероятность возникновения ущерба имеет ощутимые значения, по его мнению, положительный исход должен наступить "с вероятностью единица или почти наврное". Во всяком случае, он готов заплатить достаточно высокую цену, чтобы застраховать вышеупомянутый риск.

В этих условиях, желая дать опыт ответственного распоряжения имуществом как можно большему числу членов социума, разумно обратиться к такому правовому механизму, как страхование предпринимательских рисков. Именно различные формы страхования рисков в разные периоды человеческой истории давали возможность цивилизации сделать очередной бросок по пути прогресса и процветания. Одним из механизмов, призванных снизить уровень предпринимательского риска, стало в свое время введение такого правового института, как "юридическое лицо" и "общество с ограниченной ответственностью".

Но прежде чем двинуться вперед, необходимо сделать ревизию существующих способов страхования предпринимательских рисков. На самом ли деле эти способы дают опыт ответственного распоряжения своим и чужим имуществом или только создают его видимость?

К сожалению, введение институтов юридического лица и ограниченной ответственности, что подавляющим числом юристов и экономистов воспринимается как очередная победа человеческого гения, таковой победой не является, во всяком случае, на современном этапе. Этот шаг явился суррогатным ответом на предложение о страховании сделок страховыми компаниями. Такое промежуточное звено, как общество с ограниченной ответственностью, практически исключало обращение взыскания по долгам общества на его учредителей, фактически страхуя их

предпринимательский риск. Механизм банкротства позволял переложить долги общества на кредитора, а в конечном итоге – на покупателей розничных товаров и экспортных товаров и услуг. За вольные или невольные ошибки предпринимателей расплачивалось само общество.

Имущественная безопасность отношений обмена понимается как комплекс мероприятий по возмещению ущерба, страхованию ущерба и снижению вероятности возникновения ущерба в процессе обменных отношений.

Мы не используем термин "экономическая безопасность", поскольку в данной работе речь будет вестись об опасениях за свое имущество не среднестатистического, а любого конкретного члена социума, пожелавшего принять участие в отношениях обмена. В такой постановке термин "экономическая" явно неприменим, поскольку экономика предполагает результат действия закона больших чисел, а наш случай вполне детерминирован.

Иначе говоря, любой индивидуум, пожелавший совершить сделку, в основе которой лежит отношение обмена, не должен понести неприемлемый ущерб.

Такая постановка задачи вовсе не означает, что отныне все члены социума получают право на убыточные сделки. Наоборот, и цена сделки, и цена страхования сделки должны быть оплачены из средств субъекта отношений обмена, однако страхование сделки делает максимально возможный ущерб приемлемым, а участие данного субъекта в последующих сделках любого рода – более дорогостоящим. Тем не менее, повторное участие в сделках, реализующих отношения обмена, для него отнюдь не исключается.

Гражданское общество в первую очередь образуют те члены социума, которым вслед за обретением формально-юридического равенства удалось обрести относительную имущественную самостоятельность в сфере отношений обмена. Получение такой имущественной самостоятельности сопряжено с опасениями члена социума потерять свое имущество при неблагоприятных исходах сделок, реализующих отношения обмена. В этой ситуации из клуба участников отношений обмена автоматически исключаются члены социума, не склонные рисковать своим имуществом. И, наоборот, по мере снижения уровня предпринимательских рисков число членов социума, готовых заниматься предпринимательством, будет возрастать, а значит, будет расти база, на которой возможно возникновение и развитие гражданского общества.

Таким образом, нам удалось выявить противоречие в форме несогласованности, несоответствия целей государства, стремящегося обеспечить усиление своей мощи за счет повышения интенсивности и суммарного объема отношений обмена в стране, и низким уровнем имущественной безопасности в этой сфере отношений.

Указанное противоречие может получить свое разрешение при таком состоянии системы права и системы законодательства, которые гарантировали бы возмещение ущерба, страхование ущерба и снижение вероятности возникновения ущерба в процессе реализации отношений обмена.

Существующие условия в целом обеспечивают возможность возмещения ущерба за счет виновной стороны. Однако судебные процедуры не позволяют делать это оперативно, в масштабе времени, соответствующем реальным отношениям обмена. Правовой механизм, который бы обеспечил оперативное возмещение ущерба, существует – это страхование, однако применительно к страхованию рассматриваемых отношений этот механизм недостаточно развит.

Например, страхование предпринимательских рисков в форме уставного капитала хозяйственных обществ, при котором имущество в уставном капитале переходит к кредиторам через процедуру банкротства, есть варварская форма страхования, за которую в действительности расплачиваются потребители розничных товаров, а реальные виновники банкротства не только уходят от ответственности, но и зачастую остаются с солидным "наваром".

Цивилизованное решение этой проблемы видится нам в страховании предпринимательских рисков в форме страхования предпринимателями рисков по каждой сделке. При этом текущие значения застрахованных рисков самого предпринимателя и текущие суммарные риски его партнеров по отношениям обмена могли бы стать важнейшими характеристиками его предпринимательского успеха. В настоящее же время дебет и кредит предпринимателя никак не окрашены вероятностью получения по дебету или возврата по кредиту. По сути, кредитная история в том виде, в котором она сейчас существует, уже не обеспечивает необходимой безопасности отношений обмена для членов социума, объективно и субъективно готовых стать субъектами отношений обмена – подлинными членами гражданского общества.

Другим фундаментальным ограничением, стоящим на пути повышения интенсивности отношений обмена и их суммарного объема, стала налоговая система, ориентированная на налоговое изъятие доли доходов производителей товаров и услуг. Такого рода изъятие (по типу барщины) заведомо ослабляет производителей, поскольку изымает у них оборотные средства. Кроме того, по мере продвижения цен на товары и услуги в направлении от добывающих отраслей к розничной торговле товарами и экспорту доля налогов в указанных ценах возрастает, достигая 50% и более. Это снижает эффективность капиталовложений производителей товаров и услуг в соответствующее число раз. Парадоксально, но факт: человечество, достигнув впечатляющих успехов в деле технического и социального прогресса, совершенно необъяснимым образом вернулось к такой неэффективной форме налогового изъятия, как барщина.

Итак, взимание налогов в розничной торговле товарами и экспорте товаров и услуг позволяет за те же самые деньги выпустить большее количество товаров, поскольку, как минимум, имеется возможность закупить большее количество материалов, а значит, мы имеем предпосылку к экономическому росту.

Важнейшим вопросом в деле страхования предпринимательских рисков является вопрос о выборе страховой компании. Учитывая тот факт, что участник отношений обмена ставит своей целью практически исключить вероятность возникновения имущественного ущерба, страховая компания должна быть чрезвычайно мощной. Оплачивая услуги страховой компании, участник отношений обмена вправе рассчитывать, что страховая компания позаботится и о том, чтобы такая отрасль права, как страхование, и такой институт права, как возмещение ущерба, были организованы наилучшим образом. Вывод из вышесказанного напрашивается сам собой – страховая компания должна быть частью самого государства, львиная доля страховых взносов должна поступать государству на проведение, в том числе, организационно-правовых мероприятий по совершенствованию массива законодательства, связанного с обеспечением имущественной безопасности участников отношений обмена.

Предположим, что в структуре государства будет образован федеральный страховой фонд (ФСФ), куда будут поступать страховые взносы сторон по сделкам, реализующим отношения обмена, пенсионные, социальные и иные страховые взносы населения, взносы по страхованию гражданской ответственности, начиная от автолюбителей и кончая нефте- и газодобытчиками. Возможно, что в этот фонд будут перечислять страховые взносы и министерства в силу положения о министерстве или закона. Тогда, например, катастрофа с подводной лодкой, во всяком случае, не будет столь катастрофичной для государственных финансов.

По существу, у государства появился бы непрерывно пополняемый второй бюджет, предназначенный для расходования в чрезвычайных ситуациях при наступлении страховых случаев. Однако часть накоплений ФСФ должна будет расходоваться на организационно-технические мероприятия, направленные на уменьшение страхуемых рисков, в том числе на цели бюджетного финансирования.

О ВОЗМОЖНОСТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ВЗИМАНИЯ НАЛОГОВ

В.В. Скопцов

Существует очевидное противоречие между всемирно-исторической тенденцией либерализации (освобождения) членов социума от рудиментов феодальных "крепостей", повинностей и т.п. и ужесточением государственного контроля за членами социума.

В данной работе анализируется возможность освобождения субъектов отношений обмена от неоправданно (с точки зрения автора) жесткого контроля со стороны налоговых органов.

Теория государства и права определяет общество – человеческий социум – как совокупность индивидов, объединенных обменными отношениями¹. В рамках такого подхода государство как институция, правовая организация публичной политической власти выполняет определенные функции по отношению к обществу, формируя, в частности, систему права и систему законодательства.

Обменные отношения – это форма и способ существования человеческого сообщества, а значит, и для гражданского общества, и для государства эти отношения имеют жизненно важное значение.

Указанное противоречие в принципе может найти свое разрешение как в форме победы тоталитарной тенденции всеобщего контроля, так и в форме либеральной тенденции. Однако с учетом внеправового критерия максимизации интенсивности и объема отношений обмена, тоталитарная тенденция не способна без снижения интенсивности отношений обмена вводить все новые и новые формы контроля за членами социума – субъектами отношений обмена.

Таким образом, нам остается только настроить либеральную модель таким образом, чтобы имущественные и властные интересы государства не пострадали.

Более того, есть все основания полагать, что, как и тоталитаризм, либерализм есть просто инструмент власти, который, как и всякий инструмент, не плох и не хорош, но, будучи неправильно и не вовремя использован, способен принести значительный имущественный и нравственный ущерб и членам социума, и государству.

Итак, предположим, что ситуация, сложившаяся в России в настоящий момент, позволяет использовать инструменты либерального типа. Тогда, отправляясь от внеправового критерия максимизации интенсивности отношений обмена, проанализируем причины, по которым интенсивность и объем не могут быть увеличены. Факторный анализ составляющих розничных цен на товары показывает, что не менее 50 % в них составляют налоги, причем их доля в ценах товаров и услуг неуклонно возрастает по мере движения товаров от добывающих отраслей в сторону розничной торговли и экспорта. Аналогичным образом растут и доли в розничных ценах за счет транспортных и энергетических издержек, однако их суммарная доля не превышает 10–20 % от розничной цены товара. Очевидно, что наиболее негативное влияние на интенсивность и объем отношений обмена оказывают налоги, а значит, именно снижение налогов будет наиболее эффективным инструментом из либерального арсенала.

Остановимся на таком негативном аспекте высокого содержания налогов в ценах на товары и услуги производителей, как необходимость задействовать дополнительные оборотные средства, во-первых, для компенсации налогов, уже содержащихся в товарах и услугах, используемых для собственного производства, во-вторых, для уплаты собственных налогов. Таким образом, производитель товаров и услуг отдает часть своих оборотных средств "на барщину" и возвращает их после реализации товара (услуги) потребителю.

Совершенно очевидно, что все без исключения налоги, возложенные на производителей товаров и услуг, в конечном счете, платят покупатели розничных товаров и

---

¹ См.: Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1999. С. 30–33.

экспортных товаров и услуг. Если можно представить себе потоки, состоящие не из денег, а из цен на товары и услуги, то экономику страны уместно будет представить в виде гигантского водораздела, на территории которого расположены десятки миллионов субъектов отношений обмена, включая миллионы производителей товаров и услуг, цены на услуги которых устремляются к двум "озерам" под названием "розничная торговля товарами" и "экспорт товаров и услуг".

Не подозревая (или не желая знать) о существовании этих "озер", можно собирать налоги с цены на каждую услугу или товар, затратив громадные материальные и людские ресурсы. Однако гораздо рациональнее черпать налоги из "озер", организовав всего два налога:

- налог с продаж розничных товаров (НсПРТ);
- экспортная таможенная пошлина (ЭТП).

Итак, взимание налогов в розничной торговле товарами и экспорте товаров и услуг позволяет за те же деньги выпустить большее количество товаров, поскольку, как минимум, имеется возможность закупить большее количество материалов, а значит, мы имеем предпосылку к экономическому росту.

Таким образом, в дополнение к освобождению собственности (приватизации) и либерализации цен, имеется возможность освобождения от налогов субъектов отношений обмена, включая производителей товаров и услуг, путем переноса точек сбора налогов в сферы розничной торговли товарами и экспорта товаров и услуг.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В 1917–1918 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЦСУ)

И.А. Тропов

Коренные изменения, происходившие в российском обществе в 1917–1918 гг., не могли не затронуть систему органов государственной власти и управления. Одним из новых государственных учреждений, возникших в революционную эпоху, было Центральное статистическое управление (ЦСУ).

Потребность в создании высшего надведомственного органа по руководству статистическими работами в стране ощущалась многими представителями научной общественности и государственной власти на протяжении всей второй половины XIX – начала XX столетий. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, добиться реорганизации "статистической части Российской империи" долгое время не удавалось. Со всей решительностью проблема создания четкой и эффективно функционирующей структуры статистического аппарата заявила о себе в годы Первой мировой войны. Именно в этот период со всей очевидностью проявились как неповоротливость аппарата административной статистики, так и значительные успехи статистиков местных самоуправлений, наиболее быстро отреагировавших на поставленные самой жизнью вопросы.

В 1917 г. земские и городские статистики стояли на пороге создания нового всероссийского статистического органа. На своем очередном съезде 18–22 апреля 1917 г. они четко определили его структуру. Центральными учреждениями было решено считать периодически созываемые съезды, разрабатывающие общую программу и план исследования, и Совет по переписи, осуществляющий общее руководство в рамках утвержденной программы работ. Местными учреждениями с учетом специфики того или иного региона признавались губернские земские управы, продовольственные комитеты, местные организации Переселенческого управления и др. Содействовать всем им была призвана Исполнительная комиссия статистических съездов, включавшая в свой состав П.А. Вихляева, Н.И. Воробьева, В.Г. Громана, Н.А. Каблукова, А.Е. Лосицкого, П.И. Попова и других видных деятелей¹.

Инициативы земских и городских статистиков нашли определенный отклик у Временного правительства, по-видимому, осознававшего необходимость объединения статистических работ в стране. Но обсуждение вопроса "о согласовании и объединении статистических работ по обследованию экономической жизни страны"² в сентябре 1917 г. не вышло за кабинетные рамки. Вследствие этого добиться создания единого статистического учреждения в то время не удалось, статистики по-прежнему были разобщены.

Условия для создания единого общероссийского статистического органа сложились после октября 1917 г. Специфика ситуации состояла в сочетании давно демонстрируемой статистиками готовности к организации полномасштабных исследовательских работ с проявленной большевистской властью заинтересованностью в этой деятельности. "Инициатива государства встретила с инициативой самих представителей статистического знания", – отмечал впоследствии В.Г. Громан³.

Вопрос о роли статистического учета после победы социалистической революции являлся для большевиков составной частью проблемы организации власти и управления в новом, "пролетарском" государстве. На вооружении большевистской партии находились лишь самые общие теоретические положения, разработанные В.И. Лениным в ряде работ, прежде всего в книге "Государство и революция". Характеризуя стадию перехода "от капитализма к коммунизму", автор подчеркивал: "Особый аппарат, особая машина для подавления, "государство" *еще* необходимо, но

это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле..."⁴. По мысли В.И. Ленина, оно должно не только подавлять меньшинство населения большинством в интересах революции, но и осуществлять контрольно-распределительные функции. В условиях диктатуры пролетариата, как отмечал В.И. Ленин, "остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта"⁵.

Осуществление этих и других революционных мер – национализации земли, банков, промышленных предприятий, установление контроля за общественным производством и распределением продуктов, регулирование народного хозяйства в общегосударственном масштабе⁶ – требовало статистического учета всех имеющихся материальных и людских резервов. Причем, как справедливо отмечает Т.В. Рябушкин, в новых исторических условиях "речь шла не только об общем исследовании социальных условий (положения рабочего класса), но и о сумме методов и моментов количественного анализа тех социально-экономических процессов, в которых необходимо было действовать пролетарской партии"⁷. В то же время обращает на себя внимание известное ленинское утверждение, высказанное им в работе "Очередные задачи Советской власти", о необходимости вывести статистику из "исключительного ведения "казенных людей" или узких специалистов" и "понести ее в массы, популяризовать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать, – чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения"⁸.

Таким образом, от статистических учреждений большевики ожидали не только предоставления данных, необходимых для деятельности органов государственной власти и управления, как это было в дореволюционной России, но и выполнения более широкой задачи – информирования общества с целью вовлечения наибольшего числа трудящихся в процесс социалистического строительства и придания ему начал сознательности и организованности.

Стремление лидера большевиков к реализации идеи государства-коммуны, где политический "центр" ведает организацией "всей трудящейся массы", вместе с ней намечает пути дальнейшего развития, помогает наладить управление, производство и распределение продуктов⁹, в качестве необходимого условия предполагало наличие органа, создающего информационную базу для широкой, общегосударственной организаторской работы центрального правительства.

К созданию такого учреждения, как отмечалось выше, вплотную подошли земские статистики еще в годы мировой войны. Смена власти осенью 1917 г. не вызвала смятения в их рядах. Политика и раньше никогда не заслоняла собой их главного дела – собирания и разработки статистического материала, а после прихода к власти большевиков имелись реальные возможности организовать новые исследования и сохранить собранный по крупицам материал, представлявший собой "драгоценность, утрата которой ничем не могла быть вознаграждена"¹⁰.

Между тем опасность исчезновения статистических данных в перипетиях революционной эпохи была велика. На состоявшемся в начале декабря 1917 г. съезде статистиков делегаты указывали на "отчаянное" положение местных отделов переписи, не имевших финансирования¹¹ и испытывавших давление со стороны ведомственных структур. Как заявил А.А. Кауфман, "далеко не все данные и выводы, которые было бы нужно в разных случаях получить от статистика, не все эти данные статистик в состоянии дать"¹².

Таким образом, делегаты осознавали границы применения статистического метода, подчеркивали, что сбор и обработка данных и получение выводов не могут зависеть исключительно от потребности и указаний государственного аппарата. Они

настаивали на особом положении статистики, подчеркивая, что различные ведомства нуждаются в "статистических консультациях со стороны такого органа, каким является съезд"¹³.

Эти рассуждения вплотную подводили к решению вопроса об объединении, которое, как отмечали делегаты, должно было носить аполитичный характер. Наиболее ярко эту мысль высказал один из делегатов, имя которого в стенограмме не зафиксировано: "Мы – статистики, мы не должны считаться с местными впечатлениями, с впечатлениями местных общественных деятелей, мы должны считаться только с фактом центральным, а этот факт таков: неоспоримо положение, что Россия будет существовать как страна, как народ, государство, следовательно, та работа, которую мы выполняем, она будет нужна для всякой государственной власти, значит, для всякой страны и всякого народа, следовательно и при всякой государственной власти – при большевистской, при с.р.-ской, кадетской, самодержавной и т.д. Выполнить ее необходимо"¹⁴.

Первые шаги по этому пути были весьма непростыми: одна часть представителей формирующегося государственного аппарата понимала важность проводимых статистиками работ, другая часть либо вообще не признавала их деятельности, либо рассматривала статистические органы как средство получения данных лишь по узкому, интересующему данное ведомство направлению, превращая независимые бюро в один из элементов ведомственной структуры.

Земские статистики, прекрасно осознавая весь драматизм ситуации, предприняли в конце 1917 – начале 1918 гг. шаги, направленные на упорядочение их взаимоотношений с государственной властью. С такой инициативой выступил отдел переписи, состоявший ранее при Министерстве земледелия и перешедший после Октябрьской революции в ведение Наркомзема. Декабрьский (1917 г.) съезд статистиков поставил перед ним широкие задачи: "объединение и руководство работ по переписи 1917 г., а также по кадастру и текущей сельскохозяйственной статистике в центре и на местах". Пользуясь этим, отдел переписи внес в Совнарком вопрос о "необходимости и целесообразности" перехода его "в ведение общегосударственного, междуведомственного учреждения экономического характера", каким являлся созданный в декабре 1917 г. Высший совет народного хозяйства¹⁵. При этом статистики говорили о важности создания для отдела переписи и его органов такого положения, при котором их деятельность осуществлялась бы "нормальным темпом, несмотря на всякого рода осложнения в государственной жизни и смену политических направлений", вновь подтверждали необходимость "разработки основ по созданию государственной статистики"¹⁶.

Руководство ВСНХ согласилось с выдвинутыми статистиками идеями, в частности, с идеей придания статистическим учреждениям независимости "от узковедомственной политики отдельных ведомств". Такое решение вытекало из особенностей положения ВСНХ как высшего органа управления всем народным хозяйством республики, для успешной деятельности которого большую помощь могли оказать широкомасштабные статистические исследования. В результате были приняты решения о переходе отдела переписи в распоряжение ВСНХ (декрет СНК от 8 февраля 1918 г.), об ассигновании необходимых средств для его работ и о подготовке к проведению всероссийской промышленной переписи. Кроме того, ВСНХ принял предложение своего нового отдела о недопустимости реорганизации без его ведома земских статистических учреждений – "независимых в своей работе от отдельных ведомств и состоящих при губернских советах народного хозяйства, а где их нет – при Совдепах, но как самостоятельных отделов, а не части какого-нибудь отдела, и находящихся в определенной организационной и финансовой связи с отделом переписи и статистики Высшего совета народного хозяйства..."¹⁷.

Эти изменения при всем своем значении не могли считаться окончательными, вопрос о создании общегосударственной системы статистических органов оставался открытым. Но после того, как положение последних несколько упрочилось благодаря созданию отдела переписи и статистики ВСНХ, создались благоприятные условия для его решения. Инициатива по-прежнему исходила, прежде всего, от земских и городских статистиков.

Исполнительная комиссия статистических съездов (ИКСС) считала центром статистических работ в стране новообразованный отдел ВСНХ. Так, рассматривая на одном из своих заседаний, проходивших с 25 по 27 апреля 1918 г., вопрос об организации областными продовольственными учреждениями самостоятельных статистических аппаратов, она назвала такую меру "излишней" и постановила: "Необходимые продовольственным организациям для работ сведения по текущей статистике надлежит получать от центральной статистической организации – отдела переписи – и местных статистических организаций..."¹⁸.

Этому отделу предстояло не только проводить отдельные исследования, но и продолжить работу по собиранию в единое целое статистических сил страны. В заседании 27 апреля 1918 г. ИКСС признала "необходимым организацию государственной статистики", а для этого – собрать специальный съезд, на котором и рассмотреть проект отдела переписи и статистики ВСНХ. В том же самом постановлении подтверждалась правильность установленных взаимоотношений между статистическими бюро при бывших губернских земских управах, другими статистическими учреждениями этого типа, с одной стороны, и Высшим советом народного хозяйства, его местными органами и губернскими советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с другой стороны¹⁹.

Меньше чем через месяц – 20 мая 1918 г. – ВСНХ также постановил "считать необходимой организацию государственной статистики и поручил своему отделу представить "соответствующий проект ... на рассмотрение съезда статистиков"²⁰.

Этот форум, состоявшийся благодаря усилиям земских и городских статистиков и поддержавших их представителей государственной власти, проходил в Москве с 8 по 16 июня 1918 г. Открыл съезд и выступил с докладом председатель ВСНХ А.И. Рыков.

Охарактеризовав в самом начале своего выступления особенности переживаемого момента, А.И. Рыков указал на особую роль статистики в жизни страны. "Россия не в состоянии выйти из того тупика, в который загнано народное хозяйство в результате капиталистического развития, в результате империалистических войн, ... она не в состоянии выйти на открытую дорогу широкого организованного строительства без самого энергичного содействия всех научных сил, без того, чтобы статистические исследования, статистический анализ были положены в основу всех тех мероприятий, которые поставлены теперь историей на очередь"²¹. После этого докладчик выделил двоякого рода задачи государственной статистики: во-первых, определяемые "пассивной ролью статистических исследований, поскольку статистика изучает то, что было, или то, что есть ..." и, во-вторых, выдвигающиеся после революции на первый план активные задачи, заключающиеся "в том, чтобы путем научного обследования указать наиболее больные, наиболее шаткие участки нашего хозяйственного фронта и указать на те мероприятия, которые необходимо произвести на этих участках"²².

Задачи статистики были сформулированы А.И. Рыковым хотя и широко, но все же достаточно четко – не просто изучать современное состояние общества, но и оказывать информационную помощь государственным органам в формировании экономической политики, а это подразумевало проведение крупных исследований "во всех тех областях хозяйственной жизни, где применяется регулирование, где применяется контроль, где в первую очередь вводится на место хаотического и конкурирующего ведения хозяйства ... систематическая и планомерная организация".

Для этого А.И. Рыков считал необходимым "объединить в общий план работ и под единым руководством как статистику земскую и городскую, так и статистические отделения различных ведомств, различных управлений и их опыт..."²³.

Таким образом, государственная власть в лице А.И. Рыкова, поддержав инициативы земских и городских статистиков, предложила самые общие принципы организации нового учреждения и не пыталась навязать выверенных, детальных инструкций. Было задано лишь общее направление, в рамках которого и проходила работа на съезде по организации госстатистики.

С обширным докладом по этому вопросу выступил руководитель отдела переписи и статистики ВСНХ и член ИКСС П.И. Попов. Отметив, что ни одна отрасль государственного управления "не может обойтись без статистического освещения социальных условий и явлений, входящих в круг ее ведения", что для правильной организации такого рода исследований требуется наличие центра, "объединяющего и согласующего работы во времени и пространстве"²⁴, докладчик перешел к характеристике структуры проектируемой статистической организации. В качестве ее центральных руководящих и объединяющих органов были названы следующие: "а) съезды статистиков и б) центральная статистическая организация, по характеру своих работ разделяющаяся на две части: 1) научно-руководящую – Высший совет по делам статистики и 2) организационно-технически-исполнительную (Центральное статистическое учреждение)"²⁵.

На созываемых не реже одного раза в год съездах предполагалось рассматривать программы общегосударственных работ, согласовывать деятельность различных "государственно-коммунальных" статистических органов, вырабатывать основы "правильной организации статистических работ". Совет по делам статистики должен был рассматривать планы и программы переписей и обследований, производимых не только органами государственной статистики, но и отдельными ведомствами, делать заключения по планам и программам намеченных работ, вырабатывать общие инструкции²⁶. В этом П.И. Попов видел залог успешного противодействия ведомственному сепаратизму. Поскольку все программы, планы и сметы советских учреждений, касающиеся проведения статистических работ, должны сопровождаться постановлением Совета, постольку "государственная власть всегда будет иметь возможность спорить от имени компетентного учреждения", она "будет знать и будет иметь возможность реагировать на уклонения отдельных ведомств от того пути, на который указывает высший совет по делам статистики"²⁷. В ведение Совета П.И. Попов предлагал также включить задачу распространения статистических знаний в стране и разработку вопросов и методов наблюдения и обработки статистических материалов. На Центральное статистическое учреждение докладчик предложил возложить "общее попечение о развитии и правильной постановке статистики в государстве и расширении статистических знаний" и выполнение статистических работ по различным отраслям²⁸. При этом П.И. Попов обратил особое внимание на необходимость наделения ЦСУ определенными правами и полномочиями, прежде всего особым правовым статусом, который предоставлял бы ему "возможность в общем строе государственных установлений занять самостоятельное, в служебном отношении независимое от отдельных государственных учреждений положение", позволяющее наиболее эффективно осуществлять статистические работы в государстве (право получения от центральных и местных органов необходимых сведений, право непосредственного доклада центральной государственной власти и другие)²⁹. Конкретные формы реализации этого положения П.И. Попов предложил выработать съезду, в частности, нужно было определить, при каком из двух органов – Совнарком или ВСНХ – будет существовать Центральное статистическое учреждение³⁰.

Местными органами было предложено считать земско-городские статистические бюро. "Многолетние работы показали, что эти аппараты настолько совершенны и настолько рационально организованы, что даже при наличии безусловно не благоприятствующих правильному их развитию условий при старом строе они могли дать блестящие результаты в области изучения экономического строя сельского и городского населения", – подчеркнул П.И. Попов³¹.

Выступавшие в прениях статистики поддержали основные идеи, высказанные П.И. Поповым. Так, исходя из научного понимания статистической операции, Н.И. Воробьев обратил внимание собравшихся на необходимость того, чтобы в проектируемой "организации не преобладали исключительно практические цели и задачи, чтобы на этот статистический аппарат не давили государственные власти, государственные нужды, чтобы они не парализовали ее чисто научной организации..."³².

Но среди делегатов съезда были и противники создания надведомственной централизованной статистики. Среди них встречались те, кто, подобно представителю кооперативной статистики А.П. Мухину, не уяснив целостности предложенной П.И. Поповым схемы, опасались, что отстаиваемая им "централизация грозит ... прекращением всякой работы на местах"³³. Но в основном негативную реакцию доклад П.И. Попова вызвал у представителей центральных ведомств. Так, представитель Отдела статистики Московского районного экономического комитета В.С. Мышкис указал на отрицательную сторону централизации статистики, заключающуюся, по его мнению, в изолированности нового государственного органа от других учреждений. По его мнению, утверждение проекта, предложенного П.И. Поповым, приведет к тому, что статистика будет оторвана "от самой жизни и не будет полезна для действительно регулирующего органа, а раз так, то и регулирующий орган должен создать свою статистику, несмотря на все работы, которые в отношении их будут [проведены]"³⁴.

Итак, уже в первый день работы съезда выявилось два подхода к проблеме формирования органов государственной статистики и их места среди других учреждений: или создание централизованной системы органов государственной статистики, действующих по единому плану и главенствующих над ведомствами, или превращение статистического бюро в один из рядовых элементов бюрократического аппарата.

Дальнейшее обсуждение вопроса было перенесено в специально созданную 8 июня комиссию по рассмотрению закона о реорганизации государственной статистики. В ее состав вошли представители земской и городской статистики, а также сотрудники нового государственного аппарата Республики. Этой комиссии так и не удалось выработать единых подходов к проекту организации государственной статистики. Поэтому на очередном заседании съезда 13 июня прозвучало два доклада.

От "большинства" комиссии выступал ее председатель В.В. Степанов. Вопрос о положении государственной статистики в ряду других государственных учреждений он назвал одним из самых главных вопросов. От его решения зависела степень самостоятельности ЦСУ и объективность предоставляемых статистических данных. Большинство комиссии высказалось за то, чтобы Центральное статистическое управление существовало при Совете народных комиссаров как инстанции, носящей "не междуведомственный характер", а скорее имеющей "оттенок ведомственного характера"³⁵.

В.В. Степанов обратил внимание делегатов на предложение большинства членов комиссии об организации съездов двух типов: "вольные съезды статистиков, которые состоят из неопределенного количества представителей и которые могут также высказывать те или другие пожелания" и "съезды более официального характера ...",

которые состоят из ответственных представителей и которые имеют право выбора тех лиц, которые должны войти в главный орган – Совет по делам статистики..."³⁶.

Последние слова являлись своеобразным "мостиком" к другой идее, которую также изложил В.В. Степанов. По мнению комиссии, во главе государственной статистики "должна стоять коллегия – Высший совет по делам статистики", являющаяся "окончательной инстанцией для разрешения всех вопросов, кроме вопросов, которые требуют законодательного разрешения". В качестве исполнительного, рабочего органа предлагалось учредить "Центральное статистическое бюро". При этом, как отметил докладчик, "очень незначительное большинство" членов комиссии "высказалось против того, чтобы председатель и управляющий статистическим бюро утверждались бы высшей властью"³⁷.

Мнение "меньшинства" комиссии изложил М.Ф. Заменгоф. Он высказался в поддержку идеи присоединения статистического учреждения к ВСНХ и за то, чтобы высшая государственная власть утверждала не только руководителя Бюро и его помощников (Коллегию), но и председателя Совета по делам статистики. Последнее предложение было нацелено на повышение статуса Совета, на преодоление такой ситуации, при которой "истинным хозяином государственной статистики является Центральное статистическое учреждение в лице его начальника"³⁸.

Другое предложение М.Ф. Заменгофа сводилось к тому, "чтобы государственная статистика России создавалась и направлялась конференцией представителей статистических организаций, учреждений и науки; для проведения в жизнь постановлений конференции, последняя ... избирает постоянный совет статистических конференций, которому и поручается непосредственная организация и руководство центральным статистическим органом". Предполагалось, что этот совет будет существовать "в качестве автономной организации, на правах комиссариата". М.Ф. Заменгофа поддержали М.А. Сиринов, И.Ф. Макаров и некоторые другие³⁹.

Также как и "большинство" комиссии, эта часть делегатов пыталась отыскать способы обеспечения независимости положения и эффективности деятельности новообразуемого учреждения. Существование Отдела переписи и статистики при ВСНХ в первой половине 1918 г., укрепившее позиции земских и городских статистиков, давало возможность некоторым делегатам с оптимизмом смотреть в будущее, не видя в этом опасности ведомственного уклона и рассчитывая, что и в дальнейшем ВСНХ будет гарантом планомерности осуществления статистических работ в стране. Стремление же "меньшинства" поставить под контроль высшей государственной власти Статистическое бюро, Коллегию и председателя Совета объяснялось желанием создать равные условия работы для всех органов центральной государственной статистики, обеспечить такое положение, при котором исполнительный статистический аппарат не будет подавлять организационно-научный. Во всем остальном "меньшинство" выступало за соблюдение принципа самостоятельности статистических учреждений, при этом даже несколько абсолютизируя его. Позиция же "большинства" комиссии отличалась большим прагматизмом. Для них было важнее создать в стране государственную статистику, чем обсуждать "идеальные" аспекты ее формирования.

После завершения прений по представленным двум докладом делегаты перешли к голосованию. Большинство поддержало предложение о руководящих функциях Совета по делам статистики по отношению к ЦСУ: "Центральное статистическое управление является исполнительным органом Совета по всем делам, восходящим на его рассмотрение, и подготавливает к докладу Совета вопросы, касающиеся статистической деятельности отдельных ведомств и представляемых ими на рассмотрение Совета"⁴⁰.

По вопросу о месте Центрального статистического учреждения в ряду государственных органов власти и управления съездом было принято следующее

положение: "Высший совет по делам статистики является самостоятельным в служебном отношении, независимым от других правительственных установлений, высшим государственным статистическим учреждением, постановления которого по делам, подлежащим его рассмотрению и не требующим законодательной санкции, проводятся в исполнение без утверждения высшей правительственной власти"⁴¹.

В ходе обсуждения вопроса о руководящем составе Совета по делам статистики решающую роль сыграл выдвигаемый членами комиссии тезис о том, что утверждение председателя Совета высшей государственной властью, "нарушая принципы самостоятельности деятельности Совета, переносит вопрос об избрании председателя из чисто статистической компетенции на шаткую почву политики". В итоге делегаты съезда высказались за то, чтобы председатель Совета по делам статистики вступал в должность в силу своего избрания Советом и без утверждения властью⁴².

Большинство делегатов поддержало также идею существования статистических съездов двух типов, о которых говорил в своем докладе В.В. Степанов: "вольных" и "государственных"⁴³.

По вопросу о взаимоотношении с ведомствами съезд в соответствии с предложением П.И. Попова постановил включить в круг ведения Совета "рассмотрение ежегодно составляемых планов работ как Центрального статистического управления, так и статистических учреждений отдельных ведомств", что должно было, по мысли участников съезда, обеспечить объединение и согласование такого рода работ⁴⁴.

Помимо обсуждения проблем организации центрального статистического учреждения, съезд рассмотрел также и другие вопросы, среди которых выделялись несколько наиболее важных⁴⁵.

Вопрос об организации местных статистических учреждений не вызвал больших разногласий. Наиболее значительное изменение, внесенное в первоначальный проект, представленный П.И. Поповым, касалось должности руководителя губернского статистического совета. Делегаты съезда выступили против того, чтобы председателем местного статистического совета являлся комиссар губсовнархоза или председатель губисполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов. Было решено, что председатель избирается статистическим советом из числа его членов.

Всесторонне обсудив и приняв с некоторыми поправками представленный комиссией В.В. Степанова проект, съезд вынес следующее общее постановление: "I. Действие узаконений, касающихся прямо или косвенно государственной статистики и изданных до образования советской власти, с момента издания положений – 1) об организации центральной государственной статистики и 2) об организации местных статистических учреждений – прекращается. II. Действие узаконений, касающихся прямо или косвенно государственной статистики и изданных советской властью и автономно действующими органами, согласуется с указанными положениями"⁴⁶.

В конце работы съезда были избраны управляющий ЦСУ (им стал П.И. Попов) и члены Совета по делам статистики.

Таким образом, на июньском (1918 г.) съезде российские статистики завершили разработку плана организации государственной статистики. Их идеи в основе своей были продолжением и развитием положений, сформулированных еще в дореволюционные годы. Несмотря на имевшиеся между ними разногласия, делегаты съезда в целом высказались за создание центрального, надведомственного и политически независимого органа. Он должен был не только намечать общий план работ, но и разрабатывать данные, поступающие от местных статистических организаций – губернских и уездных бюро, которые, в свою очередь, действовали через местных агентов – волостных статистиков и добровольных корреспондентов.

После окончательной доработки в редакционной комиссии (П.А. Вихляев, К.Я. Воробьев, Н.И. Воробьев, Е.В. Пашковский, П.И. Попов и В.В. Степанов⁴⁷) проект должен был обсуждаться в Совнаркоме.

В этот небольшой промежуток времени – с момента окончания работ съезда до обсуждения выработанных им проектов правительством – некоторые представители нового государственного аппарата открыто продемонстрировали свое нежелание признавать самостоятельность госстатистики. Так, президиум ВСНХ на своем заседании 26 июня 1918 г. – за день до обсуждения вопроса в правительстве – сформулировал свою точку зрения, о которой были оповещены местные совнархозы: "Предусмотренный всероссийским съездом статистиков статистический совет должен носить совещательный характер. Центральное статистическое бюро должно являться исполнительным органом, состоящим при одном из центральных учреждений"⁴⁸. Последнюю идею президиум ВСНХ "позаимствовал" из предложений "меньшинства" комиссии В.В. Степанова, но в сочетании с первой, самостоятельно определенной ведомством и приписанной съезду, получалась совершенно новая трактовка обсуждавшихся делегатами вопросов. Речь шла о создании статистического учреждения, существовавшего на правах одного из отделов ВСНХ.

Видимо, именно это стремление чиновничества вновь поставить статистику под ведомственную опеку побудило П.И. Попова встретиться с главой СНК. "Я шел к нему, – вспоминал позже П.И. Попов, – с глубокой уверенностью, что горячее желание всех статистиков организовать государственную статистику найдет живейшее сочувствие в его лице"⁴⁹. Выслушав доклад П.И. Попова и задав несколько уточняющих вопросов, В.И. Ленин "подтвердил правильность, рациональность и своевременность организации единой центральной статистики", которая должна объединять все статистические работы и руководить ими, следуя "в направлении методического изучения народного хозяйства в целом". Кроме того, В.И. Ленин, указав на классовый характер статистики, выразил надежду видеть в ее лице "учреждение, работающее в интересах пролетариата и революции"⁵⁰.

27 июня 1918 г. состоялось заседание Совнаркома, на котором рассматривался, в частности, вопрос о создании центральной статистической организации, внесенный П.И. Поповым. "Против проекта возражали представители НКВД, – вспоминал впоследствии П.И. Попов. – Они предлагали сохранить Центральный статистический комитет и создать на местах новые органы, но не вдавались в детали. Представитель НКЮ заявлял, что организация государственной статистики немного сложна – Коллегия, съезды, Совет по делам статистики – и что более удобно, по его мнению, назначить комиссара, который и подберет себе сотрудников"⁵¹. Эти разноречивые выступления представителей государственной власти, к тому же "не вдававшихся в детали" обсуждаемого вопроса, не ослабили позиций П.И. Попова. Его поддержал в целом глава СНК, заявивший, что специфика статистических работ требует обсуждения их планов и программ в специальных органах и совещаниях и что "дело организации государственной статистики, по его мнению, построено совершенно правильно"⁵². По его предложению для "окончательной редакции положения" была создана комиссия в составе А.Д. Цюрупы, В.П. Милютина, С.П. Середы и П.И. Попова⁵³. Соответствующее постановление было подписано В.И. Лениным 29 июня 1918 г.⁵⁴

В ходе двух заседаний этой комиссии (2 и 5 июля 1918 г.), к работе в которой были привлечены М.Н. Смит-Фалькнер, М.Ф. Заменгоф и другие, еще раз были затронуты основные вопросы, касающиеся положения статистических органов в системе государственных учреждений, рассмотренные на съезде статистиков. От имени президиума ВСНХ В.П. Милютин внес предложение, сформулированное еще 26 июня, о том, чтобы Центральная статистическая организация существовала в качестве отдела "при каком-нибудь учреждении, например, при ВСНХ". Кроме того, представители

этого ведомства высказались за наделение Совета по делам статистики исключительно совещательными функциями. Однако по этим и другим вопросам, например, о местных статистических учреждениях, большинство членов комиссии не согласилось с предложенными ВСНХ поправками и, внося лишь редакционные изменения, поддержало решения июньского съезда статистиков⁵⁵.

Организаторам нового статистического учреждения еще предстояло приложить немало усилий для защиты своего начинания. И хотя на заседании 18 июля после выступлений П.И. Попова от большинства комиссии и В.П. Милютинина от меньшинства комиссии Совнарком постановил "единство государственной статистики признать бесспорным", все же выработанные статистиками проекты были несколько изменены⁵⁶.

Летом-осенью 1918 г. было издано три положения: "О государственной статистике" (25 июля за подписью В.И. Ленина и В.Д. Бонч-Бруевича), "О местных статистических учреждениях" (3 сентября за подписью А.И. Рыкова и В.Д. Бонч-Бруевича) и "О совете по делам статистики" (6 сентября за подписью П.И. Попова)⁵⁷.

Во многих своих статьях эти документы подтверждали основные принципы организации статистики, разработанные съездом в июне 1918 года. Декларировался надведомственный характер Центрального статистического управления ("Положение о государственной статистике", § 2 и § 7), заявлялось о прекращении деятельности Центрального статистического комитета и его местных органов ("Положение о государственной статистике", прим. к § 4; "Положение о местных статистических учреждениях", прим. к § 1), широкие права предоставлялись местным статистическим учреждениям, формирующимся на основе земско-городских бюро ("Положение о местных статистических учреждениях", § 3). Все это позволило П.И. Попову, назначенному 30 июля управляющим ЦСУ, сказать на 1-й сессии Совета по делам статистики в январе 1919 г., что "государственная власть пошла навстречу указаниям людей науки и опыта, осуществляя их намерения в своих положениях"⁵⁸.

Однако П.И. Попов умолчал о крупном расхождении между властью и земцами по вопросу о статусе Совета по делам статистики. Дело в том, что властью была фактически отвергнута идея независимости этого высшего статистического органа и внесены соответствующие изменения. Согласно § 10 "Положения о государственной статистике" Совет по делам статистики создавался для разработки планов и практических мероприятий по объединению и согласованию деятельности различных статистических организаций, для проведения экспертной оценки планов и программ статистических обследований, для разработки вопроса о распространении статистических знаний и для разработки вопросов и методов наблюдения и обработки статистических данных. Совет состоял при Центральном статистическом управлении и, как отмечалось в первом выпуске журнала "Вестник статистики", не имел "того самостоятельного значения, которое предполагал проект, выдвинутый Съездом"⁵⁹.

Кроме того, в опубликованных "Положениях" противоречиво решался вопрос о взаимоотношениях государственной и ведомственной статистики. Так, в § 3 "Положения о местных статистических учреждениях" говорилось о том, что "статистические учреждения, находящиеся при Комиссариатах и других ведомствах: земледелия, продовольствия и т.д., перестают существовать самостоятельно, сливаясь с губернскими статистическими бюро, образуя лишь его отдельные секции...". В то же время, согласно § 4 того же "Положения" губернские комиссариаты могли иметь статистические организации, обслуживающие их "специальные нужды" и не входящие в состав губстатбюро⁶⁰. Это создавало формальные возможности для развития ведомственного сепаратизма в данном вопросе и проведения параллельных с ЦСУ работ.

Таким образом, с созданием летом 1918 г. ЦСУ завершился длительный процесс объединения статистических сил страны на базе органов земской и городской

статистики. Инициатива в его создании исходила от деятелей статистической науки и практики и была поддержана большевистской властью. Выработка основных подходов к вопросу о формировании ЦСУ, об особенностях его положения в новой системе органов государственной власти и управления проходила в демократичной обстановке, сопровождаясь многочисленными дискуссиями внутри статистической корпорации, в частности, по вопросу о целесообразности ведомственной подчиненности ЦСУ. В основу созданного статистиками проекта был положен принцип надведомственности ЦСУ, не имеющего властных функций, не связанного с какой-либо одной частью государственного аппарата, а, следовательно, объективного и способного предоставить необходимые правительству данные для планомерной организации народного хозяйства и общественной жизни. Совнарком, хотя и поддержал в целом выработанные на статическом съезде идеи, все же отверг тезис о полной самостоятельности ЦСУ и предпринял необходимые меры для обеспечения контроля над его деятельностью, формально подчинив ЦСУ. При этом было допущено существование и ведомственной статистики, что означало существенную уступку интересам наркоматов. В целом формирование ЦСУ проходило под воздействием трех основных факторов – деятельности корпорации земских статистиков, представителей центрального госаппарата, и высшей политической власти. Создание ЦСУ явилось своеобразным компромиссом между интересами всех перечисленных структур.

¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 896. Л. 189, 402-404.

² ЦГА СПб. Ф. 9410. Оп. 1. Д. 3. Л. 188.

³ Громан В.Г. Об организации государственной статистики // Проблемы статистики. 1926. № 1. С. 39.

⁴ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 33. С. 90.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Там же. Т. 32. С. 110, 443; Т. 35. С. 148.

⁷ Рябушкин Т.В. Ленинское наследие и статистика. М., 1978. С. 42.

⁸ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 36. С. 192.

⁹ См.: Там же. Т. 35. С. 147-148, 195-205; Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. М., 1994. С. 64.

¹⁰ Каблуков Н.А. Статистика. Изд. 2-е. М., 1915. С. 250-251.

¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹² Там же. Д. 2. Л. 27.

¹³ Там же. Л. 25.

¹⁴ Там же. Д. 60. Л. 3.

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 172-174.

¹⁶ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 6 об.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

¹⁹ См.: Там же. Д. 55. Л. 1-1 об.

²⁰ Там же. Д. 37. Л. 15.

²¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 28. Л. 2-3.

²² Там же. Л. 3. См. также: Завьялов Ф. Возвращенное наследие // Вестник статистики. 1989. № 6. С. 42.

²³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 28. Л. 3. См. также: Завьялов. Указ. соч. С. 42.

²⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 896. Л. 408.

²⁵ Там же. Л. 410.

²⁶ Там же. Л. 410-410 об.

²⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 28. Л. 12-13.

²⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 896. Л. 412 об.-413.

²⁹ Там же. Л. 413 об.

³⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

³¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 896. Л. 414-414 об.

-
- ³² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 28. Л. 21.
- ³³ Там же. Л. 38.
- ³⁴ Там же. Л. 37.
- ³⁵ Там же. Л. 265.
- ³⁶ Там же. Л. 265-266.
- ³⁷ Там же. Л. 266.
- ³⁸ См.: Там же. Л. 272-273.
- ³⁹ Вестник Статистики. 1919. № 1. С. 163.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.
- ⁴² Вестник Статистики. 1919. № 1. С. 163.
- ⁴³ Там же. С. 164.
- ⁴⁴ Там же. С. 164-165.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 165-169.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁴⁷ Состав редакционной комиссии см.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁴⁸ Народное хозяйство. Орган Костромского губернского совета народного хозяйства. 1918. № 2. С. 34.
- ⁴⁹ Попов П.И. Государственная статистика и В.И. Ленин // Вестник статистики. 1988. № 7. С. 49.
- ⁵⁰ Там же. С. 52.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.
- ⁵² Там же. Л. 20.
- ⁵³ См.: ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 2. Л. 78-79; Хрящева А.И. К десятилетию советской государственной статистики // Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. Вып. 4. М., 1929. С. 6.
- ⁵⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 584.
- ⁵⁵ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 37. Л. 47-53.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 2. Л. 132-133, 143-144.
- ⁵⁷ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее: СУ). 1918. № 55. Ст. 611; № 67. Ст. 729; № 70. Ст. 766.
- ⁵⁸ Вестник статистики. 1919. № 2-3. С. 149. Кроме того, СНК в заседании 21 ноября 1918 г. утвердил список членов Коллегии ЦСУ, в состав которой вошли известные статистики, начало деятельности которых относится еще к концу XIX столетия: Е.В. Пашковский, А.И. Хрящева, Ф.Г. Дубовиков, С.М. Богословский, П.А. Вихляев, В.Г. Михайловский, Т.И. Семенов, И.А. Поплавский, В.В. Степанов и другие. Следует отметить, что Коллегия была сформирована исключительно по профессиональному признаку, без учета партийной принадлежности указанных лиц, их социального происхождения и т.п. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.; Оп. 307. Д. 2780, 3994, 457, 2946, 3312,16, 3568, 2964, 358, 1152, 396, 633, 2429, 3550, 2674.
- ⁵⁹ Вестник статистики. 1919. № 1. С. 163.
- ⁶⁰ СУ. 1918. № 67. Ст. 729.

ВЗГЛЯДЫ И. КАНТА НА ГОСУДАРСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ Н.Е. Каменская

Взгляды И. Канта на государство представляют интерес и сегодня, в начале XXI века. Для его учения характерно определение государства через право: "Государство – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам."¹ Тем самым он впервые в истории общественно-политической мысли разработал целостное учение о правовом государстве, хотя сам не употреблял этого термина.

В социально-политической концепции Канта "общественный договор" рассматривается как основа государства. Но немецкий философ трактует "общественный договор" не как исторический факт, а, прежде всего, как регулятивную идею для оценки институтов публичного права с точки зрения их соответствия требованиям всеобщего правового закона. Для Канта то решение, которое народ не мог бы принять относительно самого себя, не может быть принято законодателем в отношении народа.

"Общественный договор", как его понимает Кант, есть соглашение индивидов об идеале "правового государства", – пишет российский ученый Э.Ю. Соловьев. – Государство это – целиком в будущем. "Общественный договор" оказывается, иными словами, соглашением об еще только искомом государственном устройстве, которое одно признается "истинным", "совершенным", достойным человеческой борьбы и участия"².

Благо государства, считал кенигсбергский мыслитель, состоит в высшей степени "согласованности государственного устройства с правовыми принципами"³. Именно подчинение праву отличает государство от других общностей, тоже носящих социальный характер, но существующих на основе "законов добродетели в их чистом виде", которые Кант назвал этическими или этически-гражданскими общностями⁴.

В кантовской теории правового государства "правовое обязательство определяется моральным обязательством, – отмечает российский исследователь Р.А. Бурханов. – Предпосылками правового принуждения являются ограничения на внешние аспекты действий и на действующие в общем и открытом противоречии правила. Государство может применять законное принуждение как выполнение всеобщего правового долга"⁵.

Призванное гарантировать устойчивый правопорядок, истинное государство должно строиться на началах общественного договора, народного суверенитета и принципа разделения властей.

Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа и не может быть передана правителю, так как это противоречит самой сущности разделения властей и природе ее верховенства. Осуществляют эту власть "объединенные для законодательства члены общества, т.е. государства", которые "называются гражданами."⁶

Исполнительная власть выступает лишь поверенным в делах государства как правового объединения граждан. Лицо, которому принадлежит исполнительная власть, есть правитель государства. Кант разделяет правителя и законодателя.

Судебная власть осуществляет защиту личной свободы и собственности граждан. Народ имеет право и должен сам судить себя через своих сограждан.

Философ рассматривает форму государства в зависимости от формы господства, т.е. количества лиц, осуществляющих верховную власть, и формы правления. Формы господства он делит на автократию, аристократию и демократию⁷.

С точки зрения применения права в государстве, отмечает Кант, автократия является наиболее эффективной. В то же время она является и наиболее опасной для народа, так как тяготеет к деспотизму, поскольку при автократии слишком многое зависит от личных качеств государя⁸.

По форме правления государства разделяются на республиканские и деспотические. Для Канта наилучшей формой правления является представительная парламентская республика, основанная на верховенстве правовых законов, разделении властей и гарантии прав и свобод граждан.

Кант надеялся на осуществление выдвинутого им социального идеала исключительно мирными средствами, осуждая революции как способ разрешения социальных конфликтов.

Антагонизм отношений людей и народов, полагал Кант, вынуждает вступать в отношения сотрудничества и взаимопомощи и образовывать всемирно-политическое объединение народов и государств. Философ считал, что в будущем произойдет полное прекращение межнациональных и межгосударственных распрей, ликвидация войн и установление всеобщего мира. Сам Кант был далек от того, чтобы рассматривать образование всемирной конфедерации правовых государств как ближайшую историческую перспективу. То новое, что внес Кант в споры о "вечном мире", состояло в обосновании исторической необходимости мирного сосуществования народов.

---

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. / Соч. В 6 т. М., 1965. Т.4. Ч.2. С.233.

² Соловьев Э.Ю. Теория "общественного договора" и кантовское моральное обоснование права – Философия Канта и современность. М., 1974. С.220.

³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. / Соч. В 6 т. М., 1965. Т.4. Ч. 2.С. 240.

⁴ Кант И. Религия в пределах только разума / Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 163.

⁵ Бурханов Р.А. Практическая философия Канта. Екатеринбург – Нижневартовск, 1998. С. 154.

⁶ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. / Соч. В 6 т.М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 234.

⁷ Кант И. К вечному миру. 1795. / Соч. В 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 269.

⁸ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. / Соч. В 6 т.М., 1965. Т. 4. Ч.2. С. 265–266.

ЭМИГРАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПРИЧИНЫ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

С.Н. Коротков

История эмиграции началась уже в самые первые дни революции. На третий день после взятия Бастилии – 17 июля 1789 года – король Людовик XVI отправился из Версаля в Париж, посетил ратушу и принял из рук парижского мэра Байи трехцветную кокарду, что могло символизировать признание первых революционных перемен. В тот же день Версаль покинул младший брат короля – граф д'Артуа. Первоначально принцы крови отправились в Австрийские Нидерланды. "Они уезжали, – как полагает К. Миллер, – по желанию короля, но без возражений. В Париже якобы ходил по рукам список 242 голов, которые нужно отрубить, чтобы осуществить необходимые реформы. На первом месте стояли имена королевы и графа д'Артуа. В Версале пришли к заключению, что и некоторым другим лицам, особенно возмущившим против себя общественное мнение, – некоторым придворным, некоторым министрам, – следует немедленно выехать за границу, тем более что их дальнейшее присутствие при дворе могло стать даже опасным для королевской семьи".

Принц Конде, после взятия Бастилии более не чувствуя себя в безопасности в Шантийи, своей резиденции под Парижем, прибыл в Версаль и предложил королю действовать решительно. Получив отказ, заявил, что "честь повелевает им [принцам] все покинуть". Конде прибыл в Валансьен несколькими часами позже д'Артуа и проследовал далее в Бельгию, не останавливаясь¹. Эмиграция принцев была в определенной мере протестом против малодушия короля, возможно, также и тактическим ходом. Высшая аристократия показала пример: начинается массовый отъезд дворян и рождается легенда о преимущественно дворянском составе эмиграции. Однако уже в 1789 г. вместе с дворянами уезжали ротюрье (разночинцы): повара, камердинеры, кормилицы, воспитатели и др.

Летом 1789 года Францию потрясло удивительное социально-психологическое явление – "Великий страх", паника, охватившая страну². Доказательством якобы существовавшего заговора аристократии стала в глазах народа и начавшаяся эмиграция. "Великий страх" ускорил эмиграцию, в том числе и разночинцев.

Дональд Грир разоблачал легенду об эмиграции как бегстве дворян и священников³. "Эмиграция ротюрье превышала численно другие группы эмигрантов, – пишет М. Булуазо, – но их мотивы и формы, которыми она облекалась, не позволяют ее сравнивать с мотивами, которые побудили дворян и священников покинуть Францию. Большая их часть повиновалась простым страхам, тем, которые так потрясли Францию в июле 1789 и которые Жорж Лефевр так хорошо описал"⁴. Есть свидетельства, что и некоторые дворяне, "полагая, что найдут покой только в Кобленце, спешили туда ради этого". Не желавшие уезжать оказывались отверженными в своей среде, они "получали ночные колпаки, куклы, веретена; эти таинственные послышки сопровождалось анонимными письмами, исполненными самой язвительной иронии"⁵.

Современники видели в эмигрантах прямых противников революции – контрреволюционеров, это мнение нашло отражение и в историографии. Многие эмигранты занимали открыто враждебные революции позиции⁶. Но среди них оказалось также много "беженцев": многие дворяне и ротюрье не чувствовали себя в безопасности во Франции и поэтому покинули родину. Официозная газета "Монитор" так описывает эмигрантов в Бельгии: "Каждый проводит время на свой манер. Добропорядочные рассуждали о конституционном устройстве духовенства, смелые мечтали о контрреволюции, любезные и веселые были заняты своими удовольствиями. Большинство смертельно скучало"⁷.

По мере углубления революции, в условиях гражданской войны в отношении эмигрантов были приняты очень жесткие меры: их имущество было конфисковано, возвращение во Францию угрожало смертью.

Среди эмигрантов все больше оказывалось тех, кто в первые годы революции принимал в ней активное участие.

12 июля 1793 г. Конвент принял решение о конфискации имущества должностных лиц, принявших участие в федералистском мятеже, т.е. сочувствовавших жирондистам. Как считает М. Булуазо, с федерализмом обнаружилось уже третье течение разночинной эмиграции.

Разночинцы в итоге составили 51 % эмигрантов⁸, но они часто и не были "эмигрантами". Такой статус определялся местной администрацией. Для того, чтобы оказаться "эмигрантом", достаточно было отсутствовать в каком-либо городе или дистрикте (например, потому, что дела потребовали присутствия в совсем другом уголке страны).

Известно много примеров ошибок при определении статуса "эмигрант". Жители многих приграничных областей надолго отправлялись на работу в соседние страны⁹ и могли оказаться "эмигрантами" для местной администрации¹⁰. Уже Конвент накануне Термидора установил различие среди беглецов из Верхнего Рейна; некоторым категориям эмигрантов была выплачена компенсация, иногда возвращали не проданное еще имущество.

Таким образом, социальный состав эмиграции был пестрым, причины отъезда были различны.

---

¹ Миллер К. Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1931. С.39-43.

² Levebvre G. La Grand Peur de 1789. Paris, 1956.

³ Greer D. Guide to Source Material on the Emigrés of the French Revolution // JMH, 1943, v.15, # 1. P. 39-40.

⁴ Bouloiseau M. et Lefebvre G. L'émigration et les milieux populaires. Emigration, paniques, embauchage // ANRF, 1959, № 156. P. 116-117.

⁵ Судьба одной дворянской семьи во время террора. Записки А.дез-Ешероль. СПб., 1882. С.13.

⁶ "Эмиграция часто представляется как демонстрация готовности к борьбе за свержение нового режима, – пишет Ж.Видалян. – Истина обязывает признать, что, за исключением периода с июля по сентябрь 1792 г., число французов, находившихся под каким-либо знаменем, кроме трехцветного (т.е. не на революционной службе – С.К.) не превышало пяти тысяч человек". / Vidalenc J. Les émigrés française 1789–1825. Caen, 1963. P.453.

⁷ Moniteur, 7 juin 1791.

⁸ Greer D. The incidence of the emigration during the french revolution. Cambridge, 1951. P.112.

⁹ См.: Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978. С.88.

¹⁰ "Население Верхнего Дофинэ не могло прокормиться на месте. С наступлением осени взрослое население вынуждено было "эмигрировать", т.е. уходить на заработки в соседние провинции: Прованс, Лангедок, Венессен и за границу, в Пьемонт, чтобы остающимся женщинам, детям и старикам хватало хлеба до следующего урожая". / Глаголева-Данини С. Промышленность и торговля Дофинэ в эпоху великой французской революции // Из далекого и близкого прошлого. М.; Пг., 1923. С.199.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛОНИЯ В ПЕТЕРГОФЕ В XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ФРАНЦУЗСКОГО ПОСОЛЬСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Коротков С.Н.

Для исследования истории французской колонии в Санкт-Петербурге и его пригородах, в их числе и Петергофе, большую ценность представляют документы консульства Франции в Санкт-Петербурге, переданные в 1969 г. французской стороне советским правительством и находящиеся в настоящий момент в Дипломатическом архиве МИД в Нанте. Архив в Нанте открыт для исследователей относительно недавно, в 1987 г. Материалы архива французского посольства в России полностью еще не разобраны и не систематизированы¹.

Особую ценность имеют, как справедливо отметили В.А. Сомов и В.С. Ржеуцкий, материалы по истории XVIII в., но этот архив предлагает большие ресурсы и для исследователей истории французской колонии в Петербурге в XIX в., в настоящее время изученной, возможно, даже хуже, чем ее история в XVIII в.

Интересны материалы, отложившиеся в фондах консульства². Особую ценность представляют те документы из архива в Нанте, которые помогают восстановить социо-профессиональную структуру французской колонии в Петербурге середины XIX в. Это, например: *Régistre des sujets français séjournemens en Russie [en 1847]*³ (Список французских подданных, проживающих в России). В списке, насчитывающем около полутора тысяч имен французов, проживающих в России, насчитывается 76 имен жителей Петербурга и ближайших населенных пунктов (Петергофа, Павловска, Царского Села и др.).

Возможность проследить динамику развития социо-профессиональной структуры французской колонии в Петербурге дают материалы русских архивов. В 1886 г. была проведена перепись французов, проживавших в Санкт-Петербургской губернии. Есть списки французов, проживавших в Гатчине, Павловске и других местах, но только "Список французским гражданам, проживающим в Петергофе"⁴ дает указание рода занятий.

Нам ранее удалось восстановить социальную структуру французской колонии в Петербурге 1793 и 1847 гг. и затем сравнить их⁵. В "Списке французским гражданам, проживающим в Петергофе" имеется 23 имени (в списке 1847 г. два жителя Петергофа – дворецкий и гувернантка). Мы сравниваем структуру французской колонии в Петербурге в 1793 г., Петербурга и пригородов (включая Петергоф) 1847 г. и Петергофа 1886 гг. Результаты такого анализа обладают некоторой ценностью. Определения социо-профессионального состояния французской колонии в Петергофе в 1793, 1847 и 1886 гг., которыми мы пользуемся при составлении таблицы, требуют некоторых объяснений⁶.

Сравнение данных 1793, 1847 и 1886 гг. позволяет увидеть серьезные изменения социо-профессиональной структуры французской колонии в Петербурге в XIX веке. Длительный период истории русско-французских отношений насыщен разнообразными событиями, повлиявшими на жизнь французов в России, и можно скорее удивиться стабильности некоторых данных, например, доле учителей в общем числе французов.

Дальнейшее введение в научный оборот документов Нантского архива, сравнение этих данных с материалами русских архивов, безусловно, даст новые сведения по истории французской колонии в Петербурге.

Социо-профессиональная структура французской колонии в Петербурге и Петергофе в 1793, 1847 и 1886 гг. (в процентном отношении)

	1793 г.	1847 г.	1886 г.
Ремесленники	21,1	51,5	8,7
Рабочие	-	2,6	-
Слуги, камердинеры, приказчики	14,0	14,3	8,7
Купцы	13,8	1,3	-
Фабриканты, крупные собственники	2,2	2,6	4,3
Учителя (вместе с профессорами, воспитателями)	14,3	19,7	56,5
Врачи	1,2	-	-
Представители творческих профессий (актеры, музыканты и др.)	6,4	2,6	-
Военные	11,6	-	-
Государственные служащие	3,3	-	-
Придворные служащие (придворные повара, камердинеры и др.)	2,3	-	-
Дворяне и священники (без определенной профессии)	0,9	-	-
Без определенного социо-профессионального статуса (включая "вдов" и "девиц")	Более 8,0	5,5	21,7

¹ Об истории фонда см.: *Ambassade de France à Saint-Petersbourg. Inventaire des volumes reliés de la correspondance politique. 1802-1907.* Par V.Luel, sous la dir. De P.Even. Nantes, Archives diplomatiques, 1987; Сомов В.А. Материалы по истории русско-французских связей XVIII в. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге (Нант) // Петербургские чтения: Тезисы докладов. СПб., 1994. С.158-160; Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760-1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // Западно-европейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001.

² Это разнообразные документы: письма и обращения к консулу, паспорта, нотариальные акты, брачные контракты, свидетельства о смерти, завещания, акты купли-продажи и др.

³ *Régistre des sujets français séjournemens en Russie* // Archives du Ministère des affaires étrangères. Nantes. Данные этого списка требуют осторожного отношения, поскольку понятия словаря XIX века не соответствуют современным. Так, например, "фабрикант перчаток" может оказаться и владельцем относительно крупного предприятия и рабочим-ремесленником. Рабочих и ремесленников современники также не всегда могли отличить. Но все же *Régistre des sujets français séjournemens* является редким документом, позволяющим исследовать социо-профессиональную структуру французской колонии в Петербурге, и потому заслуживает внимания.

⁴ Список французских подданных, проживающих в губернии // Центральный исторический архив С-Петербурга. Канцелярия Петроградского губернатора. Ф. 253. Оп. 2, № 1015.

⁵ См: Коротков С.Н. Проблема социальной трансформации французской колонии в С-Петербурге в конце XVIII века (по материалам «Санкт-Петербургских ведомостей») // Петербургские чтения-97. СПб., 1997. С.40-42; Коротков С.Н. Французская колония в С-Петербурге в середине XIX века (по материалам архива французского посольства в С-Петербурге) // Человек. Природа. Общество: Актуальные проблемы. Материалы 12-й международной конференции молодых ученых 27-30 декабря 2001 г. СПб., 2001. С.509-513.

⁶ В большинстве случаев приходится доверять тем понятиям, которые вводятся современниками. Французы сами указывали свое социальное положение. В некоторых случаях установить его оказывается невозможно. "Вдов" и "девиц" мы относим к тем, чей статус не определен. Некоторые указали только: "дворянин". Последние включены в строку "дворяне и священники (без определенной профессии)". О многих мы знаем лишь то, что они являются родственниками других французов. Во всех случаях члены семьи (жены, дети) тех, чей статус определен, включены в соответствующую рубрику (таким образом, можно читать: военные и члены их семей, купцы и члены их семей и т.д.).

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ РАСКОЛЬНИКОВ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

О.В. Кузьмина

Понятие "раскольники" трактовалось в XIX в. весьма широко: к этой категории относились не только старообрядцы, но и представители других неортодоксальных направлений в христианстве, различных сект. Поскольку эти подданные Российской империи не контролировались духовным ведомством православного исповедания, они вызывали особое беспокойство у правительства. Еще с начала XVIII в. представители этих религиозных направлений были ограничены в правах, и так достаточно скудных. С 1816 по 1861 год управлением этими христианами занимался Секретный комитет по делам раскола. При этом все секты были поделены на две категории: более вредные и менее вредные. К первым относились те, кто не признавал молитвы за царя и таинства брака. Эти секты (в частности, духоборы и молокане) подвергались особым гонениям, но и принадлежность к менее вредным сектам не могла свидетельствовать о полной лояльности подданных. В связи с этим как мера противодействия распространению всевозможных пагубных заблуждений и содействия к переходу в лоно истинной православной церкви рассматривалось развитие начального образования под эгидой православной церкви.

Как правило, у старообрядцев не было официально существовавших учебных заведений, но обучением грамоте по старопечатным книгам занимались на дому. Организация начального обучения в местностях, где раскольники составляли значительную часть населения, была постоянной проблемой для русского правительства в XIX в. Эта проблема усугублялась дискриминацией старообрядцев в различных областях жизни, что усиливало их недоверчивое отношение к любым правительственным мероприятиям. В Секретном комитете по делам раскола неоднократно рассматривались связанные с этим вопросы.

Так, по высочайше утвержденному журналу комитета в декабре 1834 г. министр внутренних дел для ослабления, по возможности, раскола в Пермской губернии должен был предписать местным начальникам, чтобы те убеждали владельцев горных заводов учреждать при заводах училища, подобные существовавшим в заводах графа Строганова в Новом Усолье и Демидовых в Нижнем Тагиле. Екатеринбургский преосвященный епископ Евлампий считал также, что полезно было бы открыть при заводах училища вроде приходских для обучения детей раскольников чтению и письму, а также другим предметам. Лучших учеников из этих училищ рекомендовано было отправлять в открытое специально для них в Екатеринбурге уездное училище. По мнению Евлампия, это должно было стимулировать распространение православия среди раскольников.

Министр просвещения С.С. Уваров нашел эту меру полезной, но зависящей не от правительственных учреждений, а целиком и полностью от воли владельцев заводов, на чьи средства должны были открываться такие училища, в соответствии с Уставом гимназий и училищ уездных и приходских от 1828 г. Два года спустя после этого обсуждения министр внутренних дел обратился с запросом к Пермскому губернатору об успехе предпринятого обращения к заводчикам. Секретный комитет принял к сведению ответ губернатора, который состоял в том, что некоторые владельцы заводов отдали распоряжения об учреждении училищ, подобных строгановским и демидовскому, другие сказали, что училища у них уже существуют. В марте 1837 г. в записке министра внутренних дел об исполнении решений Секретного комитета упоминалось об учреждении училищ в Суксунском заводе Демидовых, в Верхисетском отставного гвардии корнета А.И. Яковлева и в Алапаевских и Уинском заводах

наследников действительного статского советника Яковлева. Но среди ответов заводладельцев были и такие, которые носили характер отписки. В записке министра внутренних дел Д.Н. Блудова митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Серафиму от 25 января 1836 г. говорилось о том, что управляющему именем графини Полье предписано в точности исполнить высочайшую волю, а о московском купце 1-й гильдии П.М. Губине было сказано: "Учредить училище в заводах из виду не упустит".¹

Вообще Д.Н. Блудов вел оживленную переписку с митрополитом Серафимом по вопросу о мерах по предотвращению распространения раскола. В апреле 1836 г. им было получено высочайшее повеление представить свои соображения о таковых, в связи с чем была составлена соответствующая записка, копия которой была направлена в Секретный комитет по делам раскола. Этот документ рассматривался на заседании комитета 12 января 1837 г. В ней в качестве общей меры против всех раскольников предусматривалось вразумление и умственное образование народа. "Как раскол основан более на невежестве, то училища должны быть средствами против раскола. Но сии средства должны быть осмотрительно приспособлены к цели. Если училища будут в руках раскольников, они будут естественными рассадниками раскола, а не православия. Если училища простого народа будут в руках людей, получивших светское направление ума, может случиться, что распространение грамотности не улучшит нравственности или повредит ей посредством неосновательных внушений и вредного чтения. Обучение чтению, начаткам катехизиса и Священной истории под руководством духовенства простейшим и к национальному быту и обычаю примененным способом есть наиболее безопасное средство распространения здравых понятий в простом народе. Но сие средство трудно сделать употребительным в отношении к раскольникам, которые, конечно, захотят раскольнику же вверить своих детей, нежели православному священнику".²

В связи с изложенными соображениями признавалось целесообразным предоставить духовенству свободу в обучении детей под надзором епархиального начальства и без вмешательства со стороны светского учебного начальства. С другой стороны, в отношении учителей из раскольников должны были быть поставлены преграды в виде соответствующих распоряжений Министерства просвещения. Наряду с этими моментами, в записке предлагалось обратить особое внимание на организацию обучения девочек, поскольку подчеркивалось, что женщины обычно являются наиболее фанатичными сторонницами своей неправильной веры и, сделавшись женами и матерями, склоняют к расколу своих православных мужей, а также детей. Высказывалась мысль о том, что обучением девочек грамоте и рукоделиям могли бы заниматься жены священников и дьяконов. Все эти предложения большей частью уже нашли отражение в Правилах по обучению поселянских детей, принятых Святейшим Синодом в 1836 г. Исходя из этого, Секретный комитет рекомендовал Синоду всячески поощрять способных и благонадежных представителей приходского духовенства заниматься первоначальным обучением крестьянских детей в соответствии с упомянутыми правилами. По возможности рекомендовалось открывать школы и при монастырях, где обучались бы как дети духовенства, так и крестьян.

В 1847 г. в Министерство просвещения поступило предложение попечителя Одесского учебного округа о приеме детей раскольников в уездные и приходские училища не по метрическим свидетельствам, а по семейным выпискам о рождении и крещении. Против этого предложения выступил министр внутренних дел Л.А. Перовский, мотивируя свою позицию тем, что государство такой мерой признает раскольничьи записи как официальные акты, а это совершенно недопустимо. Было принято решение об обращении начальства учебного округа к начальству губернии в каждом отдельном случае поступления раскольников в государственные начальные

учебные заведения. А в соответствии с высочайшим повелением 1850 г. дети раскольников не допускались в средние и высшие учебные заведения без свидетельства о переходе в православие.

Только в конце 1852 г. по предложению руководства Дерптского учебного округа было принято решение об их приеме в уездные, приходские училища и частные учебные заведения без такого свидетельства. Тем самым обозначилась линия на привлечение раскольников в государственные учебные заведения с целью их перевоспитания. "Образование есть всегда лучшее и вернейшее средство к искоренению грубых фанатических религиозных заблуждений и... в видах уменьшения раскола в России необходимо облегчать сектаторам все средства к поступлению в учебные заведения".³ При этом сохранялось особое отношение государственных органов к проблеме частного обучения в среде раскольников.

---

¹ РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 13, л. 392.

² РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 12, лл. 246–247.

³ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб, 1867. С. 124.

К ВОПРОСУ ОБ ИСЛАМСКОМ ФАКТОРЕ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

О.В. Кузьмина

Ислам оказывал значительное влияние на общую картину народного образования в России к середине XIX века. Народы, исповедовавшие эту религию, представляли собой крайне замкнутый культурный тип. У мусульман России, как и в других странах, существовала трехступенчатая система образовательных учреждений. Низшая ступень этой системы – мектебе – присутствовала обычно при мечетях. Мектебе практически не поддавались учету Министерства просвещения. К началу 60-х годов XIX в., согласно ведомости, находящейся в деле департамента народного просвещения, по ведомству Таврического магометанского духовного правления в семи губерниях числилось 942 мечети и ни одной школы; по Оренбургскому духовному правлению (17 губерний и область Войска Донского) – 4525 мечетей и 1075 школ.¹ Сведения о мусульманских школах Кавказа в этой ведомости вообще отсутствуют; кроме того, непонятно, учтены ли здесь школы в татарских селениях удельного ведомства. По отчету этого ведомства в 1860 году там насчитывалось 126 школ при мечетях, где обучалось 3675 детей, в том числе 916 девочек.²

Наставниками в этих школах были выпускники медресе, учебных заведений второй ступени. Старейшим на территории России было медресе Менгли-Гирея в Бахчисарае, основанное еще в XV веке. По своему типу это были учебные заведения, характерные для средневековой арабской культуры. В мектебе изучали молитвы, обряды, этические нормы ислама, читали Коран по-арабски, чаще всего без понимания. Велось обучение чтению и письму и на родном языке, но с использованием арабской письменности.

Правительство стремилось привлечь мусульманское население в учебные заведения, подведомственные Министерству просвещения. В 1838 г. Министерство одобрило проект попечителя Казанского учебного округа о приглашении мусульманских подданных отдавать своих детей в народные училища и 1-ую казанскую и астраханскую гимназии. В этих учебных заведениях специально вводились курсы персидского, турецкого и татарского языков. В обращении рисовалась весьма радужная картина общего состояния народного образования: "Благодаря просвещению и неусыпной заботливости мудрого нашего правительства, все границы нашей обширной Империи, не говоря уже о внутренних областях ее, изобилуют учебными заведениями и всеми средствами, необходимыми для образования юношества всех племен и состояний".³

Различные формальности, которые нужно было соблюсти при поступлении ребенка в школу, зачастую отменялись для мусульманского населения. По представлению попечителя Одесского учебного округа было позволено принимать детей ногайцев в приходское училище без предъявления метрических свидетельств.

В 1835 г. было принято Положение о закавказских училищах, в котором были частично учтены традиции, существовавшие в местных древних культурах. В конце 40-х годов принимаются специальные уставы для закавказских мусульманских учебных заведений – тифлиских училищ Алиева и Омарова учения (т.е. для шиитов и суннитов). Нельзя было пускать дело обучения мусульман на самотек, тем более в таком беспокойном регионе. Целью учреждения первого училища объявлялось не только предоставление детям закавказских мусульман-шиитов возможности приобретения знаний по законам их веры, но и изучение русского языка в объеме, необходимом для них в жизни. То же самое касалось и суннитского училища. В программу обучения, кроме обычных предметов начальной школы, входили и основы

русского законодательства. Содержались при этом училища не на государственные средства, а на доходы от мечети. В каждом из училищ было по два преподавателя светских курсов – русского и мусульманского, читавшегося на одном из трех языков (татарском, персидском или арабском).

Мусульмане относились с недоверием к правительственным учреждениям, даже к тем, которые специально создавались для их образования. Еще большее подозрение вызывали обычные школы Министерства просвещения, появление там православных священников или наличие иконы в классе. В 1859 г. Министерством просвещения были предусмотрены меры для воспитания детей мурз и татар низшего сословия при симферопольской гимназии и уездном училище. Средства на проведение этих мер были взяты из особого татарского сбора. В 1857 г. было принято решение об открытии в Омске школы для киргизских детей, но в жизнь это решение было воплощено уже в 60-е годы.

Исследователи истории народного образования в России в конце XIX века отмечали, что события и умственные движения Константинополя, Каира или Бухары оказывали большее влияние на образование мусульман Российской империи, чем внутрироссийские события.

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 170, д. 19, л. 125.

² РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 19, л. 81.

³ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.2. СПб, 1866. С.307.

ДРЕВНЯЯ СПАРТА КАК ПРИМЕР ЗАКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

А.С. Суханов

Анализируя сущность закрытых обществ, исследователи в своих обобщающих работах приводят в качестве примеров разные общества-государства, но не уделяют достаточного внимания Древней Спарте, хотя исторические сведения о ней с очевидностью указывают на явный закрытый характер этого государства.

Понятие "закрытое общество" полноправно вошло в научный оборот со 2-й половины XX века. Один из его родоначальников – К.Поппер.¹ Современные исследователи пока еще не определили единые критерии, на основании которых можно выявлять и характеризовать общества закрытого типа. Но обстоятельные работы по данной проблеме уже появились (следует отметить, что в них закрытые общества часто отождествляются с коллективистскими).²

Общественные науки понятием "закрытые общества" обозначают как отдельные цивилизации-государства (Древний Египет, Древний Китай, царство Майя, империя Инков, СССР, ...), так и различные организации, общины, объединения (тайные мужские союзы на стадии разложения первобытного общества, ряд монашеских орденов, монастыри, масонские ложи, ...). Обе эти разновидности закрытых обществ имеют ряд сходных признаков. Но мы выделим те признаки, которые наиболее характерны для закрытых обществ-государств.

- Закрытость от внешнего мира в той или иной степени по естественным географическим или/и идеологическим причинам.
- Ограниченность поступления информации извне и ее отбор.
- Равновесная общественная система, однолинейность: следование одному варианту системы ценностей; сопротивление социальным идеологическим нововведениям; медленное внедрение изобретений.
- Преобладание принципа симметрии: единообразие в сфере политики и быта; внутригрупповая уравнительность.
- Цикличность (повторяемость) в общественной жизни. Особое внимание соблюдению календарных обрядов.
- Коллективизм, репрезентируемый лозунгом "Человек для общества". Альтруизм (внутригрупповой и по отношению к государству) как требуемая моральная установка.
- Положение человека определено его социальным статусом, принадлежностью к корпорации (возрастным классам, сословиям, кастам).
- Инволюция – усиление регламентации жизни при неизменяемости основной социально-политической системы (или возвращение / регресс к более примитивным формам). Значительна степень ритуализации. Множество предписаний, ограничений, запретов. Ограничено разнообразие направлений культуры, но может быть усложнение имеющихся ("движение внутрь").
- Экономическая деятельность основывается на принципах редистрибуции и реципрокации. Рыночные отношения отсутствуют или очень ограничены.
- Приоритет имеют не знания, а принятые морально-правовые нормы.
- Самодостаточность в потребностях, аскетизм (встречаются исключения для высших слоев). Смысл жизни общества – преимущественно идеационный (по терминологии П.Сорокина).

Теперь сопоставим перечисленные признаки со спартанским обществом VI – начала IV века до н.э.

Источники указывают на политику сознательной изоляции Спарты от внешнего мира. И это не удивительно, так как всегда и везде общества, основанные на

коллективизме и ориентированные на социалистические учения, могли относительно долго существовать благодаря изоляционизму.

Спарта не допускала у себя культурных заимствований. Чужеземцев в ней не было, за исключением послов и приглашенных гостей.

Внутренняя жизнь носила явный застойный характер. Мироззрение было жестко ориентировано на соблюдение законов Ликурга, принятых еще в легендарное время. Жесткий контроль со стороны Совета старейшин препятствовал нововведениям. Консерватизм проявлялся даже в главной опоре Спарты – военном искусстве, что сыграло роковую роль в битве под Левктрами в 371 г. до н.э., когда предводитель фиванцев Эпаминонд применил против спартанцев совершенно новую тактику ведения сражения.

Спартиаты (т.е. граждане Спарты) придерживались единого образа жизни: один и тот же род занятий (военное дело), тип жилища, одежды, характер пищи, одинаковый для всех взнос в совместные трапезы корпораций воинов-сверстников, равные размеры земельных участков. Этому же способствовала и политика, направленная против накопления богатства и имущественного расслоения.

Принцип симметрии отмечается в органах власти: два равных наследственных царя с одинаковыми функциями. Этот признак в отношении Спарты требует дополнительного изучения. Но однообразие и консерватизм предполагают циклический характер жизнедеятельности.

Коллективизм спартиатов, особенно корпоративный (по возрастным группам), хорошо известен. Прославились они взаимовыручкой и самопожертвованием.

Социальный строй напоминал кастовый: имелось четкое разделение на высший полноправный слой спартиатов (воинов), полузависимых периэков (ремесленников и торговцев) и рабов-илотов (земледельцев). Место каждого человека в обществе зависело от его происхождения и было заранее предопределено. Не было свободной социальной мобильности.

Инволюция выразилась в том, что в VII–VI веках до н.э. произошло упрощение (специализация) государственной системы и унификация культуры. Этому сопутствовала жесткая регламентация жизни, многочисленные предписания, принудительная социализация свободного времени. Необходимо отметить и другой ход инволюции: при игнорировании других сфер жизни уделялось гипертрофированное внимание военной подготовке, в которой, в свою очередь, при не меняющейся веками общей военной системе (тактике) была досконально разработана физическая подготовка (вплоть до селективного отбора новорожденных) и приемы обращения с оружием, т.е. шел процесс глубокой специализации, но в определенных рамках. Военизированный характер жизни принуждал к ограничению разнообразия вербальной культуры, являвшейся для рационализированной (утилитарной) военной деятельности помехой, отвлекающим информационным шумом. Но эта же особенность способствовала специализации в совершенствовании культуры лаконичных высказываний.

Экономика носила явный редистрибутивный характер – практиковались изъятие части продукции у илотов, поощряемое воровство, взносы в общий котел совместных трапез. Рынок как таковой отсутствовал.

Только соблюдение принятых моральных норм способствовало стабильности Спарты (даже в большей степени, чем военный профессионализм). Свободно поступающие и усваиваемые новые знания привели бы к формированию критического мышления по отношению к нормам жизни собственного государства. Это понимала верхушка общества и проводила политику изоляции. А внутренняя политика была направлена, помимо военной подготовки, и на соответствующее моральное воспитание,

идеализацию спартанских порядков, воспринимающихся как единственно возможная система жизни, эталон справедливости.

Это, в свою очередь, создавало эффект самодостаточности в системе ценностей спартиатов, обеспечивало "естественный" аскетизм, тем более, что отсутствовало предложение дополнительных потребительских ценностей. В материальном отношении население удовлетворялось простым прожиточным минимумом, а главной целью и смыслом жизни были подвиги и слава.

Таким образом, можно сделать вывод, что Древняя Спарта по многим признакам являлась типичным закрытым обществом в широком смысле этого понятия.

---

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1-2. М.,1992.

² См., напр.: Стариков Е.Н. Общество – казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск.1996; Ивин А.А. Философия истории. Главы 4–6. М., 2000.

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КАК ВАРИАНТ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛА ПО ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.С. Суханов

В последние годы при изучении таких предметов, как история и социология, сказывается резкий рост объема информации и ее разнообразия, что создает известные трудности для систематизации и оптимального усвоения материала. Сказывается и лимит учебных часов по данным предметам. Поэтому вполне объяснимо, что студенты порой не успевают выработать у себя достаточное представление об основных этапах истории человечества и закономерностях развития различных сфер жизни общества, слабо учитывают взаимосвязь демографического фактора и экономики, научно-технических изобретений и их внедрений и характера культуры, сопряженность между средствами хранения и передачи информации и мировоззрением в исторической ретроспективе.

Для разрешения этой проблемы автором разработана комплексная информационно-хронологическая таблица, которая в краткой и, по возможности, оптимальной форме отражает ход истории человечества в самых основных ее параметрах и событиях.

Таблица фиксирует 8 важнейших исторических этапов (большой частью в Европе):

1. 40–30 тыс. лет назад. Окончательное становление человека современного типа.
2. 9–7 тыс. лет до н.э. Неолитическая революция.
3. 4–3 тыс. лет до н.э. Возникновение первых цивилизаций.
4. VI–V вв. до н.э. Осевая эпоха мировой истории (по К. Ясперсу).
5. Начало н.э. – V век. Кризис и распад Римской империи.
6. XV–XVI вв. Эпоха Возрождения в Европе.
7. XVIII в. Эпоха Просвещения в Европе.
8. XX в. Расцвет индустриальной цивилизации.

Сущность каждого этапа раскрывается в нескольких тематических рубриках, в которых отражены самые значимые для него события:

1. Название эпохи. Регионы. Социально-политические системы.
2. Демо(гео)графия.
3. Средства хранения и передачи информации.
4. Экономика. Научно-технические изобретения и их внедрения. Виды энергии.
5. Мировоззрение. Этические нормы.

Кроме этой, чисто информационной, функции таблица помогает выявлять причинно-следственные связи между событиями разных сфер жизнедеятельности в конкретные исторические периоды и в исторической последовательности. Например, к XV–XVI вв. в Европе был сделан ряд технических изобретений и усовершенствований: компас, морская астролябия, новый тип судна – каравелла и т.д. Они дали возможность осуществить великие географические открытия (рубрика № 2), которые, в свою очередь, стимулировали торгово-купеческую деятельность (рубрика № 4), в результате чего она по объему создаваемого капитала начинает преобладать над капиталом, получаемым в аграрном секторе. Благодаря географическим открытиям расширились кругозор людей и ассортимент товаров, появились новые потребности, что способствовало формированию новой системы ценностей, послужившей катализатором процесса Реформации (рубрика № 5). Реформация, в свою очередь, изменила характер культуры (рубрики № 5 и 3) и создала благоприятные условия для развития рыночных отношений (рубрика № 4).

Таким образом, разработанная таблица является для студентов удобным вспомогательным средством наглядной демонстрации изучаемой эпохи, определения ее общего характера и сопоставления параллельных процессов в разных сферах жизни.

ВОПРОС О ТЕРРОРЕ В ПЛАНАХ ЭСЕРОВ И АНАРХИСТОВ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.В. Ткачев

В отечественной историографии вопрос о революционном терроре в рассматриваемый нами период фактически не затрагивался, так как считалось, что раскол в рядах эсеров и анархистов по поводу тактики борьбы с самодержавием в условиях ужесточающейся правительственной реакции к 1911 г. привел к ликвидации их террористических организаций. Укрепляло это мнение и оценка В.И. Лениным практики революционного террора, сделанного им на Поронинском совещании в октябре 1913 года: "...история которого в России совершенно оправдала с.-д. критику и закончилась крахом". Однако в этой же резолюции "О народниках" Ленин отмечал, что "партия с.-р. продолжает официально отстаивать террор" [1].

Каково же было реальное положение дел, связанное с применением террора в новых условиях предвоенного и военного периодов? На этот вопрос мы постараемся ответить в этой небольшой статье.

В первую очередь следует подчеркнуть, что Департамент полиции МВД России накануне войны держал под пристальным вниманием в первую очередь деятельность анархистских и эсеровских организаций за границей с целью оповещения о готовящихся терактах и пресечения попыток их организации в России. Так, 23 апреля 1914 г. заведующий заграничной агентурой А.А. Красильников доносил в Департамент полиции: "... в подтверждение возможности подготовки теракта, помимо заграничной делегации эсеров, кружок террористов, замкнутый и испытанный в прошлом, состоит из: Мадридова, Ракитникова, Картвеловой, Потоцкой, Каллистова ... перечисленные лица не желают считаться ни с какими требованиями партии и ее центра" [2]. Уже через день, 25 апреля, последовал циркуляр офицерам отдельного корпуса жандармов "о возможности террористических выступлений отдельных лиц в настоящее время" [3]. В донесении Красильникова от 25 июля особо подчеркивалось, что на готовящемся открыться в конце августа 1914 г. Международном съезде анархистов также будет одним из первых обсужден вопрос об отношении к политическому терроризму и организации тайных боевых групп [4]. Тот же Красильников в январе 1916 г. сообщал о состоявшейся в Лондоне "обычной годовой конференции анархистов, которая рекомендовала товарищам усилить пропаганду идей безгосударственного социализма в Англии и подготовить возможно большее число сознательных работников для России. Вступать в там существующие рабочие и крестьянские военные союзы для агитации за наши идеалы и тактику. Организовать в тех местах, где обстоятельства наиболее благоприятствуют, исключительно из числа более сознательных и конспиративных товарищей инициативные и боевые группы, которые должны иметь своей целью: устную пропаганду анархистских идей за пределами существующих организаций; издание прокламаций, листовок и другой литературы, ознакомление товарищей с различного рода оружием, боевой тактикой [т.е. террором – А.Т.], постройкой баррикад, производством разведки. При вспышке революции прилагать все усилия к осуществлению наших идеалов" [5]. В делах Департамента полиции за первую половину 1914 г. выделяются сообщения о готовящихся терактах вплоть до покушения на царя и членов его семьи.

Начавшаяся война не позволила осуществиться этим планам. Вместе с тем вопрос о терроре начал приобретать новое содержание. Вышедшая в Париже во второй половине 1914 г. "Памятная книжка социалиста-революционера" указывала, что "террор, и особенно центральный, – вот главное средство борьбы, к которому обратится партия социалистов-революционеров, как только наступит время, благоприятное для ее работы. Интернациональный красный террор – вот задача, которая поставит себе наша

партия... Эти меры вдохновят новую струю активности в неизбежную социальную мировую революцию, окрыляя наступающие рабочие батальоны надеждой и дезорганизуя до конца насквозь прогнивший строй буржуазного мира" [6]. В условиях войны значительная часть анархистов, за исключением П.А. Кропоткина и его сторонников – патриотов, выдвигали призывы "«содействовать поражению» [7] для грядущей социальной революции через саботаж, диверсии, террор и дезертирство.

После Февральской революции из ссылки и эмиграции вернулось большинство из сорока шести тысяч левонародников [8]. Среди них были И. Блейхман, Л. Черный, В. Волин (В.М. Эйхенбаум), Е. Ерчук, А. Карелин, И. Шапиро, А. Гроссман-Рощин, А. Ге, А. Горелик и другие [9].

Стихийный террор – мщение против свергнутого класса весной 1917 г. (расправа с ненавистными офицерами в армии и на флоте, погромы помещичьих усадеб) – стал постепенно приобретать организованный характер. Июльские события в Петрограде, спровоцированные анархистами, привели к обострению политической ситуации в стране и, по сути, положили начало Гражданской войне. Дальнейшие события 1917–1918 гг. во многом определялись той непримиримостью, с которой на протяжении всей своей истории революционеры-радикалы через террор старались воплотить в жизнь свои лозунги: "В борьбе обрешь ты право свое!", "Дух разрушения – есть дух созидания!", "Весь мир насилья мы разрушим!".

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.24. М.: Госполитиздат, 1961. С.60.
2. ГАРФ. ДП.ОО.1914. 9 ч. 1 – Боевая организация. Л.22.
3. Там же. Л.20
4. ГАРФ. ДП. 00. 1914.12 ч.2. – Анархисты. Л.162–187.
5. Там же. 1916. 12 ч.1. Л.1(об.)
6. Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1914. С.95.
7. Тютюкин С.В. Война, мир, революция. М.: Мысль, 1972. С. 145.
8. Гусев К.В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. С. 64.
9. Канев С.Н. Революция и анархизм. М.: Мысль, 1987. С. 262; Корноухов Е.М. Борьба большевиков против анархизма в России. М.: Политич. лит., 1981. С.87.

ДОКУМЕНТЫ ОХРАНКИ О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.В. Ткачев

Русская эмиграция на протяжении десятилетий постоянно находилась под пристальным вниманием Охранного отделения Департамента полиции МВД Российской империи. В условиях начавшейся в августе 1914 г. войны сведения о положении дел в русской эмиграции приобрели особое значение, поскольку было ясно, что от того, какую позицию по отношению к войне займут лидеры русских оппозиционных партий и их соотечественники за границей, а это 1,5–2 миллиона человек, во многом будет зависеть политическая ситуация в стране. Не случайно, что Департамент полиции в сентябре 1914 г. выделил в отдельное производство дела "О деятельности революционных партий в связи с войной" [1]. А так как в период реакции 1907–1912 гг., как небезосновательно считал Департамент полиции, "революционные силы в империи были разгромлены" [2], речь в этих делах шла почти исключительно о русской эмиграции.

Первоначально сообщения о русской эмиграции по традиции группировались охранкой по степени действительной или мнимой опасности со стороны заграничных террористических организаций. Но когда стало понятно, что проникновение в Россию в условиях войны боевых групп невозможно, основное внимание в донесениях из-за границы стало уделяться положению дел непосредственно в партиях и партийных группировках и выяснению формирования в их рядах позиций по отношению к войне, причем особое внимание уделялось существовавшим разногласиям по этому вопросу.

В отечественной историографии русская эмиграция рассматриваемого периода делилась на три лагеря: патриотов – сторонников войны до победы, интернационалистов, призывавших превратить империалистическую войну в гражданскую, и сторонников лозунга "Ни побед, ни поражений!". Однако в донесениях заведующего заграничной агентурой А.А. Красильникова особо неоднократно отмечалось, что, при наличии разногласий по отношению к войне, главным и общим местом для всех течений эмигрантских колоний были "... по крайней мере, "на верхах", та же закоснелая ненависть к правительству, злорадное ожидание русских поражений, умолчание или злорадство по отношению к армии и ее устройству, клеймение всех лиц, руководящих армией и страной. Ничто не изменилось, потому что настроение вообще не меняется. Может меняться настроение партий, связанных со страной. Но шайки, как воровские, так и революционные, на меняются" [3].

Следует отметить, что Красильников основывал свои донесения в основном на агентурных сведениях, причем, как явствует из них, его агенты имели доступ в самый узкий круг руководства всех партий как в Европе, так и в Америке. Не случайно сведения об осведомителях после Февральской революции были уничтожены или, возможно, изъяты Красильниковым из здания русского посольства в Париже, где и находилось его агентство, о чем сообщал комиссар Временного правительства С.Г. Сватиков, направленный во Францию в мае 1917 г., в миссию которого входило расследование прошлой деятельности русской заграничной охраны и ее окончательная ликвидация [4].

Донесения Красильникова (а он, находясь на посту заведующего заграничной агентурой с 1910 г., прошел путь от коллежского советника до действительного статского советника) носили не только информационный, но и аналитический характер. Особенно чувствуется в них тревога автора о возможности объединения эмигрантских кругов в случае ухудшения экономического и военного положения России. Вероятнее всего, эти тревоги были поняты и восприняты директором Департамента полиции С.Н. Белецким, который в 1917 г. в ходе допроса, проводимого Чрезвычайной

следственной комиссией, отмечал, что "... вся задача моего руководства заключалась в том, чтобы не дать возможности партии соединиться" [5], но ни сил, ни возможности помешать объединению интернационалистов разных политических партий у охранки не было. Такое объединение состоялось в 1915 г. в Циммервальде. Не увенчались успехом и попытки Белецкого через министра иностранных дел России С.Д. Сазонова оказать давление на правительство союзников с целью пресечения деятельности политических эмигрантов. За исключением Л.Д. Троцкого, высланного в 1916 г. за антивоенную пропаганду из Франции в Испанию, никто из активных интернационалистов так и не был привлечен к ответу за "подрывную агитацию" в пользу мира и революции, постоянно проводимую на страницах эмигрантских газет, на митингах и собраниях, о частом проведении которых только и мог сообщать Красильников.

Литература

1. ГАРФ ДП ОО Ф.102, 1914, оп. 343, отд. 2.
2. Там же. 1916, оп. 343, отд. 2. л.40.
3. Там же. 1914, оп. 343, отд. 2. л.64.
4. См. : Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив, 1927. Т.20. С. 3–38.
5. Падение царского режима. Т.3. Л.: Госиздат, 1925. С.286.

РУССКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

Ю.Н. Ушаков

В 90-е годы XIX в. наблюдается активизация российской внешней политики на Дальнем Востоке, где обострилась борьба великих держав за раздел Китая. Интересы России на Дальнем Востоке сталкивались, в первую очередь, с интересами Японии, агрессивная внешняя политика которой оказывала все большее влияние на ситуацию в Восточной Азии. Стремясь укрепить стратегические позиции России на Дальнем Востоке, правительство в 1891 г. приступило к строительству Транссибирской железнодорожной магистрали протяженностью свыше 7 тыс. км.

Неудачная для Китая война с Японией в 1894–1895 гг. завершилась подписанием Симоносекского мирного договора. Согласно этому договору, Китай признавал полную "независимость" Кореи, отдавал крупную контрибуцию и, кроме того, Тайвань (Формозу), Пескадорские острова (Пэнхуледао), Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур.

Сложившееся положение рассматривалось русским правительством как непосредственная угроза российскому Дальнему Востоку, что привело к ответным мерам дипломатического характера. Россия, выступив единым фронтом с Францией и Германией, вынудила Японию отказаться от Ляодунского полуострова.

Это послужило началом открытой борьбы между Россией и Японией и шагом для сближения Китая и России. В том же 1895 г. Россия предоставила Китаю заем в 150 млн. руб., был учрежден Русско-Китайский банк. В мае 1896 г. в Москве был заключен русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через Манчжурию. Строительство велось в 1897–1901 гг. В мае же 1896 г. Россия подписала договор с Японией о совместном протекторате над Кореей и взяла в свои руки руководство ее финансами и подготовку армии.

Кайзеровская Германия вела свою политику, стремясь обострить взаимоотношения между Японией и Россией. Немецкое правительство готовилось к переделу мира. В ноябре 1897 г. немцы захватили китайский порт Циндао. Китайское правительство обратилось к русскому царю как союзнику за помощью. Но царское правительство, не желая вступать в конфликт с немцами, а также имея сведения о намерении Японии и Англии захватить побережье Маньчжурии, резко изменило свою политику по отношению к Китаю. В декабре 1897 г. русские военные корабли вошли на рейд Порт-Артура и Талиенвана и остались там зимовать. В марте следующего года в город прибыли первые батальоны войск. А вскоре Китай был вынужден подписать конвенцию о передаче России в аренду на 25 лет южной части Ляодунского полуострова с портом Порт-Артур и прилегающими островами Эллиот, Blond, Санташантао, Роунд, Мурчисон и другие. Эта территория под названием Квантунской области была включена в состав России. Порт-Артур стал военно-морской базой русской Тихоокеанской эскадры.

Попытки С.Ю. Витте помешать этой акции, которая рассматривалась им как противоречащая духу русско-китайского договора 1896 г., успехом не увенчались. Захват Порт-Артура подорвал влияние русской дипломатии в Пекине и ослабил позиции России на Дальнем Востоке, вынудив, в частности, царское правительство пойти на уступки Японии в корейском вопросе.

В 1899 г. в Китае началось мощное народное восстание ("боксерское восстание"), направленное против иностранцев. Россия совместно с другими державами приняла участие в подавлении этого движения и ввела свои войска в Маньчжурию под предлогом обеспечения охраны КВЖД. В начавшихся затем сепаратных переговорах с

Китаем царская дипломатия условием вывода русских войск ставила предоставление России концессии на строительство и эксплуатацию новой линии КВЖД, а также запрещение держать в Маньчжурии китайские войска. Русско-японские противоречия снова обострились. Поддерживаемая Англией и США, Япония стремилась вытеснить Россию из Маньчжурии. В 1902 г. был заключен англо-японский союз. В этих условиях Россия пошла на соглашение с Китаем и обязалась вывести войска из Маньчжурии в течение полутора лет.

Между тем настроенная весьма воинственно Япония повела дело к обострению конфликта с Россией. В июле 1903 г. Япония предложила России проект соглашения по Корею и Маньчжурии, по которому Япония получала исключительные права на Корею, а интересы России в Маньчжурии признавались лишь в области железнодорожного транспорта. Неподготовленность России к войне заставляла царское правительство проявлять уступчивость и предлагать компромиссные решения, но Япония выдвигала все более жесткие требования. В конце декабря 1903 г. она ультимативно потребовала принятия Россией всех условий соглашения, а 24 января, сославшись на медлительность царского правительства с ответом, объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией.

В правящих кругах России не было единства по вопросам дальневосточной политики. С.Ю.Витте с его программой экономической экспансии противостояла "безобразовская шайка" во главе с А.М.Безобразовым, выступавшая за прямые военные захваты. Взгляды этой группировки разделял и Николай II, уволивший С.Ю.Витте с поста министра финансов. К тому же часть правящих кругов рассматривала успех в войне с дальневосточным соседом как важнейшее средство преодоления внутривнутриполитического кризиса.

24 января 1904 г. японский посол вручил российскому министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу ноту о разрыве дипломатических отношений, а вечером 26 января японский флот без объявления войны атаковал порт-артурскую эскадру. Так началась русско-японская война.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРИОДА СОЗДАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Н.И. Чапагина

Процесс создания и укрепления Российского централизованного государства растянулся более чем на четверть столетия. Завершающий этап объединения русских земель пришелся на период правления Ивана III (1462–1505 гг.) и Василия III (1505–1533 гг.). Процесс формирования единой территории тесно переплетался как с концентрацией власти в руках московских князей, так и с созданием общерусской системы государственного управления. Авторитет великокняжеской власти укреплялся и благодаря появлению новой государственной символики, имевшей огромное значение для людей средневековья, воспринимавших действительность скорее эмоционально, чем рационально. Именно в правление Ивана III появились символы великокняжеской власти: корона – "шапка Мономаха", держава и скипетр, новый государственный титул – государь Всея Руси, а также герб и печать.

В данной статье автор попытается показать эволюцию эмблемы российской государственной печати, так как каждая печать является продуктом определенной исторической эпохи, отображением старых традиций и новых веяний.

Для скрепления различных документов местного, государственного и международного значения Иван III еще долго использовал печати своих предшественников: геммы, вставленные в ободок с надписью; печать с античным изображением (на ней изображались два ехавших навстречу друг другу всадника, один – в панцире, латах и с копьем, другой – полунагой); использовалась и печать времен Василия Темного (1425–1462), отца Ивана III, эмблемой которой был лев, пожирающий змия, а также печать Василия I (1389–1425), на которой изображался светский (без нимба) вооруженный всадник с копьем и мечом. При Иване III печать несколько видоизменилась: теперь всадник поражал змия копьем. Со временем это изображение становится основным на печатях великих князей московских, русских царей и императоров, а также и на государственной печати. В силу ряда обстоятельств в правление великого князя Ивана III появилась новая государственная эмблема, украсившая русскую печать – изображение двуглавого орла, заимствованное из византийского герба, наследованного Византией от Римской империи.

В 1453 г. Константинополь (столица Византии) пал под ударами турок-османов. С этого времени русская православная церковь, поддерживавшая верховную власть, стремилась представить великого князя не просто наместником Бога на земле, а "властью своей подобным Богу". В начале XVI в. монах Филофей сформулировал теорию "Москва – третий Рим", в которой правитель земли Русской объявлялся единственным защитником православия и наследником Византии. Эта концепция способствовала распространению мессианских идей, т.е. веры в особое историческое призвание Руси и ее князя. В 1472 г. с благословения папы римского Иван III женился на племяннице последнего императора Византии Константина Палеолога Зое Фоминишне (в Москве ее стали называть Софья). Этот брак таил в себе притязания великого русского князя на византийское наследство, об этом же свидетельствовало заимствование императорского герба в виде двуглавого орла. Таким образом, появление этой эмблемы стало одним из внешних выражений политической теории преемственности власти московских князей из Рима и Византии, идеи "Москва – третий Рим".

Изображение на печати великих князей московских постепенно усложнилось: сначала всадник, вооруженный копьем или мечом; затем змий, поражаемый копьем князя, и, наконец, двуглавый орел. Из всех этих элементов сложился и русский

государственный герб, который с некоторыми частичными изменениями в деталях сохранился до Февральской революции 1917 г. В этой эмблеме воедино слились элементы византийской и русской символики. До XVI–XVII вв. всадник, вписанный в центр двуглавого орла, трактовался как образ князя – защитника земель русских, именно он поражал своим копьем змия, символизировавшего врагов.

После венчания на царство Ивана Грозного (1547 г.) в изображении всадника видели самого русского царя. Но позднее появилась и еще одна версия, выдвинутая иностранцами, посетившими Россию в 17 в. Всадник – это олицетворение образа святого Георгия Победоносца. (В Западной Европе в это время он считался покровителем рыцарства). Русское правительство признало подобное объяснение лишь в XVIII в. В 1730 г., в указе об утверждении 88 гербов русских городов, впервые официально разъяснялось, что центральная часть московского герба и печати – всадник, поражающий змия – есть изображение Георгия Победоносца.

В XVI–XVII вв. существовало две государственные печати – большая и малая. Они отличались размерами, дополнительными изображениями и надписью. На большой печати изображался всадник в центре двуглавого орла, вокруг которого помещались печати городов-столиц княжеств и царств, вошедших в состав России. По краям печати шла надпись, включавшая полный царский титул. Малую печать иногда называли кормленной, так как ею печатались жалованные грамоты "на кормление" (в XVI в.). Печать была двухсторонней. На одной стороне изображался всадник, поражающий змия, на другой – двуглавый орел. Надпись содержала имя князя (царя) и его краткий титул. Существовала еще и воротная печать, которой запечатывали грамоты, рассылаемые по территории государства. Ее носили на шее. Русские князья и цари использовали и личные печати князей-вотчинников. Со временем печати подвергались незначительным изменениям, но практически на всех (за исключением периода смуты) наблюдалось неразрывное сочетание двух символических изображений – фигуры всадника и орла.

ВОПРОС О МОНАСТЫРСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ОПРИЧНИНЫ И ПРИГОВОР 1572 Г.

В.В. Шапошник

После отмены опричнины ситуация в стране продолжала оставаться тяжелой. Население было разорено эпидемиями, войнами и бесчинствами царских приближенных. Положение усугублялось тем, что разорение основной массы населения – крестьян вело к тому, что служилые люди не могли выполнять свои обязанности перед государством. Кроме того, постоянные опалы и казни, вся обстановка неуверенности в завтрашнем дне привели к тому, что в 60-е гг. XVI в. огромное количество земель поступило во владение церковных учреждений, в первую очередь монастырей. Исследователями установлено, что вотчинное землевладение в годы опричнины пережило настоящую катастрофу. По оценке С.Б. Веселовского, во второй половине правления Ивана Грозного монастыри приобрели земельных владений не меньше, чем за предшествующие сто лет. С 1569 г. количество вкладов принимает огромные размеры. Хотя данные, приводимые этим ученым в различных работах, несколько отличаются, тем не менее основной вывод – о катастрофе вотчинного землевладения не подлежит сомнению.

Также очевидно, что создавшаяся в стране ситуация обогатила в первую очередь крупнейшие обители, на долю которых приходилось 99% вкладов.¹ На материалах Кирилло-Белозерского монастыря к подобным результатам пришел А.И. Копанев. Согласно его исследованиям, почти все вотчинные земли Белозерского края были поглощены монастырями, чему в немалой степени способствовала политическая обстановка 60–70-х гг.² М.С. Черкасова, изучая землевладение Троицкого монастыря, установила, что до 1584 г. путем вкладов эта обитель получила 125 земельных владений и 48 тысяч рублей. С 60-х гг. рост монастырских владений принял "болезненно-лихорадочный, неестественно-учащенный, неуправляемый никем и ничем" характер. Причем, вопреки запретительным Приговорам 1562 и 1572 гг., почти треть завещанных Троице земель являлась княжескими вотчинами.³ Лишь выводы А.А. Зимина, полученные на основании изучения истории землевладения Иосифова монастыря, несколько расходятся с данными С.Б. Веселовского. Согласно исследованию А.А. Зимина, рост количества сделок на землю в этой обители наблюдается в 1567–1569 гг., а затем количество вкладов начинает значительно снижаться. Причем наибольшее количество вкладчиков – это неименитые вотчинники Рузского и Волоцкого уездов, которые не пострадали серьезно от опричных репрессий и переселений. Рост вкладов в 1567–69 гг. А.А. Зимин связывает с голодом этих лет, когда погибло много мелких феодалов. Сам историк объясняет различие своих выводов с выводами С.Б. Веселовского спецификой используемого материала (Веселовский использовал в основном акты Троицкого монастыря).⁴ Следует заметить, что выводы С.Б. Веселовского подтверждены исследованиями и других ученых (А.И. Копанева, М.С. Черкасовой). Различие определяется, скорее всего, спецификой Иосифова монастыря, вблизи которого не было крупного княжеско-боярского землевладения.

В такой ситуации правительство решило предпринять меры, направленные к ограничению роста церковных владений. 9 октября 1572 г. "по государеву цареву и великого князя приказу" митрополит Антоний, архиепископы, епископы, Освященный собор и "все бояря" во главе с князем И.Ф. Мстиславским приняли следующие решения, относящиеся к монастырскому землевладению: во-первых, в большие монастыри, "где вотчины много", запрещалось делать земельные вклады. Даже если в завещании содержался подобный пункт, то землю все равно нельзя было записывать в

Поместной избе. Вотчину следовало передавать родственникам покойного – "служилым людям", чтоб "в службе убытка не было и земля б из службы не выходила". Во-вторых, отныне наследникам запрещалось выкупать уже попавшие в обители земли. В-третьих, в небольшие маловотчинные монастыри вклады допускались, но лишь с ведома и одобрения самого царя и бояр.⁵

Некоторые исследователи считают, что Приговор 1572 г. был составлен и одобрен духовенством под прямым нажимом государственной власти, которая заботилась о военной годности своих слуг.⁶ Однако, по мнению С.В. Рождественского, запретительные меры правительства очень мало продвинули вперед дело, так как касались только родовых вотчин высшего служилого класса и не отвергали обычая земельных вкладов, только ограничивали область его применения.⁷ Часть историков пришла к выводу, что Приговор имеет антибоярскую направленность: княжата строго ограничивались в распоряжении своими вотчинами, наследование ограничено самыми близкими степенями родства. Запретом вкладов в крупные монастыри правительство пресекало попытки служилых людей укрыться за духовным феодалом в надежде, что их минует вихрь опричнины. П.А. Садиков думает, что земельные законы очень "ревниво" соблюдались властью по отношению к князьям-вотчинникам.⁸ Сходное мнение высказал и И.И. Смирнов.⁹ С.О. Шмидт считает, что основная линия политики Грозного была направлена против светских феодалов. Когда же к началу 70-х гг. княжеско-боярские группы были ослаблены, начинается наступление верховной власти против привилегий (прежде всего экономических) церковных феодалов, завершившееся в приговорах о монастырском землевладении.¹⁰ В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов считают, что Приговор 1572 г. восстановил более или менее свободное обращение вотчин внутри рода, наследование близкими родственниками теперь осуществлялось без санкции царя. Таким образом, этот указ соотносится не с законодательством 1562 г., в котором княжеское землевладение было подвергнуто ограничениям, а с нормами закона 1551 г. Следовательно, законодательство 1572 г. не имеет выраженной антикняжеской направленности.¹¹

По мнению Р.Г. Скрынникова, в Приговоре проводилась политика ограничения крупного княжеско-боярского землевладения в пользу казны и ограничения земельных богатств Церкви. Исследователь вступает в полемику с В.Б. Кобриным, стремясь доказать, что Приговор был направлен против княжат и бояр и подтверждал не нормы 1551 г., а постановления кануна опричнины. Этим самым царь стремился продемонстрировать, что возврата к прошлому нет.¹² Р.Г. Скрынников обращает внимание на ухудшение отношений между царем и духовенством накануне принятия Приговора 1572 г. Он пишет: "Разгром новгородской церкви, ограбление местных монастырей и казнь лиц духовного звания ухудшили взаимоотношения между царем и церковниками. Все это привело к тому, что власти вернулись к политике ограничения податных привилегий монастырей. Сразу после отмены опричнины власти издали 9 октября 1572 г. указ ...".¹³

По нашему мнению, с подобной трактовкой появления земельного законодательства согласится нельзя. У Грозного были конфликты с отдельными представителями Церкви, но не с церковной организацией в целом. После "дела" митрополита Филиппа не известны протестов со стороны высшего духовенства против политики, проводившейся царем. Иерархи доказали свою лояльность, осудив Пимена и дав разрешение на вступление в четвертый брак. Может быть, государь знал, тем не менее, о каком-либо скрываемом недовольстве духовенства? Однако до нас подобные сведения не дошли. Очевидно, что меры, принятые в 1572 г., вызывались не личным конфликтом Грозного с Церковью, а интересами государства, как это и зафиксировано в Приговоре: "чтоб земля из службы не выходила".

Мнение о том, что Приговор был написан под диктовку правительства, видимо, не совсем справедливо. Ведь наряду с запретом давать земли в крупные монастыри вводился и запрет на выкуп вотчин. Следовательно, наличный земельный фонд обитателей не мог уменьшиться. Крупные монастыри уже к 1572 г. обладали значительными земельными богатствами и теперь могли спокойно приступить к освоению недавно приобретенных земель. Недовольны новым законодательством могли бы быть мелкие обитатели, но как раз им-то и разрешалось увеличивать земельные владения путем принятия вкладов, правда, поставленных, согласно Приговору, под жесткий контроль государственной власти. Видимо, монастырские власти, если и имели основание быть недовольными действиями правительства, то это недовольство относилось к упущенным возможностям, а не к реальным потерям.

Что же касается митрополита и епископов, то их материальные интересы Приговор вообще не затрагивал. Еще С.Б. Веселовский обратил внимание на то, что духовенство делилось на две части, интересы которых во многом не совпадали. Иерархи были заняты управлением епархиями, получали за счет этого большие доходы и мало интересовались землей и сельским хозяйством.¹⁴ Сведения о доходах епископов и митрополита приводят в своих сочинениях побывавшие в России иностранцы.¹⁵ В таких условиях давление царя на Освященный собор могло быть и не очень значительным – никаких серьезных негативных последствий для благосостояния как черного, так и белого духовенства Приговор 1572 г. иметь не мог. Представляется, что данное законодательство было направлено в будущее, антимонастырские тенденции если и были в нем, то в крайне незначительной форме. Видимо, основной целью документа в части, посвященной монастырскому землевладению, было стремление сохранить сложившееся к осени 1572 г. положение и не допустить в будущем уменьшения светского сектора землевладения.

Согласие Освященного собора на одобрение Приговора было вызвано не тем, что "иосифляне" составляли к этому времени его меньшинство,¹⁶ а тем, что в нем не было посягательств на материальные интересы духовенства.

Что же касается того, как земельное законодательство претворялось в жизнь, то исследователи считают, что постановления 1572 г. не имели серьезного практического значения — земельные богатства крупных монастырей продолжали увеличиваться, в том числе и за счет княжеских вотчин, хотя имеются и следы применения Приговора.¹⁷

---

¹ Веселовский С. Б. 1) Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века // Исторические записки. 1941. № 10. С. 101 - 114; 2) Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 95–97.

² Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 140–152, 201.

³ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 130–155, 161, 198.

⁴ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 176 - 183. См. также: Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI века // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 129.

⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 37. С. 56.

⁶ Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 4. Вторая пол. М., 1996. С. 125–126; Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 448; Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 122.

⁷ Рождественский С.В. Служилое землевладение... С. 114.

⁸ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 52.

---

⁹ Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI века. М.; Л., 1958. С. 447.

¹⁰ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 235–236.

¹¹ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 86–89; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 190.

¹² Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 183–184; 2) Царство террора. СПб., 1992. С. 462–463.

¹³ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси. Подвижники Русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 339.

¹⁴ Веселовский С.Б. 1) Монастырское землевладение в Московской Руси. С. 112; 2) Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 100–101.

¹⁵ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 107; Поссевино А. Исторические сочинения о России. XVI в. М., 1983. С. 21.

¹⁶ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина. С. 314.

¹⁷ Кольчева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 129; Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 145–146, 198.

4 КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЗАМЕТКИ О ПРИРОДЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

О.С. Борисов

Собственно культурологические исследования берут свое начало в эпоху Просвещения. Итальянец Джамбаттиста Вико (1668–1744) в "Основаниях новой науки об общей природе наций" (1725) исходил из того, что познать мы можем только то, что создано нами самими, и, считая историческую науку знанием о собственных деяниях, подходил к целостному истолкованию искусства, религии, права, форм социально-хозяйственной жизни в их смысловом единстве и взаимодействии. Он выдвинул теорию исторического круговорота развития всех наций, который осуществляется по циклу, состоящему из аналогичных жизни отдельного человека стадий – детство, юность, зрелость; их можно соотнести с тремя эпохами: "век богов" (теогонические мифы, *власть жрецов*), "век героев" (героический эпос, *аристократия*) и "век людей" (историография, *демократия*, представительная монархия), смена которых осуществляется в результате общественного переворота, инспирированного кризисом и подготовленного распадом конфигурации предшествующего взаимодействия. Много позже немец Г. Зиммель (1858–1918) будет говорить о культурном кризисе и конфликте социального взаимодействия, формы которого сохраняются при всей разнице наполнения конкретным историческим содержанием.

Немец Иоганн Гердер (1744–1803), обобщая материал самых разных наук – астрономии, истории, этики, метафизики, антропологии, анатомии, психологии, этнографии – в "Идеях к философии истории человечества" (1784–1791, 20 книг) постулирует мысль об органическом развитии мира как целого, включающего в себя и находящегося на разных уровнях единого мирового организма: всей природы, начиная с неживой и заканчивая природой живой и связанной с ней историей народов, их культуры и духа, а также развитием индивидуальной человеческой души, которая после смерти переходит в высшие сферы бытия. История рассматривается как процесс возвышения, роста и расцвета заложенных в бытии сил к гуманности, разуму и справедливости. Уподобив историю народов жизни человека с его возрастами, Гердер утверждает, что культуры отличаются друг от друга *не* качеством, поскольку каждая из них самодостаточна и самоценна: "Если человек живет среди людей, то он уже не может отрешиться от культуры – культура придает ему форму или, напротив, уродует его, традиция захватывает его и формирует его голову и формирует члены его тела".¹ Смысл развития той или иной культуры определяется ее внутренним стимулом до конца реализовать вложенный в нее потенциал и исчерпать все актуализированные возможности: "Различие между народами просвещенными и непросвещенными, культурными и некультурными – не качественное, а только количественное".² Таким образом, уже в самом начале своего пути культурологическая наука очертила проблемы, поиском решения которых озабочен XXI век. Это:

---

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. – С. 231.

² Там же. – С. 230.

1. линейность культурно-исторического процесса (европоцентристская, однолинейная модель общественного прогресса), его универсалии и закономерности – идейная основа современных проблем глобализации;
2. пространственно-временная локализация культур (культурно-исторические типы, плюральная модель общественного развития самодостаточных типов культурного многообразия и диалог культур).

Инициатором подхода, по общепризнанному мнению, является Н.Я. Данилевский (1822–1885). В своем сочинении "Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому" (1869) он провозглашает реальную и самодовлеющую *единицу* истории – обособленный локальный "культурно-исторический" тип (т.е. постулировалось наличие "цивилизаций", а не цивилизации в единственном числе, как это понималось в эпоху Просвещения). Всемирная история не образует реального смыслового целого. Каждый тип по своему внутреннему содержанию *несводим друг к другу*, находится каждый на своем уровне развития (стадии зарождения, возмужания, дряхления и гибели – вымирания, либо деградации до уровня этнографического сырья для других типов) и в процессе непрерывной борьбы с внешней средой и друг с другом. Любая культура имеет свою судьбу и является автономной системой, основываясь на одной (или нескольких) из четырех форм самопроявления (актуализации): религиозной (объемлющей отношения человека к Богу), "культурной" (научно-техническое и художественное творчество, объемлющее отношение человека к внешнему миру), политической (объемлющей отношения людей как членов народного целого и отношение этого целого как культуры к другим народам) и общественно-экономической. Еврейская культура основывалась по преимуществу на религиозной деятельности, греческая – собственно на "культурной", римская – на политической. Германо-романский тип (европейский) – "двуосновный политико-культурный тип с преимущественно научным и промышленным характерами культуры, в тесном смысле этого слова".³

Данилевский сформулировал пять основных законов, по которым существуют культурно-исторические типы. Имеет смысл их привести.

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое *отдельным языком или группой языков*, довольно близких между собой, – для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались *политической независимостью*.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа *не передаются* народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествующих или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют *федерацию*, или политическую систему государства.

---

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. – С. 479.

*Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляются тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу"*⁴ (курсив – О.Б.).

И еще одна тема – проблема индивидуальной человеческой души и самооценности личности (человек как творец культуры и ее творение).

Иммануил Кант в статье "Ответ на вопрос: что такое Просвещение?" писал: "Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим разумом без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им".

Человек как творец призван разворачивать в себе заложенные потенциальные силы посредством самоактуализации: в этом его свобода и ответственность и, значит, эксплицитный результат по созданию культурных явлений и форм. Человек как носитель ценностей культурно-исторического типа действует, исходя из той схемы или модели поведения, которая провозглашается эпохой, фиксируется в ее символах, закрепляется в нормативах и правилах регуляции, имплицитно ему присуща.

Говоря о истории конкретной культуры, мы не можем ограничиваться, и это очевидно, историей каких-то ее форм, поскольку каждая культура имеет свою религию, миф, историю и быт, свои философию, науку и технику, свою систему отношений и социально-политическое устройство. Следовательно, культурология – это дисциплина, изучающая в комплексе формы конкретной культуры, детерминированные ее ценностно-нормативной установкой, ее ориентацией в пространстве и времени, ее смыслополаганием, подчас остающимся закрытым даже для самих его носителей. Но через их действие их виденье, проявляющееся в образе жизни, проступает в той картине мире, которую в состоянии реконструировать непредвзятый наблюдатель-исследователь. Проблематична общая история, единая философия человечества, поскольку концептуальность исследователя окрашивает подобные построения в те идеологические тона, которые импонируют конкретной культуре. Правда, проблематично выделение и типов культуры, хотя, например советский тип культуры вполне ограничивается конкретными историческими рамками, и в их пределах мы можем разглядеть универсальность его смыслов, поименовать их, рассмотреть оттенки и преломления во всех формах. Конечно, мы можем провести различные культурные параллели, только при этом нельзя забывать, что это ассоциации, выхваченные и перенесенные из иного культурного контекста, и именно оригинальная комбинация последнего является залогом уникальности и несводимости культур. Проблема в другом: что представляют собой межкультурье (переходные периоды слома культурных форм) и те личности, которые стоят двумя ногами в разных культурных мирах? Скорее, их и называют гениями, они приходят, когда их недостаточно понимают современники (или не понимают, или понимают всецело), и уходят, когда понимание определяет им смыслообразующее место в истории.

Итак, общая адекватная история может быть представлена в виде коллажа из разрозненных событий, истинные взаимосвязи которых не удастся установить в дискурсе, помимо уже упоминавшейся идеологической ангажированности

---

⁴ Там же. – С. 91 – 92.

интерпретации. Можно сказать точнее: построение логики событий всегда лежит в одной плоскости исследовательских возможностей, и никто не способен ограничить драгоценный философский камень, разве что – это камень своей эпохи, выразителем которой становится исследователь.

Возникает вопрос: как возможна единая теория культур при многообразии определений культуры? В этом вопросе заключается уже некоторый ответ: на самом деле виды определений культуры отражают срез исторического определения, которое дает конкретная культура. Исследователи лишь отражают ту или иную историческую ментальность. Итак, как возможна единая теория культур, если мы устанавливаем дисциплину, которая должна отвечать методологическим принципам последовательного изучения?

Для ответа на этот вопрос обратимся к определениям культуры и культурологической дисциплины, которые находим в учебниках, первыми попавших под руку.

В учебнике под редакцией П. Радугина дается следующее определение культуры.

Культура – это универсальное отношение человека к миру, в силу которого он творит мир и самого себя. Это отношение выражается смыслоположением. Коллектив авторов опирается на философию свободы и творчества Н.А. Бердяева и, судя по всему, видит сущность культурной деятельности человека в созидательном акте, интенциональность которого разворачивает творческие потенции человека. Другим аспектом креативности становится символ, который обретают продукты творческой активности, можно сказать, подвергаясь "вторичной" обработке сознания. Культурология же определяется как гуманитарная область знания, исследующая сущность, закономерность существования, человеческое значение и способ постижения культуры.

В учебнике П.А. Сапронова (СПб, 1998) культура есть человеческая реальность, а не чисто природная данность, а значит, является деятельностью и ее продуктом (предметной реальностью). П. Сапронов использует заимствованный ранним К. Марксом лексикон немецкой классической философии. Культурная деятельность распадается на два взаимодополняющих вида деятельности: опредмечивания (воплощения) и распредмечивания (развоплощения), которые представляют собой уникально-личностное общение или общение через непонимание. Таким образом, культурология есть научная дисциплина, которая пытается понять и объяснить культуру как таковую во всем многообразии ее развития в пространстве и времени. Автор поясняет, что целиком исследовать культуру невозможно, а можно изучать ее определенные эпохи или локальные проявления. И здесь локализация может дробиться до бесконечности, поэтому, определяя типологию и периодизацию культуры и рассматривая ее историю, автор отправляется от сочетания универсалистского и локального подходов, причем осуществляя последний для западного типа культуры (Античность, Средние века, Новое время).

Учебник под редакцией И.Ф. Кефели (СПб, 1996) говорит о культуре, которая порождается общественным трудом, и в истории культуры человеческая деятельность раскрывается не только как производство вещей и идей, но и как создание самого человека, самореализация. Культура – тоже производство, продуктом которого является человек. Авторы исходят из представления о культуре как феномене самодетерминации, ссылаясь на В. Библера. Сущность культуры проявляется в культурном прогрессе и общественном производстве. Отсюда культурология – это область социогуманитарного знания, изучающего сущность, закономерности, динамику

развития и функционирования культуры. Культурология представляет собой единство теории и истории культуры, рассматривает во взаимосвязи и взаимодействии материальную культуру, духовную культуру и культуру человеческих отношений.

В курсе лекций И.Я. Левяша (Минск, 1999) культура – это субъектная, становящаяся, ценностно-ориентированная человеческая деятельность, процесс социального освобождения человека как субъекта исторического творчества.

Культурология, подобно любой интегративной дисциплине, есть философия культуры со своим специфическим предметом как наука об общих закономерностях – универсалиях свободной, творческой деятельности человека, создание и реализация символически обозначаемых и общественно значимых ценностей и смыслов. Автор называет культурологию ядром культуроведения, подчеркивая необходимость нефилософских блоков: истории культуры (всеобщей и частных); социологии, аксиологии, этики, эстетики, семиотики культуры; многообразных теорий – по сферам, моделям, эпохам, этапам. Системообразующий концепт предмета культурологии – мир человека как арена и мера процесса и результатов его деятельности по законам природы и социума, человекотворчество.

Учебник А.С. Кармина (СПб, 1997) формулирует определение культуры как социальной информации, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств. Культурология – это теория культуры, комплексная гуманитарная наука, совокупность нескольких относительно самостоятельных культурологических дисциплин, среди которых, при ссылке на С.Н. Иконникову, выделяются: история культуры, история культурологических теорий, философия культуры, теория культуры, социология культуры, культурная антропология. Культура – артефакт, мир смыслов (когнитивный, ценностный, регулятивный) и знаков.

Учебное пособие под редакцией Г.В. Драча (Москва, 1999) говорит, что культура – это нечто, созданное человеком, т.е. преобразованная природа, "вторая природа", которая требует человеческого участия. Культура каждого народа хранит в своей глубине сакральные (священные) пласты, которые затрагивают самые важные вопросы социального бытия человека – его сопричастность родине, народу, его судьбе и исторической памяти. Культурология – теоретическая дисциплина, изучающая культуру во всей полноте ее проявлений и в ее сущности, во всем многообразии ее исторических формообразований и принципов современного функционирования. Она имеет следующие разделы: теория культуры, история культуры, прикладная культурология. Теоретическая культурология зачастую отождествляется с культурологией в целом и включает в себя рассмотрение элементов и функций культуры, соотношение культуры и природы, культуры и общества, культуры и личности. Историческая культурология обращается к различным типам культуры в процессе их исторического развития и сосуществования. Прикладная культурология занимается описанием и осмыслением культурной конкретики, сближается, как указывает Г.В. Драч, в некотором отношении с социологией культуры; показывается значимость изучения культурной антропологии, опирающийся на большой этнографический материал, что приводит к отказу от европоцентристских, панлогических культурфилософских воззрений.

В "Лекциях по культурологии" Е.Г. Соколов (часть I, СПб, 1997) утверждает, что "с определения и объяснения категорий культуры культурология начинается, от них отталкивается, ими же и исчерпывается по существу". Поэтому определение культуры, благоразумно не выписанное, складывается в результате рассмотрения категориальных

пластов само собой, помимо прямого авторского прессинга, с помощью творческой синтезирующей способности внимательного слушателя или читателя. Таким образом, рождается со-автор, налаживается диалог, и возникает комплексное практически-теоретическое построение, в самой методике которого определяются не только теоретические узлы, но и находится практический опыт человека культурного, как он понимается современностью. Следовательно, понимание культуры всецело зависит от включенности в нее. Пласты следующие: культура как ценность; культура и цивилизация; традиция, стандарт, сосуществование стандартов; многообразие и несоизмеримость культур, которые определяют сами себя и не могут измеряться мерками, вне их находящимися; предмет культуры, который идентифицируется через контекст и интерпретацию; культура и варварство; смерть от культуры; упадок и деградация культуры. Культурология становится синтетической областью знания, опирающегося на другие дисциплины гуманитарного профиля, но ими не перекрываемого и не заменяемого, которое исследует культуру как таковую по направлениям: быт, искусство, философия, религия, игра (I часть).

Подведем некоторый итог.

Понятие "культура" вводится в научный оборот именно тогда, когда центр тяжести переносится на человека, когда он рассматривается изолированно, вычленяется из контекста. Когда отчетливо видится пропасть между человеком и включенностью человека в ткань космического бытия и намечается включенность в ткань бытия социокультуры. "Недовольство культурой" подытоживает процесс, знаменующийся "смертью бога", на другом полюсе которого было недовольство природой. Между двумя полюсами и простирается поле "культуры" – говоря символически, от вкушения запретного плода от древа познания добра и зла до полученной Буддой истины страдания и пути у древа познания Бодхи. Проблема религии и культуры является центральной, и вне аксиологии творческая активность человека ограничивается адаптационной функцией. Поэтому проблемное пространство – природа и культура, культура и цивилизация – не может быть адекватно понято вне религиозного пространства, поскольку религиозные представления лежат в основе каждой культуры.

Расширительное толкование культуры как артефакта обесмысливает вдумчивое понимание проблемы, поскольку деятельность по преобразованию природы, как то, что человек производит не только с внеположенной реальностью, но и со своим телом, имеет разные основания. Аскет-джайн, обрекающий себя на целенаправленную голодную смерть, исповедующий крайнюю форму джайнского аскетизма, и русский писатель, подписывающийся в последние годы своей жизни формулой "тот, кто, кажется, был когда-то Гоголем" и, подобно джайну, окончивший свою жизнь – оба, принадлежа к разным культурам, по сути выражают *один* религиозный смысл. Культурист же и женщина, голодающая по диете, могут иметь один или разные смыслы, но они будут принадлежать культуре, а не религии.

Проблема определения сущности культуры и, следовательно, объема науки, изучающей культуру, должна решаться сквозь призму определения сути деятельности, культуро- и религиообразующей. Деятельность, связанная с прикладной наукой и техникой, манипулирующая с реальностью с целью улучшения условий существования, и деятельность, направленная на творческое вочеловечивание реальности, ее художественно-образное воссоздание, традиционно связанная с искусством и доставляющая наслаждение; осмысление природы, человека и его деятельности, приписываемое философии; знание, нормы и ценности, которые она закрепляет – все это идеология культуры и ее воплощение. Но религия, *используя ее*

формы, имеет другую направленность, она, *по сути*, коренится *не в этом* мире. По-другому, культурное здание, выстроенное из *ее откровений*, требует "вечности" на земле для *своих*, но всегда в ущерб *Другому*. В пределах этих интенционных полюсов (различной направленности устремлений) пролегает разделительная черта коренных ментальных оснований и категорий, которые не следует смешивать, хотя английский культуролог Арнольд Тойнби (1889–1975), проектируя будущее культурно-исторического процесса, говорил о неминуемом устройении мира на основе *универсального морального кодекса*, синтезируемого из откровений ведущих мировых религий.

ПОНЯТИЕ И ПРАКТИКА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

О.С. Борисов

В век информации, говоря об информационных технологиях, информационных войнах, информационной политике, вполне уместно говорить и о новой информационной культуре. Каковы ее отличительные признаки?

Но прежде следует понять, каковы основания культур предшествующей эпохи? Все они детерминированы религиозными ценностно-нормативными коррелятами. За последнее тысячелетие произошел, в большей или меньшей степени, в зависимости от динамики темпо-ритмического цикла развития культур/цивилизаций, слом основных мировых религий и связанных с ними идеологий.

Почти до двадцатого века просуществовавшая конфуцианско-даосистская ценностно-нормативная корреляция в Китае, хоть и претерпела существенную трансформацию коммунистического толка, но все же незыблемость основополагающего принципа *сяо* (сыновней почтительности), пронизывающего все уровни социальных взаимоотношений (народ должен относиться к чиновникам, как чиновники к министрам, а министры к императору, как император, кодифицированный в одном лице как *мать-и-отец* народа, к народу), не подвергается сомнению.

Индо-буддийская корреляция в традиционной культуре Индии являет собой стратегию *ухода* от мира, т.е. ее доминирующие интенции имеют сущностные акценты, детерминированные в законе кармы, понятиях "сансара" и "нирвана". Согласно Упанишадам и брахманским идеологическим концептам, важнейшим целеполаганием поведенческой культуры является достижение тождества индивидуальной души Атман с абсолютной реальностью Брахман, в рамках кармического закона осуществив разрыв колеса перевоплощений сансары и достигнув освобождения *мокши*. Буддизм отринул понятие вечности души и бога, открыв возможность *каждому*, вне зависимости от варно-кастового деления (т.е. социальной стратификации), кто встал на буддийский путь и воспринял его ценности, изложенные в "Четырех благородных истинах" Буддой, достичь состояния пробужденности – нирваны, и провозгласил совершенство просветленного человека вне страданий, желаний и страстей. Именно в силу своей направленности к человеческой личности вне социальной дифференциации буддизм стал первой мировой религией и получил распространение в близлежащих регионах. Китайский вариант чань, например, восприняв буддийский концепт, приложил его к своим фундаментальным категориям *дао* и *сяо*, расширив собственное социокультурное поле. Но Индия в соперничестве брахманизма с буддизмом создала синтетическую систему ценностей, воплощенную в образе жизни индийской нации, где каждой касте отведено свое место и где боги являются квинтэссенцией локальных ценностей. Так, Вишну (один из богов Тримурти, наряду с Брахмой и Шивой) в различных своих аватарах (воплощениях) регламентировал различные направления индуизма – например, Кришна и его адепты; и даже Будда как одно из воплощений Вишну занял свое историческое место.

Иудаизм и христианские конфессии при всей своей разнице оперативных ментальных процедур имеют общую стратегию – стратегию *овладения* миром. Арабо-мусульманская культура и ислам как ее основание, имея те же авраамические корни и ту же монотеистическую интенцию, продолжила и ту же стратегию.

Итак, при общем кризисе религиозных систем, сопутствующем культурной ассимиляции, – а эти процессы поддерживаются высоким уровнем технического развития, скоростями и уменьшением расстояний, в том числе информационной мобильностью, с одной стороны, и расширением оперативных возможностей в связи с усвоением различных способов отношения к миру и различных *картин мира* и карт восприятия, с другой, – возникает и новая информационная политика. Классический

способ ведения войн ушел в прошлое, а тактика террористических акций имеет под собой информационную подоплеку. Но это уже другая проблема...

Ценностно-нормативная регуляция социальной взаимозависимости выходит из-под контроля титульных культур. Широкое знакомство с различными вариациями строя социальной организации позволяет в современной социокультурной ситуации, отличительной характеристикой которой являются диффузные процессы, в практике корпоративной культуры выбирать и задействовать механизмы оперативных процедур, отвечающих кооперативной цели и эффективности задачи. Корпоративная культура – это не только и не столько имидж в его внешней форме. Сегодня недостаточно экономических рычагов и наличия общего законодательства, одно и другое тесно связано с возможностью внедрения и исполнения, а эту возможность/невозможность осуществляют люди в силу функциональной мотивированности. Сегодня правовая культура может выстраиваться через ценностно-нормативные корреляции, разработанные для конкретной задачи конкретного предприятия, которые будут, соответствуя данной задаче, регулировать взаимозависимость, учитывая самое широкое поле координаций: внутрикорпоративных отношений, отношений с партнером, клиентом, конкурентом. Причем данные разработки занимают в организации процесса труда и производства смыслообразующую роль, не чураясь нестандартных решений.

Сегодняшний мир характеризуется турбулентностью социальной среды, и отношение к социальным конфликтам принимает характер нормы. Процессы управления, информации и идеологии в разрешении и стимулировании конфликтов становятся приоритетными. Набор стратегий поведения в конфликте, а их пять – приспособление, уход, соперничество, компромисс, сотрудничество, – коррелируя с титульными культурами, позволяет в зависимости от конкретной ситуации конфликтного взаимодействия применять ту стратегию поведения, которая в рамках процесса становится оптимальной и которая переводит процесс в конструктивное русло при решении конкретной задачи. Итак, ценностно-нормативная корреляция в организации культуры корпорации и процедуры конфликто разрешения при достаточно неопределенном характере социальной среды требуют нестандартных инновационно-креативных подходов и активной адаптации, если корпорация мыслит себя эффективной и конкурентно-способной.

ДИДАКТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н.Н. Фомина, З.О. Джалишвили, О.С. Борисов, Н.О. Свечникова,
И.И. Толстикова, Н.В. Филичева, И.Г. Деньгинова

Потребность в замене классических форм и методов обучения адекватными современному уровню развития информационных технологий и продиктованными ими новыми принципами образования созрела уже давно. Формализация учебного материала, предлагаемого государственным образовательным стандартом, исходит из дефиниции ключевых понятий, отражающих культурно-исторический процесс, его универсалии, динамику, типологию, формы. Это сложное, многоуровневое знание человечества в многообразных формах своего проявления требует достаточно адекватных форм изложения и находит их в обучении с использованием компьютера. Современные технологии, отвечая этим запросам, позволяют ощутить целостность культурного достояния, как это не парадоксально звучит, не только ноуменально, но и феноменально. Процесс компьютеризации современного образования и культуры в целом становится своеобразным методом организации сознания, который, кроме элитных практик, никогда еще так не охватывал широкие круги масс. Ведь обыкновенно процесс *понимания* осуществляется через "руку" к сознанию, от телесности к мышлению, что, собственно, и олицетворяет компьютерное обучение: от "мышки" к диалоговому окну; – и от одной операции *последовательно* к другой. Гай Юлий Цезарь делал *несколько дел сразу* не потому, что делал их *одновременно*, а потому, что их последовательная временная развертываемость и быстрота скорости переключения создавала иллюзию одновременности. В нашем случае путешествие по лабиринту операционных возможностей в поисках смысла, задействуя в том числе и визуальные возможности, позволяя всякий раз вернуться к любому сюжету пути благодаря заложенной правильной последовательности (как "нити" клубка, предложенного Ариадной герою Тесею), создает целостность восприятия многообразных феноменов и структурный аналог "путешествия сознания" внутри самого себя, т.е. создает процесс, который можно повторить "рукой", что гораздо проще, чем войти в ту же самую воду потока сознания.

Формирование новых технологий обучения проходит ряд последовательных этапов, каждый из которых имеет свою особую значимость. Среди них можно выделить:

- фундаментальные исследования (определение возможностей, научные разработки и др.);
- прикладные исследования (эффективность, оценка последствий);
- анализ потребности и спроса среди преподавателей и студентов;
- разработка документации, программных и методических средств;
- обучение пользователей (преподавателей);
- тиражирование и распространение программных средств.

Эти этапы были пройдены кафедрой культурологии СПбГИТМО(ТУ) при создании системы обучающих программ и аттестующих тестов для фронтального рубежного контроля качества усвоения студентами лекционного курса "Основы теории и истории культуры". Необходимость разработки этой системы диктовалась рядом обстоятельств и, прежде всего, настоятельной потребностью в максимально эффективном использовании учебного времени, отведенного студентам на изучение дисциплины. В 1995–1996 гг. оно составляло 72 часа, в 2001–2002 гг. – только 54.

Место компьютерного тестирования в курсе культурологии

В СПбГИТМО (ТУ) была разработана оригинальная технология преподавания культурологии. Дисциплина изучается студентами дневного отделения в третьем семестре. Курс культурологии состоит из двух составляющих: базового лекционного курса "Основы теории и истории культуры" (34 часа) и лекционно-практических авторских курсов (17 часов).

Чтение обязательного для всех студентов *базового курса* осуществляется в потоках по тематическим блокам–модулям. Каждый модуль закреплен за конкретным преподавателем в соответствии с его профессиональными и научными интересами. Содержание лекций соответствует программе курса, разработанной кафедрой в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта второго поколения. Чтение лекции сопровождается демонстрацией опорного конспекта на графопроекторе и телемониторах (через камеру), а также показом слайдов на диапроекторе.

Контроль усвоения студентами базового курса осуществляется на основе данных о прохождении ими трех рубежных компьютерных аттестующих тестов. Студенты проходят фронтальное тестирование во внеучебное время в рамках часов, выделяемых на самостоятельную работу. Первый этап рубежного тестирования начинается на 6 неделе семестра, второй – на 11 неделе и третий – на 15 неделе. Аттестационные тесты разработаны коллективом кафедры на основе оригинальных методик и прошли неоднократную апробацию в учебном процессе.

Вторая часть курса культурологии представлена лекционно-практическими *авторскими курсами*. Занятия здесь проводятся не в потоках, а в учебных группах, в непосредственном контакте преподавателя со студентами. Чтение лекций сопровождается демонстрацией иллюстративного материала (слайдов, диапозитивов, художественных альбомов, музыкальных записей и т.п.). Практические занятия проводятся в музеях, на улицах города и в пригородах. Используются следующие формы самостоятельной работы студентов: выступления и доклады на семинарских занятиях, участие в дискуссиях, подготовка и проведение студентами экскурсий в музеях, выполнение письменной творческой работы – написание реферата, текста экскурсии, создание методических и учебных пособий по курсу и т.д.

Экзаменационная оценка по культурологии проставляется студенту по итогам его работы в авторском курсе, но при условии успешного прохождения всех трех этапов рубежного компьютерного тестирования по базовому курсу.

Адаптация культурологического знания к новым информационным технологиям

Начальным этапом работы по использованию в учебном процессе новых информационных технологий стала выработка дидактических принципов (подходов) адаптации к ним культурологического знания. С 1998 г. коллектив кафедры принимал участие в научной программе "Фундаментальные исследования высшей школы в области естественных и гуманитарных наук. Университеты России" по проекту "Формализация, структурирование и катехизация культурологического знания", название которого отражает этапы проведенной теоретической и научно-методической работы.

В ходе исследований были выделены три подхода к созданию оригинальной технологии обучения студентов по курсу культурологии: формализация и систематизация культурологического знания и на этой основе – катехизация учебного материала, т.е. представление его в диалоговой, вопросно-ответной форме.

Культура как организующая форма сознания должна быть защищена от распада на множество элементов, которые только в своей совокупности и являются культурой. Осмысление культуры как целостного явления – одна из важнейших предметных задач

культурологии. Однако адаптация культуроведческого знания применительно к новым информационным технологиям требует противоположного подхода – расчленения единого поля культуры на множество фрагментов и представление ее в мозаичном виде. Поэтому необходимо было выработать методические приемы, позволяющие при формализации материала избежать его излишней фрагментарности и неполноты, чтобы он в своей совокупности создавал представление о каждом разделе культурологического знания как целостном явлении.

В процессе систематизации и упорядочения культурологического знания были выявлены те его пласты, которые возможно формализовать, а также выработаны критерии отбора материала, поддающегося формализации. Это позволило свести сложные и противоречивые явления культуры к более простым, однозначным, конкретным, фактографическим (отдельным фактам, тенденциям, формам культурной жизни, фиксирующим их терминам и т.п.).

Выделенные в процессе формализации единицы культурологического знания отвечают следующим требованиям:

- отражают типические черты процесса или явления,
- не содержат в себе внутреннего противоречия,
- не имеют принципиально различных толкований в рамках единого культурологического подхода;
- дают в своей совокупности цельное представление об определяющих элементах культуры, конкретных исторических этапах культурного развития, направлениях культурологической мысли, художественных стилях и т.д.

Применение системного подхода позволило перевести рассмотрение культурологических проблем на уровень практического применения в образовательной деятельности, а логико-диалоговый метод изложения материала создал предпосылки для использования в обучении новых информационных технологий. Значительная часть выделенных дидактических единиц была представлена в виде элементарного акта диалога, т.е. вопросно-ответной ситуации. На этой основе была создана система контрольных заданий для фронтального тестирования студентов по культурологии.

Параллельно формализации культурологического знания осуществлялась его структурирование. В базовом курсе культурологии были выделены два основных раздела: теория культуры и история культуры. К теории культуры отнесены проблемы понятийно-категориального аппарата, социодинамики и типологии культуры, ее структуры и функций, основные философско-культурологические концепции от античности до наших дней. К истории культуры отнесены характеристики первобытной культуры, культуры античности, древнего Востока и арабo-мусульманского мира, западноевропейской и русской культуры Средневековья и Нового времени, культуры XX века. Заметим, что в современной литературе имеются и иные варианты структурирования культурологического знания, однако, на взгляд авторского коллектива, описанная выше структура является оптимальной для использования в преподавании культурологии студентам технического вуза..

Результаты формализации и структурирования культурологического знания были опубликованы в виде терминологического словаря-справочника "Основы теории и истории культуры" (Ч.1. СПб: ГИТМО(ТУ). 1997; Ч.2. СПб: ГИТМО(ТУ). 1998) и легли в основу создания системы аттестующих тестов и обучающих программ по культурологии.

Обучающие программы и аттестующие тесты в содержательном плане должны соответствовать требованиям Государственного образовательного стандарта второго поколения и разработанной на его основе программе курса "Основы теории и истории культуры", а в техническом – сетевой Интернет–технологии, принципы которой

изложены в техническом задании на создание системы дистанционного обучения СПбГИТМО(ТУ).

При составлении тестов были неукоснительно выдержаны логические и дидактические принципы катехизации учебного материала, такие как корректность, ясность и точность постановки вопросов; информационно-содержательная адекватность вопроса и ответа в рамках элементарного диалогового акта; тематическая преемственность тестовых заданий, отражающая структуру учебного курса. Содержание тестов равномерно и достаточно полно охватывает все основные разделы и темы дисциплины.

Используемые диалоговые режимы и иллюстративные материалы

При формулировке тестовых заданий (т.е. вопросов, требующих от обучаемого ответа в той или иной форме) были использованы следующие режимы:

- закрытый;
- ограниченный;
- открытый;
- реконструкции последовательности;
- установления соответствия;
- восстановления названия.

Закрытый, альтернативный режим диалога требует от студента лишь подтверждения истинности или ложности предпосылочной информации вопроса.

Пример: *"Антитезы "высокое – массовое искусство", "научное – быденное сознание" не считаются в эстетике модерна актуальными. Характерен ли подобный взгляд и для модернизма?"*

Ограниченный режим предусматривает выбор обучаемым правильного ответа на вопрос из предложенного ему набора вариантов.

Пример: *"Из предложенного списка выберите имена художников-импрессионистов:*

- В. Тициан
- П. Сезанн
- Э. Делакруа
- П. Рубенс
- О. Ренуар".

Открытый диалоговый режим предполагает самостоятельную формулировку и ввод ответа студентом.

Пример: *"Назовите имя Великого киевского князя, при котором была крещена Русь".*

Вопрос на реконструкцию последовательности требует от обучаемого восстановления хронологического порядка предложенных ему отдельных событий или целых периодов в истории культуры.

Пример: *"Восстановите последовательность становления и развития письменности древних шумеров:*

- "предметное письмо"
- пиктограмма
- словесно-слоговое письмо
- клинопись".

Задание на установление соответствия предусматривает умение студента установить соответствие между элементами двух множеств.

Пример: *Приведите в соответствие имена древнеримских богов с их древнегреческими аналогами:*

<i>Древнеримские боги</i>	<i>Древнегреческие боги</i>
<i>Юпитер</i>	<i>Гефест</i>
<i>Нептун</i>	<i>Гермес</i>
<i>Орк</i>	<i>Дионис</i>
<i>Церера</i>	<i>Афродита</i>
<i>Веста</i>	<i>Деметра</i>
<i>Юнона</i>	<i>Гестия</i>
<i>Марс</i>	<i>Аполлон</i>
<i>Минерва</i>	<i>Артемиды</i>
<i>Аполлон</i>	<i>Посейдон</i>
<i>Диана</i>	<i>Афина</i>
<i>Меркурий</i>	<i>Аид</i>
<i>Вулкан</i>	<i>Арес</i>
<i>Венера</i>	<i>Гера</i>
<i>Вакх</i>	<i>Зевс</i>

Вопрос на восстановление названия предлагает обучаемому воссоздать частично утраченное название известного произведения литературы или изобразительного искусства.

Пример: *"Допишите название 12-томного собрания житий, поучений, мудрых мыслей и т.д., созданного Макарием в XVI в под руководством митрополита: "Великие..."*

При составлении тестов использованы все возможные типы и формы заданий. Всего сформулировано 548 вопроса. Значительное число тестовых заданий сопровождается иллюстративным материалом.

Вопросов в открытой форме (N) – 266, из них вопросов с иллюстративным материалом – 87. Вопросы в закрытой форме (L) – 230, из них вопросов с иллюстративным материалом – 45. Вопросы на соответствие (F) – 38, из них вопросов с иллюстративным материалом – 3. Вопросы на установление правильной последовательности (G) – 8, вопросов с иллюстративным материалом среди них нет. В основном он используется в вопросах открытого типа.

Иллюстративный материал выполняет в тестах разные функции:

- подкрепляет теоретические положения аудио- и видео- иллюстрациями;
- обогащает визуальное восприятие студентом текста;
- наконец, зачастую является главным содержанием вопроса (вопросы на узнавание иллюстративного материала – произведений живописи, архитектуры, скульптуры, предметов декоративно-прикладного искусства, предметов быта и иных памятников).

Источниками иллюстративного материала являются книги, Интернет-ресурсы, мультимедийные диски и др.

Тестовые задания (более 600) опубликованы при поддержке гранта Министерства образования РФ № 1.2.1.1.(190).149 в издании "Культурология: учебные программы, контрольные вопросы, планы семинарских занятий": Учебно-методическое пособие / под ред. Н.Н. Фоминой, Н.О. Свечниковой, И.И. Толстиковой. СПб: СПбГИТМО(ТУ), 2002. 162 с.

Опыт компьютерного тестирования по культурологии

За время разработки и внедрения в учебный процесс новых информационных технологий (начиная с 1995–96 учебного года) кафедра прошла ряд этапов.

Вначале была сформирована система тестовых заданий, которая применялась в так называемой "бумажной технологии", а затем с успехом была использована и в современных информационных средах.

В 1996 г. она была адаптирована к диалоговой автоматизированной системе КАТЕХИЗИС – локальной сети, созданной совместными усилиями гуманитарного факультета и Межвузовского центра новых информационных технологий в гуманитарном образовании (МЦНИТГО), работающего на базе СПбГИТМО(ТУ). Эта система тестовых заданий в течение ряда лет проходила апробацию в дисплейном классе гуманитарного факультета, где осуществлялось фронтальное тестирование студентов дневного отделения, изучающих культурологию (более 900 человек). Тестовые задания были сгруппированы по трем этапам рубежного контроля (с 4, 8 и 12 недели семестра). Каждый из этапов включил в себя 75 вопросов, распределенных по 5 вариантам, по 15 вопросов в каждом. Общее количество тестовых заданий – 225. Материал лекционного базового курса "Основы теории и истории культуры" равномерно распределен от первого до третьего теста в соответствии с графиком чтения учебных лекций.

Результаты проведенного педагогического эксперимента были использованы на последующих этапах работы для совершенствования вопросно-ответных структур компьютерного анализатора и разработки многовариантного тестового пакета.

В дальнейшем усилия разработчиков были сфокусированы на создании сценариев аттестующих тестов и обучающих программ с применением информационных, пояснительных, иллюстративных и рекомендательных материалов в гипертекстовом режиме. Коллектив кафедры культурологии на конкурсной основе участвовал в Целевой комплексной программе "Развитие дистанционного обучения в ИТМО (ЦКП ДО)" (1998–1999 гг.). Обучающие программы (по 11 темам) и аттестующие тесты внедрялись в практику обучения на основе перспективных сетевых Интернет-технологий, обеспечивающих как студентам, так и преподавателям открытый доступ на любом уровне информационных ресурсов – внутривузовском, национальном, мировом (адрес в системе Интернет [http:// de.ifmo.ru](http://de.ifmo.ru)). Это позволило повысить теоретический, методический и технический уровень разработок. Были предложены новые типовые сценарии тестов, создано новое поколение тестов с использованием иллюстративных материалов. В 2001 г. авторский коллектив принял участие в научно-технической программе Министерства образования Российской Федерации "Создание системы открытого образования" по проекту "Разработка методики и создание на ее основе комплекса аттестующих и обучающих тестов по культурологии для системы дистанционного обучения на основе сетевой Интернет-технологии".

Очередным этапом в совершенствовании предлагаемой технологии обучения стало создание пакета аттестующих тестов по культурологии, охватывающих все основные разделы и темы курса и дидактические единицы, определенные в требованиях государственного образовательного стандарта второго поколения. Для этого полностью переработаны аттестующие тесты, созданные по типу сценария "вариант", и осуществлен переход к типу сценария "группа". Одновременно было значительно увеличено количество тестовых заданий в целом. Аттестующие тесты, задания которых организованы по типу "группа", позволяют быстро пополнять и изменять тестовые задания, группировать их в соответствии с задачами любого курса, адаптировать для применения в разных вузах, имеющих выход в сеть Интернет и договорные отношения с СПбГИТМО (ТУ) – разработчиком оригинальной сетевой Интернет-технологии.

В соответствии с логикой программы курса и графиком чтения лекций аттестующие тестовые задания были сгруппированы в три пакета.

Тест 1: вопросы по теории культуры, истории культурологической мысли, первобытной культуре, культуре античности (Древняя Греция и Древний Рим), культуре древних цивилизаций (Египет, Месопотамия, Индия, Китай) (Аттестующий тест по культурологии. Авторы: Толстикова И.И., Свечникова Н.О., Борисов О.С. // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 2002 г. 182 тест-кадра. Server: www.de.ifmo.ru).

Тест 2: вопросы по культуре арабо-мусульманского мира, средневековой Западной Европы, культуре эпохи Возрождения, Западной Европы XVII века и эпохи Просвещения; культуре России IX–XVII вв. (Аттестующий тест по культурологии. Авторы: Борисов О.С., Свечникова Н.О., Филичева Н.В., Фомина Н.Н. // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 2002 г. 190 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru).

Тест 3: вопросы по культуре России XVIII–XIX вв., художественной культуре России в Новое время; русской и западноевропейской культуре рубежа XIX–XX веков, культуре XX века (Аттестующий тест по культурологии. Авторы: Фомина Н.Н., Филичева Н.В., Толстикова И.И. // Система дистанционного обучения. ИТМО. СПб., 2002 г. 160 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru).

В 2001–2002 и 2002–2003 учебных годах кафедра провела педагогический эксперимент по фронтальному тестированию студентов второго курса дневного отделения СПбГИТМО(ТУ) по трем этапам рубежного контроля.

Итоговые результаты тестирования 2001 года по третьему этапу (первый и второй этапы имеют сходные результаты) характеризуются следующим процентным соотношением:

Группа	Сдававших тест	Попыток сдать тест	"5"	%	"4"	%	"3"	%	"2"	%	% полож. оценок
Всего	978	1466	112	8	431	29	474	32	449	31	69

Итоговые результаты прохождения первого теста в 2002 году имеют следующее процентное соотношение:

Группа	Сдававших тест	Попыток сдать тест	"5"	%	"4"	%	"3"	%	"2"	%	% полож. оценок
Всего	1069	1224	350	29	354	29	271	22	249	20	80

На основании полученных результатов мы видим положительную динамику, одно из проявлений которой выражается в том, что процент положительных оценок увеличился с 69 в 2001 г. до 80 в 2002 г..

В 1999 г. был создан первый вариант обучающих компьютерных программ по всем основным разделам и подразделам курса, в которых использованы информационные и иллюстративные материалы, а также вопросы для самоконтроля. Среди них:

1. Теория культуры: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г., 125 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – доц. Толстикова И.И.

2. Происхождение и ранние формы культуры (культура первобытного общества): Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 93 тест-кадра. Server: www.de.ifmo.ru.. Автор – доц. Свечникова Н.О.

3. Античная культура: культура Древней Греции: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 141 тест-кадр. Server: www.de.ifmo.ru.. Автор – доц. Свечникова Н.О.

4. Античная культура: культура Древнего Рима: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 96 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – доц. Свечникова Н.О.

5. Культура Западной Европы: Культура западноевропейского средневековья: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г., 74 тест-кадра. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – доц. Свечникова Н.О.

6. Культура Западной Европы: Культура эпохи Возрождения: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 175 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – Филичева Н.В.

7. Культура России: Древняя и средневековая культура России: Культура России в период древности и раннего средневековья (IX–XIII в.в.): Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 116 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – доц. Фомина Н.Н.

8. Культура России: Древняя и средневековая культура России: Культура Московской Руси (XIV–XVII вв.): Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 94 тест-кадра. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – доц. Фомина Н.Н.

9. Культура России: Культура России в Новое время: Культура России в XVIII–XIX вв.: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 66 тест-кадра. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – доц. Фомина Н.Н.

10. Культура России: Культура России в Новое время: Художественная культура России в XVIII–XIX вв.: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 190 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – Филичева Н.В.

11. Культура XX века: Обучающая тестовая программа по культурологии // Система дистанционного обучения ИТМО. СПб, 1999 г. 110 тест-кадров. Server: www.de.ifmo.ru. Автор – доц. Толстикова И.И.

Роль компьютерного тестирования в учебном процессе

Компьютерное тестирование занимает важное место в технологии преподавания культурологии. Оно позволяет, с одной стороны, решить проблемы контроля самостоятельной работы учащихся в течение семестра, с другой – высвобождает время и силы преподавателей для творческого общения со студентами. Это особенно важно в условиях постоянного роста их численности (если в 2000–2001 г. культурологию в СПбГИТМО(ТУ) изучали 950 второкурсников бюджетной и контрактной форм обучения, то в следующем учебном году их было уже 1200).

Электронный контроль над усвоением курса позволяет решить целый ряд учебно-методических задач:

1. уделять на занятиях больше времени и внимания творческой стороне работы преподавателя, передавая ее рутинную сторону – выявление уровня освоения студентами формализованных элементов курса – компьютерной технике;
2. сосредоточить усилия преподавателей на более тщательной проработке и структурировании лекционного материала, поиске корректных формулировок вопросов и возможных вариантов ответов студентов;
3. правильно оценить теоретический и методический уровень чтения лекций, полноту и доступность изложения материала; выявить сложные для понимания студентов проблемы, определить направления дальнейшей работы преподавателей над курсом;

4. сформировать у учащихся мотивацию на систематическое и ритмичное обучение в течение всего семестра, на постоянное посещение лекций (ведь прежде всего лекционный материал является содержательной основой составления тестовых заданий);
5. эффективнее управлять самостоятельной работой студентов по освоению культурологического знания;
6. повысить престиж дисциплины в глазах студентов, дать им возможность работать в привычной для них технической среде;
7. объективнее оценивать работу студентов (ни у кого не вызывает сомнений непредвзятость машинного контроля, поскольку все студенты находятся перед ним в равных условиях);
8. получать текущую информацию о степени усвоения учебного материала каждым конкретным студентом и всей группой в целом, чтобы на этой основе своевременно корректировать свою учебно-методическую работу;
9. активизировать научную работу членов творческого коллектива.

Технология прохождения компьютерного тестирования

Согласно расписанию, которое составляет Центр дистанционного обучения (ЦДО), студенты проходят тестирование в составе своей академической группы.

Вход в систему дистанционного обучения (ДО) СПбГИТМО (ТУ) расположен в разделе "Обучение и аттестация" сайта <http://de.ifmo.ru/tests>. Сеанс работы начинается после щелчка мышью по картинке "Система тестирования".

Вначале система проводит процедуру идентификации пользователя, которая заключается во вводе уникального логина. Логин и пароль присваиваются пользователю ЦДО. Желаемая роль выбирается из предложенного списка и определяет объем информации и режимы работы, доступные пользователю. Для прохождения тестирования нужно выбрать из списка предложенных ролей роль "Студент".

После заполнения полей "Логин", "Пароль" и выбора желаемой роли по кнопке "Регистр" осуществляется идентификация пользователя. Если пользователь не зарегистрирован, то появляется окно с соответствующим сообщением, и ему будет отказано в работе с системой. При введении верных данных пользователь регистрируется, и система фиксирует начало очередного сеанса работы соответствующей записью в базе данных. В этом случае на экран будет выведена "Панель программ", на которой можно выбрать режим работы системы ДО: Monitor, eTester.

Программа Monitor предназначена для просмотра базы данных системы ДО. При запуске программы на экран выводится таблица, содержащая следующие столбцы: группа; фамилия, имя, отчество пользователя(ей); дисциплины; тема аттестации с оценкой. В столбце "Тема аттестации с оценкой" программа выводит темы только для выбранной дисциплины. Для просмотра протокола конкретной аттестации необходимо два раза щелкнуть мышью на выбранной теме. Откроется окно протокола, где необходимо нажать кнопку "Ехес".

Программа eTester осуществляет режимы обучения и аттестации пользователя. Работа программы начинается с вывода регистрационной информации.

Общие требования и условия тестирования

По каждому рубежному тесту студенту предлагается 15 вопросов, которые в своей совокупности отражают содержание включенных в аттестацию тем курса. Вопросы предлагаются на основе случайной выборки. В каждый рубежный тест входят 5–6 тем курса, по 25–30 тестовых заданий на тему. Таким образом, 15 тестовых заданий выбираются из 125–150 вопросов, по 3–4 вопроса из каждой темы. Ежегодно 10-15% тестовых заданий модернизируются или обновляются. На выполнение теста студенту дается 25 минут.

Регистрационная информация

В начале сеанса на экране выводится приглашение к работе, в котором указываются фамилия, имя, отчество пользователя и его текущая роль. Далее работа с системой осуществляется в режиме Мастера (Wizard), когда пользователь последовательно проходит несколько шагов, выбирая режимы работы, предоставляемые системой. При этом перемещение по шагам осуществляется с помощью кнопок "Вперед" и "Назад". По кнопке "Помощь" всегда можно получить контекстно-зависимую подсказку. Завершить работу с системой можно по кнопке "Выход".

На первом шаге пользователь должен выбрать один из двух видов работы с системой: аттестация или обучение. В режиме аттестации в базе данных фиксируются результаты выполнения каждого тестового задания.

При работе в любом из режимов пользователю предоставляется список дисциплин, по которым он в данный момент может выполнить задание. Студент-пользователь должен выбрать культурологию и нажать кнопку "Вперед". После этого система выдает список, состоящий из трех тестов. Студенту нужно выбрать один из них и вновь нажать кнопку "Вперед".

Для допуска в режим аттестации пользователю необходимо ввести два ключа. Ключи сообщаются студенту сотрудником ЦДО, организующим аттестацию, они остаются действительными на ограниченное время.

В момент выбора теста в базу данных заносится время начала работы. В режиме аттестации в базе данных фиксируются результаты выполнения каждого тестового задания. Если во время работы возникла сбойная ситуация, то результаты сеанса аннулируются.

Выполнение тестовых заданий

Интерактивное взаимодействие системы с обучаемым осуществляется посредством тест-кадров, которые представляют собой информацию, отображенную на экране в текстовом (а точнее, в гипертекстовом) и/или графическом виде (рисунки, фотографии, художественные иллюстрации).

Тест-кадры могут быть двух типов:

- тестовое задание (вопрос или задача, требующие от обучаемого ответа в той или иной форме);
- информационный кадр (информация, требующая внимательного изучения).

Тестовые задания могут быть представлены в одной из описанных выше форм: закрытой, ограниченной, открытой, на соответствие и проч. При каждом новом предъявлении тестового задания в закрытой форме альтернативные ответы автоматически переставляются случайным образом.

Во время тестирования студенту следует быть максимально внимательным: прочитать вопрос полностью; убедиться в том, что он понят правильно; при открытой форме вопроса набрать ответ и непременно проверить содержательную и орфографическую правильность его написания.

Подведение итогов тестирования

Если обучаемый не готов к ответу на представленное тестовое задание, то можно нажать кнопку "Пропустить", и тестовое задание будет предъявлено повторно после всех тестовых заданий. По окончании сеанса тестирования студенту может предоставляться его результат, где содержится информация о:

- количестве выполненных заданий;
- числе правильных ответов;
- общем времени работы;

- возможной сумме баллов;
- набранной сумме баллов;
- итоговой оценке.

Для получения отличной оценки нужно дать не менее 85% правильных ответов (13 вопросов из 15), хорошей – 70% (11 вопросов), удовлетворительной – 50% (8 вопросов). Неудовлетворительная оценка ставится, если правильных ответов менее 50 % (7 и менее правильных ответов).

Контроль прохождения тестирования

Созданная в СПбГИТМО(ТУ) система дистанционного обучения позволяет осуществлять постоянный контроль прохождения студентами компьютерного тестирования. После завершения каждого его этапа преподаватель получает список группы, в котором указаны следующие данные: фамилия, имя и отчество студента, оценка, дата прохождения теста и время тестирования. Например:

Группа 244
Курс Культурология

N/N	Фамилия, имя, отчество	Оценк а	Дата	Время
1.	Антонова Татьяна Геннадьевна	4	25.10.2001	13:17:32
2.	Боярков Илья Викторович	3	25.10.2001	15:52:36
3.	Гордеева Наталья Олеговна	5	06.11.2001	11:19:21
4.	Егоров Сергей Анатольевич	3	25.10.2001	15:13:14
5.	Жукова Наталья Александровна	4	25.10.2001	14:50:55
6.	Загрудный Александр Анатольевич	2	26.10.2001	14:50:57
7.	Козлова Арина Сергеевна	4	25.10.2001	13:17:41
8.	Кондратьева Ирина Михайловна	4	25.10.2001	13:19:30
9.	Кроник Вадим Борисович	4	25.10.2001	15:08:36
10.	Кудрявов Станислав Анатольевич	3	25.10.2001	13:16:22
11.	Лисина Татьяна Андреевна	3	25.10.2001	13:33:47
12.	Мурыгин Андрей Владимирович	3	25.10.2001	15:03:34
13.	Тищенко Ирина Владимировна	3	25.10.2001	13:16:41
14.	Чудиновских Роман Анатольевич	5	25.10.2001	13:33:41

Тестирование позволяет получить объективную оценку знаний в виде сводных статистических таблиц; в звено "обратной связи" включено протоколирование ответов, что позволяет разрешать конфликтные ситуации и корректировать тестовые задания. Все это рационально организует работу преподавательского корпуса и формирует базу для совершенствования методики обучения в целом.

Определение валидности тестовых заданий

Анализ итогов тестирования позволяет определять адекватность вопросно-ответных структур тестовых заданий и эффективность их применения. Выделяют несколько типов валидности тестов, в том числе содержательную и эмпирическую (критериальную).

Результаты тестирования 2001 г. показывают, что положительные оценки составляют 69%. Суммарный процент положительных оценок 2002 г. составляет 80. Это позволяет сделать вывод о том, что тестовые задания в целом удовлетворяют содержательному типу валидности.

Для определения эмпирической валидности тестовых заданий следует рассмотреть статистику по тест-кадрам в пяти различных модулях курса, которая

отражает процент правильных ответов по каждому тест-кадру. Если количество правильных ответов на данный тест-кадр меньше 30%, то он имеет недостаточную валидность. Причиной этого может служить:

- некорректность постановки вопроса тест-кадра;
- неудобное размещение текста вопроса или иллюстративного материала на экране компьютера;
- недостаточное освещение вопроса на лекции;
- сложность вопроса для данного контингента тестируемых.

Недостаточной валидностью обладают и те вопросы тест-кадров, число правильных ответов на которые превышает 90%. В этом случае происходит быстрое насыщение вопроса, что свидетельствует об его излишней простоте для данной аудитории тестируемых.

Анализ вопросов показал, что авторами наиболее часто используется ограниченная форма тестового задания, предусматривающая выбор обучаемым одного или нескольких правильных ответов из предложенного набора и открытая форма тестового задания, предусматривающая самостоятельную формулировку и ввод целого числа, вещественного числа, текстового выражения. Форма тестового задания на соответствие, предусматривающая установление обучаемым правильного соответствия между элементами двух множеств, употребляется значительно реже.

Таблица 1.

№ темы	% правильных ответов	L	L%	N	N%	F	F%
11	до 30%	2	8	1	4	1	4
11	от 30% до 60%	7	28	3	12	-	-
11	от 60% до 90%	2	8	6	24	1	4
11	выше 90%	1	4	1	4	-	-
12	до 30%	1	4	2	8	-	-
12	от 30% до 60%	3	12	6	24	-	-
12	от 60% до 90%	6	24	6	24	-	-
12	выше 90%	1	4	-	-	-	-
13	до 30%	1	4	-	-	-	-
13	от 30% до 60%	3	12	11	45	-	-
13	от 60% до 90%	3	12	6	25	-	-
13	выше 90%	-	-	-	-	-	-
14	до 30%	-	-	-	-	-	-
14	от 30% до 60%	2	8	2	8	1	4
14	от 60% до 90%	13	52	4	16	3	12
14	выше 90%	-	-	-	-	-	-
15	до 30%	-	-	-	-	-	-
15	от 30% до 60%	-	-	3	12	1	4
15	от 60% до 90%	13	52	8	32	-	-
15	выше 90%	-	-	-	-	-	-

L – количество тестовых заданий закрытой формы с правильными ответами тестируемых;

L% – процентное содержание тестовых заданий закрытой формы с правильными ответами тестируемых в данной тема;

N – количество тестовых заданий открытой формы с правильными ответами тестируемых;

N% – процентное содержание тестовых заданий открытой формы с правильными ответами тестируемых в данной тема;

F – количество тестовых заданий на соответствие с правильными ответами тестируемых;

F% – процентное содержание тестовых заданий на соответствие с правильными ответами тестируемых в данной тема.

Таблица 2.

№ темы	S
11 тема	76%
12 тема	84%
13 тема	94%
14 тема	100%
15 тема	100%

S – суммарный процент тест-кадров с правильными ответами, находящихся в диапазоне от 30% до 90%.

Из табл. 2 видно, что суммарный процент тест-кадров по трем используемым типам вопросов с правильными ответами, находящийся в диапазоне от 30% до 90% превосходит в каждом модуле 70. Это позволяет сделать вывод о достаточной эмпирической валидности каждого из модулей.

Направления работы по совершенствованию системы тестирования

Опираясь на теоретические и методические разработки по созданию и эксплуатации аттестующих тестов по культурологии, с одной стороны, и на результаты педагогического эксперимента по компьютерному тестированию студентов, с другой, можно сформулировать следующие задачи дальнейшей работы:

1. совершенствование параметров подведения итогов тестирования, чтобы они предоставляли преподавателям не только данные о прохождении студентами каждого рубежного теста, но и обобщающую статистику о качестве всех ответов на каждый вопрос; эти данные позволят преподавателям-методистам вести постоянную коррекцию тестовых заданий: исключить или переформулировать неудачные вопросы, отсеивать слишком простые или, наоборот, слишком сложные вопросы, ввести коэффициент сложности при оценке положительного ответа и т.д.;

2. совершенствование вопросно-ответных структур тестовых заданий и обучающих модулей по результатам обратной связи в процессе проведения педагогического эксперимента;

3. совершенствование анализаторов ответов, чтобы исключить возможность введения ответа путем поиска верного варианта из множества подобных, случайной ошибки при ответе и т.д.;

4. использование всех возможных форм тестовых заданий;

5. разработка разных вариантов сценариев тестирования студентов по предлагаемому пакету тестов, которые можно будет использовать для решения различных педагогических задач: рубежной аттестации, итоговой аттестации, выявления остаточных знаний, входного тестирования для определения общекультурного уровня студента, приступающего к изучению культурологии.

Создание конкурентоспособных аттестующих тестов по культурологии является весьма трудоемким, но не конечным, а начальным этапом в работе. Следующее важное направление – усовершенствование технологии фронтального тестирования студентов, которая является неотъемлемой составляющей технологии обучения в целом. В ней должно быть предусмотрено решение следующих учебно-методические задач:

- доступность прохождения аттестации;
- технологичность организации тестирования;
- единство предъявляемых требований;

- своевременное и достаточно полное подведение итогов тестирования;
- гибкость системы организации работы студентов и возможность ее перестройки, адаптации применительно к различным учебным целям (рубежная аттестация, итоговая аттестация, проверка остаточных знаний студентов, входное тестирование и т.п.);
- постоянная работа преподавателей-методистов над анализом и систематизацией итоговых данных как по качеству прохождения студентами аттестации в целом, так и по показателям ответов студентов на каждое конкретное тестовое задание.

Заключение

Проведение педагогических экспериментов по организации компьютерного тестирования и создание на этой основе всесторонне разработанных технологий требует многолетних усилий, постоянного совершенствования и высокого профессионального, методического и технического уровня исполнителей.

Созданная на кафедре культурологии СПбГИТМО(ТУ) технология учебного процесса отвечает всем современным требованиям к образованию. Она сочетает в содержании курса обязательные и элективные разделы культурологического знания; обеспечивает единство требований к студентам; открывает возможности активного применения новых информационных технологий; позволяет студентам проявить творческие способности и раскрыть свою индивидуальность; способствует проявлению у обучаемых интереса к отечественной и зарубежной культуре, помогает им разобраться в сложных культурных процессах современного мира.

Такая организация учебного процесса может быть распространена и на сертификацию знаний в форме экстерната.

Публикация подготовлена при поддержке гранта Министерства образования РФ в НТП "Создание системы открытого образования" № 1.2.1.1.(190).149.

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ

И.И. Толстикова

"Наукой, занимающейся болезнью культуры", стала культурология кризиса, которая не является научной школой, но составила единое устойчивое направление в гуманитарной мысли Европы среди представителей различных философских и мировоззренческих ориентаций, которое определяется своим предметом (неблагополучие, болезнь культуры) и специфическим мироощущением: его составляют мыслители, через которых проходит боль эпохи, в ком "вздыхает и болеет душа мира".

Те мыслители, которые восприняли боль эпохи, неблагополучие культуры, ее болезненные расстройства и нарушения, составили кризисное сознание в культурологии, одну из форм самосознания культуры, Каждая концепция – это не бесстрастное повествование, это невольная исповедь мыслителя со своим индивидуальным внутренним миром, системой предпочтения, специфическим личным опытом, эмоционально-психологическим складом, бессознательными ориентациями и сознательными целями.

Представители кризисного культурологического сознания, мыслители, озабоченные проблемами целостности и духовного здоровья общества, истинности утверждаемых культурой ценностей, смысла существования человека и человечества, цены общественного прогресса, человеческих возможностей раскрыть и реализовать свое "Я", поставили вопрос о цене прогресса, о несостоятельности ценностей системы, об отклонении от верного пути. Они первыми почувствовали и увидели предвестие конца, заката Европы, исчерпанность духовного потенциала принципов новоевропейской культуры и они упорно искали способы оздоровления духовной жизни, ее прояснения и возрождения.

Исходя из предположения, что кризис культуры – это надлом, упадок, разложение, крушение устоев, пограничная ситуация между жизнью и смертью, свидетельство несостоятельности и нежизнеспособности, которое возникает, "случается", когда культура подошла к своему завершению, и свидетельствует о конце культурной эпохи, данной культурной системы, культурного организма, логично было предположить, во-первых, что представители кризисного сознания в культурологии – те прозорливые люди, которые раньше увидели приближение конца, заявили об этом и дали свои объяснения происходящему; во-вторых, что каждому из них по-разному открывались симптомы культурного кризиса, но, сведенные вместе, их взгляды представляют панораму культурного кризиса современности, который стал сегодня очевиден большинству; в-третьих, те прозорливые мыслители, что раньше других увидели приближающийся крах европейской культуры, осознали и пути возрождения духовности, каждый из них абсолютизировал одно из направлений обновления духовности, но если их рассмотреть системно, то возможно, составитя картина черт и оснований обновленной культуры будущего.

В культурологических концепциях как формах сознания культурой самой себя находят выражение тенденции, проистекающие из человеческого бессознательного: интуиция жизни и смерти, пессимизма и оптимизма как двух установок, присутствующих в чувствовании и мировосприятии. Каждая концепция представляет собой не безличную, а индивидуально окрашенную систему мышления. Очевидно, что не может быть единого видения и объяснения, существующего в концепциях разных мыслителей.

Культура, как и всякая система, содержит в себе диалектическую противоположность двух рядов потребностей: сохранение существующего порядка вещей, его оправдание, с одной стороны, и его критика, изменение, преодоление с

целью создания нового, с другой. Следует подчеркнуть не только противоположность и разнонаправленность обоих рядов потребностей, но и их равную значимость в процессе развития культурной системы. Потребности того и другого ряда объективно требуют реализации, и это, в свою очередь, предполагает необходимость разнонаправленных усилий и акцентов в общественной практике и в системе ценностных ориентаций и установок, принимаемых и отстаиваемых людьми и социальными институтами.

Существование концепций прогресса культуры и концепций ее кризиса упадка является выражением онтологических тенденций устойчивости и изменчивости, их отражения в саморефлексии культуры.

Оптимистически-прогрессистские концепции выполняют роль оправдания и сохранения существующего, отражая удовлетворенность общества положением вещей и состоянием дел; концепции же упадка и регресса – роль возмутителей спокойствия, ориентирующих общественность на изменение, новое созидание, поиск иных путей и ориентиров, как, например, позиция П.Я. Чаадаева, пробудившая русскую общественность к осознанию предназначения русской культуры к поиску новых путей совершенствования и новаций.

Сами прогрессистско-оптимистические концепции, утверждая бесконечность и благотворность поступательного развития, являются силой антипрогрессивной в культуре, ибо содержат в себе апологетику существующего положения вещей и удовлетворенность качеством культуры, проповедуя лишь ее количественное возрастание.

Концепции кризиса, надлома, деструкции, "конца культуры" объективно выполняют прогрессивную роль, ибо заявляют о необходимости нового, иного, не такого как есть.

Доминирование в общественном сознании теорий прогресса – показатель того, что общество удовлетворено существующим положением, перспективы движения определены и нет необходимости в радикальных изменениях. Появление пророков гибели, упадка, кризиса – свидетельство того, что назрела объективная необходимость перемен, поиска новых путей и новых ценностей.

Взлет критических и кризисно-апокалиптических настроений в стадии зарождения культурной эпохи определяется тем, что новая культура возникает как оппозиционная уже существующей и склоняющейся к закату, но имеющей развитые устоявшиеся формы и систему ценностей. С этих ценностно-смысловых позиций новая культурная тенденция воспринимается как свидетельство кризиса, нашествие варварства, торжество бескультурья. Это восприятие нового с позиций уже существующего и увядающего, осознание происходящих перемен как кризиса и упадка. Это декаданс в настроениях представителей уже реализовавшейся и сходящей со сцены культурной эпохи.

Когда какая-либо традиция или система идеалов сталкивается с новыми, угрожающими ей реалиями, она вступает в полосу кризиса. На кризисную ситуацию в культуре возможными и наиболее типичными становятся три вида реакции. Первый – сознание глубоко разочарованное и несчастное, но догматическое в своем традиционализме, страстно выражающее ностальгию по прошлому и не принимающее настоящее, занимающее позицию противления идущим процессам, несмотря на их очевидную непреодолимость: "героическое трагическое противостояние" без надежды на успех с осознанием собственной обреченности. Другой тип реакции выражен в сознании, стремящемся выделить в традиции те элементы, которые обнаружили общечеловеческую значимость, модифицировать и дополнить ее, исходя из новых реальностей, в установке на очищение от порчи, возрождение. И третий тип – революционно-новаторское сознание, отвергающее старое, изжитое, ориентирующееся на принципиально иное, противоположное существующему.

Этими ориентациями окрашивается и понимание самого кризиса культуры, его социального статуса, причин и истоков, ими же определяется направленность поисков выхода из кризисной ситуации.

В самой онтологии культуры атрибутивно присутствуют две тенденции: бесконечность, поступательность, непрерывность культурного развития, его неуничтожимость и неисчерпаемость, с одной стороны, и исчерпаемость форм, тенденций, смерть одних культур и рождение других, конечность любого культурного образования, относительность всякой культурной ценности. Эти тенденции находят отражение в культурологических воззрениях как исходная бессознательная установка, как мировоззренческая интуиция, как очевидная модель развертывания культуры.

В культурологии мы видим в качестве исходных установок представления о единой общечеловеческой истории и концепции локальных культур, восприятие культуры как непрерывного потока, и очевидность циклов, круговращений, этапов, обрывов. Абсолютизация одной из тенденций дает нам пророков гибели культуры, ее конца, смерти. Особенностью является то, что осознание кризиса происходит наряду с выявлением основных характеристик, особенностей, принципов и ценностей самой культуры. Именно в рамках кризисного сознания были выявлены в качестве определяющих для новоевропейской культуры такие черты, как:

- "аполлоновская" рассудочность, расчетливость и упорядоченность в отношении к действительности,
- "сократовская" установка на приоритет знания перед жизнью, на замещение жизни наукой, рациональным, "холодным головным знанием",
- "фаустовская" одержимость европейцев Нового времени знанием и наукой,
- "прометеевский" порыв к преобразованию и подчинению природы.

Явной тенденцией кризисного сознания является восприятие культурного процесса через призму потерь, предполагающее определение иерархии ценностей, их значимости. Снижение уровня духовности, потеря религиозной и нравственной доминанты, принижение индивидуального личностного начала, ущемление и ограничение личной свободы и возможностей самореализации, создание обстановки, провоцирующей болезненные и разрушительные свойства индивида, стали основными показателями кризиса культуры, ее несостоятельности и вредоносности для большой группы представителей кризисного культурологического сознания.

Нам представляется, что перманентность идеи кризиса в общественном сознании объясняется его регулярной возобновляемостью в той или иной форме, в том или другом виде.

Процесс культурного осуществления не является равномерным и бесконфликтным, его динамика складывается из подъемов и спадов, усложнения и упрощения, процессов гармонизации и дисгармонии, дисфункции составляющих культуру образований, согласованности с социально-экономической и политической реальностью или рассогласования и конфронтации.

В этой сложной динамике выделяются три сферы взаимодействий: 1) внутри самой культуры (между ее составляющими); 2) между культурой и другими общественными структурами и образованиями; 3) между культурой и субъектами социальной деятельности, для которых она выступает ценностно-нормативной и смыслополагающей системой.

Кризисные ситуации в культуре могут возникать из несоответствий и конфронтаций в каждой из этих сфер взаимодействия.

Все концепции можно разделить на две группы. Первую группу составляют концепции, в которых кризис определяется как явление, вызванное действием сверхисторической необходимости, как естественная стадия умирания, угасания и разложения, обусловленная исчерпанием заложенных потенциалов развития. Вторую

группу составляют концепции, определяющие кризис как результат флуктуации, отклонения от правильного пути, порчи, ошибки, аномалии, гипертрофированного развития одного элемента за счет подавления и угнетения других элементов социальной системы.

Для философов, отрицающих естественный и закономерный характер кризиса культуры и общества, последний выглядит как надлом в определенной точке прогрессивного развития с последующей деградацией и крахом. Позиции их разнятся только "точкой отсчета", определением "рокового момента", с которого начинается "грехопадение", надлом современной культуры, приведшей ее к катастрофе.

Шестов истоки современной искаженной жизни видит в формировании традиционного философского мировоззрения, берущего начало в Греции. С момента возникновения древнегреческой философии начинается предпочтение знания жизни и свободе, приведшие к столь трагическим сегодняшним последствиям.

Франк и Ильин началом трагедии современной культуры считают эпоху Возрождения (XIII–XV вв.), положившей начало губительному процессу "секуляризации", заменившей идею Богочеловечества идеей человекобожества. С ними солидарен Эрн в определении "поворотного пункта" развития европейской культуры. Именно в эпоху Возрождения, считает он, в борьбе с мистицизмом средневековья новая философия оторвалась и от темных хаотических, иррациональных основ сознания, и от "божественной небесной глубины". Декарт и Бэкон, Беркли и Кант своими системами лишь усугубили этот отрыв.

Тенденция видеть конечную причину кризиса, поразившую европейскую культуру, в развитии науки, во вредоносности рационалистического знания имела продолжение во многих культурологических концепциях XX в. К этой тенденции, на наш взгляд, относится культурологическая концепция В.Ф. Эрн. В журнале "Борьба за Логос" он пишет: "Над Европой встала трагическая судьба Фридриха Ницше. Магистраль исторического развития всегда идет через гениев ... В нем творит, вздыхает и болит душа мира. Болезнь гения страшнее холеры, чумы, самой губительной эпидемии. Она свидетельствует, что самые истоки, от которых мы все пьем, поражены недугом. Болезнь гения всегда есть скрытая наша болезнь ... Безумие Ницше обосновано всей историей новой философии. Основной принцип этой философии *ratio* - в корне своем поражен болезнью дурной отвлеченности. Минуя действительность, *ratio* с необходимостью вовлекается дурной своей логикой в пустой схематизм... философия становится абсолютно вне-жизненной, вне-действенной... Гносеологический дуализм принимает небывалые абсолютные формы. И этот дуализм коррелятивен с безумием Ницше" [1]. Рационализм европейской культуры Эрн оценивает как начало антикультурное, разрушительное: "Если бы я не видел в рационализме – этом кумире современности – смерти и величайшей духовной опасности, я не боролся бы с ним столь настойчиво" [2].

В. Эрн основной причиной современного культурного кризиса считает разрыв европейской культуры с духовностью, с божественно сущим, утрату ею целостности и гуманистического смысла. Начало этого процесса он видит в эпохе Возрождения. Он обвиняет Декарта и Бэкона, отвергнувших природу как живое сущее, как "полное творческих энтелехий" и тем самым способствовавших расцвету материальной цивилизации и материалистического мировоззрения. Благодаря Беркли и Канту, упразднившим природу, в европейском мышлении укореняется феноменализм. В новой европейской философии Эрн выделяет три тенденции: рационализм, меонизм и импресонализм. В новой философии, считает он, в качестве основного принципа всего миропонимания выдвигается "рацио". Рационализм характерен всей новой философии. В постоянной борьбе с мистицизмом средневековья новая философия, по его мнению, отрывается от темных, хаотических основ разума и сознания, от иррациональной,

творческой космической глубины. Оторвалась она и от сверкающих вершин разума, от небесной глубины. Для новой философии есть только одно основание всего существующего – разум. А раз разум – в основе всего и единственная реальность, то все, что не укладывается в его границы и схемы, отбрасывается как абсурд, как чисто субъективное человеческое построение. Весь мир становится при таком подходе бездушным и механическим. Такие роковые последствия рационализма Эрн называет меонизмом (онтологический нигилизм, вера в ничто). Богатство живой личности непостижимо для рационализма, утверждает русский мыслитель, ибо рационализм мыслит категориями разума и прежде всего – вещественными категориями. Именно вещественность занимает господствующее положение во всех учениях новой философии, оно господствует даже в учении о личности, которая при таком подходе превращается в пустой "пучок перцепций" [3].

Этому новоевропейскому мировоззрению Эрн противопоставляет учение о целостном творящем логосе, как он понимался в античной и восточно-христианской метафизике. Логос – это разум, противоположный формальному рассудку. Логос метафизичен и божественен. Логос – это принцип, имманентный вещам, ибо всякая вещь таит в себе скрытое, сокровенное Слово. Логос существует вечно и, согласно Эрну, разбивается в человеческом сознании на космический, божественный и дискурсивно-логический аспекты и открывается индивиду, соответственно, через мифологию и искусство, через христианскую религию и через философию. Последняя дискурсивна только по форме, по содержанию она представляет синтетическое учение о бытии, приводящее в единство все данные человеческого опыта [4]. Эрн считает, что все феноменологические знания ложны, так как они не доходят до понимания бытийности, ноу-ментальности мысли. Истина, считает Эрн, не есть соответствие чего-то чему-то. Истина онтологична, и познание истины есть осознание своего бытия в истине. Таким образом, для русского философа усвоение истины не теоретично, а практично, не интеллектуально, а волюнтаристично. Степень познания соответствует степени напряженности воли, усваивающей истину. На вершинах познания находятся не ученые, а святые. Восхождение к истине, считает Эрн, – это путь христианского подвига.

Эти мировоззренческие позиции, по его мнению, воплотились в русской самобытной философии, которая представляет собой процесс постижения иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом. В русской философии, считает Эрн, идет непрекращающаяся борьба мировоззренческих принципов: восточно-христианского конкретного, богочеловеческого Логоса с западноевропейским Рацио; мистико-онтологического реализма с меонизмом и волюнтаристического тонизма (tonos – степень внутреннего напряжения) с имперсонализмом. Рост милитаризма Германии времен первой мировой войны Эрн связывал с характером немецкой философии, в частности, с "богоубийственным" кантовским феноменализмом, а военный конфликт рассматривал как столкновение "рацио" Германии с "логосом" России [5]. Проявления современного кризиса Эрн видит в потере смысла существования, угасании духовности и торжестве материализма.

Для Мережковского губительный поворот в судьбе европейской культуры связан с возникновением позитивистской философии, которая стала приобретать статус религии, единственного и господствующего мировоззрения.

После современности бездуховной, бесчеловечной, бескультурной, безрелигиозной должна наступить Новая современность – духовная, высококультурная, человеческая и религиозная. Это новое средневековье Н.А. Бердяева, Новый град Г. Федотова, Новый эллинизм П. Флоренского

В 1906 г. Дм. Мережковский в "Грядущем хаме" предрекает: "Отрекаясь от Бога, от абсолютной божественной личности, человек неминуемо отрекается от своей

собственной человеческой личности. Оказываясь, ради чечевичной похлебки умеренной сытости, от своего божественного голода и своего божественного первородства, человек неминуемо впадает в абсолютное мещанство. Китайцы – совершенные желтолицые позитивисты; европейцы – пока несовершенные белолицые китайцы... Тут крайний Запад сходится с крайним Востоком. Когда они соединятся, это будет уже мир всего мира, последняя тишина и покой небесный, Небесная империя, Серединное царство по всей земле от Востока до Запада, окончательная "кристаллизация", всечеловеческий улей и муравейник, сплошная, облепляющая шар земной "паюсная икра" мещанства, и даже не мещанства, а хамства, потому что достигшее своих пределов и воцарившееся мещанство и есть хамство" [6].

Г. Померанц в статье о М. Бубере пишет: "Есть что-то общее у чутких мыслителей, сложившихся в конце XIX – начале XX века, на пороге великого кризиса, в глубине "затмения Бога", но еще до самих катастроф, до кровавых оргий насилия, до того, как философия превратилась в крик" [7].

"Всеобщая война, – утверждает Е. Трубецкой, – вот тот темный сатанинский облик мировой жизни, который таился и раньше под покровом культуры и в действительности господствовал над нею, приспособляя ее к себе; теперь покрывало отброшено, сатана обнажился, и мир стал адом". В своей книге "Смысл жизни", написанной в 1918 г., этот автор констатирует смертельный недуг всей мировой культуры: "Вся мировая культура поражена недугом, который грозит стать смертельным. Он может развиваться или с молниеносной быстротой, как у нас, или облекаться в ползучую форму рака, тянуться десятилетиями. В течении его могут быть долгие перерывы, возможны даже относительно долгие периоды кажущегося выздоровления и благополучия. Но рано или поздно он возьмет свое... так или иначе его до конца переживут все" [8].

Душевно-эмоциональное выражение кризиса рисует Вяч. Иванов в своей статье 1919 г.: "Еще никогда, быть может, не сочеталось в человеке столько готовности на отречение от всего и приятие всего, на всякое новое изведание и новый опыт и столько душевной усталости, недоверчивости, равнодушия. Никогда не был человек, казалось бы, столь расплавлен и текуч – никогда не был он одновременно столь замкнут и замурован в своей самости, столь сердцем хладен, как ныне..." [9].

Н.А. Бердяев в книге, вышедшей в 1920 г., писал: "Я думаю, не может быть особенных споров о том, что не только Россия, но и вся Европа, и весь мир вступают в катастрофический период своего развития. Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно изменился..." [10].

Как видно, тема цивилизационно-культурного кризиса Европы является "сквозной" для философско-социологической мысли XIX–XX вв. Более того, в XX в. она превращается в одну из ведущих тем европейской культуры, что заставляет предположить наличие самостоятельной философско-социологической ориентации кризисного сознания, отличительная особенность которого – признание исчерпанности прежних стимулов и потенциалов европейского цивилизационно-культурного развития, их несостоятельности, нежизнеспособности.

В то же время, при всей своей близости к европейскому опыту переживания культуры, в отечественной философии формировались свои рефлексии по поводу неудовлетворительного состояния культуры. В оценке такого положения культуры как кризисного сходились как западные, так и российские ученые.

Кризис классической культуры, охарактеризованный О. Шпенлером как "закат Европы" [11], совпал с радикальной реорганизацией социальной и духовной жизни России. Результатом социально-экономического развития России во 2-й половине XIX в., когда практически все общество России было втянуто в процесс модернизации,

промышленного и буржуазного развития, стало недовольство создавшимся положением как общее настроение.

Заметим, что сближение и интеграция тенденций социально-экономического развития России и Европы подразумевали углубление процесса модернизации, распространения его на все слои населения. Это выражалось в распространении буржуазных общественных отношений, формального равенства людей как продавцов и покупателей на рынке товаров, труда и капитала, в распространении буржуазных, либеральных и демократических ценностей. Но развитие буржуазных общественных отношений в России вызывало не только стремление усваивать западные ценности, но и активнее противостоять им. Социально-экономическая интеграция порождала социокультурную инверсию, встречный поток развития традиционных ценностей и норм жизни.

Сближение России с Западом во 2-й половине XIX в. вело скорее не к размыванию, а к усилению особенностей России, причем не только в социально-экономическом строе, но и в области культуры. Как внешние формы буржуазного общественного развития наполнялись российским внутренним содержанием, так и либерализация духовной жизни, расширение влияния европейской культуры вели не к признанию России как части Европы, а к их противопоставлению, поиску собственного российского пути в будущее. Западническая общественная мысль оказала меньшее влияние на развитие российской и мировой культуры.

Главное внимание было уделено преодолению европейского кризиса здесь и сейчас. При этом периферийность России в системе европейской цивилизации рассматривалась как преимущество. Ставка делалась на развитие самобытных черт культуры.

В первой четверти XX века философия культуры разрабатывалась в контексте развития мировой философской мысли, в ряду исторической идейной преемственности с отечественной духовной жизнью предшествующего периода, и именно на этой почве сложились те оригинальные концепции и подходы к культуре, благодаря которым русская философия внесла свой уникальный вклад в историю мировой науки. Прежде всего это относится к таким направлениям, как религиозная метафизика, феноменологическая онтология и концепции пролетарской культуры. Общим для этих концепций, несмотря на различные основания рассуждений, было желание открыть путь из кризисного состояния к обновлению, к культурному возрождению.

Направление религиозной метафизики мы связываем с творчеством таких философов, как С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Д.С. Мережковский и др. Анализ их работ позволяет выделить следующие ценностно-ориентационные доминанты русской культуры, определяющие ее смысловое ядро. Православие – восточная ветвь христианства, сосредоточенная на духовности и традиции, с ее мессианским характером, борьбой за вселенскость, стремлением к созданию высшего божественного порядка на земле. Геополитический фактор – громадность территории России, находящейся на стыке цивилизаций Запада и Востока. Бинарная структура – наличие двух центров, двух противоположных ориентаций: с одной стороны, социоцентризм – приоритет общества, государства над личностью, с другой – "вольнoлюбие" как стихийная форма протеста человека против поглощения его обществом, как "свобода для себя" и безразличие к "свободе другого". Кризисность и дискретность развития, а также противопоставление культуры цивилизации, воспринятое из европейской философии культуры, – таковы основания построения типологии культуры в религиозной метафизике, согласно которой достижение всечеловеческого единства в мире культуры становится возможным при признании главенствующего положения духовных первоначальностей.

И здесь же обнаруживается принципиальное расхождение религиозных метафизиков с направлениями, базирующимися на марксизме. "Политические радикалы не отрекаются от культуры; а среди них "марксисты" даже кладут в основу своего мировоззрения идею МАТЕРИАЛЬНОЙ культуры ... Но всюду – идет ли речь о культуре материальной, или о культуре духовной – преобладает утилитарное понимание культуры. А утилитарная оценка культуры есть собственно отрицание ее самостоятельной, объективной ценности. Мысль о значении культурного прогресса как такового, идеал духовного совершенствования, развития науки, искусства, религии ради них самих, ради присущего им величия и святости, можно сказать, чужды или почти чужды русскому самосознанию" [12]. И далее: "Культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие... Культура как взаимодействие и совокупность всего, что творится духом идеала и правды на земле, неразрушима и вечна, и в своей вечности и своем всеобъемлющем богатстве находит себе непререкаемое абсолютное оправдание" [13]. Они выступают против всяческого утилитаризма и аскетизма также. Утилитаризм – потому, что он "не признает никаких ценностей, выводя все ценности из практической пользы, из низших субъективных потребностей; аскетизм – так как он признает только одну абсолютную ценность – моральную – и считает все остальные ценности призраками и порождениями сатаны" [14].

Чутко реагируя на кризисное положение современного мира, современной культуры, религиозная метафизика обращалась к богословию, русской литературе и общественной мысли для формирования идеи гуманизма. "Под гуманизмом мы разумеем идеализм, веру в абсолютные ценности, соединенную с верой в человечество и его творческие задачи на земле ... Мы хотим быть гражданами европейского мира и участниками его культуры, *citoyens du monde civilise*" [15]. Подлинный патриотизм и возрождение православной культуры оказываются возможными на пути развития вселенского духа христианской культуры без сакрализации всей народной жизни, как отмечает П.А. Флоренский в статье "Записки о православии", неадекватной духу христианства.

Апокалиптические предчувствия, почти всегда расплывчатые, были довольно сильны в это время в разных русских кругах. Кризис культуры осознавался, фиксировался и подлежал анализу. В неокантианстве, например, кризис культуры строится на новой онтологии субъекта, на отношении субъекта и объекта [16]. Можно обратиться к марксистскому социологическому анализу культуры. Но именно в концепции кризиса культуры в религиозной метафизике были выявлены наиболее яркие черты, проявления кризиса культуры, пути его преодоления.

В начале века этот выход виделся русской интеллигенции в очищающем осуществлении революционной идеи. Казалось, с болезнью, поразившей европейскую культуру и выразившейся в выхолащивании священных высоких ценностей, в воцарении прагматизма и индивидуализма, может справиться только радикальная революционная сила: "Великая революция, – писал Бердяев в 1905 г., – должна свершиться, чтобы побороть реакционный дух, ... стряхнуть с себя цепи всякого насилия, ... освободить творчество культуры..." [17].

В этой вере в живительную силу революции для культурного возрождения сказались романтические настроения, присущие российской духовной жизни в первой четверти XX в., что имеет свое объяснение. Во-первых, сама российская действительность, всего за 15 лет породившая три революции, стала почвой, возвращающей романтические устремления к "замене реальности идеальной и дерзкой иллюзией" [18]. Во-вторых, такова была логика духовного развития отечественной мысли. В это время новым приобретением для русского философского сознания стал историзм, воспринятый от европейской романтической традиции. Следствием его

вхождения в мировоззренческую систему стал интерес к проблеме культуры как духовной истории человечества. Как заметил по этому поводу Степун, поскольку романтизм есть прежде всего культурное самосознание человечества, всякое пробуждающееся к культурной жизни сознание, как Россия в настоящее время (подобно началу XIX века), становится под романтический знак [19].

В 10–20-е годы под влиянием Европы в России распространяется интерес к философии истории, особенно актуальной проблеме судьбы истории и ставшей популярной идее неизбежности надвигающейся катастрофы европейского культурного мира. Контуры этой постановки были намечены Ф. Ницше и О. Шпенглером, исходившими из мистифицированного образа истории, согласно которому приближается новая Эра, названная Шпенглером "эрой цивилизации", наполненной энергией, опрокидывающей старые ценности европейской культуры, утверждающей иные цели и способы их достижения. (Альтернатива "культура" – "цивилизация" – многим исследователям культуры как на Западе (Зиммель, Эвальд), так и в России (Бердяев, Куклярский, Н. Пунин) представляется решающей во взгляде на судьбы России. В сборнике "Освальд Шпенглер и Закат Европы" [20], вышедшем в Москве через год после издания книги в Мюнхене, Ф. Степун выявляет главные пункты общности и расхождения между Ницше и Шпенглером: "Оба чувствуют, что корабль гибнет, но Ницше жаждет спасения, а Шпенглер ждет гибели" [21]. Эти два варианта обозначили путь, по которому пошли российские философы в решении проблем судьбы культуры: одни, как Бердяев и Франк, приходят в конечном счете к пессимистическому выводу о крушении культуры, другие, подобно Богданову, Ленину, Луначарскому, Н. Пунину, создают программу построения новой культуры.

С наибольшим энтузиазмом идея гибели старой культуры в огне революции развивалась особенно романтически настроенными авторами, близкими к художественным кругам. Неизбежность катастрофы представлялась фатальным моментом мирового развития, когда все находит свое завершение в смерти, как, например, в носящей контрадикторный характер концепции Куклярского [22]. Отношение к революции не как к социально-политическому, а как к духовному феномену космической природы, средству раскрепощения духа, закованной в традиционные формы культуры, определяло творческую платформу не только философов, но и художников: в 10-е годы началось движение, объединяющее супрематистов, футуристов, кубистов, имажинистов, отвергающих старые и конституирующих новые формы. Один из идеологов этого движения А. Белый писал: "Революцию мы ... с полным правом можем назвать инволюцией – воплощением духа в условиях органической жизни ... Революция форм еще не есть революция: нет, она – разложение косной материи творчества; новое содержание под обломками формы являет себя в разрушительных вихрях, опустошающих формы" [23]. В 20-е годы для философов, приверженных служению гуманистическим ценностям, наступило время глубокого разочарования в романтико-революционных идеалах прежде всего из-за проступавшего за ними лика пустоты небытия революция не просто "пожрала вчерашнюю действительность", – писал в 1922 Г. Шпет, – она есть "смерть и для нового рождения, онтологическая фикция, часы и годы "между" [24].

Глубокое повреждение культуры, привнесенное революцией, произошло оттого, что рухнуло то духовное единство, которое поддерживало общность культуры, нации, складывавшуюся веками, и которое невозможно создать с нуля, а лишь восстанавливая вновь связь между прошлым, настоящим и будущим. Таким образом, революция приводит к гибели культуры, связанной с культом предков, преданием, традицией, священной символикой [25]. Следовательно, революция – непреодолимое препятствие к выполнению основной функции культуры, как она виделась сторонникам гуманистической философии, – осуществление духовного всеединства человечества.

Наряду с романтическими приверженцами, революционная идея имела в русской мысли еще с 1905 г. немало оппонентов. Также критикуя кризисное состояние современной культуры, они оценивали его более трезво и диалектически, соотнося с реальным историческим процессом. Релятивизм, присущий шпенглеровской концепции, не был присущ российскому мышлению, склонному скорее к абсолютизму. С. Франк упрекает Шпенглера в недостаточной чуткости к живой исторической конкретности и игнорировании общечеловеческого единства, пронизывающего все многообразие преходящих и разноликих форм жизни – "гибель западной культуры есть гибель лишь одного ее течения... Это есть конец того, что зовется "новой историей". Но... эта смерть есть одновременно рождение" [26].

Ф. Степун полагает, что идея конца культуры, скорее, является выражением переживания глубокой внутренней неудовлетворенности состоянием современной культуры, нежели объективным научным выводом [27]. По мысли Шпета, модель жизни культуры – движение не от рождения к смерти, а скорее чередование "приливов" и "отливов", а новый прилив разве не есть Возрождение, т.е. продолжение той же единой культуры? Кроме того, он полагал, что о кризисе европейской культуры нельзя судить, только исходя из развития германского ("фаустовского", по Шпенглеру) типа, ибо в романской, а особенно в славянской ветви европейской культуры идут отличные процессы [28].

В идее культуры сторонники этой ориентации находили защиту и опору против разрушительного революционного нигилизма во имя гуманизма как веры в абсолютные ценности, соединенные с верой в человечество и его творческие задачи на земле. "Системы, направления, верования гибнут и проходят, культура как взаимодействие и совокупность всего, что творится духом идеала и правды на земле, неразрушима и вечна и в своей вечности и своем всеобъемлющем богатстве находит себе непререкаемое абсолютное оправдание" [29]. Авторы призывают не спекулировать на идее угасания творческого духа культуры и противопоставлении ему национального мессианского духа возрождения, а стремиться к сохранению единого культурного мира, вбирающего и отдельные исторические состояния, и национальное своеобразие культуры. "Мы не хотим разрывать традиции, которые соединяют наши нынешние запросы, духовные томления и упования текущего дня со всем тем, что есть ценного и непреходящего в европейской культуре... Понимая и ценя национальность, тоже как культурный фактор, мы хотим быть гражданами европейского мира ..., твердо веруем, что содействие культурному прогрессу, основанное на уважении к человеческому духу, не может быть грехом ни перед Богом, ни перед народом [30].

Культура является метафизикой социального процесса, задающей действиям людей определенные нормативно-ценностные рамки, дающей оправдание существующему и санкционирующей определенный тип поведения. Вера в жизненные духовные абсолюты диктует человеку необходимость духовного самовозвышения, определения своего достоинства на основе универсальных критериев.

Утрата веры в духовные абсолюты приводит к распаду целостности, консолидирующей людей на основе общности мировоззрения, единства символического выражения эмоционально-волевой деятельности, сформировавшегося менталитета, ценностно-нормативных требований, которыми определяется их жизнь.

Сущностью кризисной ситуации в культуре является неспособность последней обеспечить гармонию между личностными устремлениями и потребностями в прогрессивном развитии общественного целого. Кризис – обнаружение несостоятельности нормативно-смысловой системы, ее недейственности, несоответствия между утверждаемыми в культуре ценностями и реально-бытийными процессами на макро- и микросоциальных уровнях, т.е. на уровне общества и уровне личности.

Таким образом, следует подчеркнуть:

- кризисное сознание возникает вместе с самосознанием культуры и является одной из его форм и сторон наряду с оппозиционным ему прогрессистско-оптимистическим;
- культурология кризиса не является научной школой, но составляет единое направление гуманитарной мысли, определяемое своим предметом и специфическим мироощущением и мировосприятием;
- онтологическим основанием кризисного сознания являются ситуации, складывающиеся в социокультурной динамике;
- кризисное сознание выполняет прогрессивно-побудительную функцию, фиксируя неблагополучие, болезненное состояние культуры и заявляя о необходимости перемен, исправления, оздоровления;
- наиболее адекватным основанием для классификации концепций кризисного сознания является присутствующее в них видение сущности кризиса культуры и, соответственно, направленность их критически-обвинительного пафоса.

Литература

1. Борьба за Логос. М., 1911. С. 339–340.
2. Там же. С. 83.
3. Там же. С. 348.
4. Там же. С. 134.
5. Эрн В.Ф. Соч. М., 1993. С. 23, 27.
6. Мережковский Д. В тихом омуте. М., 1991. С. 352.
7. Бубер Д. Два образа веры. М., 1995. Предисловие.
8. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 196.
9. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 103.
10. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М., 1993. С. 8.
11. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1.
12. Струве П., Франк С. Очерки философии культуры. // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 107.
13. Там же. С. 110, 111.
14. Там же. С. 113.
15. Там же. С. 115.
16. Философия культуры: становление и развитие. СПб, 1995. С. 258–259.
17. Бердяев Н. Революция и культура. // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 154.
18. Иванов Вяч. По звездам. СПб, 1909.
19. Степун Ф. Трагедия творчества. // Логос. 1910. № 1. С. 172–173.
20. Освальд Шпенглер и закат Европы. Сб. М., 1922.
21. Там же. С. 29.
22. Куклярский Ф.Ф. Философия культуры. Пг, 1917. С. 8.
23. Белый А. Революция и культура. М., 1917. С. 13–16.
24. Шпет Г. Эстетические фрагменты. Соч. М., 1989. С. 371.
25. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. / Сб.: Из глубины. М., 1991. С. 468–475.
26. Франк С.Л. Кризис западной культуры. / Освальд Шпенглер и закат Европы. Сб. М., 1922. С. 37–39, 53.
27. Там же. С. 32–33.
28. Шпет Г. Эстетические фрагменты. Соч. М., 1989.
29. Струве П.Б., Франк С.Л. Очерки философии культуры. // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 111–115.
30. Там же. С. 116.

ПОИСК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРИНЦИПОВ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И.И. Толстикова

В 1897 г. в "Вопросах философии и психологии", а затем отдельной книгой, изданной в Киеве в 1901 г., вышел очерк профессора университета Св. Владимира в Киеве А.Н. Гилярова "Предсмертные мысли в XIX веке во Франции. Очерк миропонимания Франции по ее крупнейшим литературным произведениям" [1]. Ныне и автор, и книга незаслуженно забыты. Отец А.Н. Гилярова (1855–1938) – Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887) – философ, публицист, издатель, во многом близкий славянофилам.

Эта книга является своеобразной антологией французских "жалоб века". Здесь и неоднократное обращение к Роду, к его сочинениям "La course a la mort" и "Le sense de la vie"; к Бурже "Essais" и "Nouveaux Essais de psychologie contemporaine"; и к Золя, который, в противоположность "гнилым романтикам", вполне сознательно, во имя науки и разума, отвращается от внутреннего человека к человеку внешнему и рассматривает его в холодном свете анализа. (К слову, Золя недаром считал себя протоколистом современной жизни. Жалоба на утрату идеала и жажду идеала, о которой он говорил в "Лурде" и в "Риме", – общее место в современной ему французской литературе.) Здесь и Фламарион, "La pluralite des mondes habites", с его характеристикой утраты человеком веры и уверенности прежних дней, раздавленностью человеческой души и остроумным названием современного ему мировоззрения, выраженного в тезисе "я не верю ни во что и ни в кого, я не люблю никого и ничего, у меня нет ни веры, ни надежды", "jemenfichisme" (плевать на все) [2].

А.Н. Гиляров нарисовал, насколько возможно, общими чертами картину современного настроения Франции по ее крупнейшим литературным произведениям. Основная нота камертона настроения звучит ясно и отчетливо: Франция в отошедшем веке утратила всякую веру; она жаждет ее, ищет и нигде не находит. Картина настолько неприглядная, что положение могло бы казаться безысходным, если бы не было ясно, что с концом века не кончается жизнь и что для жизни как непрерывного потока нет ничего безысходного.

Итак, почему Франция, почему французская культура с ее кризисом? Это положение французской культуры имеет не только местное, но и общеевропейское значение, так как культурные пути по всей Европе в общем однородны. И во Франции, как главном очаге культуры, сказывается лишь выразительнее всего то, что в той или иной мере свойственно всем европейским народам. Поэтому мы вправе говорить о причинах не только французского, но и общеевропейского положения.

А.Н. Гиляров рассматривает причины подобного положения. По его мнению, первая и главная причина кроется в преобладании теоретической мысли над остальными сторонами духа. Из того, что человек разумнее других живых существ, выработалось убеждение, что он – существо по преимуществу разумное, что разум составляет все его существо и он, следовательно, должен жить исключительно по разуму. "На деле наш духовный мир – сложный организм, в котором разум представляет одну из сторон, но не единственную. Если отрешиться от предрассудков рационализма, будто разум – царь жизни, и посмотреть на нее непредубежденным взглядом, то станет очевидным, что в общем ходе она руководствуется не столько разумом, сколько тем сложным и весьма подвижным целым, которое подчиняет себе разум и называется чувством" [3]. Поэтому, делает вывод Гиляров, насколько вообще разрешимы сложные общественные вопросы, ведущие современную Европу, ключ к их решению может лежать лишь в тесном единении чувства и разума.

Во Франции поворот господства рационализма к признанию прав чувства намечен современным миропониманием, которое получает глубокий жизненный смысл. Поворот этот, впрочем, не одинок в истории, но наблюдается неоднократно при сходных обстоятельствах. В Греции платонизм с его господствующим элементом чувства был противовесом узко-критического движения софистического века и определил собой нравственный идеал последней эпохи, придав ему религиозный характер. Средневековый культурный идеал был проникнут чувством, и всякий раз, когда поднимал голову рационализм, ответом ему был мистицизм [4].

Во французском просветительном движении рационализм взял над чувством перевес. Теперь оно вытесняет рационализм. Таков первый вывод, первая причина "общего разочарования" по Гилярову.

Вторая причина, связанная с первой, состоит в чрезмерном гнете, налагаемом европейской культурой на современного человека. Видя в человеке существо по преимуществу разумное, эта культура ставит идеалом возможное освобождение человека для чисто духовной деятельности и, поскольку субъект противоположен объекту, дух – природе, обособление человека от природы, подчинение всей жизни созданным разумом формам. "Разум, по своей внутренней природе источник свободы, есть в то же время, в своем формальном определении, принцип обуславливающий, и мы редко сознаем его в этой внутренней природе, но сосредоточиваемся главным образом на его формальной, теоретической стороне как более очевидной и легко уловимой, возводим форму и теорию в верховный закон жизни, который должен над нею единовластно царствовать, и чем более стараемся подчинить ее теоретическим требованиям, тем она становится замысловатее, условнее и формальнее" [5]. "Вопреки очевидной истине, – продолжает далее А.Н. Гиляров, – что только естественная и, следовательно, простая жизнь может быть правильной, созданный европейской культурой предрассудок считает соответствующим идеалу человека не того, кто смотрит на жизнь и живет естественно и просто, но существо деланное, запутанное и сложное" [6]. Он видит в современном призыве к "опрошению" средство выйти на правильный путь. Жизнь тем лучше, чем она ближе к природе и проще – об этом свидетельствует, по мнению Гилярова, древний цинизм с его глубоким презрением ко всем удобствам и неудобствам культуры, стоицизм с его идеалом "жизни, согласной с природой" и пренебрежением ко всему условному, мечты о возвращении к природе в эпоху Возрождения в конце восемнадцатого века.

Третья причина, лежащая точно так же, как предыдущие, в первой, есть общее всем культурным людям самомнение и самонадеянность. Очевидной нелепицей Гиляров считает взгляд на человека как на центр мироздания, на исключительного носителя разума, противопоставляющий его всей остальной природе. Его критика достижений человеческой культуры базируется на том, что нам не известны основы как нравственной, так и теоретической жизни.

"Наша высшая мудрость, философия, не выходит из тесного круга взаимно исключаящих себя предположений, которые мысль не может ни определить, ни объяснить, ни доказать... В так называемых точных науках... последнее слово всегда от нас ускользает. Смело и радостно разбила окрыленная астрономией мысль скорлупу древнего мирового яйца, исчез небесный свод, раскинулась кругом бесконечность, свежей жизнью, вольной волею, освобождением от вековых заблуждений повеяло от бесконечности, но в то же время потерялись ключи к решению всех конечных вопросов, лежавших раньше у всех под рукой в незатейливом мировом хозяйстве, когда земля неподвижно царил в центре небольшой вселенной и все было создано для человека и около него вращалось... Мы остаемся с бессильным сокрушением сердца перед зрелищем... Мыслью мы копаем себе могилу жизнерадостности, в науке ищем предлога для скорби. Нет ничего печальнее тех сетований на мысль и знание, из которых отошедший век сложил для себя погребальную песню" [7].

Говоря кратко, главная причина современного положения – в искажении нашей природы и выход из него в восстановлении этой природы. Для большего понимания своего утверждения Гиляров приводит древнюю легенду о морском боге Главке, который символизирует человеческую душу. Главк был низвергнут из небожителей в морскую пучину, где волны измяли и искалечили его тело и где к нему прилепилось много всяких наростов, так что и не узнать – бог ли он, человек ли, зверь ли. Мудрость в том, что освободиться от всего этого можно, лишь вынырнув из моря и соединившись с Единым, божественным и вечным.

Среди основных причин разочарования Гиляров указывает на рационализм как прямую противоположность смутным внушениям чувств, так как он неминуемо ведет к скептицизму и утрате идеала. Рационализм привел к сенсуализму, а сенсуализм – к материализму. Современный французский позитивизм есть синтез того и другого, утверждает Гиляров.

Заметим, что Кондильяк, основатель французского сенсуализма, не решался еще отвергнуть душу как отличное от тела начало, но уже его современники сделали этот шаг, отождествив ее со способностью чувствовать и признав материальной.

Позитивизм не признает никаких сущностей, а одни только явления. Для него явления – все, и воспринимаемый объект, и воспринимающий субъект, и самая связь между явлениями. Отрицать сущности – значит отрицать безусловное и безотносительное. Поэтому для позитивизма существует только относительное, в этом признании он усматривает свой основной принцип. С другой стороны, как скоро нет ничего безусловного, нет и никакой безусловной истины, а, следовательно, и никакого безусловного критерия истины [8]. Значит, ничего достоверного не только нет, но и быть не может; то, что нам кажется достоверным, быть может, покажется впоследствии ложным и, наоборот, то, что нам теперь кажется ошибочным, быть может, впоследствии будет нам представляться достоверным [9]. Ренан и его мировоззрение – культ великого "может быть". "In untrimeque paratus!" – Быть готовым ко всему (говорит он) – вот, быть может, в чем состоит мудрость. Предаваться, смотря по времени, уверенности, скептицизму, оптимизму, иронии – вот средство быть убежденным, что по крайней мере в какое-то мгновение находишься в истине" [10].

Выходит, что культ великого "может быть" есть в то же время и культ великого "ничто", т.е. скептицизм и нигилизм.

Вера в несокрушимую силу разума и универсальных принципов свободы, равенства, братства, т.е. "рационалистический прагматизм", попытки подчинить действительность отвлеченным категориям разума, попытки согласовать "общественную жизнь с самоочевидными принципами" привели к единственно возможным выводам – к пессимизму и скептицизму: пессимизм есть следствие того, что разум признал действительность неразумной, скептицизм – следствие того, что разум признал себя неспособным постичь действительность и потому неразумным.

Из этого скептицизма и пессимизма современное французское сознание не видит выхода ни в чем: ни в чувстве, ни в разуме, ни в науке, ни в философии, ни в искусстве, ни в политических и социальных идеалах, ни в религии.

В чем причина? Что заставляет тянуться к неосуществимому, что заставляет "тоскующую по идеалу душу... бросаться в самые низменные пучины в надежде заглушить в себе жажду идеала и выходить из этих пучин либо озверевшей, либо с еще более мучительным сознанием разлада между тем, что есть, и тем, что "должно быть"? Мысль, склонность к анализу – таков вывод Гилярова. Невозможность найти удовлетворенность во внешней действительности заставляет нас сосредоточиться на себе, вдумываться в наши состояния, взвешивать и оценивать их и создает таким образом склонность к анализу. Болезнь века происходит от "двойного зрения", от избытка рефлексии, от "постепенного самоубийства посредством мысли". Это приводит Гилярова к критике науки (и философии) как неспособных привести к

построению "утешительного нашему нравственному сознанию синтеза", так как "для науки главное – общее, а частное имеет значение лишь поскольку способствует выяснению общего. Единичный человек как предмет опыта для нее только единичный факт, точно также как единичный червь или единичная водоросль" [11].

Наука не в состоянии дать ответ на нравственные запросы. Скопление данных науки в ограниченном поле ума может быть опасным, "человеческий мозг может раздавиться своей собственной тяжестью, что придет время, когда самый прогресс будет для него упадком, что наступят такие "средние века", за которыми не последует "возрождение" [12].

"Этот упадок не только может, но и должен наступить, так как всему должен быть предел. Итак, для современного мрачного настроения мрак в настоящем, тьма в будущем, и свет науки, вышедшей из тьмы, опять приведет к тьме" [13]. К нигилизму и пессимизму приводит научное понимание и философия как отрешенные от метафизики.

Обращаясь к вопросу истины, он утверждает, что безусловной истины нет, вернее, мы совершенно не знаем, существует ли она или нет, не знаем, какова она по природе. И в этом бессилии понимания он видит основания для отказа от метафизики. А истина относительная как форма заблуждения предпочитаема только потому, что "в том мраке, где мы бьемся, она нам кажется углом с темнотою менее мрачной" [14]. Соответственно сказанному, Гиляров выделяет следующие направления философии: голый материализм, т.е. отрицание философии; философию пессимистическую (Шопенгауэр и Гартманн), философию Ницше с ее мечтой об "избранном человечестве", скептицизм и дилетантизм; философию "борьбы всех против всех".

Вывод, который следует из этих рассуждений, пессимистичен по констатации настоящего и прогнозированию будущего: "существует полное согласие между данными опыта, фактами истории и теориями самых пессимистических мыслителей. Подобно Каину, согбенному под тяжестью проклятия, люди идут к несчастью, окончательному, победоносному, всеобщему, безусловному. И все средства, которые они применяют для исцеления, лишь бессильные лекарства, обманывающие изобретателей и только ускоряющие течение органической болезни" [15].

В подтверждение своей мысли о гибельном положении человечества А.Н. Гиляров рассматривает четыре политических и социальных идеала: демократический, аристократический, социалистический, анархический. И считает их все одинаково недостаточными.

Демократический идеал состоит в том, чтобы за всеми обеспечить благополучие наполовину (*un demi bien etre*). Но он не может быть осуществлен без всеобщего уравнивания, а, следовательно, угнетения. "Слабость, легкомыслие, нерешительность, невежество, продажность среди правителей, все это было и раньше, но виновные тогда носили имя, у них была личная ответственность, за которую иногда платили головой. Теперь призраки наших начальников, пастырей нашего стада, мимолетны и настолько многочисленны, что их прегрешения принимают характер безымянности" [16]. Он называет это "великим демократическим вырождением" [17]. "Вместо бодрости, которую должна вдохнуть свобода, одолели лень, эгоизм, дряхлость старых цивилизаций. Всякая вера утрачена, и эта смерть веры образует во всех областях жизни пустоту, которую ничто не наполняет. Воцарилось неизмеримое равнодушие к общей жизни" [18].

Впрочем, аристократический идеал, который ставит своей задачей достижение цельного и гармонического развития в небольшом числе лучших людей, заслуживает у Гилярова упоминания лишь как один из теоретически возможных, так как фактически он совершенно невозможен (несмотря на то, что этот идеал отстаивали его любимые мыслители Ренан и Ницше). "Социалистическая мечта в своем основании есть обман" [19]. Внутренняя противоречивость идеала и несоответствие этого идеала с общим

законом развития: "Каким образом высшее счастье может быть достигнуто отречением...каждого члена общества от своей личности...? Вместо прогресса социализм повел бы ко всеобщему опошлению" [20].

Анархизм, призывающий к гармонии всеобщего тяготения между людьми и освобождающий от покровительства государства, имеет своим героем "разбойника, который потрясает мир ужасающими злодеяниями", "без почерпнутых из книг фраз" [21].

Как же создать эти условия "для идеального сожительства", "не вернее ли, что нужно было бы для искоренения самого строя изменить человека", а "если справедливость невозможна у человека, то человек должен исчезнуть" [22].

Книга А.Н. Гилярова не осталась незамеченной. Следует отметить высокую оценку книги в работе почетного академика А. Кони [23]. Рекомендую ее заслуживающей половинной премии имени А.С. Пушкина, Анатолий Федорович пристрастнейшим образом анализирует и характеризует это заслуживающее внимания произведение.

То "скитание мысли", та "усталость души", "поэзия осени" XIX века, которые характеризуют и подтверждают упадок идеалов, изображены не для того, чтобы показать "умирающей красавицы улыбку". Культура гибнет, но это дает возможность по выяснению будущего идеала. А. Кони ставит работу Гилярова в один ряд с такими блестящими очерками, как книги Шарля Рише " Dans cent ans" и Макса Ленца "Jahrhunerts-ende vor Hundert Jahren und Jetzt".

Безусловно, отдавая должное данному сочинению, мы не должны забывать, что инвентаризация наследия XIX века дает еще приблизительные итоги, учитывая тесные границы времени (время написания работы – 1897 год) и слишком большую приближенность к описываемому событию.

Работа Гилярова, снабженная множеством ссылок и выписок, взятых им из разнообразных беллетристических, публицистических, исторических и философских произведений, представляет собой "искание" движения человеческой мысли, в которой "скитания" этой мысли "не заслоняют глубокого и подчас возвышенного смысла ее неустанной работы и вечного "искания" [24]. Анализ воздействия внешнего (свободы) на внутреннее (человека), кризис старых идеалов, основанных на вере в могущество разума и благородство человеческой природы, невыведение братства как следствия из свободы и равенства приводят к необходимости поиска определенных и твердо созданных начал, которыми следует заменить те, что оказались ложью. Именно это и привело Гилярова к созданию этой книги. Именно это и подсказало ему форму изложения той мысли, которая и есть выход из создавшегося положения. Он не останавливается лишь на перечислении паллиативов. "Тоска пресыщения и мучения скуки" всей европейской культуры, блистательно переданная автором подбором интересных цитат, подчеркнута А. Кони восклицанием Гоголя: "Все люди, люди, хоть-бы черти, что-ли, попались!.." В шести главах он рассматривает те области, в которых мысль могла бы найти, но не нашла, свое успокоение – любовь, искусство, умозрение, общественные и политические идеалы, проявления религиозного и нравственного чувства. Приниженность и трагизм любви как бессильной перед смертью – эта тема рассмотрена Гиляровым на примере творчества ряда писателей. Любовь "как встреча двух пресыщений и состязание двух развращенностей" приводит к шопенгауэровской мечте о победе над смертью умерщвлением любви. Это, подтверждает Гиляров, есть и у Бурже в "Physiologie de l'Amour modern", и у Рода в "La course a la mort". Гиляров доказывает, что склонность к анализу и крайний скептицизм проникли и в сам процесс творчества. От восприятия В. Гюго поэзии как вселенского гимна, а поэта как соборного колокола до Золя, для которого поэзия уже "ядовитая муха", собирающая заразу с падали и вносящая разложение повсюду.

Область политических идей, обращенная к созданию нового "modus vivendi", не приведет человека к цели, если не изменить в человеке его природы и не обновить его душевные силы. Не поможет ни социализм, ни анархизм.

Что же касается религиозного чувства, то проф. Гиляров находит, что в вопросе религии французское сознание в последние два века (XVIII и XIX вв.) совершило полный круг: от отрицания религиозных идеалов до искания в них опоры в жизни [25]. Призрачность сущего и пессимизм браманизма и буддизма начинает привлекать более, чем христианство с созданными церковью наслоениями. "Девятнадцатый век признал абстрактно важное значение религии в истории культурного развития, конец века пытается, хотя и безуспешно, дать этому убеждению конкретную форму в положительном религиозном идеале" [26].

Последние главы книги (XI – оккультизм, XII – мистицизм, XIII – символизм, XIV – черты декадентства) посвящены очеркам указанных воззрений. "Глубокий протест современной души против грубого господства факта" [27] – так следует рассматривать эти воззрения, так разворачивается поиск положительного идеала в противоположную рационализму сторону. И недаром Гиляров приводит цитату из романа Леметра "Les Rois", действие которого относится к 1900 г. "Там (в Париже) теперь мода на социализм и оккультные науки, подобно тому, как в конце прошлого века была мода на революцию и лохань Месмера" [28]. Безусловно, трудно не заметить отношение Гилярова к оккультизму, который в лице своих наиболее видных представителей, Барбей д'Оревилю и Пеладана, ставит главную задачу – содействовать нравственному преобразованию общества. От бичующей критики Пеладана с его высшим идеалом самопревращения в нетленных ни духом, ни телом "муже-женщину" и "жено-мужчину" [29], который увлек не только неразвитых людей, но и высокообразованных, умных, таких как Анатоль Франс и Фламарион – наиболее видный представитель науки в среде оккультистов, рассматривающий три начала в человеке: душу, астральное существо и материальное тело – анализирует Гиляров оккультизм. Вывод его заслуживает внимания: оккультизм в конце XIX века явился одной из сознательных форм отрицания за рационализмом исключительного права на господство.

Такое же значение имеет и мистицизм XIX века, для которого весь наш мир проникнут иным и в нем всецело погружен. Видения души и ясновидения, экстаз – вот что является в этом случае средством общения с иным миром. Разум и естественные познавательные способности опять оказываются вытесненными.

И то невольное преклонение перед Метерлинком, которое так характерно для Гилярова, понятно для всех, кому знакомы произведения этого замечательного "тонкого и глубокого создателя "настроений" [30], переносится и на концепцию Метерлинка: "Разум должен подчиняться мудрости, состоящей главным образом из неясных идей. Все лучшее в нравственной жизни дается бессознательным, сознательное имеет цену лишь поскольку оно открывает и расширяет бессознательное. Долг разума - не допускать господства сил низших, чем он, и беспрекословно уступать место высшим" [31]. Противоположность рационализму налицо, ведь для него высшим руководителем жизни служит разум, выражающийся в разных идеях.

Вот тут-то и дает Гиляров всю силу своему чувству, направленному против рационализма. Здесь происходит отделение мудрости как стремления души от разума, отделение любви от разума и соединение ее с мудростью, здесь воспевается бессознательное как лучшее сокровище, здесь он согласен с Метерлинком в том, что смысл жизни открывается в молчании [32]. "В том, что нас окружает непроницаемая тайна, лежит глубокий трагизм нашей жизни" [33]. Это говорит Гиляров, находя причину всеобщего упадка, определяя камертон человеческого существования XIX века. (И здесь, позволим себе это заметить, начинается любимая модернизмом и постмодернизмом тема смерти. Именно в ней, в забвении нашей жизни, обретает себя

человек, истинное его существо выступает лишь в час смерти. Смерть – как русло, по которому течет наша жизнь [34]).

Да, именно в разуме, в его бессилии ответить на им же поставленные вопросы, видит Гиляров причину "сумерек". "Ясное и раздельное сознание" отвергается им. А отвергая и обращаясь после мистицизма к анализу символизма (глава XII) как неотъемлемой принадлежности всякого миропонимания, основанного на восприятии иной, "высшей действительности", Гиляров необычайно поэтически обращается к понятию символа. "Вселенная есть огромный символ Бога. Да и что такое сам человек, как не символ Бога? Все наши действия символические... Символы нами руководят и направляют, делают нас счастливыми и несчастными. Словом, вся жизнь есть лишь сон, символическое видение того, что есть [35]. Иносказательная форма, аллегория в литературе XIX века обретает большую устойчивость, ибо именно здесь окружающая действительность, вся жизнь превращается в символическое видение, где их неопределенность, зыбкость не спугивает мечту. А в качестве совершенного мистического символа в литературе приводится "Ворон" Эдгара По, в котором мрак, тоска, отчаяние соединены с вороном в единое целое. А мир намеков дан по образам Верлена (стихотворение "Mon reve familier" из "Poemes Saturniers").

Мистический символизм XIX века отличается от средневекового, для этого мы приведем теорию средневекового символизма и трехступенчатую XIX века. В средневековой теории основой является познавательная лестница: *cogitatio – meditatio – contemplatio – dilatatio mentis – sublevatio mentis – alienatio mentis* (способность представлять – рассудок – непосредственное созерцание истины – расширение разума – восхищение разума – отчуждение от разума) [36].

В мистическом символизме XIX века – три степени, три этапа творчества, которые тесно связаны между собой, переплетены, и можно говорить лишь о господстве каждого из них в творчестве различных писателей.

Первый тип сказывается преимущественно у романтиков. Здесь символизм и действительность тесно сопряжены друг с другом, символизм не выходит за пределы наличной действительности. Гюго, его восприятие природы – вот пример. Вторая ступень – образы, подсказанные действительностью, сливаются с образами воображения, символический смысл переплетается с подлинным. Примером является Бодлер и природа как символ высшей мистической чувственности. И третья ступень – область чистого творчества, которое свои создания считает подлинной действительностью. Этот новейший символизм переходит от смешения подсказанных действительностью образов с творческими к области свободного воображения. Внешний мир перестает существовать для мира внутреннего, отрывает последний от опоры и, тем самым, начинает обратный переход. Но это уже область исследования, касающаяся перехода символизма в пантеизм, сливающего внутренний и внешний мир в нераздельный мир, нераздельное целое [37].

Именно здесь возникает имя Маларме. По Маларме, творчество должно быть испытано не только автором произведения, но и наслаждающимся им. Символ позволяет намекать, а не говорить о вещи прямо, ибо назвать значит уничтожить. Поэзия – загадка, требующая со-творчества и подготовленности. Символ – умение пользоваться тайной. "Творения Маларме – самый чудесный предлог к мечтательности, который когда-либо был дан людям, усталым от стольких тяжелых и бесполезных утверждений. Поэзия, полная сомнений, изменчивых оттенков и двусмысленных благоволий, есть, быть может, единственная, которая еще способна нам нравиться, и если слово *д е к а д е н т с т в о* действительно выражает все эти прелести осени и сумерек, то его можно принять и сделать руководящим" [38].

Но и этот новейший символизм содержит в себе три периода: от периода брожения, периода прямого вызова ясности и раздельности через покорность судьбе и примирение с необходимостью к символизму пантеистического характера. Именно в

пантеистическом символизме происходит примирение действительности и мира мечты. Мечта как неотъемлемая часть нашей жизни находит свою реализацию в творчестве как единственном средстве сделать жизнь прекрасной и увековечить прекрасное. Подобным взглядом проникнута деятельность Ренье, которого современники считали крупнейшим из символистов. И он указывает на то, что мы своей мыслью пытаемся разорвать эту связь. В своей поэме "Человек и сирена" Ренье проводит несколько главных мыслей: 1) все оживлено и одухотворено, 2) наша природа неразъемлема с остальной, 3) та и другая хороши лишь в своей наготе, но мы их извращаем своими мыслями и условностями, 4) смысл природы от нас скрыт, и когда мы пытаемся в него проникнуть, мы не только не достигаем цели, но отравляем свою жизнь и даже ее убиваем, 5) этот разлагающий нашу жизнь яд есть наша пытливая мысль, старающаяся заглядывать туда, куда заглянуть нельзя и не следует. Поэма эта из числа образцов наиболее продуманного символизма.

Мысль как отравяющая сила – это обвинение одинаково и при анализе воззрений на любовь, науку, искусство, религию. Символизм идет в ногу с современностью, заключая в себе это утверждение как важный элемент. "Утомление мысли, жаждущей отдыха в сумерках сознания, и усталость чувства, склонного к мечтательности" [39]. Символизм не есть попытка ответа на вопрос о причине "общечеловеческой скорби", а, напротив, отрицание всякого точного ответа.

Символ не предполагает определенного ответа, но наводит на размышления. А размышления у авторов этого времени неизменно мрачные. "Мы живем словно в темном, отовсюду замкнутом доме, где только сквозь ставни окон и скважины дверей западает слабый луч. Мы зажигаем светильники, чтобы видеть во тьме. Зачем зажигать светильники, отворите лучше двери, широко распахните их в сад, там ярко светит солнце. Нельзя отворить дверей, затерялись ключи, их хранит темный лес. И то не солнце сияет, это лес горит, горит отблеском своих мертвых желтых листьев. Подождем, настанут иные дни, иные дни отомкнут нам двери. Нет, устали эти иные дни, иные дни не придут, иные дни умрут так же, как эти, и мы умрем," – это Метерлинк [40].

Шелли сравнивал жизнь с собором, в разноцветных окнах которого окрашивается бесцветный луч вечности, все земное – с тенью, а людей – с тенями сна. Эдгар По считает все, что мы видим, лишь сном во сне.

Итак, элементами французского миропонимания XIX века является оккультизм и символизм, что в целом имеет название декадентства, которое свидетельствует об усталости чувства и мысли, о поре протеста против рационализма. Этот протест выражается в приоритете чувства над разумом, в отказе от четкого, ясного, отдельного выражения мысли в пользу неопределенности, отрицании закономерностей и правил, в поиске истины в тайном и непостижимом, в нигилистическом мировосприятии, в скептицизме, в отрицании принципов, в неисполнимости идеалов, в утверждении всеобщности смерти как единственной достоверной истины, в пессимизме, в "поэзии безобразного". Сам А.Н. Гиляров называл свою книгу "теорией освобождения" [41].

Одно из направлений кризисного сознания – поиск основополагающих принципов новоевропейской культуры, критика этих принципов и доказательство ошибочности главной "формулы", которую современный человек принял в качестве основы своего жизненного проекта, своего культурного бытия. Можно сказать, что основаниями критики являются три взаимосвязанные позиции: культ разума, стремление к рассудочной упорядоченности, т.е. то, что Ницше назвал аполлоническим началом культуры; культ науки, научный метод истолкования и постижения действительности, "фаустовская одержимость знанием", по Шпенглеру, или "сократовская тенденция предпочтения знания жизни", по Ницше; культ техники, "прометеевский порыв" к преобразованию природы и подчинению ее себе, по определению Ясперса.

А.Н. Гиляров видит сущность переживаемого культурного кризиса в господстве принципа рациональности, который составил специфику и стержень духовной ориентации современного общества. С рациональностью им отождествлялся и принцип рационального действия, и система организации капиталистического производства, и политико-правовые установления, и ценностно-этическая позиция в качестве "духа" капитализма. Источник возникновения рационализма он видит в эпохе Просвещения, когда все должно было предстать перед судом свободного Разума, когда доверие к разуму было неограниченным. Разум в процессе осуществления законодательной функции по отношению к обществу превышает свою меру, устанавливает господство научно-технических форм познания, подавляя и подчиняя себе философию и религию.

Литература

1. Гиляров А.Н. Предсмертные мысли в XIX веке во Франции. Очерк миропонимания Франции по ее крупнейшим литературным произведениям. Киев, 1901.
2. Там же.
3. Там же. С. 6.
4. Там же. С. 641–642.
5. Там же. С. 643.
6. Там же.
7. Там же. С. 649–653.
8. Гиляров А.Н. Предсмертные мысли в XIX веке во Франции. Очерк миропонимания Франции по ее крупнейшим литературным произведениям. Киев, 1901. С. 47.
9. Там же. С. 48.
10. Там же. С. 49.
11. Там же. С. 102.
12. Там же. С. 106.
13. Там же. С. 109.
14. Там же. С. 110.
15. Там же. С. 121.
16. Там же. С. 166.
17. Там же. С. 171.
18. Там же. С. 169.
19. Там же. С. 174.
20. Там же. С. 176.
21. Там же. С. 173.
22. Там же. С. 179.
23. Кони А.Ф. Профессор А.Н. Гиляров. Предсмертные мысли в XIX веке во Франции. Киев, 1901. Отдельный оттиск из Отчета о XV присуждении Пушкинских премий. СПб: Типография императорской академии наук, 1904.
24. Там же. С. 3.
25. Там же. С. 488.
26. Там же. С. 488.
27. Там же. С. 490.
28. Там же. С. 489.
29. Там же. С. 491–501.
30. Кони А.Ф. Профессор А.Н. Гиляров. Предсмертные мысли в XIX веке во Франции. Киев, 1901. Отдельный оттиск из Отчета о XV присуждении Пушкинских премий. СПб: Типография императорской академии наук, 1904. С. 10.
31. Гиляров А.Н. Предсмертные мысли в XIX веке во Франции. Очерк миропонимания Франции по ее крупнейшим литературным произведениям. Киев, 1901. С. 519.
32. Там же. С. 521–527.
33. Там же. С. 527.
34. Там же. С. 530–543.
35. Там же. С. 556. См.: Карлейль Т. Прежде и теперь. М., 1995.
36. Там же. С. 559.
37. Там же. С. 560–564.
38. Там же. С. 566–567.
39. Там же. С. 604.
40. Maeterlink. Vous avez allume les lampes. Douze chansons. Цит. по Гилярову А.Н. С. 609.
41. Гиляров А.Н. Пособие по истории новейшей философии. Киев, 1914. С. 19.

МОДЕРН (К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ СТИЛЯ)

Н.В. Филичева

В наше время интерес к стилю модерну велик. Одним из наиболее полных и глубоких исследований стиля модерн следует считать работу Д.В. Сарабьянова "Стиль модерн" (1989, новое издание вышло в 2001). Эта работа чрезвычайно полно информирует читателя об источниках, истории и предыстории модерна, о различных школах, реализовавших тенденции модерна, о традициях, на которые модерн опирался. Д.В. Сарабьянов интересно и глубоко разобрал структуру стиля, раскрыл его сущность.

Следует также отдать должное историкам русской архитектуры, и прежде всего – работам Е.И. Кириченко, которые обобщили опыт изучения русского модерна в монографии о Шехтеле (Кириченко Е.И. Федор Шехтель. 1973), в книге "Русская архитектура 1830–1910-х гг." (1977), а также монографии Е.А. Борисовой и Г.Ю. Стернина "Русский модерн" (1994). Важный вклад в изучение проблемы синтеза искусств модерна внесла монография Е.Б. Муриной "Проблемы синтеза пространственных искусств" (1982), и не менее интересной представляется работа Т.И. Володиной "Модерн – проблемы синтеза" (1994). Что же касается изучения проблемы стиля в искусстве и культуре XX века, то она становится предметом серьезного изучения в исследованиях Е.Н. Устюговой последних лет.

Художественная культура XX столетия – одна из самых сложных для исследования в истории мировой культуры. Ни один век не знал таких величайших потрясений, таких страшных мировых войн, такого ошеломляющего научно-технического прогресса.

XX веку предстояло разрабатывать несколько десятилетий проблему формирования среды человека, впервые достаточно серьезно поставленную в модерне и получившую в дальнейшем значительное развитие среди проблем синтеза искусств. Именно в разработке этой проблемы модерну удалось стать стилем в полном смысле этого слова. И хотя творчество художников модерна было подчас исполнено неразрешимых противоречий и несло "на себе печать утомления", оно получало в высших своих проявлениях те преимущества, которые обычно дает явлениям искусства принадлежность к определенному стилю."¹

Д.В. Сарабьянов в своей монографии "Стиль модерн" пишет о том, что "если измерять стиль привычными параметрами и критериями, то он утратился." Тем не менее, проанализируем этот стиль внимательнее. Итак, речь идет о стиле, который получил значительное распространение в Западной Европе и в России на рубеже XIX–начала XX веков. Этот стиль получил название "модерн" (франц. modern от лат. modernus) – новый, современный.

Рамки модерна узки – двадцать-тридцать лет. Предпринятая на рубеже веков попытка обобщения эстетического опыта, синтеза художественных традиций Запада и Востока, античности и средневековья, классицизма и романтизма была порождена явлениями упадка, кризиса эстетических и этических ценностей того времени. На искусство модерна возлагались большие надежды. После столь длительного периода эклектики и бесстилья (классицизм в XIX веке заканчивается примерно в 30-е годы) настойчиво искали его историко-культурное обоснование.

Главной особенностью искусства модерна является то, что новое в нем формировалось прежде всего в области архитектуры, декоративного и прикладного искусства, но не столько самими архитекторами, сколько живописцами и графиками.

Неоднократно в литературе отмечали факт стилового распада, утрату синтеза. Стиль в пластических искусствах – категория формальная, ибо она есть "общность

---

¹ Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. М., 1989, с.270

пластического языка, общность художественной формы". Когда мы определяем стиль, мы "измеряем" прежде всего элементы формы. Каждый стиль является местом сосредоточения определенных идей. Они "сопутствуют" стилю, они "управляют" им.

Наследие стиля модерн многолико, сложно, содержит не только неоспоримые ценности, подлинные художественные открытия, но и свидетельства неразрешенных противоречий, растерянности перед лицом жизненных сложностей и социального прогресса.

Стиль выражается в том, что мы можем "потрогать", а не в том, что мы можем себе "представить". Стиль – это общность формы. За ней или над ней располагаются другие общности и системы: общность мировоззренческая, общности, которые образуются на основе отношения художников к окружающей действительности, на основе единства творческого метода, "жанровой структуры", иконографической общности. Категории стиля – "национальный стиль", стиль эпохи (или исторический стиль, стиль-направление).

Стиль эпохи, или исторический стиль – наиболее классическое выражение. Исторический стиль отмечен единством всех пластических искусств. Присутствие полноценного синтеза искусств всегда считалось критерием высокого стиля – стиля эпохи.

После Ренессанса, утверждает Д.В. Сарабьянов, европейское искусство делает первые шаги от стиля к стилевым направлениям.²

В XVII в. барокко и классицизм соседствуют друг с другом даже в пределах одной национальной школы. Появление стилевых направлений вместо исторических стилей – свидетельство ослабления стиля. "Стиль – категория надличностная".³ Художник, когда он начинает свою деятельность, вступает в игру, которая ему предложена, он включается в определенное движение. Он может "восстать" против этого движения, "опровергнуть" его своим творчеством. Но он это делает в пределах своего движения: когда он отрицает существующий стиль, он к нему приобщается хотя бы с позиций отрицания. То, что дается художнику в виде стиля или стилевых направлений, предопределено.

Итак, согласно Д.В. Сарабьянову, стиль обладает собственной закономерностью движения. Художник не может не принять его правил. Стиль "любит" проходить свои стадии – становления, зрелости, упадка, и художник обойти этот закон не может.

В XX в. эти этапы ускоряются, "воля художника" более активно воздействует на "волю стиля". Лишь в исключительных случаях в истории искусств стиль создавался волевым усилием конкретных лиц. Таким исключением и был модерн. Возникла эта "воля" к стилю в середине XIX в. В то время не было целостного господствующего стиля – стиля эпохи.

Каждый стиль своеобразен, но стиль модерн – особый среди стилей. Все другие стили – категории исторической классификации: романский, готический, барочный, классический стили – были обязаны историческому рассмотрению и анализу, периодизации. Модерн же был как стиль "желаемым, вожденным, изобретенным"⁴.

Обстоятельства, ситуация, сложившаяся во второй половине XIX столетия, "истощение" стиля в искусстве этого времени стали одной из причин сознательного, волевого утверждения нового стиля. Его рождала сама действительность, жизнь того времени, новая философия, получившая широкое распространение идея жизнестроения.

"При упоминании о модерне предстают силуэты костюмов и шляп, текучие, струящиеся линии дамских платьев, книги и журналы, набранные особым шрифтом с

---

² Там же. С.20.

³ Там же. С.21.

⁴ Там же. С.23.

"капризным" очертанием литер, сплетающихся в прихотливый орнамент, рисунок блеклых увядающих лилий и ирисов, покрывающий ткани и обои, афиши театральных спектаклей, художественных выставок, броши в виде стрекоз и т.д." ⁵ В архитектуре изогнутую линию впервые применил бельгиец В.Орта в интерьерах особняка Тассель.

Новаторами в области модерна выступили бельгийские архитекторы Виктор Орта и Анри ван де Вельде, испанский архитектор Антонио Гауди, шотландский архитектор и художник Чарльз Ренни Макинтош, русские архитекторы Федор Лидваль и Федор Шехтель.

В 1895 г. ученый и художник Х. Обрист выполнил гобелен с изображением петлеобразно изогнутого стебля цветка цикламена, эту характерную изогнутую линию окрестили "ударом бича".

Излюбленные мотивы художников модерна – плавные, текучие линии растительного орнамента, морская волна, томные женские фигуры с распущенными волнистыми волосами, извивами рук, в развивающихся складках одежд. Ван де Вельде – бельгийский живописец и архитектор – стремился выразить свое ощущение этого стиля целостно, во всем – от живописи и графики до проектирования зданий, оформления интерьеров, мебели, светильников, посуды, декоративных панно, книжных переплетов и даже собственноручно им выполненного платья для своей жены, гармонирующего со всей обстановкой дома. В дальнейшем это стало главным принципом искусства модерна. Архитекторы задумывали и воплощали свои проекты целиком, вплоть до "последнего гвоздя": дверной ручки, светильника, оконного переплета или вентиляционной решетки, которая неожиданно могла стать главным декоративным акцентом всего ансамбля.

Принципы формообразования в стиле модерн

Под влиянием эстетики символизма на рубеже XIX–XX веков в архитектуре, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве сформировался стиль модерн, который стал стилем эпохи и получил различные национальные проявления. Первые признаки нового стиля в архитектуре, живописи и декоративно-прикладном искусстве появились в конце 80-х годов XIX века.

Модерн начинался с графики и прикладного искусства, заявляя о себе "импульсивными, нервными" линиями, украшавшими книжные, журнальные обложки, броскими пятнами афиш, мистическим мерцанием цветного стекла витражей и посуды. Модерн проник во все сферы жизни.

Архитектура модерна свидетельствует о новизне, непохожести на известные в прошлом стили. Своеобразие архитектуры модерна – в отрицании влияния ордерной системы, в виртуозном владении различными средствами декоративного оформления фасадов и интерьеров. Архитектура этого стиля отразила не только декоративно-пластические искания эпохи, но и изменения, которые были связаны с успехами строительной техники, распространением новых строительных материалов – металла, бетона, железобетона, стекла, керамики, которые предопределили новаторский облик "чистого" модерна.

Для архитектуры модерна характерно стремление к оригинальности, приводившее к деформации привычных очертаний (изогнутые карнизы, криволинейные формы оконных проемов, мелкая расстекловка окон, полукруглые или многогранные эркеры, майоликовые фризы, часто трапециевидные или с закругленными углами и нарядными наличниками, подчеркнутая асимметрия), введение растительного орнамента из плавных, волнистых, текучих линий, многочисленные декоративные детали: рельефы и скульптурные маски на "замковых"

---

⁵ Борисова Е.А., Стернин Г.Ю. Русский модерн. М., 1994. С.6.

камнях, ренессансная рустовка, декоративные решетки, светильники, обелиски, башни, шпили.

Модерн завершил творческие поиски XIX века и стал основанием для развития архитектуры XX столетия. Наступившей эпохе он оставил новые материалы и конструкции, новые представления о форме и пространстве, плоскости и линии.

Начало истории нового стиля соотносится с сооружением в Брюсселе особняка инженера Тасселя по проекту В. Орта (1892–1893).

В течение нескольких лет новое направление распространилось по всей Европе, но с ярко выраженными оттенками (творчество А. Гауди в Испании или финских мастеров, творчество Федора Шехтеля в Москве, его "тонкий вкус и смелость", "чопорная изысканность" Федора Лидваля в Петербурге).

Итак, настоящий модерн начинается с особняка Тасселя в Брюсселе. Виктор Орта закончил Брюссельскую Академию изящных искусств, строительную деятельность начал в 80-е годы, преодолевая академические влияния.

Особняк Тасселя – небольшая четырехэтажная постройка, втиснутая между соседними зданиями и выходящая на красную линию застройки торцовым фасадом. В постройке этого особняка Орта отказался от ордерного решения. Пространство первых этажей брюссельских домов традиционно просматривалось насквозь: в них устраивали служебные помещения, связанные с двором. Орта сохранил этот прием, но использовал его иначе. Вестибюль восьмигранной формы ограничен только металлическими конструкциями и плавно переходит в гостиную и лестницу. Гостиная поднята на пол-этажа по сравнению с вестибюлем и огорожена тонкими металлическими колоннами. Лестница, ведущая на второй этаж, поражает изяществом изогнутых маршей. Металл для Орта – живой, органичный материал, способный превращаться то в травы, то в цветы, то в струи воды. На колоннах "растут" металлические, прихотливо сплетающиеся ветки и листья. Их окружает тонкий орнамент кованых лестничных ограждений, яркие краски витражей, геометрический узор мозаичных полов и мерный ритм невысоких настенных панелей, разделяющих пространства на зоны. Чудесный мир металла, стекла и света превратил творение Орта в уникальное жилище, удобное и одновременно далекое от реальности. Эти принципы, выработанные в особняке Тасселя, еще более последовательно будут реализованы в следующей замечательной постройке мастера – в особняке Сольве в Брюсселе (1895–1900).

Другое крупное явление, порожденное Бельгией в 90-е годы, – творчество знаменитого мастера Анри ван де Вельде.

Анри ван де Вельде был личностью исключительной и одновременно типичной для нового стиля. Начиная с живописи, пройдя курс в Академии изящных искусств в Анвере, сблизился с импрессионистами, с французскими поэтами-символистами, был под влиянием Морриса, выступал как теоретик, ставя проблемы синтеза искусств, орнамента, нового стиля, и наконец обрел себя как мастер архитектуры, проектировщик интерьера, мебели, предметов прикладного искусства, средств декорации и т.д. Анри ван де Вельде был художником, в творчестве которого более всех проявился "глобальный синтез".⁶ Речь идет о его собственном доме "Блюменверф", построенном в Уккле, близ Брюсселя, в 1896 г. Если сама архитектура этого дома, похожего на английский коттедж, еще не очень выразительна и не содержит доминирующих элементов модерна, то все остальное – мебель, различные резные украшения, детали, сделанные из меди, картины, платье жены, созданное по эскизам художника, – все подчинено единому ритму, имеет определенный "линейный модуль".⁷ Линия ван де Вельде, как и у В. Орта, тоже гнутая, но без лишних узоров, более простая, имеющая

⁶ Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. М., 1989. С.98.

⁷ Там же, с.99

тенденцию выпрямиться. В ней заложена возможность того перехода к новой архитектуре, который произойдет в XX столетии.

Помимо архитектурных работ, ван де Вельде занимался рекламными плакатами, книжным оформлением, дизайном интерьера, т.е. был подлинным творцом среды, в которой пребывает человек. Архитектор работал в Германии, в Веймере, где возглавлял Веймарскую школу искусств и ремесел. Последней значительной работой ван де Вельде было строительство в 1937 г. музея для коллекции живописи и скульптуры, принадлежавшей голландским промышленникам Креллер-Мюллерам. Стиль архитектора в зрелые годы стал лаконичным и функциональным. Последние годы жизни архитектор провел в Швейцарии, умер в возрасте девяноста четырех лет, пережив не только многих коллег, но и свой стиль.

Испанский модерн нашел единственного в своем роде исполнителя в лице Антонио Гауди, в равной степени использовавшего в постройках исторические и природные мотивы. Модерн в Испании не носил массовый характер, но в этой стране уже в 80-е годы начал работать гениальный мастер модерна Антонио Гауди.

Над Барселоной высится огромный храм – Саграда Фамилия ("Святое Семейство"). Издали он похож на готический собор, вблизи кажется остатками "кораллового рифа, воспоминанием о морской стихии, некогда царствовавшей здесь". Это удивительное сооружение построено по проекту испанского архитектора Антонио Гауди-и-Корнета. Он отдал ему сорок три года жизни и, не закончив, предоставил коллегам и согражданам завершить его возведение (оно продолжается и ныне).

Гауди был "неожиданностью," своим появлением он как бы нарушал закономерность общего движения. Его манера мало менялась на протяжении развития, а если и менялась, то не в соответствии с общим ходом архитектурной мысли, которая направлялась к все большей конструктивности. Гауди до конца оставался верен себе, однако нельзя считать, что этот замечательный испанский мастер оказывался вне историко-художественных закономерностей. В Испании были сильны традиции готики и барокко, их воспринял Гауди, его ранние работы выдержаны в духе этих традиций, но в тот период (80-е гг.) он был в одиночестве. В некоторых школах модерн "прорывался" благодаря творчеству гениальных мастеров одиночек, которые обгоняли своих современников. Такими мастерами были Врубель в России и Гауди в Испании.

Развитие нового стиля было закономерным результатом сложных процессов, которые совершались в мировом зодчестве второй половины XIX века, в том числе в русской художественной культуре, подготовив зарождение новой эстетики, новой философии.

Интересующая нас область – это проблемы формо- и стилеобразования, и наиболее интересной для анализа, на наш взгляд, представляется работа Т.И. Володиной "Модерн: проблемы синтеза"⁸ (1994), так как ее стройная система значительна и существенна для понимания стилистики модерна.

Большое внимание Т.И. Володина уделяет принципам формообразования стиля модерн.

Модерн создал собственную мифологию и собственный "пантеон" богов, но в центре этого пантеона оказался не человек повседневности, не социальный человек, а человек героизированный, богоподобный, выключенный из обыденной жизни, приподнятый над нею, представленный вне бытовых ситуаций и состояниях. Для модерна характерна "выключенность" из реального пространства, в сюжетику модерна отсутствуют элементы бытовизма в прямом значении этого слова.

В этом смысле особенно показательны плакаты модерна рубежа XIX–XX веков. Призванные по самой своей сути быть частью социальной среды, повседневной жизни,

---

⁸ Володина Т. В кн.: Вопросы искусствознания. М., № 2-3. 1994.

они лишены социальной ориентированности. Их "персонажи" – это люди вообще, и адресуются они также человеку вообще. Отсюда и характер женских образов плакатов модерна, в которых подчеркивается их интимная, но внеличностная сторона, акцентируется природное начало, следствием чего является их напряженный эротизм. Возникает как бы образ женщины вообще, своего рода символ женщины.

Такая же "типизация", обобщенность свойственна и женским образам в живописи и графике модерна. Женщинам Гюстава Моро, Климта, Кнопфа, Ходлера, Мунка, Врубеля, Сомова присущи некие объединяющие их качества, в основе которых подчеркнутая, почти экстатическая чувственность. Это как бы одна "сверх-женщина", предстающая в разных ипостасях, своего рода некая мифическая жрица порока. Мифологизируются не только женские образы модерна, но именно они воспринимаются как существеннейшая часть пространства нового мифа в произведениях модерна. В любом женском образе угадывается своеобразная "двуипостастность": в мифологических образах (Даная, Саломея, женщина-сфинкс) проглядывают черты современной женщины.

Двуипостастность образов женщин в искусстве модерна – один из моментов, символизирующих свойственное ему стремление к единству, целостности.

Т.И. Володина называет модерн грандиозной метафорой романтического приема "оживления вещного" и "овеществления живого".

Модерн мифологизирует, усложняет до неузнаваемости и образ своего современника (о чем мы уже упоминали). Но при всем разнообразии образов модерна ему присуще духовное начало.

М. Врубель утвердил модерн как стиль, символизм как способ мышления. Врубель несколькими путями вошел в модерн, первым из русских художников разгадал общее направление движения европейской художественной культуры.

Стоит остановиться и на пространственных проблемах модерна. К интерьеру модерна применимо понятие целостного пространства. Переходы здесь осуществляются "перетеканием"; слияния столь органичны, что почти неразличимы. Если рассматривать интерьер модерна как *Gesamtkunstwerk*⁹ в аспекте пространственных отношений, то получается довольно любопытный феномен. Перед нами предстает ряд пространств, однотипных по своему строению, одноструктурных и все-таки каждый раз новых. Все детали интерьера – оконные и дверные проемы, прозрачные витражные перегородки, стеклянные створки шкафов, зеркала, большие стенные панно – призваны раздвинуть границы пространства, дать ему возможность растечься. Причем каждая из ячеек этого пространства организована, в свою очередь, по тем же принципам, что и целое. За стеклянной сеткой окна или двери открывается новое пространство, но с прежней структурой. Ведь двор особняка модерна, обрамленный ажурной решеткой и обсаженный декоративными деревьями, в любое время года дающими превосходный графический узор на фоне неба или стен здания, – это, по существу, тот же интерьер, хотя и несколько увеличенный. Пейзажное панно в качестве нового "окна" в мир дополняет общую картину, но не завершает ее.

Для художника нового стиля его "сверхзадача" – слияние искусства с жизнью (но с жизнью, понимаемой не как сиюминутная данность, а как поток становления, эволюция). Интерьер модерна требует мистериального к себе отношения. Он диктует

---

⁹ Володина Т. Указ. соч. С.345.

особый стиль поведения и даже определенный душевный настрой. Зритель должен стать частью пространства этого интерьера.¹⁰

Не менее интересными представляется этапы развития стиля, его социальные и художественные предпосылки, главные особенности – иконография стиля, проблемы синтеза искусств в модерне, орнамент и формообразование. Иконография наиболее последовательно выявилась в живописи и графике. Бесчисленное множество "Вихрей", "Танцев", "Вакханалий" (Штук, Хофман, Габерман, Ф. Малявин, В. Серов, Тулуз-Лотрек, знаменитая Лои Фуллер работы французских скульпторов Рауля Ларша и Пьера Роша). Популярным стал мотив поцелуя, который переходил от одного мастера к другому (Беренс, Климт, Мунк, Роден, Сомов). Можно также говорить об иконографии и в архитектуре модерна. Типы зданий можно рассматривать как иконографию архитектуры. Дом ван де Вельде, особняки Орта, Шехтеля, Лидваля принадлежат к наиболее выразительным явлениям стиля. Своеобразное решение в модерне получил доходный дом. Модерн дал прекрасные образцы торговых домов, контор, банков.

Как всякий стиль, модерн претендовал на создание синтеза искусств. Проблема синтеза искусств давно является предметом интересов автора данной работы. Когда возникает вопрос о синтезе искусств, трудной проблемой оказывается формулировка этого понятия. Сарабьянов считает, что "синтез легко описать, но не формулировать. В это описание войдут: соединение произведений различных видов искусств в единое целое"¹¹. Р.Вагнер это единое целое назвал словом "Gesamtkunstwerk". В данной работе анализируются параллельно два исследования современных авторов Е. Муриной¹² и Т. Володиной¹³, посвященных проблеме синтеза.

Е. Мурина выстраивает целую цепь различий между явлением стиля и явлением синтеза. Стиль для нее – категория сугубо художественная. Синтез же имеет и внехудожественные функции, стиль – "иерархическая система" с соподчиненностью главных и второстепенных признаков, синтез – это "равноправие" искусств, и синтез дает представление о стиле как о целостной "пространственно-временной структуре культурно-исторической памяти". Т. Володина под синтезом понимает следующее: "Синтез – это организация пространства – мира художественного произведения – в частности, архитектурного сооружения – по определенным законам. Структура этого мира зиждется на единой идее – идее целого, объединяющей все составные части такого пространства – мира. Не простое, механическое соединение структурно-общих, близких по своей природе, изоморфных элементов, проникнутых общим смыслом"¹⁴. Так, в результате рассмотрения проблемы синтеза в искусстве модерна мы констатируем следующие моменты: модерну свойственен синтез не только реальных форм произведений архитектуры, скульптуры, живописи и декоративного искусства, но и, что очень важно, "синтез всех элементов, всех членений пространства: негативных "нефизических" форм, пустот"¹⁵. Развитие синтеза привело к серьезным успехам и новым шагам в историко-художественном развитии, к интересу художников к проблеме оформления среды. И, наконец, способность различных видов искусства "приближаться друг к другу" и "переходить друг в друга" (Сарабьянов, с. 211). Это последнее качество переносит нас от проблем синтеза к вопросам формообразования.

---

¹⁰ Там же. С.344.

¹¹ Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. М., 1989, с.189.

¹² Мурина Е.Б. Проблема синтеза пространственных искусств: Очерки теории. М., 1982.

¹³ Володина Т. В кн.: Вопросы искусствознания. М., 2/3, 1994.

¹⁴ Там же, с.334.

¹⁵ Там же, с.351.

"Орнамент", "стихийность", "витализм", "органичность и имитационность", "принцип динамического равновесия"¹⁶, о которых часто пишут исследователи (Е. Кириченко, Л. Монахова, В. Кириллов и др.), Д.В. Сарабьянов считает отправными точками в процессе формообразования в модерне (А. Гауди, П. Фаберже, Эмиль Галле, Г. Гимар, Ф. Шехтель и др.) Соотношения объема, пространства, плоскости, роль линии как способа обозначения предмета и как средства художественной выразительности также определены при формулировке различных принципов формообразования в стиле модерн.

Принцип построения формы в архитектуре модерна "изнутри наружу", превосходно охарактеризованный Е.И. Кириченко¹⁷ в целом ряде работ, с успехом может быть применен и к отдельным составляющим общего архитектурного объема.

Пространственные проблемы модерна

Впечатления подвижности пространства художники модерна добиваются благодаря виртуозному владению линией и построенными с ее помощью плоскостями. Криволинейные поверхности стен, а зачастую и потолков интерьера Ар Нуво оформляют пространство, но никогда не замыкают его. Архитектура модерна не знает замкнутости. Мягкое и одновременно упругое пространство интерьера ищет выход за пределы обрамляющих его плоскостей и находит этот выход в щедро предоставляемых ему архитектором цензурах каменной массы стен. Всевозможные окна – от огромных, почти уничтожающих стену до небольших круглых, подобных иллюминаторам, многочисленные двери и многочастые зеркала, наконец, большие стенные панно позволяют внутреннему пространству растечься или, сохранив свою сущность, завоевать новый кусок мира или, трансформировавшись, стать частью иного пространства.

К интерьеру модерна применимо понятие целостного пространства. Оно целостно в том смысле, что в нем никогда не ощущается механистичность совмещения множества пространств. Переходы здесь осуществляются "перетеканием"; слияния столь органичны, что почти неразличимы. Можно говорить о текущем пространстве. В интерьере модерна имеет место как бы совокупность однородных по структуре пространств, воспринимаемая во времени как своего рода поток пространства.

Так, "мотив зеркала"¹⁸ – один из наиболее распространенных в неоромантическом искусстве – соотнесен прежде всего с "идеей двоемирия", как она понималась еще романтиками¹⁹. Раздвоение человеческой личности, постоянное пребывание ее на грани между двумя мирами – миром действительности и внутренним миром души (столь же реальным для романтика, как и данный в опыте) – типично для сознания художника конца века. Известно, сколь популярна мысль о двойничестве в неоромантической поэзии.

Образ человека перед зеркалом в искусстве модерна становится почти навязчивым. Объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть конкретные примеры использования живописцами и графиками нового стиля ни мотива зеркала в его бесчисленных вариациях, ни мотива водоема – этого своего рода увеличительного зеркала.

Художники модерна превосходно понимали необходимость органического соединения архитектуры нового интерьера со стеной живописью. Изображенное пространство должно было, с одной стороны, слиться с архитектурным, с другой же –

---

¹⁶ Проблемы "витализма" модерна касается В.В. Кириллов в своей книге "Архитектура русского модерна". М., 1979.

¹⁷ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов. М., 1978.

¹⁸ Там же. С.342.

¹⁹ См.: Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М., 1966. С.82-83.

никоим образом не быть иллюзионистическим его повторением. Однотипность, однородность этих пространств не делала их, однако, совершенно тождественными друг другу. Каждое из них остается самим собою, каждое обладает своими художественными рамками.

Парадоксальность пространства интерьера модерна в том и заключается, что, являя собой совокупность отдельных микро пространств, оно в то же время не есть механический их конгломерат, но скорее – гармоническая целостность, по-своему даже гомогенная. Если рассматривать интерьер модерна как *Gesamtkunstwerk*²⁰ в аспекте пространственных отношений, то получается довольно любопытный феномен. Перед нами предстает ряд пространств, однотипных по своему строению, одноструктурных и все-таки каждый раз новых. Все детали интерьера – оконные и дверные проемы, прозрачные витражные перегородки, стеклянные створки шкафов, зеркала, большие стенные панно – призваны раздвинуть границы пространства, дать ему возможность растечься. Причем каждая из ячеек этого пространства организована в свою очередь по тем же принципам, что и целое. За стеклянной сеткой окна или двери открывается новое пространство, но с прежней структурой.

Для художника нового стиля его сверхзадача – слияние искусства с жизнью (но с жизнью, понимаемой не как сиюминутная данность, а как поток становления, эволюция). Интерьер модерна требует мистериального к себе отношения. Он диктует особый стиль поведения и даже определенный душевный настрой. Зритель должен стать частью пространства этого интерьера.²¹

Рама облегчает воспринимающему переход из одного мира в другой. Она как бы отгораживает его на время от мира действительного. Принадлежит сразу двум пространствам – реальному и изображенному, рама, обладающая во многом элементами изображения, фокусирует внимание зрителя на главном²². Это особенно наглядно прослеживается на примере графических произведений. Но задержим несколько свое внимание на архитектурных образцах и отметим следующее. Художники модерна любят располагать зеркала или живописные панно на выступающих или западающих, выпуклых или вогнутых участках стен, и поскольку отражение в зеркале – тоже своего рода изображение, то можно сказать, что архитекторы стремятся каждый раз слить реальное пространство с изображенным, и только наличие той или иной рамы останавливает экспансию "внутреннего" (расположенного за плоскостью зеркала либо картины) пространства или обратный процесс.

В сфере изобразительных искусств задача рамы – привязать трехмерное изображение к плоскости листа, если это графика, или к плоскости стены, если это живопись. По мнению Г.К. Шауэра, ни одно графическое явление "югендштиля", будь то текст стихотворения, титул книги или иллюстрация, невозможно без обрамления²³.

Проблема рамок во всей полноте не может быть рассмотрена в данной работе. Скажем лишь, что рамки трактуются мастерами модерна всякий раз так, что позволяют как изображению (картина, панно), так и зеркалу в интерьере стать своего рода "окнами в мир", дают возможность архитектору организовать произведение в целом как новеллу в новелле.

Необходимо отметить, что в интерьере модерна любой вход обрамлен. Этим архитектор подчеркивает всякий раз новизну пространства каждого помещения и в то же время объединяет отдельные пространственные ячейки.

---

²⁰ Володина Т. Указ. соч. С.345.

²¹ Там же. С.344.

²² Там же. С.345.

²³ Там же. С.344.

Разбитое на множество частей деревянными перегородками огромное поле окна в архитектурном сооружении модерна также напоминает многостворчатую композицию.

Рамочные конструкции в сооружениях Виктора Орта, Федора Шехтеля, Гектора Гимара, Антонио Гауди и других архитекторов нового стиля, помогая направить поток пространства внутри интерьера здания и за его пределы, соединяя и одновременно разделяя пространственные ячейки, способствуют организации единой целостной среды здания.

Внутри такого здания все пронизано одними и теми же закономерностями, каждая его часть обладает структурной синтетической общностью как с целым, так и с любой другой частью этого целого.

До сих пор мы пытались показать, как возникает пространственный образ здания модерна; теперь же обратимся к рассмотрению тех составных этого целостного сооружения, которые оформляют это пространство и наполняют его, т.е. к пластическим формам, "живущим" в этом пространстве и взаимодействующим с ним.²⁴

Соотношение понятий синтеза и стиля

В последние годы метод исследования специфики "синтетических искусств" приобретает все больше последователей.²⁵

"Идея целого может быть показана лишь путем своего раскрытия в частях, а с другой стороны, отдельные части возможны лишь благодаря идее целого", – утверждал Шеллинг²⁶.

Лучшей иллюстрацией этого тезиса может стать анализ особняка стиля модерн его зрелой поры. Для дома, понимаемого новым стилем как единое, синтетическое произведение искусств, этого воплощения идеи синтеза, главным условием его существования является полная структурная изоморфность всех входящих в его целостность компонентов, то есть каждая микроячейка такого Gesamtkunstwerk'a должна строиться по законам общим как для целого, так и для его частей.

Рассмотрим особняк модерна как синтетическую целостность. Анри ван де Вельде считал, что "познание основных принципов красоты, принципов жизни, материала установило бы новое родство между искусствами, которые до сих пор не были тесно связаны между собой и не чувствовали особой близости. Эта связь между весьма различными искусствами – дело новое, предпосылка той эпохи расцвета, когда больше не будут признавать границ, обусловивших каждое искусство"²⁷.

Не менее интересно рассуждал об основах нового стиля Петер Беренс. "Стиль эпохи – не особые формы в каком-то отдельном виде искусства; каждая форма – лишь один из многих символов внутренней жизни, каждый вид искусства – только часть стиля. Но стиль – символ всеобщего восприятия, всего жизнеощущения эпохи; он проявляется лишь в совокупности всех искусств"²⁸.

Один из наиболее выдающихся теоретиков и практиков Ар Нуво Отто Вагнер в своей книге "Современная архитектура" утверждал, что "трудно говорить об [изобразительных] искусствах во множественном числе: ведь искусство едино"²⁹.

А Луис Генри Салливен отмечал еще в 1892 году: "украшенное строение должно обладать следующим характерным качеством – необходимо, чтобы один и тот же эмоциональный импульс гармонично пронизывал все формы выражения, среди которых композиция массы является наиболее глубокой, декоративная орнаментация

²⁴ См.: Володина Т. Указ. соч. С.340-345.

²⁵ См., например. Сборник "Взаимодействие и синтез искусств". Л., 1978.

²⁶ Шеллинг Ф.В. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С.388.

²⁷ См. русский перевод статьи А. ван де Вельде "Одушевление материала как принцип красоты" (написанной в начале 1900-х гг.). // Декоративное искусство СССР. 1965. № 2. С.36.

²⁸ Беренс П. Праздник жизни и искусства. / Мастера архитектуры об архитектуре. С.134.

²⁹ Вагнер О. Современная архитектура. / Мастера архитектуры об архитектуре. С.67.

наиболее сильной. Однако и то, и другое должно возникать из одного эмоционального замысла"³⁰.

Ряд подобных высказываний современников может быть продолжен, но и приведенных свидетельств достаточно, чтобы убедиться в том, что вопросы синтеза искусств были определяющими для архитекторов.

Итак, войдем в особняк модерна. Первое, что мы увидим и ощутим там, – это устремленные ввысь и как бы затягивающие нас в пространство лестницы.

Многие исследователи стиля отмечают, что лестница в особняке модерна всегда или почти всегда является той вертикальной осью, вокруг которой развивается композиция здания. И действительно, лестница – ядро, центральная ячейка пространства – мира особняка Ар Нуво.

Во все времена архитекторы придавали немалое значение проектированию лестницы, но, пожалуй, только барокко могло соперничать с модерном по разнообразию и оригинальности конструктивных и декоративных решений лестниц внутри здания.

В особняке модерна лестница – не просто конструкция, позволяющая подняться с одного этажа на другой (пусть даже и великолепно оформленная, но не имеющая иной смысловой нагрузки, помимо функциональной), но всегда нечто большее. Это дорога, путь, ведущий к чему-то новому; недаром площадки лестниц модерна обозначают не только остановку для идущего, не только перекресток маршей, они символизируют новое пространство, обретающее начертание в украшающих их панно, скульптуре, витражах.

Шехтелевская лестница в особняке Рябушинского ведет к витражам и световому фонарю перекрытия, центральный марш лестницы в особняке Сольве Виктора Орта вводит в перекрестный сад-панно Теокван Риссельберга, столь гармонично продолжающий пространство интерьера.

Помимо того, что лестница обозначает путь, восхождение "прекрасной души"³¹, она как бы олицетворяет, воплощает идею длительности, потока пространства-времени, ибо к трем измерениям архитектурной конструкции здесь добавлена четвертая – время, затрачиваемое как на мысленное, так и на реальное движение в архитектурном пространстве.

Одним из исследователей проблемы синтеза искусств чрезвычайно верно было отмечено, что "первым необходимым условием синтеза архитектуры и других искусств, основы их взаимосвязи со средой"³² является "взаимосвязь утилитарно-необходимого графика движения человека в пространстве" и "графика движения-созерцания, т.е. графика движения субъекта восприятия"³³. Прекрасной иллюстрацией правильности этого тезиса по отношению к особняку модерна служит анализ движения внутри него.

Знакомство с интерьером особняка нового стиля и пребывание (бытие) в нем неизбежно должны начинаться с лестницы, которую нельзя миновать, куда бы ни следовать внутри здания. Лестница как своего рода пространственный ствол дает ответвления, отпочкования в виде пространств больших и малых зал и комнат. Она не просто предваряет внутренние помещения, но сама является главным, определяющим весь пространственный ритм здания элементом пространственной композиции.

---

³⁰ Салливан Л.Г. Орнамент в архитектуре. / Мастера архитектуры об архитектуре. С.41.

³¹ Выражение Юлиуса Мейер-Грефе по поводу интерьеров модерна: "комнаты, обставленные для прекрасных душ..." / Мак-Коркодейл Ч. Убранство жилого интерьера. М., 1990. С.201.

³² Азизян И. Взаимодействие искусств. Композиционно-методологический аспект проблемы. // Архитектура СССР. 1974. № 9. С.47.

³³ Володина Т. Указ. Соч., с.346-353..

Будучи реальным путем движения обитателей особняка, лестница символизирует саму идею нового универсума, понимаемого как поток жизни, длительность, процесс, эволюцию.

Вспомним медленно текущий, почти осязаемо "плотный" поток пространства-времени лестницы в особняке Рябушинского Шехтеля, как бы сгущающийся, материализующийся в формах массивной гранитной "раковины" тяжелых, оплывающих гранитных перил. Или легкое, стремительно уходящее вверх пространство лестницы особняка Тасселя Виктора Орта, вторящее бегу упругих металлических стеблей "растений" баллюстрады, или пульсирующее, прерывистое почти "жесткое" пространство лестницы в шехтелевском "готическом" особняке З.Г. Морозовой, словно сцепленное с колючими "кристаллическими" формами врубелевских скульптур на ее площадках, или втягивающую пространственную воронку центрального марша лестницы особняка Сольве Орта в напряженно-пружинящей раме стальной "тетивы перил".

И недаром столь часто в особняках модерна поднимающегося по лестнице человека встречают потоки света, льющиеся из световых фонарей; вертикаль лестничного колодца всегда увенчивается в этих зданиях большим окном, стеклянным куполом или крышей. Подъем по лестнице обретает характер пути к свету, восхождения от земного, материального к небесному, одухотворенному, просветленному³⁴.

Не менее своеобразно трактована в архитектуре модерна стена здания. Стена в зодчестве предшествовавших модерну стилей воспринималась традиционно как преграда, ограждение, изолирующее внутреннее пространство здания от окружающей среды или отдельные помещения в интерьере – друг от друга. Присмотревшись внимательно к стене в сооружениях нового стиля, нетрудно заметить, что функции ее претерпели изменения.

Принцип построения формы в архитектуре модерна "изнутри наружу", превосходно охарактеризованный Е.И. Кириченко в целом ряде работ³⁵, с успехом может быть применен и к отдельным составляющим общего архитектурного объема. Прежде всего необходимо отметить, что фасады сооружений модерна носят явно "интерьерный" характер. Это легко объяснить все тем же стремлением архитекторов нового стиля трактовать пространство внутри и вне здания как единое, что обуславливает общность подхода к оформлению стены как в интерьере, так и снаружи. (И именно поэтому все наши дальнейшие наблюдения и выводы в равной степени могут быть отнесены как к фасадам, так и к стене интерьера).

Стена здания модерна также тяготеет к вхождению в окружающее пространство, к слиянию с ним. Утрачивая свою жесткость, она становится как бы пористой, проницаемой для света и воздуха. Кажется, что архитекторы модерна одержимы идеей разрушить стену как таковую, отсюда полностью покрывающие стены и словно разъедающие ее цветные майоликовые ковровые композиции, или стелющиеся по стене, "врастающие", а не растительные рельефы, плетение которых сродни виноградным лозам, или мерцающие поверхности глазурованного кирпича, или шероховатая, неровная, грубо обработанная каменная кладка. К приемам, направленным на "активизацию" стены и одновременное ее "разрушение", можно

---

³⁴ Т. Володина считает, что подобная интерпретация является лишь схемой, что на практике все значительно сложнее. "Парадоксальный стиль" позволял себе всевозможные отклонения внутри этой схемы. Достаточно вспомнить виллу Броджи-Карачени во Флоренции (арх. Дж. Микелацци, 1911), где световой фонарь купола над лестничным колодцем крепится конструкцией в виде громадного паука.

³⁵ См.: Кириченко Е.И. Модерн. К вопросу об истоках и типологии. / В кн.: Советское искусствознание. 78. Вып.1 С.260. Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов. М., 1982. С.182.

отнести и введение всевозможных керамических панно, фризов, просто вставок из материалов, отличных от основы стены, а также использование самых разнообразных форм дверных проемов и окон – от огромных до совсем небольших, применение западаний и выносов вперед отдельных частей стены, многочисленных "аппликативных" рамочных конструкций, дробящих ее. Такое "разрушение" монолитности стены с помощью насыщения поверхности "декором" способствует ее "дематериализации", облегчает проникновение в нее окружающего пространства, которое не отчуждается от архитектурных форм здания, но, напротив, начинает активно взаимодействовать с ними.³⁶

Архитектурные сооружения модерна обладают очень мощным силовым полем, возникновение которого предопределено "не только массой, очертаниями, высотой, но и мерой насыщенности поверхности"³⁷. Сложность форм создает дополнительную динамику объемлющего их пространства, образуя "волновой фронт", который оказывает сильное воздействие на окружение. Заметим, что подобной активностью обладает поверхность живописных, графических и декоративно-прикладных произведений Ар Нуво. К этой проблеме мы еще вернемся позднее; сейчас же, рискуя впасть в преувеличение и быть обвиненными в прямолинейности, решимся вслед за Р. Арнхеймом повторить мысль Альберта Эйнштейна. "Мы употребляем слово материя, когда концентрация энергии высока, и говорим о поле, когда эта концентрация меньше. В этой трактовке оказывается, что различие между материей и полем носит количественный, а не качественный характер"³⁸.

Архитектура модерна может служить замечательной иллюстрацией этой мысли. Активность, внутренняя динамика форм наделяют ее "даром создавать магическую среду" (Огюст Перре). И огромное значение для создания такой среды имеет "синтетическая" целостность, слиянность, уместнее даже сказать — неразделимость архитектуры и других искусств.

Задержимся еще немного на рассмотрении особенностей внешней стены здания модерна. Реализуя один из основных постулатов теории стиля об "одушевлении" (одухотворении) материи, воплощая мысль о целостности бытия, архитекторы нового стиля не только уподобляют формы своих сооружений органическим, не только изобретают новые формы, но и традиционным архитектурным элементам придают новое звучание. Так, оконным проемам в здании модерна отведена очень важная роль. Это не просто отверстия для освещения внутренних помещений, четко отделенные от внешнего мира тонкой стеклянной границей. Это цезуры каменной массы стены, наделенные функцией не столько разграничивающей, сколько объединяющей. Окна позволяют пространству свободно перетекать изнутри здания наружу и наоборот. Чем же объясняется такая легкость "проникновения" пространства? Прежде всего, самой формой окон. Новый стиль предпочитает круглые или полукруглые, овальные окна, окна-арки, оконные проемы со всевозможными круглящими завершениями; недаром модерн получил название "улыбающейся" архитектуры".³⁹ А ведь известно, что именно круглые отверстия психологически воспринимаются как наиболее доступные для "проникновения".

Кроме того, чрезвычайно интересна трактовка оконных откосов и обрамлений; модерн избегает острых углов, которые создают ощущение жесткости, образуют преграду слиянию архитектурных форм с окружением. Все сочленения плоскостей архитекторы модерна стремятся сгладить, придавая граням оконных откосов, обрамлениям окон криволинейные очертания. Округлость, смятенность архитектурных

---

³⁶ Володина Т. Указ. соч. С.348-349.

³⁷ Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм. М., 1984. С.22.

³⁸ Там же. С.25.

³⁹ См.: Дирофф Х.-Д. Юнеско и "улыбающаяся" архитектура. // Курьер Юнеско. 1990. Октябрь.

форм позволяет пространству мягко втекать в эти "окна-раковины", "окна-воронки". Создается ощущение, что здание как бы вбирает в себя, "засасывает" с помощью своих окон и дверей пространство окружающей среды.

Обратимся к классическому и лучше всего выражающему отмеченный принцип "проникновения" пространства примеру – Саграда Фамилия Антонио Гауди. Взаимодействие этой постройки с пространством обусловлено не только активностью "врастания" в него архитектурных форм, но и проникновением пространства внутрь архитектурной формы за счет многочисленных впадин, отверстий, "рифлености" общей поверхности. Последняя, по сути дела, отсутствует как таковая, она не воспринимается поверхностью в обычном смысле слова. Это нечто живое, "дышащее", пронизанное воздухом и светом, находящееся в непрерывном взаимодействии со средой. Активность формы и пространства одинаковы. Здесь, как и в Каза Батло Гауди, взаимопроникновение, нерасторжимость, слитность, единство пространства и архитектурной формы доведены до предела. Перед нами архитектура не застывшей данности, но архитектура "процесса", выражающая понимание универсума как некоей эволюционирующей целостности.

Наше рассуждение о новой интерпретации роли стены в модерне хотелось бы продолжить еще несколькими замечаниями об особенностях трактовки поверхности стены. Мы уже указывали на частое использование в архитектуре нового стиля сплошь покрывающих стену "ковровых" майоликовых композиций. Образцами такого рода декора зданий могут быть названы "Дом майолики" в Вене Отто Вагнера (1898) или дом № 85 по улице Бельяр в Париже (1913). Характерной чертой трактовки поверхности в этих и подобных им случаях является частичная (как в доме Вагнера) или полная (как в парижском доме) взаимозаменяемость фигур и фона в "изображении", т.е. такая ситуация, когда фон активизируется, получая статус фигуры, обладающей не меньшим силовым полем, чем "предмет" (фигура) в изображении. При этом линии, разделяющие фон и фигуры, создают у воспринимающего их зрителя ощущение "динамического равновесия между противоборствующими силами", если воспользоваться терминологией Р. Арнхейма⁴⁰.

В модерне поверхность (не только стены здания, но и живописная и графическая поверхность) утрачивает характер безграничного фона, и потому возникает эффект "соперничества за контур", своеобразной психологической "игры", динамизирующей, оживляющей восприятие произведения, что позволяет вновь говорить о длительности процесса его узнавания. И разумеется, такая "двойственность" контура, принадлежащего сразу и фону, и фигуре, подтверждает нашу мысль о пронизанности всех созданий Ар Нуво идеей целостности.

Заботой архитекторов модерна о создании активной пространственной среды вокруг здания обусловлено частое использование цезур стены – таких как оконные и дверные проемы, арки ворот, лоджии; в местах сопряжения плоскостей, на стыках стен, образующих углы. Это не только помогает снять напряжение жестких прямоугольных сочленений, но и порождает ощущение динамики окружающего здание пространства, проникающего в материальную субстанцию, и, тем самым, – чувство единства архитектуры и пространства.

Так, "воплощением света в материи" (Вл. Соловьев) можно назвать отражение светонесущей лазури дневного неба в огромных стеклянных плоскостях окон особняка Рябушинского Шехтеля – отражение, которое сыграло бы деструктивную роль, не будь оно переосмыслено архитектором из отражения в "изображение" с помощью древовидных рам окон, останавливающих и возвращающих назад поток света и вместе с ним движение взгляда зрителя. Рамы призваны напомнить зрителю, что перед ним не

---

⁴⁰ Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм. С.56.

реальное, но умозрительное пространство, не само бесконечное небо, но застывшее напоминание о нем. Как мы видим, пространственная игра как снаружи, так и внутри здания носит иррациональный характер. Стена здания как таковая исчезает, расслаиваясь, дробясь на множество зон, дематериализуясь в мерцании керамических плиток своей поверхности, в вибрации воздуха на неровностях кладки и гранях членений. Пронизанное светом и воздухом, здание модерна "обволакивает". Создается особая, присущая только ему, но одновременно связывающая его со всеобщим "атмосфера".

Рамки настоящей работы не позволяют нам остановиться еще на ряде существенных вопросов, связанных с формообразованием в модерне с точки зрения проблемы стиля. В заключение хотелось бы сказать, что особняк модерна при всей своей функциональной приспособленности, ориентированности на удобное, спокойное, гармоничное бытие был, по свидетельствам современников, не всегда пригоден для обычного, повседневного существования в нем. Он и задумывался как своеобразный храм "прекрасной души", где надо не жить, а "бытийствовать", совершать "обряд" бытия. Пребывание в пространстве такого дома-храма поднимало человека над самим собою, заставляло его ощущать себя "сверхчеловеком", почти божеством. И если для художественной природы такое внутреннее усилие, напряжение было почти естественным, то для обычного человека оно казалось внеположным его воле, гнетущим, как бы давящим его личность. Х. Хофштеттер приводит по этому поводу пример с интерьерами Ван де Вельде, где "тяжелое, даже мрачное, но никогда не непринужденно-веселое настроение. Пока необходим настрой на духовное содержание, на серьезную основательность, это тяготит мало, но пока его пафос волнует, непринужденность исключается"⁴¹.

Мы начали разговор о модерне тезисом о том, что это последний стиль XX века. Стиль модерн знаменует собой и конец, и начало, и старое, и новое. Это в полном смысле слова явление "промежуточное". Архитекторам, живописцам, графикам, скульпторам, мастерам прикладного искусства последующих поколений приходилось и расплачиваться за модерн, и преодолевать его, и благодарить за намеченные этим стилем новые пути вперед.

XX век – переломная эпоха во всеобщей истории искусств, искусство знает пока начальный рубеж своей истории, еще не закончились споры о проблеме стиля в XX веке, они продолжаются, не менее интересна также полемика современных исследователей о таких явлениях в искусстве и культуре XX века, как конструктивизм или Арт Деко.

Почти все создатели нового стиля вышли из среды графиков, живописцев, декораторов, осваивали архитектуру и прикладное искусство в процессе проектирования зданий и вещей, становились конструкторами, технологами, детально изучали историю искусства, особенно нетрадиционных его явлений, а когда спустя несколько лет увлечение орнаментальными композициями стало стихать, довольно легко начали переходить к конструктивным, рациональным по своей основе решениям, как бы постепенно вызревающим внутри их творчества. Именно тогда предметное творчество через активные поиски нового стиля было поднято до уровня искусства в целом, что оказалось необычайно важным для формирования теории дизайна.

---

⁴¹ Цит. по: Володина т. Указ. соч. С.353.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.Н. Фомина

Состояние социально-экономической ситуации современной России убедительно показывает, что технократический подход к управлению на всех уровнях явно неэффективен и зачастую приводит к результатам, очень далеким от ожидаемых. В различных отраслях экономики и сферах жизнедеятельности общества, включая образование, медицину, культуру, происходит постепенный переход к инновационному управлению, требующему постоянной адаптации к быстро меняющейся среде, приобретения мобильности, гибкости, конкурентоспособности, живучести в условиях рынка. В этой стратегии главным фактором успеха являются люди, их организационная культура. В целом культура все в большей мере приобретает организующий, объединяющий характер, возрастает ее роль как фактора стабильности, надежности, защищенности как общества в целом, так и его отдельных групп и представителей. К сожалению, при определении стратегических и тактических направлений развития недостаточное внимание уделяется культурологической экспертизе, благодаря которой можно учитывать даже отдаленные культурные последствия тех или иных изменений. Представляется, что в этой связи профессиональные культурологи как представители соответствующей науки должны использоваться более эффективно. Культурология часто воспринимается только как теоретическая дисциплина, однако у нее есть достаточно ярко выраженный прикладной характер, который может проявиться в различных направлениях, в частности, в создании моделей корпоративной культуры в организациях и фирмах разного профиля.

К прикладным аспектам культурологии можно отнести разработку культурных программ, выработку рекомендаций по формированию корпоративной культуры вуза, требований к культурному облику студента. Еще более очевидна необходимость привлечения культурологов к совместной работе с представителями конкретной отрасли, социологами и психологами по выработке рекомендаций по формированию оригинальной корпоративной культуры (учреждения, фирмы и т.д.). Важным инструментом в реализации позитивной роли культуры и является корпоративная культура.

Создание эффективной модели корпоративной культуры должно опираться на культурологический подход, так как в ее основе лежат познания в области социальной культурологии, этики, психологии, этикета; ценностей национальной и региональной культуры, традиций и обычаев и, конечно, готовности к культурному диалогу. Последнее обстоятельство в условиях многонационального и многоконфессионального государства, которым является Россия, сегодня чрезвычайно важно.

Понятия "организационная" или "корпоративная" культура являются одним из базовых понятий в менеджменте. Наряду с зарубежными исследованиями (Э. Шейн, М.Х. Мескон, В. Сате), расширяется круг отечественных специалистов по данной проблеме (В.А. Спивак и др.). Отмечается, что важным моментом в формировании корпоративной культуры организации (фирмы) является выработка ее философии, которая выражается в определенных мировоззренческих позициях, в центре которых - система ценностей и норм, разделяемых всеми или большинством работников.

Философско-культурологический подход к созданию модели корпоративной культуры должен основываться на разных основаниях, среди которых следует отметить знания в области социо-гуманитарных наук – философии и социологии культуры, этики, психологии, этикета и т.п.; ценности национальной культуры страны и непосредственно сотрудников данной организации; региональных традиций и обычаев; сложившиеся стереотипы организационного поведения и корпоративной культуры и,

конечно, актуализацию предлагаемой модели для конкретной социально-экономической реальности жизни страны и региона. Гуманистическая модель корпоративной культуры способствует повышению эффективности работы организации и гармонизации интересов работников. Каждая организация формирует свою оригинальную корпоративную культуру, в которой, как отмечает Э. Шейн, наиболее авторитетный представитель зарубежной науки в данной области, можно явно проследить три основных источника: 1 – взгляды, ценности и представления основателей организации; 2 – коллективный опыт, полученный при создании и развитии организации; 3 – новые взгляды, ценности и представления, привнесенные новыми членами организации и руководителями. В целом "культура группы может быть определена как паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считаться ценным и передаваться новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем" (Шейн Э.Г. Организационная культура и лидерство. СПб: Питер, 2002. С.31–32). В данном контексте чрезвычайно важную роль играет реализация одной из основных функций культуры – социализации как усвоения новыми членами группы корпоративной культуры.

Отечественный опыт в данной области имеет богатые традиции

как в дореволюционной, так и в Советской России. Его следует изучать и активно использовать в теоретической и практической деятельности. Представляется, что формирование корпоративной культуры, ее философско-культурологическое осмысление должно привлечь внимание представителей культурологической научной мысли.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В НОВЕЛЛИСТИКЕ Э. ПО

Л.П. Маркушевская

Огромную роль для развития литературного процесса в США сыграло творчество писателей, работавших в жанре новеллы, в частности Э. По, чье творчество, как и сама личность писателя, являлись и являются объектом споров и дискуссий.

Основная тема новеллистики Э. По – интерес к личности человека, психология героя, поставленного в неординарные условия, находящегося на пороге смерти, совершившего убийство, одержимого навязчивой идеей.

Поскольку в произведениях Э. По внимание автора сосредоточено, в основном, не на действии, а на персонаже, психологизм творчества писателя сказался на повышении в словаре удельного веса лексем, связанных с понятием "человек" (лексико-тематические группы "Человек как физический феномен", "Человек как социально-профессиональная личность", "Психология поведения человека" и др.)

В рамках данной статьи мы остановимся на номинативной лексике группы "Человек как социально-профессиональная личность", в частности, на частотном использовании Э. По терминологической лексики для характеристики персонажей.

При взаимодействии научного и художественного стилей термин значительно расширяет свои функции, становясь стилистическим средством дополнительной информации.

Введение в новеллы Э. По терминологической лексики, относящейся к области философии, медицины, судопроизводства, выполняет в авторском повествовании эмоционально-оценочную и характерологическую функции, так как профессия всегда накладывает отпечаток на внешность, манеру поведения, круг интересов героев.

He was a sailor, evidently, - a tall, stout, and muscular-looking person, with a certain dare-devil expression of countenance ... His face, greatly sunburnt, was more than half hidden by whisker and mustachio (The Murder in the Rue-Morgue).

Приведенный пример типичен для творческого метода Э. По: в нем одновременно используются лексемы двух групп ("человек как физический феномен" и "человек как социально-профессиональная личность"), что обусловлено взаимосвязью между профессией персонажа и ее отражением на внешнем облике протагониста и направлено на создание у читателя единого, целостного конкретного представления о персонаже.

Другие качества отмечаются у профессионального игрока. Наблюдательность, быстрота психологической реакции – необходимые неотъемлемые черты, свойственные ему.

Our player confines himself not at all, nor, because the game is the object, does he reject deductions from things external to the game. He examines the countenance of his partner, comparing it carefully with that of each of his opponents ... He notes every variation of face as the play progresses ... (The Murder in the Rue-Morgue).

Введение профессионального существительного "player" в окружение терминологической лексики (game, partner, opponent), тематических слов (deduction, variation, progress) создает напряженную специфическую атмосферу, явившуюся результатом деятельности представителей данной профессии.

Для характеристики определенных профессиональных качеств своих персонажей Э. По использует значительное количество книжной и терминологической лексики,

принадлежащей преимущественно к области философии и медицины: *medium, mania, monomania, hysteria, trance, idiosyncrasy, epilepsy, transcendentalism*. Знакома читателей с персонажами новелл детективного жанра, автор подчеркивает, что одной из наиболее отличительных индивидуальных черт аналитиков является оригинальность, своеобразие мышления, направленность их интересов.

He is fond of enigmas, of conundrums, hieroglyphics; exhibiting in his solutions of each a degree of acumen which appears to the ordinary apprehension praeternatural (The Murder in the Rue-Morgue).

Медицинская терминология вводится в авторское повествование для создания достоверной, детальной картины происходящего: рассказывая о тяжелых физических недугах своих персонажей, автор последовательно перечисляет симптомы заболеваний.

... a settled apathy ... a transient affections of a partially cataleptical character were the unusual diagnosis (The Fall of the House of Ushers).

Then came the full fury of my monomania, and I struggled in vain against its strange and irresistible influence (Berenice).

Помимо непосредственной номинации заболевания (*weakness in the faucial or guttural organs* (William Wilson), автор вводит терминологическое сочетание "*physical agonies*" с суперлативом "*direst*", что придает диагнозу субъективно-экспрессивную окраску.

My own disease, then, grew rapidly upon me ... and assumed finally a monomaniac character (Berenice).

Постоянное чтение героями древних философских трактатов накапливает в их повествовании философскую, религиозную, узкоспециальную лексику.

But the principium individuationis – the notion of that identity which at death is or is not lost for ever – was to me, at all times, a consideration of intense interest ... (Morella).

... if this thing, were, indeed, beyond the power of the souls in Paradise, that she would, at least, give me frequent indications of her presence ... (Eleonora).

Увлечение математикой и философией приводит персонажей к пониманию ограниченности человеческих возможностей познания глубин науки.

... but where breathes the man who has traversed and successfully all wide areas of moral, physical, and mathematical science? (Legeia).

Особенности философского склада ума заставляют рассказчика ("Сфинкс") подвергнуть анализу все загадочное и необычное.

His richly philosophical intellect was not at any time affected by unrealities (The Sphinx).

Использование автором общенаучной, терминологической, узкоспециальной лексики способствует обогащению лексического состава новелл, дает возможность читателю определить и конкретизировать круг интересов персонажей.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРИГИНАЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПОЭМЫ ЭДГАРА АЛАНА ПО "ВОРОН")

В.В. Пахомова

Переводоведение как наука оформилось только в 60-е годы XX века, хотя переводческая практика насчитывает тысячелетия. Проблема передачи стилистических особенностей оригинала всегда стояла перед переводчиками художественной литературы. А теория перевода как лингвистическая дисциплина изучает закономерности подбора соотносительных способов выражения содержания подлинника (из состава средств языка перевода).

Современные исследователи перевода, такие как Е.Г. Эткинд, А.Д. Швейцер, Т.Р. Левицкая, С.М. Гончаренко, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.В. Иванов и многие другие, подчеркивают большое значение смыслового и стилистического анализа подлинника. При этом центральной проблемой перевода является сохранение смысла и образов исходного текста в переводном тексте с учетом полного соответствия нормам языка перевода, что является основным условием доступности перевода для читателей.

Изучение образных средств при переводе поэтического текста вызывает необходимость отметить специфичность поэзии как жанра в целом. Поэзия характеризуется определенным и, как правило, стройным ритмом, выраженным в законах стихосложения. Интонации стиха присущ оттенок музыкальности. Поэтическая музыка опирается на ритмический строй, а ритм здесь, в отличие от прозы, не зависит от синтаксиса, а, наоборот, сам воздействует на синтаксические построения посредством метра.

Несмотря на сходство русского и английского языков в фонологическом отношении (наличие фонологически нефиксированного динамического ударения), перед переводчиком стоит ряд трудностей, связанных с расхождением систем стихосложения этих языков.

Прежде всего, современный английский язык, будучи языком аналитическим, характеризуется недостаточной развитостью флективных окончаний. Отсюда – бедность рифм в английском языке. Другая его особенность – большая краткость слов по сравнению с русским языком. Поэтому английская стихотворная строка вмещает больше слов и, следовательно, больше мыслей и художественных образов.

Поиски решений тех задач, которые стоят перед переводоведением, наглядно отразились в многочисленных переводах поэмы основоположника американского символизма Эдгара Алана По "Ворон". Это стихотворение настолько насыщено символами и скрытыми смыслами, настолько выразительны его синтаксические построения, что вот уже на протяжении более чем целого века поэты и переводчики ищут способы наиболее адекватно отразить специфику оригинала. Молодые поэты уже в XXI веке пытаются наиболее точно донести до русского читателя атмосферу таинственности и зловещности, сохранить лексику и основные стилистические лейтмотивы оригинала.

Эдгар Алан По – один из самых сложных и своеобразных поэтов США. Его творчество оказало огромное влияние на развитие мировой литературы. Он был не только талантливым лириком, но и экспериментатором, расширившим возможности поэтического языка, первым в американской литературе теоретиком стиха.

С выходом в свет поэмы Э. По "Ворон" в 1845 году началась новая эра в истории лирической поэзии – эра суггестии.

В поэме "Ворон" наиболее ярко воплотилось мастерство зрелой поэзии Эдгара По. Здесь появляются конкретный фон и время действия, напряженность нарастает постепенно. По использованию аллитерации, ассонансов поэма не имеет себе равных в

англоязычной поэзии. Придавая большое значение оригинальности, поэт смело вводит новые приемы – перебои ритма, неожиданные внутренние рифмы. Стихотворение отличается особой "застывшей живописностью", которая возникает с помощью подбора деталей, создающих нужное настроение. Все эти качества определили успех "Ворона", который и по сей день остается шедевром мировой литературы.

Образ "Ворона" Эдгара По стал источником вдохновения для многих поэтов последующих поколений – Стефана Малларме, Поля Валери, Константина Бальмонта, Александра Блока и других. Об особой популярности "Ворона" в России свидетельствуют и количество переводов поэмы на русский язык (на сегодняшний день опубликовано 19 переводов), и тот факт, что среди переводчиков встречаются такие имена, как Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Михаил Зенкевич, Дмитрий Мережковский.

Произведения Эдгара По получили известность в России в эпоху символизма, и именно на этот период приходится наибольшее число переводов поэмы "Ворон". Поэтому нам показалось целесообразным рассмотреть переводы этой поэмы трех крупных представителей символизма – Дмитрия Мережковского (1890), Константина Бальмонта (1894) и Валерия Брюсова (1915; 1924).

При проведении сопоставительного анализа переводов поэмы "Ворон" учитывались не только стилистические приемы, но и звуковой строй, рифма и рефрены, так как у Эдгара По и структура строфы, и рифмовка, и аллитерация не только оформляют содержание, но и сами несут определенный самостоятельный смысл, т.е. все внешние эффекты согласуются с содержанием и обусловлены им. Их цель – создание определенного настроения у читателей, так как основой сюжета поэмы является смена психологических состояний героя. Как пишет сам Эдгар По, "каждая из этих строк, взятая в отдельности, употреблялась и раньше, и та оригинальность, которой обладает "Ворон", заключается в их сочетании, образующем строфу, и в сочетании строф".

Рассмотрим стилистические особенности оригинала и способы их передачи на русский язык, найденные переводчиками.

Звуковой строй, рифма и рефрены

Все 18 строф оригинала объединены постоянной рифмой 6-й строки (nothing more, evermore, nevermore). Кроме того, с ней рифмуются 2-я и 4-я – 5-я строки. Все они оканчиваются на мужскую рифму [о:], которая служит мелодико-связующим элементом произведения. Благодаря этой рифме образуется единство всех 18 строф поэмы, что очень важно для сохранения целостности её восприятия. А ведь при переводе это единство разрушается естественным образом, так как невозможно подобрать в русском языке перевод для nothing more (больше ничего), рифмующийся с evermore (навсегда) и nevermore (никогда). Рассмотрим, как справились с этой задачей переводчики.

У Д. Мережковского 6 строф оканчиваются рефреном "больше ничего" и 11 строф – рефреном "никогда".

К. Бальмонт в фонетическом плане варьирует концовки I–VII строф (дней, ничего, ко мне, над ней), которые явно не рифмуются с "никогда". Но переводчик сохраняет время появления этого рефрена в конце VIII строфы.

В. Брюсов заканчивает 6 строф своего перевода рефреном "больше ничего", а 11 строф – рефреном "больше никогда". Следует отметить, что Брюсов нашел более точное лексическое соответствие английскому слову "nevermore" (больше никогда, никогда в будущем, никогда вовеки).

Повторы

Стихотворение "Ворон" содержит множество повторов. Рассмотрим повтор, перевод которого наиболее удался русским переводчикам.

Последняя строфа оригинала начинается словами: *And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting...* В этой строке прием повтора используется По, чтобы подчеркнуть недвижимость Ворона, который будет сидеть так бесконечно долго, напоминая лирическому герою о тщетности его надежд обрести счастье, о "сильной необратимости" времени.

Все переводчики находят способы передать это состояние лирического героя с помощью повторов. Д. Мережковский: *И сидит, сидит с тех пор он / Там над дверью чёрный Ворон ...* К. Бальмонт: *И сидит, сидит зловещий, Ворон черный, Ворон вещий...* Особенно выделяется вариант перевода этой строки В. Брюсовым, который находит решение, конгениальное оригиналу: *И как будто с бюстом слит он, все сидит он, все сидит он...* (сравните составные рифмы у Э. По в VI строфе: *that is / lattice / thereat is*). Повторяющееся "все сидит он, все сидит он" не только буквально, но и музыкально передает "still is sitting, still is sitting".

Аллитерация

У Эдгара По в I и II строках много сонорных (*upon, midnight, pondered, many, volume, ember, maiden, etc.*). Автор как бы подводит читателя к своей знаменитой строке: *And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain ...*, где звуковая форма и содержание настолько слились, что эта фраза служит классическим примером звукописи. Такое скопление свистящих в одной строке призвано дать читателю слуховое, физическое ощущение зловещего шелеста занавесок и пробудить в нем то же неясное чувство ужаса, которое вызвал он у героя.

Все переводчики, кроме Бальмонта, постарались передать зловещий тон этой строки, используя аллитерацию. Д. Мережковский: *... занавески шелк пурпурный / Шелестел...* В переводе В. Брюсова обращает внимание чередование шипящих и свистящих звуков, что наиболее адекватно соответствует аллитерации в строке Э. По: *Шелковистый и не резкий, шорох алой занавески ...* У К. Бальмонта свистящие и шуршащие элементы (*час, грезам, гость, ожидание, жаждал, прежних и т.д.*) заполнили две первые строфы, в III же строфе он не использует аллитерацию на шипящие или свистящие: *И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет...*

Метафора

5 строка XVII строфы содержит ключевую метафору, подводящую к символике стихотворения: *Take thy beak from out my heart*. Лирический герой хочет, чтобы Ворон вынул клюв из его сердца, чтобы освободил его от затянувшегося страдания.

Из трех рассматриваемых переводчиков только Д. Мережковский отказался от передачи данной метафоры. У него эта строка звучит так: *Из души моей твой образ / я исторгну навсегда!* Здесь потеряна не только форма выражения, но и мотив оригинала. Если герой По выдвигает требование, выполнение которого зависит от Ворона, то герой Мережковского использует угрозу, исполнение которой зависит от него самого.

К. Бальмонт несколько усиливает выражение оригинала, добавив эпитет "жесткий": *Вьнь свой жесткий клюв из сердца моего...* Вариант В. Брюсова также отличается точностью: *Прочь – из сердца клюв...*

Аллюзия

XV строфа оригинала заканчивается аллюзией – вопросом: *Is there – is there balm in Gilead?* Вопрос лирического героя отсылает читателя к ветхозаветному пророку

Иеремии, которому принадлежит фраза "Разве нет бальзама в Галааде?", что обозначает "разве нет исцеления?".

У всех рассматриваемых переводчиков лирический герой ищет не исцеления, а забвения, отдыха или мира. Д. Мережковский отказывается от передачи библейской образности: Будет ли ... / Сердцу отдых навсегда? У К. Бальмонта в XV строфе не только не передан мотив исцеления, но и повторяется мотив забвения, на котором построена предыдущая строфа: О скажи, найду ль забвенья, – я молю / Скажи, когда? Лирический герой В. Брюсова ищет мира, а не исцеления: В Галааде мир найду я? Обрету бальзам когда? Однако следует отметить, что Брюсов первым из русских переводчиков снял табу со слова "Галаад".

Таким образом, на основании проведенного сопоставительного анализа переводов поэмы Эдгара По "Ворон" можно сделать вывод, что всем переводчикам в той или иной степени удалось передать стилистические особенности оригинала. Однако каждый последующий перевод содержит новые, более адекватные способы передачи особенностей подлинника. Еще хотелось бы отметить, что для передачи приемов поэмы переводчиками были найдены различные способы, каждый из которых имеет право на существование.

В заключении необходимо подчеркнуть, что, хотя переводчики и добились значительных результатов при передаче стилистических особенностей поэмы Э. По "Ворон", никому из них не удалось создать текст, конгениальный оригиналу.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеев Георгий Валерьевич – кандидат юридических наук, ассистент кафедры социометрии.

Аль Ани Намир Махди – доктор философских наук, профессор кафедры философии.

Борисов Олег Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Деньгинова Ирина Гурьевна – ассистент кафедры культурологии.

Джалишвили Зураб Отарович – доктор философских наук, профессор, директор центра новых образовательных технологий Северо-Западной академии государственной службы.

Каменская Надежда Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории.

Коротков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой истории Санкт-Петербургского университета.

Кузнецова Вера Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социометрии.

Кузьмина Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, зав. кафедрой всемирной истории.

Лобастова Вера Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Любимов Геннадий Павлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Маркушевская Лариса Петровна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков.

Милославов Алексей Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Николаева Светлана Игоревна – старший преподаватель кафедры социометрии.

Новолодская Татьяна Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Ордина Полина Станиславовна – аспирант кафедры философии.

Орлова Любовь Яковлевна – доктор социологических наук, зав. кафедрой социометрии.

Пахомова Валерия Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков.

Роговой Юрий Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Русакова Людмила Михайловна – старший преподаватель кафедры социометрии.

Садовников Валерий Николаевич – кандидат философских наук, зав. кафедрой философии.

Свечникова Наталья Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Скопцов Владислав Владимирович – соискатель кафедры социометрии, директор юридической фирмы "Корпус-консалтинг".

Суханов Александр Степанович – сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого.

Ткачев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории.

Толстикова Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социометрии.

Ушаков Юрий Николаевич – старший преподаватель кафедры всемирной истории

Филичева Надежда Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Фомина Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, зав. кафедрой культурологии.

Чевагина Наталья Ивановна – старший преподаватель кафедры всемирной истории.

Шапошник Вячеслав Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1. ФИЛОСОФИЯ	5
Аль Ани Н.М. Закат «фаустовской» цивилизации в свете биокультурологической концепции техники О. Шпенглера	5
Лобастова В.А. Пределы психологизма.....	13
Любимов Г.П. Конфликт в контексте генезиса античной философии (античные модели)	17
Милославов А.С. Философско-методологические принципы логических моделей представления знаний.....	28
Новолодская Т.А. Проблемы генезиса знаний и смены его научных парадигм как предмет исследования философской науки	39
Ордина П.С. Логика практических модальностей.....	45
Роговой Ю.П. Некоторые методологические проблемы современной логики	50
Садовников В.Н. Ницше и Достоевский	55
2. ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВОВЕДЕНИЕ, СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	77
Алексеев Г.В. Правовое обеспечение информационной безопасности государства как элемента международных отношений.....	77
Алексеев Г.В. Международное вещание и информационная безопасность государств.....	84
Кузнецова В.В. Социологическое знание как инструмент творческого освоения социальной действительности	86
Николаева С.И. Понятие сущности как результат конститутивной работы сознания в феноменологии Э. Гуссерля.....	90
Николаева С.И. О соотношении феноменологического дискурса Э. Гуссерля с некоторыми иными дискурсами	95
Орлова Л.Я. Проблема политического лидерства в современной России: теория и практика.....	97
Орлова Л.Я. Электоральное поведение в современной России: факторы, мотивы	101
Русакова Л.М. Анализ «нацистского мифа» Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси.....	105
Скопцов В.В. Имущественная безопасность отношений обмена как предпосылка возникновения и развития гражданского общества.....	106
Скопцов В.В. О возможности либерализации процедуры взимания налогов	110
Тропов И.А. Особенности формирования системы власти и управления в России в 1917-1918 гг. (на примере создания ЦСУ).....	112
3. ИСТОРИЯ	124
Каменская Н.Е. Взгляды И.Канта на государство и современность.....	124
Коротков С.Н. Эмиграция Французской революции: причины, социальный состав	126

Коротков С.Н. Французская колония в Петергофе в XIX в. (по материалам архива французского посольства в Санкт-Петербурге)	128
Кузьмина О.В. К вопросу о государственной политике в отношении раскольников в России в первой половине XIX в.	130
Кузьмина О.В. К вопросу об исламском факторе в системе народного образования в России в первой половине XIX в.	133
Суханов А.С. Древняя Спарта как пример закрытого общества.....	135
Суханов А.С. Информационно-хронологическая таблица как вариант комплексной систематизации материала по истории цивилизации	138
Ткачев А.В. Вопрос о терроре в планах эсеров и анархистов накануне и в период первой мировой войны	139
Ткачев А.В. Документы охранки о русской эмиграции в период первой мировой войны	141
Ушаков Ю.Н. Русско-японские отношения накануне войны 1904-1905 гг.....	143
Чевакина Н.И. Государственная печать периода создания и укрепления Российского централизованного государства	145
Шапошник В.В. Вопрос о монастырском землевладении после отмены опричнины и приговор 1572 г.	147
4. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	151
Борисов О.С. Заметки о природе культурно-исторического процесса (дидактический аспект)	151
Борисов О.С. Понятие и практика корпоративной культуры.....	158
Фомина Н.Н., Джалишвили З.О., Борисов О.С., Свечникова Н.О., Толстикова И.И., Филичева Н.В., Деньгинова И.Г. Дидактическое построение культурологического знания в контексте информационных технологий	160
Толстикова И.И. Становление культурологии кризиса культуры	174
Толстикова И.И. Поиск основополагающих принципов новоевропейской культуры. К истории становления современной культурологической мысли.....	185
Филичева Н.В. Модерн (к вопросу о проблеме стиля).....	194
Фомина Н.Н. Культурологические аспекты корпоративной культуры	209
5. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.....	211
Маркушевская Л.П. Использование терминологической лексики в новеллистике Э. По	211
Пахомова В.В. Способы передачи стилистических особенностей оригинала при переводе (на материале переводов на русский язык поэмы Эдгара Алана По «Ворон»)	213
НАШИ АВТОРЫ.....	217

Научно-технический вестник СПб ГИТМО (ТУ). Выпуск 8.
Проблемы гуманитарных дисциплин / Под ред. С.Б. Смирнова. СПб: СПб
ГИТМО(ТУ), 2003. 221 с.

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
СПб ГИТМО (ТУ)
Выпуск 8
ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Редактор С.Б. Смирнов

Дизайн обложки В.А. Петров
Редакционно-издательский отдел СПб ГИТМО (ТУ)
Зав. РИО Н.Ф. Гусарова
Лицензия ИД № 00408 от 05.11.99.
Подписано в печать 25.05.03.
Заказ 701. Тираж 100 экз.